ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№7
2025

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.07.2025 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
Трудовая миграция и современная миграционная политика Российской Федерации. Высоцкий К.В. **4**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
Разнообразие определений феномена БРИКС в политологической литературе. Нестеров А.О. **9**
Французский лоббизм в ядерной энергетике. Тараканов О.Н. **13**
Строительство рационально-ответственного правительства в условиях иерархического порядка. Цинь Цзявэй **19**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
Особенности правового регулирования регионального парламентского контроля в Российской Федерации (на примере субъектов Сибирского федерального округа). Лобков А.В. **24**
Генезис законодательства, регламентирующего порядок приема в гражданство (предоставления гражданства) РФ. Постнова М.В. **29**
Основы административно-правового статуса трудовых мигрантов в Республике Казахстан. Хабдулин А.Б. **34**

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Проблемные вопросы нормативного правового регулирования проведения осмотра налоговым органом. Андрейчук Э.Ю. **39**
Коллизионное регулирование отношений с участием потребителей, возникающих в связи с оказанием платежных услуг по осуществлению трансграничных переводов электронных денежных средств. Болдашова А.А. **44**
Наследование исключительных прав на средства индивидуализации: особенности регулирования. Верхотуров М.Е., Долматов А.О. **49**
Наследование авторских и смежных прав: особенности регулирования. Верхотуров М.Е., Долматов А.О. **53**
Финансовый контроль в условиях экономических санкций. Жолинский Д.А. **67**
Налогообложение доходов от операций с цифровой валютой: правовое регулирование и практические аспекты. Кузнецов А.А. **72**
Общая характеристика трансграничных денежных обязательств. Кулешов Н.С. **77**
Особенности соотношения частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных платежных операций в Российской Федерации. Кулешов Н.С. **81**
Устав как форма корпоративного контроля. Семкина А.С. **88**
Значение принципа справедливости при рассмотрении дел о привлечении контролирующих лиц должника (кредитной организации) к субсидиарной ответственности. Ткаченко А.П. **92**
Совершенствование административно-правовых аспектов аренды государственного имущества. Фирсов М.В. **97**

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
Общая характеристика международных расчетных и платежных правоотношений в контексте развития инновационных финансовых технологий (Fintech). Болдашова А.А. **102**
Анализ глобальных возможностей и проблем международного транспортного коридора Север-Юг в связи с расширением состава членов БРИКС. Галкина А.С. **107**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: доктринальная нетривиальность определения предмета преступления. Агафонов А.В. **111**
Юридическая природа кибертерроризма: проблемы квалификации и доказательств. Асрумян А.К. **118**
Правовые основы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в интеграционных объединениях: опыт ЕС и вектор развития для ЕАЭС. Багдадян Л.О. **123**
Запрет производства экстремистских материалов и их распространения, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». Залиханова Л.И., Шогенова Ф.О. **129**
Преступник и его правовые характеристики в русском праве (XV-XVII вв.). Повалий С.И. **132**
Проблемы оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения. Малютин Е.А. **137**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА
Правовое регулирование подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям. Куровский С.В., Мишин Д.А., Осипов К.В. **142**
Правовые аспекты финансового права в условиях цифровизации экономики. Сорокин Н.А. **148**
Корпоративный договор как форма корпоративного контроля. Семкина А.С. **153**

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES
Labor migration and modern migration policy of the Russian Federation. Vysotsky K.V. **4**

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
Diversity of definitions of the BRICS phenomenon in political science literature. Nesterov A.O. **9**
French lobbying in nuclear energy. Tarakanov O.N. **13**
Construction of a rationally responsible government in the context of a hierarchical order. Qin Jiawei **19**

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY
Features of legal regulation of regional parliamentary control in the Russian Federation (on the example of the subjects of the Siberian Federal District). Lobkov A.V. **24**
Genesis of the legislation regulating the procedure for admission to citizenship (granting citizenship) of the Russian Federation. Postnova M.V. **29**
Fundamentals of the administrative and legal status of labor migrants in the Republic of Kazakhstan.
Khabdulin A.B. **34**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
Problematic issues of normative legal regulation of inspection by a tax authority. Andreychuk E.Yu. **39**
Conflict regulation of relations involving consumers arising in connection with the provision of payment services for the implementation of cross-border transfers of electronic funds.
Boldashova A.A. **44**
Inheritance of exclusive rights to means of individualization: features of regulation. Verkhoturov M.E.,
Dolmatov A.O. **49**
Inheritance of copyright and related rights: features of regulation. Verkhoturov M.E., Dolmatov A.O. **53**
Financial control under economic sanctions.
Zholinsky D.A. **67**
Taxation of income from transactions with digital currency: legal regulation and practical aspects.
Kuznetsov A.A. **72**
General characteristics of cross-border monetary obligations.
Kuleshov N.S. **77**
Features of the relationship between private and public law means in regulating cross-border payment transactions in the Russian Federation. Kuleshov N.S. **81**
Charter as a form of corporate control. Semkina A.S. **88**
The importance of the principle of fairness in considering cases on bringing controlling persons of the debtor (credit institution) to subsidiary liability. Tkachenko A.P. **92**
Improving the administrative and legal aspects of leasing state property. Firsov M.V. **97**

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES
General characteristics of international settlement and payment legal relations in the context of the development of innovative financial technologies (Fintech).
Boldashova A.A. **102**
Analysis of global opportunities and problems of the international North-South transport corridor in connection with the expansion of the BRICS members.
Galkina A.S. **107**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW
Inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: doctrinal non-triviality of determining the subject of the crime. Agafonov A.V. **111**
The legal nature of cyberterrorism: problems of qualification and evidence. Asrumyan A.K. **118**
Legal framework for combating money laundering and terrorist financing in integration associations: the EU experience and the development vector for the EAEU.
Baghdadyan L.O. **123**
Prohibition of production of extremist materials and their distribution, including on electronic media, as well as in information and telecommunication networks, including the Internet. Zalikhanov L.I., Shogenova F.O. **129**
Criminal and his legal characteristics in Russian law (15th-17th centuries). Povaliy S.I. **132**
Problems of circulation of firearms of limited destruction.
Malyutin E.A. **137**

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING
Legal regulation of connection of capital construction objects to engineering and technical communications.
Kurovsky S.V., Mishin D.A., Osipov K.V. **142**
Legal aspects of financial law in the context of digitalization of the economy. Sorokin N.A. **148**
Corporate agreement as a form of corporate control.
Semkina A.S. **153**

Трудовая миграция и современная миграционная политика Российской Федерации

Высоцкий Константин Владимирович
независимый исследователь

В настоящей научной работе автор кратко анализирует особенности влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие современной России. Проанализированы статистические показатели, предпосылки для актуализации в современной российской практике и внешней, и внутренней миграции. Отмечена высокая степень значимости для России внешних трудовых мигрантов, хотя в последний год ситуация в этом направлении несколько изменилась. Сделан вывод о том, что в реализации современной миграционной политики России важны законность, системность, этичность, высокий уровень контроля и надзора. Предполагается, что подобная тенденция сохранится и в обозримом будущем. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся вопросами влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие современной России в целом.

Ключевые слова: трудовая миграция, социально-экономическое развитие, современное состояние, макроэкономические показатели, общая характеристика

Высокую значимость в системе социально-экономического развития любого государства играет трудовая миграция. В теории под трудовой миграцией принято понимать такое перемещение трудоспособного населения страны, которое осуществляется как внутри государства, так и за его пределами – в связи с этим различают внутреннюю и внешнюю миграции. Ключевой целью производства таких перемещений выступает осуществление трудовой деятельности.

Таким образом, механизм трудовой миграции зависит от следующих составляющих:

– показатели трудоспособного населения;

– численность безработных;

– показатели рабочей силы в их гендерной, возрастной, иной градациях и т.д. [5]

Для экономики государства трудовая миграция выступает своеобразным практическим инструментом перераспределения трудовых ресурсов между государствами. Эксперты справедливо отмечают, что фактически именно показатели трудовой миграции дают оценить, насколько проблемным выступает для экономики государства дефицит рабочей силы.

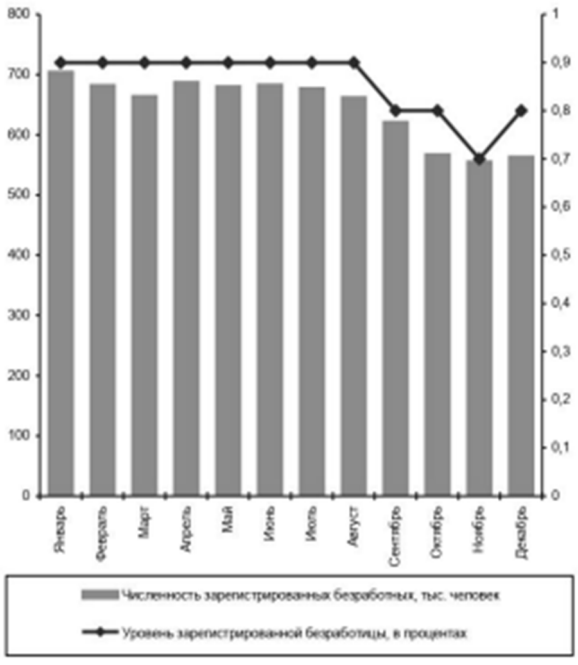

Рисунок 1 - Показатели численности безработных, зарегистрированных в органах занятости населения, и уровень зарегистрированной безработицы (по данным Росстата, 2023 г.)

Развитие внешней и внутренней трудовой миграции актуально для большинства развитых зарубежных стран – к примеру, это касается стран Европы

(Испания, Франция, Германия), США, Азии (Саудовская Аравия, Катар) и других, в т.ч. и современной России.

Статистические данные показывают, что сегодня трудовая миграция на территории России, во-первых, достаточно развита, во-вторых, для этого имеются все необходимые предпосылки. Так, на рисунке 1 мы можем наблюдать примерно стабильный уровень фиксированной безработицы, причем относительно ровным эти показатели выступают и на незарегистрированном уровне (рисунок 1).

Эксперты отмечают, что наибольший процент свободных рабочих мест можно наблюдать в таких отраслях экономики как строительство, в т.ч. дорожное строительство, сфера оказания услуг (клининг, общественное питание, доставка), иные. Если говорить о распределении процента свободных вакансий

в более высоких по уровню квалификации областях экономики, то это традиционно сферы образования, здравоохранения, иные [4; 7].

Другие статистические данные свидетельствуют о том, что в числе трудоспособного населения сегодня преобладает мужское население, однако эти показатели превышают женскую занятость незначительно. Также необходимо более тщательно анализировать особенности возрастной градации: так, к примеру, для большинства женщин возраста 23-37 лет данный период является трудоспособным лишь формально, фактически в это время многие находятся в отпусках – декретном или по уходу за ребенком. Также необходимо учитывать, что женщины раньше выходят на пенсию. Тем не менее, с учетом этих особенностей, уровень участия мужского и женского населения в составе рабочей силы по возрастным группам можно представить следующим образом (рисунок 2).

В общем и целом, приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в современной России существуют все необходимые предпосылки для развития внутренней трудовой миграции. Кроме того, высокую значимость имеет также и внешняя миграция. Так, по данным Росстата, ежегодно общая численность трудовых мигрантов, прибывших в страну именно с целью трудоустройства, составляет порядка 6-12 млн человек. Традиционно наивысший процент внешних мигрантов прибывает из стран бывшего СССР – Армении, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Беларуси и Украины [8].

Таким образом, статистика подтверждает, что сегодня трудовая миграция – как внутренняя, так и внешняя – является для российского рынка труда значимым явлением. Теперь рассмотрим, каким же образом трудовая миграция влияет на социально-экономическое развитие.

Прежде всего, с помощью иностранных трудовых мигрантов вполне эффективно «закрываются» проблемные места в некоторых отраслях экономики. Собственно, этому вторит приведенный выше тезис о том, что иностранные мигранты в России имеют наибольшую занятость в определенных секторах экономики. С одной стороны, это плюс, однако одновременно такой высокий процент привлечения внешних трудовых мигрантов не позволяет качественно

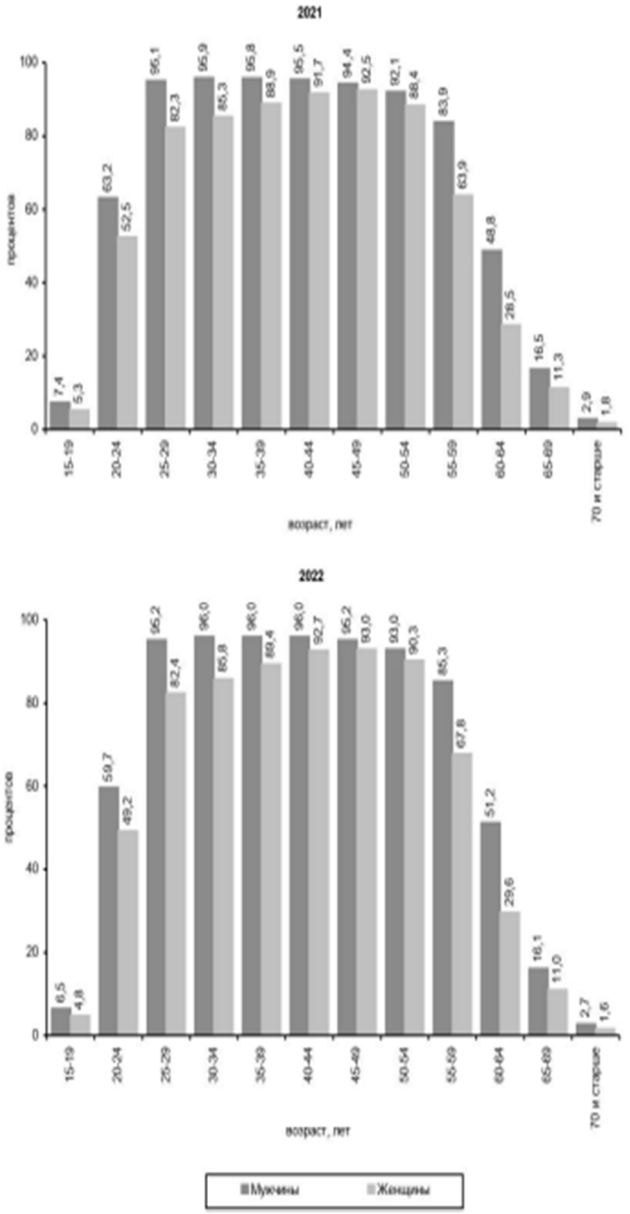

Рисунок 2. Уровень участия мужского и женского населения в составе рабочей силы по возрастным группам (по данным Росстата, 2021-2022 гг.)

трудоустраивать собственных работников. В результате вакантные места «закрываются» иностранной рабочей силы, а уровень собственной безработицы в государстве продолжает оставаться высоким [2]. И здесь сложно найти одномоментный выход, ведь отказ от иностранных мигрантов вовсе не означает, что российские граждане будут трудоустроены на их места. В большинстве случаев это не происходит, поскольку вакантные должности по каким-либо характеристикам не подходят потенциальным соискателям, либо наоборот. Поэтому панацеей сокращение иностранных трудовых мигрантов не выступает, скорее – наоборот, это вновь приведет к проблеме отсутствия рабочей силы в ряде сек-

торов экономики, что, собственно, и можно наблюдать в настоящее время.

Во-вторых, трудовая миграция может серьезно усложнять ситуацию с социальным расслоением и стратификацией. Рассмотрим приведенный выше пример. Эксперты справедливо отмечают: к иностранным трудовым мигрантам в России сложилось крайне неоднозначное отношение. В большинстве случаев такие специалисты заняты на низкооплачиваемых должностях, не требующих высокой квалификации, имеют значительный объем занятости либо вовсе выполняют тяжелый физический труд [7]. На практике дискриминация и непримиримость могут наблюдаться даже в отношениях иностранных мигрантов и российских граждан, фактически занимающих должности одинакового уровня. В общем и целом, в современном российском обществе уже установились определенные стереотипы в отношении внешних трудовых мигрантов, бороться с которыми на практике крайне сложно.

В-третьих, фактически любая отрасль в региональной экономической системе может быть подвержена негативному влиянию внутренней миграции, которая способна привести к дефициту кадров. К примеру, серьезные кадровые проблемы наблюдаются в Республике Удмуртия, где уже несколько лет показатели оттока населения крайне высокие, причем это перемещение осуществляется в соседние регионы Приволжского федерального округа – например, Республики Татарстан. В первом случае причинами оттока

выступают, в частности, недостаточно качественный уровень социально экономического развития, удовлетворения потребностей населения, социальной инфраструктуры и т.д. Нельзя этого сказать о Республике Татарстан, которая отличается высоким уровнем качества жизни, развития городской инфраструктуры, а город-спутник Казани Иннополис и вовсе выступает одним из наиболее высокотехнологичных муниципалитетов государства [3; 10]. Территориальная близость двух субъектов упрощает процесс трудовой миграции и одновременно усложняет социально-экономическое положение обоих регионов округа. Подобную ситуацию можно наблюдать и в других субъектах РФ.

Еще один последующий процесс – это развитие нелегальной миграции. Для современной российской практики такое явление не характерно в значительной степени, наблюдается лишь точечно, однако более яркие проявления можно наблюдать в зарубежной практике. Так, к примеру, для стран ЕС серьезной проблемой выступает приток мигрантов из азиатских стран, в связи с чем многие европейские государства и вовсе закрывают свои границы, оставляя возможность для реализации миграционных процессов крайне незначительному проценту граждан. Для США по-прежнему проблемным выступает нелегальный миграционный процесс, происходящий на границе с Мексикой, что в результате привело даже к дискуссии о необходимости строительства стены между двумя соседствующими государствами. Благо, для российской практики проблема нелегальной миграции на данный момент не стоит настолько остро – полагаем, в обозримом будущем ее обострение также не прогнозируется.

Таким образом, на основании изложенного можно выделить преимущества и недостатки влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие современной России. Среди преимуществ, в частности, отметим следующие:

– сокращение проблемы занятости в целом, возможность «закрыть» проблемные вакантные места и сектора экономики – в большинстве случаев за счет внешних трудовых мигрантов [4];

– стимулирование общего уровня роста экономики, причем это касается как региональных экономических систем, так и всей экономики государства в целом;

– возможность экономии ресурсов за счет привлечения иностранной дешевой рабочей силы, а также молодых специалистов, еще не обладающих достаточными уровнем квалификации и опытом профессиональной деятельности;

– иное [6].

Перечисленные факторы способствуют тому, что трудовая миграция приобрела высокую значимость как элемент развития социально-экономической ситуации в государстве, стала важным инструментом мониторинга, показателем эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти. Кроме того, на показатели трудовой миграции законодатель вполне имеет право рассчитывать при разработке инструментов совершенствования государственной политики в области труда и занятости, при создании новых программ и проектов.

Тем не менее, параллельно с указанными выше преимуществами мы можем наблюдать также и ряд существенных недостатков, а именно следующие [6]:

– проблема роста нелегальной трудовой миграции, характерная для российской практики, правда, лишь точечно, которая в итоге может привести, соответственно, к росту теневой экономики, развитию коррупционной составляющей и т.д.;

– повышение социального расслоения, социальной стратификации общества;

– возникновение этнических, национальных, иных конфликтов, в т.ч. на религиозной почве;

– снижение показателей конкурентной заработной платы в отдельных секторах экономики, где актуально привлечение иностранной дешевой рабочей силы;

– иные [8].

В конечном итоге, мы можем наблюдать, что трудовая миграция для современного развитого государства вполне может стать эффективным инструментом совершенствования всего рынка труда и занятости в целом. Однако для этого его необходимо грамотно использовать, и особенно это касается правильной корректировки работы с иностранными мигрантами. Очевидно, что это направление государственной политики требует, с одной стороны, применения принципов толерантности, отсутствия дискриминации, системности, законности, однако параллельно важно обеспечивать максимально высокий уровень контроля и надзора.

Именно поэтому в число задач внешней политики РФ входит борьба с нелегальной миграцией, предполагающая международное сотрудничество по решению данной проблемы. Для наиболее эффективной реализации миграционной политики в России в настоящее время действует соответствующая Концепция.

Таким образом, далее обозначим ключевые результаты представленного выше научного исследования.

Миграция населения – это сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям социальный процесс, тесно связанный с изменением экономической структуры и размещением производительных сил, с ростом социальной и трудовой мобильности населения. Миграция оставляет значительный след в мировой и национальной экономике, и потому рассматривается как глобальным драйвер развития.

Следует отметить, что для любого современного развитого государства трудовая миграция имеет стратегически важное значение для экономики, однако такое влияние одновременно может быть и положительным, и отрицательным [3]. В частности, если речь идет о преимуществах грамотной работы с трудовой миграцией, то в исследовании выделены следующие:

– стимулирование общего уровня роста экономики, причем это касается как региональных экономических систем, так и всей экономики государства в целом;

– возможность экономии ресурсов за счет привлечения иностранной дешевой рабочей силы, а также молодых специалистов, еще не обладающих достаточными уровнем квалификации и опытом профессиональной деятельности;

– иное.

Параллельно в статье отмечаются и существенные недостатки, к которым вполне может привести неграмотное управление трудовой миграцией, отказ от учета ее характерных особенностей, слабая контрольно-надзорная функция в данной отрасли:

– возникновение этнических, национальных, иных конфликтов, в т.ч. на религиозной почве;

– снижение показателей конкурентной заработной платы в отдельных секторах экономики, где актуально привлечение иностранной дешевой рабочей силы;

– иные.

Отмечается, что для современной России характерным выступают как внешняя, так и внутренняя миграция, для чего существуют необходимые предпосылки – данный тезис подтверждается также приведенными в научной статье статистическими данными.

Современная миграционная политики России отличается приверженностью к внешним трудовым мигрантам из стран Ближнего Зарубежья, хотя в последний год подобная тенденция все острее критикуется со стороны государственной власти России [1]. Также мы можем наблюдать и высокие показатели внутренней трудовой миграции, особенно это характерно для регионов, обладающих либо высоким, либо низким уровнем социально-экономического развития. Примеры подобной тенденции также приведены в настоящем исследовании.

Иными словами, можно отметить, что влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие современной России в настоящее время весьма значительное, и подобная практика вполне реальна к реализации в дальнейшем.

Литература

1. Боровицкая, М.В., Петров, А.М. К вопросу социально демографической ситуации в Российской Федерации // Экономические науки. – 2022. – № 211. – С. 189-198.

2. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте: Серия докладов об экономических исследованиях [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/131869/wp_khab_dec.pdf

3. Карцева, М.А. и др. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/07/issledovaniya-svyazi migratsii-i-regionalnogo-razvitiya.pdf

4. Колесникова, О.А. и др. Современные тренды внешней трудовой миграции и их влияние на политику занятости // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – № 15. – С. 111-122.

5. Литяйкина, А.И., Репникова, К.А. Влияние миграционных процессов на развитие экономики страны // Контентус. – 2022. – № 10. – С. 45-54. 6. Меленькина, С.А., Ужегов, А.О. Социально-экономическое развитие столичных городов РФ: вопросы оценки // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – № 9. – С. 164-172.

7. Национальные экосистемы: сборник научных трудов по итогам проведения I–III Международных научно-практических конференций / под ред.

С. Н. Орлова, О. Е. Васильевой. – Курган: Изд- во Курганского гос. ун-та, 2023. [Электронное издание]. – URL: http://dspace.kgsu.ru/ xmlui

8. Петрушина, О.В. и др. Влияние урбанизации на социально экономическое развитие региона // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2023. – № 5. – С. 11-19.

9. Ткаченко, И.К. и др. Кластерный анализ межрегиональной трудовой миграции и социально-экономического развития российской экономики // Современные технологии управления. – 2023. – № 6. – С. 64-72.

10. Цяньжон, Ц. Влияние миграции на демографическую безопасность России // Социология. – 2024. – № 11. – С. 199-127.

Selected issues of the impact of labor migration on the social and economic development of the Russian Federation

Vysotskiy K.V.

In this scientific work, the author briefly analyzes the features of the influence of labor migration on the socio-economic development of modern Russia. Statistical indicators, prerequisites for updating both external and internal migration in modern Russian practice are analyzed. A high degree of significance for Russia of external labor migrants is noted, although in the last year the situation in this area has changed somewhat. It is concluded

that legality, consistency, ethics, a high level of control and supervision are important in the implementation of modern migration policy in Russia. It is assumed that this trend will continue in the foreseeable future. This scientific article will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanitarian and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the issues of the influence of labor migration on the socio-economic development of modern Russia as a whole.

Keywords: labor migration, socio-economic development, current state, macroeconomic indicators, general characteristics

References

1. Borovitskaya, M.V., Petrov, A.M. On the issue of the socio-demographic situation in the Russian Federation // Economic sciences. - 2022. - No. 211. - P. 189-198.
2. The impact of migration flows on economic activity and the labor market of Russia as a whole and in the regional aspect: A series of reports on economic research [Electronic resource] - Access mode: - URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/131869/wp_khab_dec.pdf
3. Kartseva, M.A. and others. Migration in Russia and the socio-economic development of regions: analysis of mutual influence [Electronic resource] – Access mode: – URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/07/issledovaniya-svyazi migratsii-i-regionalnogo-razvitiya.pdf
4. Kolesnikova, O. A. et al. Modern trends in external labor migration and their impact on employment policy // Region: systems, economics, management. – 2024. – No. 15. – P. 111-122.
5. Lityaykina, A. I., Repnikova, K. A. The impact of migration processes on the development of the country's economy // Contentus. – 2022. – No. 10. – P. 45-54. 6. Melenkina, S. A., Uzhegov, A. O. Socio-economic development of the capital cities of the Russian Federation: assessment issues // Bulletin of Surgut State University. - 2024. - No. 9. - P. 164-172.
7. National ecosystems: collection of scientific papers following the results of the I-III International scientific and practical conferences / edited by S. N. Orlov, O. E. Vasilyeva. - Kurgan: Publishing house of Kurgan State University, 2023. [Electronic publication]. - URL: http://dspace.kgsu.ru/xmlui
8. Petrushina, O. V. et al. The impact of urbanization on the socio-economic development of the region // International Agricultural Journal. - 2023. - No. 5. - P. 11-19.
9. Tkachenko, I. K. et al. Cluster analysis of interregional labor migration and socio-economic development of the Russian economy // Modern management technologies. – 2023. – No. 6. – P. 64-72.
10. Qianzhong, C. The Impact of Migration on Russia's Demographic Security // Sociology. – 2024. – No. 11. – P. 199-127.

Разнообразие определений феномена БРИКС в политологической литературе

Нестеров Андрей Олегович
соискатель, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет, russia-help@mail.ru

В статье исследуется проблема терминологического разнообразия в определении феномена БРИКС в политологической литературе. Автор анализирует существующие подходы к классификации БРИКС, выделяя такие ключевые термины, как «объединение», «группа», «организация» и «квазиорганизация». Особое внимание уделяется лингвистической неоднозначности этих понятий, а также их соответствию институциональной природе БРИКС, сочетающей черты как формального, так и неформального межгосударственного взаимодействия.
На основе анализа российских и зарубежных исследований, официальных документов и выступлений политиков автор приходит к выводу об отсутствии единого системного подхода к определению БРИКС. В работе критически оцениваются такие термины, как «международная квазиорганизация» и «транснациональная организация», и обосновывается предпочтительность термина «объединение» (на русском) и «grouping» (на английском) как отражающих сущность БРИКС - международной организации нового типа.
Ключевые слова: БРИКС, объединение, организация, группа, терминология.

БРИКС является международной организацией нового типа – неформальным объединением государств, без формальных организационных структур и принятия обязательных к исполнению решений. В политологической литературе недостает аналитических материалов относительно таких неформальных объединений, как нет и единства мнений относительно определения феномена БРИКС. По этой причине автор считает необходимым проанализировать существующие подходы к определению БРИКС и остановиться на наиболее оптимальном из них.

Следует остановиться на теоретических положениях, связанных с международными объединениями. Прежде всего, лингвистический анализ понятий «альянс», «группа», «группировка», «коалиция», «образование», «объединение», «организация» показывает зачастую отсутствие четкого разграничения между этими терминами. Так, в толковом словаре Ожегова термин «альянс» определяется как «союз, объединение» [11], термин «ассоциация» имеет сходное определение: как «объединение лиц или учреждений одного рода деятельности» [11], не отмечается различий между терминами «группировка» и «группа», так как группировка определена как «группа, объединение» [11], не проводится различия между терминами «объединение» и «организация», так как «объединение» определяется как «организация, общество» [11], а «организация» определяется как «общественное объединение или государственное учреждение. Всемирная торговая о. Профсоюзная о» [11]. В словаре Ожегова не проводится разграничений между терминами «коалиция» и «союз», так как «коалиция» определяется как «объединение, союз (государств, партий) для достижения общей цели» [11], и терминами «союз» и «организация», так как «союз» определяется как общественное объединение, организация [11].

Терминам «образование» и «группа» в словаре Ожегова дано расплывчатое определение, термин «образование» определен как происходящий от глагола образовать, означающий «создать, организовать», то есть имеющий значение «то, что создано, организовано» [11], термин «группа» - как «совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности, а также совокупность предметов, объединенных общностью признаков» [11].

В период становления современной системы международных организаций, UNESCO предприняла попытку исследовать вопросы, относящиеся к определению международных организаций и их деятельности, но исследование задало больше вопросов, чем получило ответов. Исследование предложило классификацию международных организаций

по принципам ограниченности членства в этих организациях какими-либо критериями (географическим, экономическим, социальным или культурным) и по наличию у международных организаций определенных целей (связанных с безопасностью, экономических или социальных и культурных) или общих целей [13].

При этом не существует четких теоретических положений, касающихся того, какое международным объединение является международной организацией, а какое - нет. М.М Лебедева отмечает, что «межправительственные организации предполагают институциализацию (в том числе наличие штаб-квартиры, аппарата и т.п.) и создание механизмов реализации своих целей» [9, с. 48].

Между тем, как известно из практики существования международных организаций, не все из них имеют Устав, например, ОБСЕ функционирует без устава. Почти у всех международных организаций присутствуют штаб-квартиры, но после учреждения в 2015-2016 году Нового банка развития со штаб-квартирой в Шанхае, БРИКС отчасти соответствует данному критерию.

В условиях отсутствия достаточной теоретической проработки вопроса определений и отличий терминов, обозначающих различные международные объединения, будет уместно обратиться к существующим исследованиям, а также проанализировать, какие термины используются для определения тех или иных существующих сегодня международных объединений.

Термин «организация» используется в названиях ООН, ОБСЕ, Международной Организации Труда, Всемирной Организации Здравоохранения, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), термин «союз» применяется в отношении Европейского Союза, «содружество» - в отношении Содружества Независимых Государств, Содружества Наций (Британского Содружества), термин «совет»

используется в отношении Совета Европы, термин «сообщество» используется в отношении Евразийского экономического сообщества, «лига» - в отношении Лиги Арабских Государств. Сходное с БРИКС объединение Индии, Бразилии и ЮАР – IBSA - именуется как «диалоговый форум».

В отношении обозначения ряда международных организаций принято использовать несколько терминов. Так, СМИ называют НАТО «блок» либо «североатлантический альянс».

Остановимся на том, какие определения феномену БРИКС дают исследователи в политологической литературе. В начале существования БРИК как международного объединения, ученые зачастую воздерживались от того, чтобы давать определения этой организации. Так, один из виднейших исследователей БРИКС В.М Давыдов в докладе «Перспективы БРИК и некоторые вопросы формирования многополярного мира» называет БРИК просто «четверкой» [5, с. 33].

В 2009 году Институт Латинской Америки Российской Академии Наук предложил в отношении БРИК определение «группа», озвучив его на организованной совместно с Российским университетом дружбы народов международной конференции «Россия в группе БРИК: проблемы, перспективы, проекция на внешний мир». Большинство участников конференции, в том числе заместитель директора ИЛА РАН Б.Ф. Мартынов, директор Центра иберийских исследований ИЛА РАН П.П. Яковлев, придерживались в отношении БРИК определения «группа», но некоторые участники давали БРИК другие определения. Заместитель министра иностранных дел РФ С.А. Рябков использовал термин «объединение», подчеркнув, что входящие в него страны «как никто другой, вносят вклад в формирование абсолютно новой парадигмы экономического развития и экономического взаимодействия в глобальном масштабе» [6, с. 12]. При этом С.А. Рябков также использует определение «группа» [6, с. 34].

Термин «группировка» применительно к БРИКС также используют в своем совместном докладе профессор Католического университета Бразилиа А. Марченко и преподаватель того же университета В. Марченко [6, с. 105]. Заведующий Центром проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН В.Г. Хорос называет БРИК «квартетом» [6, с. 155].

В.М. Давыдов также называет БРИК «коалиционной группировкой», «объединенной стремлением совместно решать ряд стратегических задач, имеющих значение и для мирового сообщества в целом» [4, с. 7].

В одной из коллективных монографий 2014 года ученых Института Латинской Америки РАН «БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие» приводятся следующие определения БРИКС: «объединение» [4, с. 7], «группировка» [4, с. 126]. В коллективной монографии Института экономики РАН 2014 года «Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС» используется термин «объединение» [2, с. 199].

А.В. Торкунов в учебном пособии «Международные отношения» определяет БРИКС как макрорегион, определяя данное понятие как «объединение «старых регионов» в макрорегиональные комплексы (макрорегионализация), начальным этапом которого является региональная интеграция, прежде всего экономическая, а потом и политическая» [12, с. 109-110].

В официальных документах превалирует определение БРИКС как «объединение» либо термин «объединение» в различных словосочетаниях, таких как «неформальное межгосударственное объединение». Так, в «Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС» используется термин «объединение» [7]. При этом в английской версии «Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС» используется термин association (ассоциация) [7].

Заведующий отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН Н.А. Косолапов отмечает, что БРИКС «занимает специфическое

место в мировой политике и международных отношениях. Это межгосударственное образование, но не союз государств, не интеграционное объединение и не международная организация» [2]. Ученый дает следующее объяснение своему определению БРИКС: «В группе нет формального членства, устава, критериев принятия новых желающих (если такие появятся). Ряд ее участников разделяют немалые расстояния и океаны, а двое до сих пор номинально находятся в состоянии войны друг с другом. Экономики пяти государств лишь в отдельных случаях и сферах, и то с натяжкой, могут быть признаны взаимодополняющими. О группе говорят, как о субъекте мировой политики, ее участники входят в «двадцатку» и приглашаются на саммиты «восьмерки», БРИКС периодически выступает с общеполитическими декларациями. Однако в практических вопросах каждая из стран действует самостоятельно, в собственных интересах (иногда расходящихся с интересами других участников «пятерки») и от своего имени» [2].

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф.А. Лукьянов использует в отношении БРИКС термин «объединение» [10].

Порой ученые приходят к совершенно противоположным выводам об определении феномена БРИКС. Так, В.М. Давыдов высказывает мнение, что формулировка, что БРИКС есть «неформальное объединение», несколько уничижительная. Надо ведь помнить, что многие весьма авторитетные организации, такие как «Большая семерка», как сама же «двадцатка» по существу, тоже неформальные организации. И, может быть, на первоначальном этапе это и разумно, дает какую-то гибкость, возможность предпринять необходимый поиск, и в процессе такого поиска найти ту модель, которая будет адекватна этой организации, странам-членам, тенденциям в мировой политике и, может быть, в мировой экономике [3]. Также ученый отмечал, что «если обратить внимание на совместный проект Нового банка развития БРИКС, то в этом случае формулировка «неформальная организация» сама собой исчезнет. Банк развития не может быть неформальным. Это будет та ячейка, то ядро, которое приведет эту организацию в порт институционализации. И тогда эта организация сможет полнокровно работать. То есть возникнет основа для того, чтобы и по остальным направлениям иметь, в конечном итоге, полноформатный механизм взаимодействия» [3].

А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцев называют БРИКС «международной квазиорганизацией» [1]. По их мнению, «БРИКС не является международной межправительственной организацией, в ее основе не лежит учредительный договор, у БРИКС нет штаб-квартиры, секретариата, бюджета и т.д. БРИКС представляет собой современную форму институционального международного сотрудничества и стоит в одном ряду с Большой Восьмеркой, Группой 77, Арктическим советом» [1].

А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцев указывают на то, что «международные организации, не обладающие всеми признаками международной межправительственной организации принято называть неформальными международными учреждениями, международными квазиорганизациями (от греч. «квази» – псевдо) или т.н. параорганизациями (от греч. «пара» – схожий,

подобный), к которым можно отнести Арктический Совет, «Большую Восьмерку» («Группу Восьми»), Группу 77, Парижский клуб государств-кредиторов, неправительственный Лондонский клуб коммерческих банков, кредитующих государства и др. Квазиорганизации принципиально отличаются от международных организаций тем, что юридически не наделяются правосубъектностью (правоспособностью), функционируют хотя и с определенным составом членов, но обычно без учредительных актов, не имеют формализованной организационной структуры, не обладают правом принятия юридически квалифицированных, обязывающих решений»[1]. Ученые дают определение международной квазиорганизации «как неформального объединения, подобного международной организации, но не являющегося таковой, не обладающего правосубъектными и правотворческими свойствами и явственными институционными качествами» и делают вывод, что «БРИКС по своим признакам можно отнести к международной квазиорганизации» [1].

По мнению автора, термин «международная квазиорганизация» не подходит для БРИКС в силу лингвистической коннотации приставки «квази» как «лже», что подразумевает искажение истины, обман, в итоге создавая не соответствующую действительности репутацию БРИКС [11]. Термин «параорганизация» более близок к реальности, но, по мнению автора, данный термин неудобен в силу лингвистических особенностей - это англицизм, не имеющий прямого аналога в русском языке.

Нельзя называть БРИКС и «транснациональной» организацией. Если следовать определению признанных экспертов в сфере международных отношений Р. Кеохане и Дж. Ная, «транснациональное взаимодействие» описывает движение материальных или нематериальных элементов через границы государств, когда по крайней мере не является агентом правительства или межправительственной организации» [14], между тем, все участники БРИКС представлены правительствами и политическими лидерами государств.

Многие зарубежные ученые стран дают в отношении БРИКС определение «grouping» [15, с. 2228].

В итоге, проанализировав многообразие определений феномена БРИКС в политологической литературе, в прессе и среди политиков, автор пришел к выводу об отсутствии системного подхода к определению БРИКС. Русскоязычные источники чаще всего используют в отношении БРИКС термины «объединение», «группировка» и «группа», в то время как в источниках на английском языке в отношении БРИКС наиболее часто употребляются термины grouping (группировка, объединение), block (блок) и alliance (альянс).

По мнению автора, для определения феномена БРИКС наиболее уместен термин «объединение» на русском языке и grouping на английском, который

сочетает в себе простоту для общеупотребительного использования, соответствие сути БРИКС как межгосударственного института, участники которых объединены общими интересами и ценностями, и согласованность русской и английской версий.

Заслуживает дальнейшего исследования вопрос, правомерно ли относить БРИКС к международным организациям или же в силу отсутствия у БРИКС штаб-квартиры, учредительного договора и аппарата БРИКС нельзя определять как организацию. По мнению автора, в силу того, что, как установили эксперты UNESCO, «международные организации являются «институтами, которые продолжают развиваются; безусловно возможны их новые формы и применения» [13, с. 9], БРИКС можно отнести к международным организациям нового типа, основанным на гибких принципах сетевой дипломатии и многостороннего сотрудничества.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. БРИКС – международная квазиорганизация? URL: http://www.intlaw-rudn.com/files/research/books/2012brics-cont (дата обращения: 27.07.2025).
2. Глинкина С.П. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС. М., 2014.
3. Давыдов В. М. БРИКС без «розовых очков». URL: http://pitfond.ru/wp-content/uploads/2014/11/%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1-2015.pdf (дата обращения: 27.07.2025).
4. Давыдов В.М. БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. М., 2014.
5. Давыдов В.М. Перспективы БРИК и некоторые вопросы формирования многополярного мира. М., 2008.
6. Давыдов В.М., Мосейкин Ю.Н. БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. М., 2010.
7. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. URL: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf (дата обращения: 27.07.2025).
8. Косолапов Н.А. Прообраз посткапитализма. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Proobraz-postkapitalizma-15869 (дата обращения: 27.07.2025).
9. Лебедева М.М. Мировая политика.- М. 2013.
10. Лукьянов Ф.А. Мультивселенная БРИКСа. URL: https://rg.ru/2024/10/25/ne-antimir-no-multivselennaia.html?ysclid=mdlsmusa3e506786085 (дата обращения: 27.07.2025).
11. Словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 27.07.2025).
12. Торкунов А.В. Современные международные отношения. М., 2013.
13. Jacobson H. Draft Outline of Part III of the Study for Discussion. UNESCO. International Expert Meeting on the Study of the Role of International organizations in the Contemporary World. 15-19 March 1976.
14. Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics. International Organizations, 25, 3, Summer 1971.
15. Wolhuter, C. (2023). Iran laying the capstone brick for a BRICS grouping of countries: New horizons for comparative and international education. Iranian Journal of Comparative Education, 6(1).

Diversity of definitions of BRICS phenomenon in political science literature

Nesterov A.O.
St. Petersburg State University

The article explores the problem of terminological diversity in defining BRICS phenomenon in political science literature. The author analyzes the existing approaches to the classification of BRICS, highlighting key terms such as "association," "group," "organization," and "quasi-organization." Special attention is paid to the linguistic ambiguity of these concepts, as well as their correspondence to the institutional nature of BRICS, which combines elements of both formal and informal interstate cooperation. Based on the analysis of Russian and foreign research papers, official documents, and speeches by politicians, the author concludes that there is no unified systematic approach to defining BRICS. The paper critically evaluates some terms such as "international quasi-organization" and "transnational organization" and argues for the preference of the term "union" (in Russian) and "grouping" (in English) as reflecting the essence of BRICS as a new type of international organization.

Keywords: BRICS, grouping, organization, group, terminology.

References

1. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. BRICS – international quazi-organization? URL: http://www.intlaw-rudn.com/files/research/books/2012brics-cont (access date: 27.07.2025).
2. Glinkina S.P. New direction of Russian foreign and foreign economic policy - interaction in BRICS. M., 2014.
3. Davydov V. M. BRICS without rose-colored glasses. URL: http://pitfond.ru/wp-content/uploads/2014/11/%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1-2015.pdf (access date: 27.07.2025).
4. Davydov V.M. BRICS – Latin America: Positioning and interaction. M., 2014.
5. Davydov V.M. Prospects of BRIC and some issues of multipolar world formation. M., 2008.
6. Davydov V.M., Moseikin Yu.N. BRIC: Preconditions for rapprochement and prospects of interaction. M., 2010.
7. Concept of participation of the Russian Federation in BRICS association. URL: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf (access date: 27.07.2025).
8. Kosolapov N.A. Prototype of postcapitalism. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Proobraz-postkapitalizma-15869 (access date: 27.07.2025).
9. Lebedeva M.M. World Politics.- M. 2013.
10. Lukyanov F.A. Multiunoiverse of BRICS. URL: https://rg.ru/2024/10/25/ne-antimir-no-multivselennaia.html?ysclid=mdlsmusa3e506786085 (access date: 27.07.2025).
11. Ozhegov's explanatory dictionary. URL: https://slovarozhegova.ru/ (access date: 27.07.2025).
12. Torkunov A.B. Contemporary international relations. M., 2013.
13. Jacobson H. Draft Outline of Part III of the Study for Discussion. UNESCO. International Expert Meeting on the Study of the Role of International organizations in the Contemporary World. 15-19 March 1976.
14. Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics. International Organizations, 25, 3, Summer 1971.
15. Wolhuter, C. (2023). Iran laying the capstone brick for a BRICS grouping of countries: New horizons for comparative and international education. Iranian Journal of Comparative Education, 6 (1).

Французский лоббизм в ядерной энергетике

Тараканов Олег Николаевич
аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 89202534176@yandex.ru

Системный подход, как «русская матрешка» может включать в себя систему, состоящую из других систем бесконечное количество раз. Лоббист – физическое лицо, является сотрудником лоббистской организации, осуществляющей свою деятельность в административной единице государства, административная единица в лице своих органов лоббирует свои интересы на государственном уровне, а государство в свою очередь лоббирует свои интересы на надгосударственном уровне.
Франция является одним из учредителей Европейского Союза, но являясь самостоятельным и «мощным» государством, входящей в «ядерный клуб», имеет равные права с 27 государствами, входящими в Европейский Союз. Как реализовать свои права на уровне ЕС, соответствующие своей мощи и защитить свои национальные интересы, являясь ядерной державой. Насилие и принуждение по классической схеме реализма – невозможно, в статье 2 договора о Европейском Союзе закреплён принцип равенства как одна из ценностей, на которых основан Союз.
Имея в своем законодательстве нормативное регулирование лоббизма, Французская республика сама является лоббистом своих интересов в Европейском Союзе, продвигая свои интересы на грани нарушения законодательство ЕС. Реализации Францией ядерной энергетики внутри и вовне государства, и связанные с этим противоречия, посвящена данная статья.
Ключевые слова: Франция, Европейский Союз, лоббизм, ядерная энергетика.

Лоббирование — это процесс, в котором отдельные лица или группы лиц пытаются повлиять на принятие решений правительством, часто посредством прямого контакта с политиками. Оно включает в себя отстаивание определенной политики, законодательства или правил, которые приносят пользу определенным интересам. Лоббирование может осуществляться различными субъектами, включая отдельных лиц, корпораций, некоммерческих и коммерческих организаций и групп интересов.

Первоначальный термин «лобби» происходит от высказывания генерала Гранта, президента США в конце девятнадцатого века: после пожара, уничтожившего первый Белый дом, Президент, который находился в отеле, пожаловался на присутствие людей , назвав их «лобби», которые ждали его на первом этаже (в холле), чтобы попытаться повлиять на него. Слово «лобби» осталось в истории [1].

Однако искусство политического убеждения, влияние торговли и роль групп интересов на формирование политики можно проследить гораздо ранее в трудах «Государь» Никколо Макиавелли, «Правила для радикалов» Сола Алински и работы Джеффри Бирнбаума, Кэтрин Алламонг Джейкоб и Роберта Г. Кайзера.

В настоящее время лоббизм во многих странах мира признан официально и ему отводится роль полезного демократического института.

По мнению ОЭСР - организации экономического сотрудничества и развития, объединяющей 30 стран - «лоббирование является естественной частью демократического процесса. Обмениваясь опытом, законными потребностями и фактами политической жизни различные группы интересов могут предоставить информацию о проблемах и способах их решения для правительства, что предоставляет ценные знания, на которых можно основывать государственную политику и эффективное управление» [2].

В ЕС лоббирование нашло свое правовое закрепление на уровне институтов ЕС. Европейский парламент, Совет Европейского союза и Европейская комиссия имеют совместный Реестр прозрачности, где лоббисты обязаны зарегистрироваться. Кроме того, все регистраторы должны соблюдать Кодекс поведения для регистраторов [3,4]. Это касается физических лиц и представителей организаций.

А как быть если свои интересы в ЕС лоббирует государство, и не просто государство, а один из инициаторов создания ЕС – Франция. И предмет лоббирования в данном случае- не просто защита своих интересов «вообще» - а продавливание своего права развивать ядерную энергетику. И это в период, когда взят курс ЕС на зеленую энергетику. Противоречиям, их источникам и перспективам развития взаимоотношений Франции и ЕС по роли ядерной энергетики посвящена данная статья.

Развитие гражданской ядерной энергетики в Европе началось с Римского договора 1957 года, когда шесть стран: Бельгия, Франция, Западная Германия, Италия, Люксембург и Нидерланды — основали Евратом (Европейское сообщество по атомной энергии), и только Франция, на сегодняшний день является ведущей ядерной державой, развивающей мирный атом.

Энергетика – основа экономики страны. Франция получает около 70% электроэнергии из атомных электростанций в соответствии с давней политикой, направленной на обеспечение энергетической безопасности. Согласно информационной системе МАГАТЭ по энергетическим реакторам (PRIS) доля атомного сектора по производству энергии во Франции составляет 64,8 % , этот сектор обеспечивают 57 ядерных энергетических реакторов, общая мощность которых составляет 63000 МВт(э). Для сравнения количество ядерных энергетических реакторов в США -94 с общей мощностью 96952 МВт(э), в РФ – 36 с общей мощностью 26802 МВт(э) [5].

Франция является крупнейшим в мире нетто-экспортёром электроэнергии благодаря очень низкой стоимости её производства и получает от этого более 3 миллиардов евро в год. Главная компания страны по производству и распределению электроэнергии - Électricité de France полностью принадлежит французскому правительству.

Государственная политика Франции, принятая при прежней администрации в 2014 году, была направлена на сокращение доли атомной энергетики в производстве электроэнергии до 50% к 2025 году. Закон № 2015-992 от 17 августа 2015 г., предусматривал переход от ядерной энергетики к зеленому росту, поставив цель на период до 2025 г сократить долю ядерной энергетики до 50 %. Декретом № 2020-456 от 21 апреля 2020 г. было предусмотрено закрытие 14 существующих атомных реакторов. В 2019 году эта цель была перенесена на 2035 год, а в 2023 году от неё отказались [6,7]. Был принят новый закон - закон № 2023-491 от 22 июня 2023 г. об ускорении процедур, связанных со строительством новых ядерных объектов вблизи существующих ядерных объектов и эксплуатацией существующих объектов, NOR: ENEP2223723L. Он обновляет энергетическое планирование и упрощает административные процедуры, связанные со строительством новых ядерных реакторов, продлевая срок службы существующих ядерных установок [8].

Возрождение ядерной отрасли было предпринято с объявлением президента Французской Республики Эммануэля Макрона во время его выступления в Бельфоре 10 февраля 2022 года о строительстве серии новых ядерных реакторов EPR второго поколения и начале новых исследований в этой области [9]. В той же речи, озаглавленной «Взять в свои руки нашу энергетическую судьбу», он также указал, что решил «продлить срок службы всех ядерных реакторов, которые могут эксплуатироваться без ущерба для безопасности».

«Отныне доля ядерной энергетики во французском энергобалансе больше не будет иметь ни дна, ни потолка» - такую форму своей позиции использовал министр переходного периода в энергетике Аньес Панье-Рунахер в Национальном собрании 13 марта 2023 г.

«Заклятый друг» Франции – Германия после аварии на первой Фукусимской АЭС (11.03.2011) на законодательном уровне в 2011 году приняла решение об отказе от производства ядерной энергии. Были закрыты в 2011 году 8 энергоблоков атомных электростанций, в 2022 году - 9 энергоблоков, в 2023г были закрыты три последние атомные энергоблока.

Являясь территориальным соседом Франции, Германия не может мириться с другим отношением к ядерной энергетике со стороны своего давнего партнера по политической жизни. Согласно отчету Французской школы экономической войны, Германия тратит миллионы на меры, направленные против ядерной промышленности Франции. Фонды Генриха Бёлля и Розы Люксембург, финансируемые федеральным правительством, стремятся замедлить или воспрепятствовать развитию ядерной энергетики во Франции посредством публикаций, стипендий, учебных курсов и встреч с политиками и лицами, формирующими общественное мнение [10].

Немецкие политические фонды проводят работу по дискредитации атомной энергетики Франции на деньги правительства Германии. Об этом пишет французская L'Express. Эти немецкие фонды не попадают в заголовки газет. Тем не менее они сознательно ослабляют французскую атомную промышленность и осуждают недавний доклад Школы экономической войны. Их оружие - составление документов с посылом против атомной энергетики, ориентация элит через обучение — докторские стипендии, мастер-классы… Организация визитов и встреч иностранных политиков, альянс с определенными НПО или экологическими партиями», — пишет французское издание. По его данным, фонды имеют представительства во Франции, где также ведут свою работу против атомной энергетики.

Работа по оказанию влияния подпитывается деньгами из немецкого бюджета, продолжает L'Express. Издание приводит данные о том, что ассигнования бундестага политическим фондам продолжают увеличиваться: 295 млн евро в 2000 году, более 466 млн евро в 2014 году и 690 млн евро на 2023 год! «За риторикой о сотрудничестве между странами — членами Европейского союза Германия делает все, что в ее силах, чтобы не позволить французской промышленности пользоваться дешевой энергией и, таким образом, получить значительное конкурентное преимущество», — считают в L'Express и именно достижению этой цели направлены усилия Германии по исключению ядерной энергетики из любого механизма финансовой поддержки ЕС.

Европейский Союз занимает нейтральную позицию между ядерными и неядерными государствами, входящими в ЕС, понимая роль дешевой ядерной энергетики в развитии экономик стран, в то же

время принимает усилия по развитию энергетического вектора в ином «зеленом» направлении.

30 июня 2021 в ЕС был принят Регламент (ЕС) 2021/1119 Европейского парламента и Совета, устанавливающий рамки для достижения климатической нейтральности и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 401/2009 и (ЕС) 2018/1999 («Европейский закон о климате» [11].

Данный регламент:

• устанавливает рамки для достижения климатической нейтральности в Европейском союзе (ЕС) к 2050 году (то есть баланса выбросов парниковых газов* в масштабах ЕС и их сокращения, регулируемого законодательством ЕС);

• включает в себя, помимо обязательной цели по достижению климатической нейтральности в ЕС к 2050 году, цель по достижению отрицательных выбросов в ЕС в дальнейшем;

• предусматривает обязательную для ЕС цель по сокращению выбросов парниковых газов на внутреннем рынке не менее чем на 55% (по сравнению с уровнем 1990 года) к 2030 году, а также установление климатической цели на 2040 год в течение шести месяцев после первого глобального анализа в рамках Парижского соглашения;

• вводит правила, обеспечивающие непрерывный прогресс в достижении глобальной цели адаптации к изменению климата в рамках Парижского соглашения.

Призыв ЕС в том, что все государства-члены ЕС должны принять все необходимые меры для достижения целей регламента, учитывая при этом справедливость, солидарность и экономическую эффективность – положил начало «зеленому курсу» континента.

«Европейский зелёный курс» основан на трёх ключевых принципах перехода к чистой энергетике [12]:

• обеспечение безопасных и доступных энергопоставок в ЕС;

• создание полностью интегрированного, взаимосвязанного и цифрового энергетического рынка ЕС;

• энергоэффективность и улучшение энергетических характеристик зданий и развитие энергетического сектора в значительной степени должно быть основано на возобновляемых источниках.

Как данная стратегия развития в рамках ЕС согласуется с ядерной энергетикой Франции.

Франция и Европейская комиссия уже несколько лет не могут прийти к согласию по поводу целей развития возобновляемой энергетики.Французское правительство предпочитает настаивать на «декарбонизированной» цели, включая атомную энергетику, которая имеет низкий уровень выбросов парниковых газов. Европейская комиссия, возглавляемая Урсулой фон дер Ляйен, немецким и европейским политиком, начинавшим свою политическую карьеру в Германии – относится с понимаем к такой позиции, в то же время, создаются в рамках ЕС теоретико-правовые предпосылки для «мягкого» подавления ядерного сектора Франции.

По данным за 2024 год импорт электроэнергии Германии составил почти 77 тыс. ГВт·ч, тогда как экспорт снизился до 48,2 тыс. ГВт·ч. Основные поставщики — Франция, Швейцария, Дания, Нидерланды и Бельгия. Поэтому на сегодняшний день запретить ядерный сектор энергетики Франции нельзя.

Франция также не может полностью полагаться на мирный атом и не может не учитывать «экологическую» повестку в ЕС.

Для быстрого восстановления экономики и достижения результатов в области декарбонизации, восстановления промышленности и повышения квалификации по всей стране правительство Франции разработало исключительный план восстановления France Relance [13] стоимостью 100 миллиардов евро по трём направлениям:

- экологический переход (на эти цели планируется потратить 30 миллиардов евро);
- конкурентоспособность (на эти цели планируется потратить 34 миллиардов еврщ);
- сплочённость (на эти цели планируется потратить 36 миллиардов евро);

Для реализации этого плана Европейский союз предоставляет финансовую поддержку в размере около 40 миллиардов евро, а сама Франция разработала новый инвестиционный план - «Франция 2030», с финансированием в размере 54 миллиарда евро. В октябре 2021 года президент Республики Эммануэль Макрон презентовал инвестиционный план «Франция – 2030» , который преследует достижение 10 целей к 2030 году [14]:

1. создать во Франции малые, инновационные ядерные реакторы с улучшенным управлением отходами.
2. стать лидером в области экологически чистого водорода.
3. обезуглерожить Французскую промышленность.
4. произвести почти 2 миллиона электромобилей и гибридов.
5. произвести первый низкоуглеродистый самолет.
6. инвестировать в здоровое, устойчивое и отслеживаемое питание.
7. производить 20 биомедицинских препаратов против рака, хронических заболеваний, в том числе возрастных, и создавать медицинские устройства завтрашнего дня.
8. снова вывести Францию на первое место в производстве культурного и творческого контента.
9. принять полное участие в новом космическом приключении.
10. инвестировать в освоение морского дна.

Согласно данному плану Министерство экологического перехода Франции представило новые цели для своего климатического и энергетического перехода, направленные на сокращение валовых выбросов парниковых газов (ПГ) на 50% к 2030 году по сравнению с 1990 годом (по сравнению с предыдущей целью в 40%) и достижение 58% потребления энергии без углерода к 2030 году (включая 34% электроэнергических и 23% неэлектрических возобновляемых источников энергии) [15].

Данные планы направлены на реализацию новой национальной стратегии Франции – энергостратегии низкого уровня выбросов углерода (Stratégie nationale bas-carbone, SNBC), которая основана на четырех столпах: ускорение сокращения выбросов парниковых газов (сокращение на 126 млн тонн в период с 2022 по 2030 год по сравнению с сокращением на 144 млн тонн в период с 1990 по 2022 год), сокращение углеродного следа Франции, сокращение потребления энергии (на 30% к 2030 году и на 50% к 2050 году по сравнению с 2012 годом) и декарбонизация энергетического баланса.

Таким образом, Франция устанавливает цель по «декарбонизации» энергетики и доведение ее доли «декарбонизированной» энергии в конечном энергопотреблении до 58%, объединяя возобновляемые источники энергии и атомную энергетику в одном расчёте.

Такая позиция может подвергнуть Францию потенциальным санкциям со стороны Европейской комиссии. Однако Франция пытается привлечь другие государства на свою сторону, заменив цели по возобновляемым источникам на цели по декарбонизации. Национальный план нацелен на общее сокращение выбросов парниковых газов не менее чем на 50% к 2030 году по сравнению с уровнями 1990 года.

Французский подход подчеркивает центральную задачу для ЕС: поиск баланса между различными типами декарбонизированных источников энергии при соблюдении общих целей. Франция активно лоббирует в Европейском союзе использование мирного атома как устойчивого источника энергии, привлекая на свою сторону другие государства и создавая альянс «проатомных» правительств.

28 февраля 2025 года министр энергетики Франции Аньес Панье-Рунаше встретился с двенадцатью коллегами в Стокгольме из Болгарии, Хорватии, Чехии, Финляндии, Венгрии, Италии, Нидерландов, Польши, Румынии, Словакии, Словении и Швеции чтобы обсудить возможный запуск совершенно нового «ядерного альянса» в рамках ЕС [16]. На повестке дня — предстоящая реформа европейского рынка электроэнергии, дебаты по вопросам энергетической безопасности в преддверии следующей зимы, а также конкурентоспособность промышленности блока с учетом будущей энергетической политики. В этом контексте Франция намерена поднять вопрос ядерной энергетики. Проект, к которому французский министр призывает «всем сердцем», призван подтвердить «вклад ядерной энергетики в климатические цели ЕС и энергетическую безопасность в Европе».

Испания, Греция, Ирландия и Португалия должны участвовать в данном проекте качестве «наблюдателей.

Согласно концептуальной записке, посвященной данному проекту, новая платформа будет способствовать усилению поддержки ядерной отрасли, что должно повлиять на программу Европейской комиссии.

В документе говорится, что альянс сосредоточится на создании «четкой и стимулирующей институциональной базы» и на борьбе с барьерами, «мешающими эффективному использованию, планированию и инвестициям в ядерные технологии». Далее, он будет работать над получением доступа к государственному и частному финансированию, а также европейскому финансированию и гарантиям. Другие приоритеты включают создание европейской ядерной экосистемы и развитие навыков по всей цепочке создания стоимости [17].

Учитывая такое давление и в поисках решений для достижения целей по декарбонизации к 2030 году , Европейская комиссия начала техническую оценку возможного включения ядерной энергетики в энергетическую таксономию. Эта оценка была обоснована тем, что различные международные организации, такие как Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейская экономическая комиссия ООН, считают, что выбросы CO2 от атомных электростанций сопоставимы с выбросами от возобновляемых источников энергии.

15 июля 2022 года в Официальном журнале ЕС был опубликован Дополнительный делегированный акт по климату [18]. Он включает, при строгих условиях, конкретные виды деятельности в области ядерной и газовой энергетики в список видов экономической деятельности, охватываемых таксономией ЕС. Делегированный акт применяется с января 2023 года, в нем сказано, что критерии для конкретных видов деятельности в области газа и ядерной энергетики соответствуют климатическим и экологическим целям ЕС и помогут ускорить переход от твердого или жидкого ископаемого топлива, включая уголь, к климатически нейтральному будущему. В отношении отходов использования ядерной энергии сказано, что объекты захоронения низкоактивных отходов должны быть уже введены в эксплуатацию, а государства-члены должны иметь подробный план по вводу в эксплуатацию к 2050 году объекта захоронения высокоактивных радиоактивных отходов.

Заключение. Государственная политика Франции, принятая при прежней администрации в 2014 году и направленная на сокращение доли ядерной энергетики до 50 % к 2025 году – показывает, что частичный отказ от использования ядерной энергетики во Франции возможен независимо от уровня достижений страны в этой сфере. Однако в настоящее время Франция убедительно демонстрирует свое право на развитие ядерной отрасли, она является не только лидером в ЕС по производству ядерной энергии, но и крупным экспортером ядерных технологий и ядерной электроэнергии. В 2023 году Франция была четвертым по величине экспортером ядерных реакторов, а основными направлениями были Китай, Великобритания и Южная Африка. Франция также экспортирует обогащенный уран, важнейший компонент ядерного топлива, так как обладает мощными возможностями в области обогащения урана, как важнейшего процесса для произ-

водства ядерного топлива. Обогащение урана является стратегически чувствительным и капиталоемким процессом, что создает значительные барьеры для входа любого нового поставщика. Основные направления экспорта обогащенного урана Франции: Китай, Великобритания, Южная Африка, Бельгия и Швейцария.

На мировом рынке обогащенного урана в настоящее время доминируют четыре основных игрока: российский Росатом, европейский Urenco, китайская CNNC и Orano. Имея примерно 12% доли рынка, Orano, занимает значительную долю на мировом рынке и позиционирует себя как ключевого игрока в этом секторе. 24 октября 2024 года Orano объявила об увеличении капитала на €300 млн, полностью одобренном французским правительством [19]. В результате этой операции доля правительства Франции в Orano выросла до 90,33%.

При таких обстоятельствах отход Франции от ядерного истопника электроэнергии в краткосрочной и среднесрочной перспективе невозможен.

Ситуация может поменяться в случае научного прорыва получения энергии из возобновляемых источниках энергии. Когда совокупность факторов: безопасность, эффективность, экология позволит отказаться от использования атома в мирных целях, как это происходит в настоящее время в отношении углеродных источников энергии – Европейский Союз может взять «реванш» и ввести «мягкий» запрет на производство ядерной энергии. Лидер этого запрета определен - Германия, теоретико-правовая база ЕС по использованию ядерного топлива не требует существенной доработки, достаточно нескольких исследований и официального доклада, принятого в ЕС. Такое развитие событий возможно в среднесрочной и дальнесрочной перспективе.

Литература

1. Lobbying: Strategies and techniques of intervention [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/297759020_Lobbying_Strategies_and_techniques_of_intervention (дата обращения 20.07.2025).
2. Обзор ОЭСР - Институт экономических исследований [Электронный ресурс] // URL: https://eri.kz/ru/OESR/Sobytija_OESR/id=2609?ysclid=mb4y4yi1z7207622035 (дата обращения 20.07.2025).
3. Home - European Union[Электронный ресурс] // URL: https://transparency-register.europa.eu/index_en (дата обращения 20.07.2025).
4. Legal references and data protection - European Union [Электронный ресурс] // URL: https://transparency-register.europa.eu/legal-references-and-data-protection_en#code-of-conduct (дата обращения 20.07.2025).
5. PRIS - Country Details [Электронный ресурс] // URL: https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=FR (дата обращения 20.07.2025).
6. Article 1 - LOI n° 2015-992 du 17 août 2015 relative à la transition énergétique pour la croissance verte (1) – Légifrance [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000031044393 (дата обращения 20.07.2025).
7. Décret n° 2020-456 du 21 avril 2020 relatif à la programmation pluriannuelle de l'énergie – Légifrance [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000041814432 (дата обращения 20.07.2025).
8. LOI n° 2023-491 du 22 juin 2023 relative à l'accélération des procédures liées à la construction de nouvelles installations nucléaires à proximité de sites nucléaires existants et au fonctionnement des installations existantes (1) - Légifrance [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047715784 (дата обращения 20.07.2025).
9. Depuis Belfort, Emmanuel Macron annonce la construction de six nouveaux réacteurs nucléaires [Электронный ресурс] // URL: https://www.france24.com/fr/france/20220210-nucléaire-emmanuel-macron-à-belfort-pour-dévoiler-sa-stratégie-énergétique-pour-la-france (дата обращения 20.07.2025).
10. German_Interference_Political_Foundations.pdf [Электронный ресурс] // URL: https://www.ege.fr/sites/ege.fr/files/media_files/German_Interference_Political_Foundations.pdf (дата обращения 20.07.2025).
11. Regulation - 2021/1119 - EN - EUR-Lex [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32021R1119 (дата обращения 20.07.2025).
12. Energy and the Green Deal [Электронный ресурс] // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/energy-and-green-deal_en (дата обращения 20.07.2025).
13. Construire la France de demain | info.gouv.fr [Электронный ресурс] // URL: https://www.info.gouv.fr/grand-dossier/france-relance (дата обращения 20.07.2025).
14. Présentation du plan France 2030. | Élysée [Электронный ресурс] // URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/12/presentation-du-plan-france-2030 (дата обращения 20.07.2025).
15. France aims to reduce its gross GHG emissions by 50% by 2030 | Enerdata [Электронный ресурс] // URL: https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/france-aims-reduce-its-gross-ghg-emissions-50-2030.html (дата обращения 20.07.2025).
16. Paris drafts European 'nuclear alliance' – SightLine | U308 [Электронный ресурс] // URL: https://sightlineu3o8.com/2023/02/paris-drafts-european-nuclear-alliance/ (дата обращения 20.07.2025).
17. EU nuclear lobby strengthened by new industry alliance – Euractiv [Электронный ресурс] // URL: https://www.euractiv.com/section/eet/news/eu-nuclear-lobby-strengthened-by-new-industry-alliance/ (дата обращения 20.07.2025).

18.Taxonomy Regulation - European Commission [Электронный ресурс] // URL: https://finance.ec.europa.eu/regulation-and-supervision/financial-services-legislation/implementing-and-delegated-acts/taxonomy-regulation_en#complementary (дата обращения 20.07.2025).

19.Orano: €300 Million capital increase to support development projects - Sfen in English [Электронный ресурс] // URL: https://sfeninenglish.org/orano-e300-million-capital-increase-to-support-development-projects/ (дата обращения 20.07.2025).

French lobbying in nuclear energy

Tarakanov O.N.

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

A systemic approach, like a "Russian nesting doll", can include a system consisting of other systems an infinite number of times. A lobbyist is an individual, is an employee of a lobbying organization operating in an administrative unit of the state, the administrative unit, represented by its bodies, lobbies its interests at the state level, and the state, in turn, lobbies its interests at the supranational level.

France is one of the founders of the European Union, but being an independent and "powerful" state, a member of the "nuclear club", has equal rights with 27 states that are members of the European Union. How to exercise your rights at the EU level, corresponding to your power and protect your national interests, being a nuclear power. Violence and coercion according to the classical scheme of realism are impossible, Article 2 of the Treaty on the European Union enshrines the principle of equality as one of the values on which the Union is based.

Having in its legislation the normative regulation of lobbying, the French Republic itself is a lobbyist of its interests in the European Union, promoting its interests on the verge of violating EU legislation. This article is devoted to the implementation of nuclear energy by France inside and outside the state, and the contradictions associated with it.

Keywords: France, European Union, lobbying, nuclear energy.

References

1. Lobbying: Strategies and techniques of intervention [Electronic resource] // URL: https://www.researchgate.net/publication/297759020_Lobbying_Strategies_and_techniques_of_intervention (date of access 20.07.2025).
2. OECD Review - Institute for Economic Research [Electronic resource] // URL: https://eri.kz/ru/OESR/Sobytija_OESR/id=2609?ysclid=mb4y4yi1z720762 2035 (date of access 20.07.2025).
3. Home - European Union [Electronic resource] // URL: https://transparency-register.europa.eu/index_en (date of access 20.07.2025).
4. Legal references and data protection - European Union [Electronic resource] // URL: https://transparency-register.europa.eu/legal-references-and-data-protection_en#code-of-conduct (accessed 20.07.2025).
5. PRIS - Country Details [Electronic resource] // URL: https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryDetails.aspx?current=FR (accessed 20.07.2025).
6. Article 1 - LOI n° 2015-992 du 17 August 2015 relative à la transition énergétique pour la croissance verte (1) – Légifrance [Electronic resource] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000031044393 (accessed 07/20/2025).
7. Decree No. 2020-456 of April 21, 2020 on energy efficiency programming – Légifrance [Electronic resource] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000041814432 (accessed on July 20, 2025).
8. LOI n° 2023-491 du 22 June 2023 relative à l'accélération des procédures liées à la construction de nouvelles installations nucléaires à proximité de sites nucléaires existants et au fonctionnement des installations existantes (1) - Légifrance [Electronic resource]
// URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047715784 (accessed 07/20/2025).
9. Depuis Belfort, Emmanuel Macron, Annonce la construction de six new nuclear reactors [Electronic resource] // URL: https://www.france24.com/fr/france/20220210-nucléaire-emmanuel-macron-à-belfort-pour-dévoiler-sa-strategie-énergétique-pour-la-france (date of access 20.07.2025).
10. German_Interference_Political_Foundations.pdf [Electronic resource] // URL: https://www.ege.fr/sites/ege.fr/files/media_files/German_Interference_Political_Foundations.pdf (date of access 20.07.2025).
11. Regulation - 2021/1119 - EN - EUR-Lex [Electronic resource] // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32021R1119 (date of access 20.07.2025).
12. Energy and the Green Deal [Electronic resource] // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/energy-and-green-deal_en (date of access 20.07.2025).
13. Construire la France de main | info.gouv.fr [Electronic resource] // URL: https://www.info.gouv.fr/grand-dossier/france-relance (date of access 20.07.2025).
14. Presentation of plan France 2030. | Élysée [Electronic resource] // URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/12/presentation-du-plan-france-2030 (date of access 20.07.2025).
15. France aims to reduce its gross GHG emissions by 50% by 2030 | Enerdata [Electronic resource] // URL: https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/france-aims-reduce-its-gross-ghg-emissions-50-2030.html (date of access 20.07.2025).
16. Paris drafts European 'nuclear alliance' – SightLine | U308 [Electronic resource] // URL: https://sightlineu3o8.com/2023/02/paris-drafts-european-nuclear-alliance/ (date of access 20.07.2025).
17. EU nuclear lobby strengthened by new industry alliance – Euractiv [Electronic resource] // URL: https://www.euractiv.com/section/eet/news/eu-nuclear-lobby-strengthened-by-new-industry-alliance/ (date of access 20.07.2025).
18. Taxonomy Regulation - European Commission [Electronic resource] // URL: https://finance.ec.europa.eu/regulation-and-supervision/financial-services-legislation/implementing-and-delegated-acts/taxonomy-regulation_en#complementary (date of access 20.07.2025).
19. Orano: €300 Million capital increase to support development projects - Sfen in English [Electronic resource] // URL: https://sfeninenglish.org/orano-e300-million-capital-increase-to-support-development-projects/ (date of access 20.07.2025).

Строительство рационально-ответственного правительства в условиях иерархического порядка

Цинь Цзявэй
аспирант Школы государственного управления, Хэйлунцзянский университет, преподаватель Дунцзянский кадетский колледж провинции Гуандун

В процессе социального трансформационного развития, на уровне должного, государство как рациональный экономический агент должно быть единством знания и действия, единством ограничений и активности, единством ценности эффективности и ценности демократии; на уровне фактического, иерархический порядок, сосредоточенный на рационализации ответственности государства и эффективности ценности ответственности государства, демонстрирует разрыв между знанием и действием, трудности интеграции инструментальной рациональности и ценностной рациональности, а также затруднения в гармонизации ограничений и активности. Причины возникновения кризиса рационализации ответственности государства заключаются в: двойном усилении науки над рациональным мышлением и концепцией порядка, двойном отсутствии традиционного авторитета и юридического авторитета, двойной фильтрации иерархической организации социальных рисков и человеческой активности. Конструкция рационально ответственного государства в рамках иерархического порядка должна укреплять традиционное моральное восприятие ответственности социальных субъектов, формировать дух современного бюрократизма и устанавливать моральную ответственность личности, интегрируя ценности эффективности и демократии через управление общественными ценностями.
Ключевые слова: иерархический порядок; ответственность правительства; парадокс рационализации

В процессе социальной трансформации структура и функции ответственности правительства претерпевают глубокие изменения. Как эффективно разрешить парадокс рационализации ответственности правительства в условиях иерархического порядка, постоянно оптимизировать систему обязанностей правительства и повышать эффективность государственного управления — это вопросы, на которые все уровни правительства должны серьезно ответить в процессе легитимации, рационализации и научного обоснования действий правительства.

Проблемы рационализации ответственности правительства в условиях иерархического порядка

Переход от традиционного общества к современному требует от правительства постоянной оптимизации структуры ответственности, основанной на ответе на потребности социального развития. Поведение правительства постепенно переходит от личностного к рациональному и правовому. Однако в процессе деконструкции ценностей поведение правительства проявляет инструментальные и формальные черты. В реальности это выражается в разрыве между знанием и действием, трудностях интеграции инструментальной и ценностной рациональности, а также в дилемме между ограничениями и активностью в рационализации поведения правительства.

Проблемы рационализации ответственности правительства в условиях иерархического порядка

Иерархический порядок проявляется в контроле власти на разных уровнях, строгой системе рангов и профессионализации должностей. Правила обсуждения в иерархической системе могут быть техническими правилами или стандартами, и для их применения необходимо полное понимание, которое требует профессиональной подготовки[Макс Вебер,1997]. Эта организационная модель обладает закрытостью и централизованностью. Закрытость приводит к тому, что иерархический порядок не может эффективно интегрировать социальные силы, формируя самодостаточную систему, независимую от внешней социальной среды. Задержки и фильтрация информации внутри организации снижают способность правительства осознавать и реагировать на внешние риски. Централизованность приводит к недостаточной реакции иерархических организаций правительства на социальные потребности. Практические недостатки бюрократии проявляются в двух аспектах: во-первых, проблема участников, то есть отчуждение, неравенство и слепое подчинение организационным правилам, проявляемые

участниками; во-вторых, проблема общественности, то есть общественные организации могут не своевременно реагировать на требования общественности или отказываться от ответа из-за профессиональной специализации, увеличения знаний административных управленцев, развития интересов административного класса, информационной асимметрии и разнообразия стимулов[Ричард Скотт, 2002]. Это создает ситуацию, когда отдельный департамент не может эффективно реагировать на социальные потребности.

2) Сложности слияния инструментальной рациональности и ценностной рациональности

Современная бюрократия основана на инструментальной рациональности, и "вся бюрократизация власти значительно способствует развитию к рациональному 'прагматизму', к 'профессионализму' и 'специализации', (поэтому) структура власти бюрократии служит распространению 'рационализма' образа жизни" [Макс Вебер, 1997]. Поскольку проект бюрократии, основанный на инструментальной рациональности, абстрагирует ценностные факторы, он фактически изолирует и позиционирует людей в отдельных дискретных единицах с помощью абстрактной формализованной структуры [Чжан Канчжи, 2002]. Чтобы решить проблемы высоких координационных затрат и трудностей координации внутри бюрократических организаций, правительство обычно изменяет организационную форму, создавая временные рабочие органы внутри организации, такие как специальные комитеты, временные рабочие группы, проектные группы и т.д., чтобы увеличить гибкость организации. Однако с точки зрения управления функции планирования, организации, кадров, командования, координации, отчетности и контроля в государственных организациях по-прежнему сосредоточены на власти. Инструментальная рациональность отвергает ценностную роль представителя общественных интересов правительства и абсолютное стремление к общественному благу, чистую идеологическую веру, сталкиваясь с дилеммой интеграции инструментальной и ценностной рациональности.

3）Дилемма согласования ограничений и активности

Как современное рациональное правило и институциональный дизайн, бюрократия, с её инструментальной или целевой рациональностью, может вызвать негативные последствия для эффективной рациональности, в результате чего изначально эффективная бюрократия в конечном итоге становится ограничением свободы людей, формируя "железную клетку"[Макс Вебер,1992], управляемую иерархией. В условиях иерархического порядка, с одной стороны, действия административных работников должны основываться на юридическом авторитете, с другой стороны, такая рационализированная ограниченность поведения побуждает административных работников проявлять черты инструментальности. Однако в процессе реализации политики, чтобы решить новые проблемы, возникающие в реальной работе, административные работники часто проявляют "гибкость" в исполнении публичной политики, то есть, не нарушая основные принципы и политику, они преодолевают ограничения существующих правил, чтобы разрешить новые проблемы, с которыми они сталкиваются в реальной работе, и повысить способность организации реагировать на потребности граждан. Таким образом, административные работники в условиях иерархического порядка сталкиваются с дилеммой между ограничениями и автономией.

Генезис парадокса рационализации ответственности правительства в условиях иерархического порядка

Иерархический порядок сам по себе является стабильной моделью отношений. В процессе социальной трансформации двойное усиление технологий в отношении рационального мышления и концепции порядка, отсутствие двойной власти в процессе преодоления рисков и неопределенности трансформационного общества, а также некооперативные организационные формы — все эти факторы совместно способствуют возникновению кризиса рационализации ответственности правительства.

1) Двойное усиление рационального мышления и представления о порядке благодаря науке и технологии

Приход智能ного общества не изменил в корне механизмы функционирования единой власти, а лишь усилил на уровне концепций влияние технологий на рациональное мышление, что сделало проблему рационализации ответственности правительства более заметной в период социальной трансформации. С одной стороны, человек как субъект является как основой для действия технологий, так и их душой, поскольку современная наука и технологии внутренне содержат мысли и рефлексивные способности их создателей и операторов. Технологии усиливают концепцию порядка, основанного на рационализме. С другой стороны, применение технологий в политике, экономике, обществе и других областях привело к научной организации и структурированию правительства, увеличив способность людей достигать целей, что сделало поведение человека предсказуемым, планируемым и оценимым. Усиление контроля над обществом в результате наложения технологий и власти, а также потребность в демократическом строительстве информационного общества и взаимном обмене, обучении, согласовании и диалоге между многообразными ролями не соответствуют друг другу.

2) Двойной недостаток традиционного авторитета и юридического авторитета

На протяжении долгого времени двойной недостаток традиционного авторитета и юридического авторитета в действиях правительства по социальной трансформации усугубил сложность рационализации ответственности правительства в условиях бюрократического порядка, что стало реальной основой для этой проблемы. Теория бюрократии утверждает, что в процессе осуществления власти и выполнения задач организованные действующие лица неизбежно проявляют автономные действия,

основанные на традиционном авторитете, которые выходят за рамки организационных правил и целей. Эта автономия действий может привести к неконтролируемости и непредсказуемости внутри организации, что, в свою очередь, влияет на эффективность организации. Поэтому необходимо исключить влияние иррациональных факторов, таких как эмоции и ценности, на действия организации через заранее определенные, стандартизированные рациональные правила и проектирование институтов, основанных на юридическом авторитете. Однако в период социальной трансформации количество общественных дел, которые необходимо решать правительству, постоянно растет, а задачи организации становятся все более сложными. Эффективная работа бюрократических организаций требует постоянного увеличения контроля рациональных правил над автономией действий внутри организации, чтобы скорректировать отклонения индивидуальных действий от целей организации и обеспечить высокую и точную работу организации. Таким образом, в процессе выполнения правительством своих обязанностей, с одной стороны, необходимо постоянно устанавливать новые правила для содействия легализации и стандартизации ответственности, но установление юридических правил подвержено влиянию культуры, восприятия и других факторов, что затрудняет их быстрое внедрение; с другой стороны, сталкиваясь с быстро меняющимися и разнообразными социальными потребностями, правительство должно вновь обратиться к личному традиционному авторитету, который был отвергнут рациональным авторитетом, постоянно нарушая новые правила. Таким образом, двойной недостаток традиционного и юридического авторитета совместно способствует тому, что рационализированная ответственность оказывается несовместимой с инструментальной рациональностью и ценностной рациональностью.

3) двойная фильтрация социальных рисков и человеческой инициативы в Секторских организациях

Бюрократия является важным инструментом эффективного контроля за рисками в политических и административных системах. Что касается первоначальной конструкции бюрократии, то она создала объективный механизм подотчетности, который не уделяет должного внимания субъективному сознанию ответственности и инициативе членов организации. Что касается более рационализированной бюрократии, то внимание к должностям, разделение труда и специализация привели к маргинализации организационных функций межличностных отношений. Это потребует координации со стороны специализированных координационных органов, способствующих постепенному расширению масштабов организации, ее неэффективности и неспособности адаптироваться к неопределенности в обществе риска. Когда бюрократические организации не могут эффективно отфильтровать социальные риски, ненадлежащее вмешательство правительства может привести к тому, что рискованные события превращаются в кризисные события. В обществе рисков необходимо, чтобы низовые организации и персонал обладали способностью быстро реагировать и решать проблемы, однако они не совместимы с правилами, регулируемыми секторскими организациями. Иерархический подход к управлению, основанный на официальных нормах, положениях и системах в качестве руководящих принципов функционирования организации, не позволяет директивным органам выбирать, ограничивает инновационные возможности руководства и способствует замедленному реагированию организаций на изменения в окружающей среде, создавая дилемму, связанную с ограничениями в поведении ответственности правительства и дилеммой мобильности.

Рациональная конструкция ответственности правительства

С точки зрения возникновения кризиса рационализации ответственности правительства в рамках иерархического порядка, разнообразие социальных потребностей и нарастание социальных рисков предъявляют более высокие требования к отзывчивости, демократичности и публичности ответственности правительства. Это требует от нас поиска путей разрешения кризиса рационализации ответственности правительства в рамках иерархического порядка через традиционные моральные представления социальных субъектов, дух бюрократической рациональности и формирование моральной ответственности, а также через управление общественными ценностями.

1) Укрепление традиционного морального сознания социальных субъектов

В период социальной трансформации необходимо преодолеть трудности рационализации ответственности правительства в условиях иерархического порядка. Нужно пересмотреть концепцию ответственности правительства, утвердить моральную ответственность, основанную на принципе "от себя к другим", то есть создать организационные принципы и моральные нормы поведения, направленные на построение общества "великого единства". Важно развивать осознание ответственности и чувство долга у членов сообщества, усиливать их принадлежность к сообществу и идентичность, формировать правильное понимание прав, ответственности и обязанностей, достигая единства между должной и фактической ответственностью, исходя из этики обязательств. Следует построить целостное понимание этической ответственности, начиная с индивидуального, семейного, государственного и заканчивая общественным уровнями. Начав с семейной жизни и семейной этики, необходимо интегрировать личность в семейные, межпоколенческие и общественные отношения, а затем через развитие морали в межличностных отношениях способствовать оптимизации выполнения государственных, социальных и личных обязанностей, в конечном итоге формируя идеальный иерархический порядок и создавая рационализированное правительство с демократическими ценностями.

2) Формирование рационального духа современ-

ного бюрократизма и совершенствование моральной ответственности личности

Формирование рационального духа в основном происходит от культурных ценностей бюрократической организации. Бюрократическая организация ориентирована на дело, и чувство ответственности у сотрудников бюрократической организации возникает из их должностных обязанностей. С одной стороны, формирование рационального духа происходит от организационной культуры, которая внутри организации ценит контракты и правила, а также уважает законы, процедуры и порядок. Организационное поведение должно осуществляться в соответствии с установленными правилами, и поведение административных работников должно регулироваться путем совершенствования внутренних правил и норм организации. С другой стороны, организационная рациональность исходит от уровня рационализации общества, что является основным условием для установления рационального духа. Рационализация общества порождает современную бюрократию, а рациональная бюрократия, в свою очередь, способствует рационализации общества. Именно такой интерактивный процесс формирует современную бюрократическую систему управления, которая является профессионализированной и технологизированной. Поэтому правительство должно взять на себя ответственность за формирование социальной рациональности, повышение правосознания граждан и рациональных действий; только социальная рациональность может способствовать рациональности государственных организаций.

3) Интеграция ценности эффективности и ценности демократии через управление общественными ценностями

Для повышения способности создавать общественную ценность под руководством политики, прежде всего, необходимо использовать координирующую роль политики в процессе государственного управления. Следует постоянно корректировать действия в зависимости от изменений в окружающей среде, создавая общественную ценность через политические консультации и демократическое участие, интегрируя действия различных заинтересованных сторон для достижения общих целей. Во-вторых, необходимо внедрять сетевое управление, сосредоточенное на управлении отношениями, с использованием технологий в качестве вспомогательного инструмента. В процессе сетевого управления, с одной стороны, роль правительства должна быть переосмыслена. Для успешного построения отношений правительство должно взаимодействовать с большим количеством индивидуумов, учреждений и заинтересованных сторон. С другой стороны, в процессе взаимодействия правительства с множеством субъектов, поставщиками общественной ценности не являются только государственные органы; социальные организации, гражданские группы, предприятия и другие могут также стать производителями общественной ценности, и роль правительства должна заключаться в выборе подходящих общественных секторов для совместного производства общественной ценности в соответствии с предпочтениями общества. Наконец, необходимо развивать ответственность государственных управленцев. Например, способность правительства сотрудничать с местными социальными организациями, инновационные способности, открытость и инклюзивность организаций. С одной стороны, важно устанавливать ответственность за цели не только на основе предоставленных полномочий, но и исходя из общих проблем, которые необходимо решить, а также проводить широкое наблюдение. С другой стороны, важно реагировать на потребности общества. Повышая социальные навыки общения, способность к смене ролей, эмпатию и воображение, можно помочь государственным управленцам лучше воспринимать и реагировать на потребности общества.

Заключение

В настоящее время социальный порядок переживает изменения и корректировки. В условиях трансформации социальной структуры и адаптации социального порядка иерархический порядок, основанный на власти, институтах и правилах, демонстрирует рациональные трудности, не соответствующие социальным требованиям, таким как участие в социальной демократии, открытость информации, социальное сотрудничество и управление рисками неопределенности. Однако рационализация является необходимым этапом и требованием перехода от традиционного общества к современному, поскольку формальная рациональность и инструментальная рациональность являются основой эффективности, а также основой равенства и нормативных ценностей. Эффективное разрешение рациональных трудностей ответственного правительства в рамках иерархического порядка требует преобразования логики дел, ориентированной на задачи и результаты, в ценностную логику, ориентированную на обязательства и цели. Основной путь к решению рациональных трудностей иерархического порядка в трансформирующемся обществе заключается в том, что на индивидуальном уровне необходимо вернуться к моральной автономии человека и формированию его моральной личности, а на социальном уровне следует развивать рациональность публичного общения и ценностную рациональность, чтобы подчеркнуть дух инструментальной рациональности, одновременно избегая ее затмения ценностной рациональности.

Литература

1. Макс Вебер. Экономика и общество (Том 1) М.. Перевод Линь Жуньюаня. Пекин: Издательство коммерческой печати, 1997.

2. Ричард Скотт. Теория организаций М.. Перевод: Хуан Ян и др. Пекин: Издательство Хуася, 2002.

3. Макс Вебер: Экономика и общество (Том 2) М.. Перевод Линь Жунъюань. Пекин: Издательство коммерческой печати, 1997.

4. Чжан Канчжи. Превышение инструментальной рациональности в публичной администрации J.. Социальные науки Чжэцзяна, 2002, (4).

5. Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма М.. Кан Лэ, Цзянь Хуэй Мэй перевод. Шанхай: Издательство Сань Лянь , 1992.

Building a Rationally Responsible Government under the Hierarchical Order

Qin Jiawei

Heilongjiang University

In the process of social transformation development, at the level of due, the state as a rational economic agent should be the unity of knowledge and action, the unity of constraints and activity, the unity of the value of efficiency and the value of democracy; at the level of fact, the hierarchical order focused on the rationalization of state responsibility and the efficiency of the value of state responsibility shows the gap between knowledge and action, the difficulty of integrating instrumental rationality and value rationality, and the difficulty of harmonizing constraints and activity. The reasons for the emergence of the crisis of rationalization of state responsibility are: the double strengthening of science over rational thinking and the concept of order, the double absence of traditional authority and legal authority, the double filtering of the hierarchical organization of social risks and human activity. The construction of a rationally responsible state within the framework of a hierarchical order should strengthen the traditional moral perception of the responsibility of social actors, form the spirit of modern bureaucracy and establish the moral responsibility of the individual, integrating the values of efficiency and democracy through the management of public values.

Keywords: hierarchical order; government responsibility; rationalization paradox

References

1. Max Weber. Economy and Society (Vol. 1) M. Translated by Lin Runyuan. Beijing: Commercial Press Publishing House, 1997.
2. Richard Scott. Organization Theory M. Translated by Huang Yang et al. Beijing: Huaxia Publishing House, 2002.
3. Max Weber: Economy and Society (Vol. 2) M. Translated by Lin Runyuan. Beijing: Commercial Press Publishing House, 1997.
4. Zhang Kangzhi. The Surpass of Instrumental Rationality in Public Administration J. Social Sciences of Zhejiang, 2002, (4).
5. Max Weber. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism M. Kang Le, Jian Hui Mei translation. Shanghai: San Lian Publishing House, 1992.

Особенности правового регулирования регионального парламентского контроля в Российской Федерации (на примере субъектов Сибирского федерального округа)

Лобков Артем Валентинович
аспирант кафедры конституционного и административного права, Байкальский государственный университет,
lobkow_a@mail.ru

В статье рассматриваются особенности правового регулирования парламентского контроля на региональном уровне в Российской Федерации, с акцентом на субъекты Сибирского федерального округа. Проводится анализ нормативно-правовой базы, определяющей полномочия и механизмы осуществления контрольной деятельности законодательными (представительными) органами государственной власти регионов, входящих в состав СФО. Особое внимание уделяется выявлению специфики правового закрепления форм и методов парламентского контроля, обусловленной социально-экономическими, географическими и политическими особенностями каждого конкретного субъекта Федерации. Исследуются различия в подходах к регулированию таких аспектов, как порядок заслушивания отчетов должностных лиц исполнительной власти, организация парламентских расследований, проведение депутатских запросов и контрольных мероприятий в сфере бюджетного процесса и управления государственной собственностью.

Ключевые слова: региональный парламентский контроль, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, Сибирский федеральный округ, правовое регулирование, формы парламентского контроля, конституция (устав) субъекта Российской Федерации, регламент, депутатский запрос, парламентское расследование, бюджетный процесс.

Введение

В условиях модернизации российского государства и построения эффективной системы управления возрастает роль парламентского контроля как важнейшего инструмента обеспечения законности и соблюдения прав граждан. Парламентский контроль, осуществляемый законодательными органами субъектов Российской Федерации, является ключевым элементом системы сдержек и противовесов в региональной политике. Он позволяет обеспечивать прозрачность деятельности исполнительной власти, выявлять недостатки в реализации региональных программ и проектов, а также способствовать повышению эффективности управления на уровне субъектов РФ. Особую актуальность приобретает изучение регионального парламентского контроля в Сибирском федеральном округе (СФО), учитывая специфику социально-экономического развития данного макрорегиона, его географическую удаленность, многообразие этнического состава и наличие уникальных экологических проблем. Таким образом, исследование особенностей правового регулирования регионального парламентского контроля в субъектах СФО представляет собой важную научную задачу, направленную на совершенствование системы государственного управления в Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правового регулирования регионального парламентского контроля в субъектах Сибирского федерального округа.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе правового регулирования и практики осуществления регионального парламентского контроля в субъектах Сибирского федерального округа. В работе впервые проводится сравнительное исследование нормативно-правовой базы, регламентирующей парламентский контроль в различных субъектах СФО, что позволяет выявить общие тенденции и специфические особенности регионального законодательства.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, конституции (уставы) и законы субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, регламентирующие деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти и порядок осуществления парламентского контроля. Также были изучены научные публикации, посвященные вопросам парламентского контроля.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальные юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и метод толкования правовых норм.

Результаты и обсуждения

Нормативно-правовая база регионального парламентского контроля в субъектах СФО: сравнительный анализ

Нормативно-правовая база регионального парламентского контроля в субъектах Сибирского федерального округа (СФО) представляет собой сложную и многоуровневую систему, включающую в себя федеральное законодательство, конституции (уставы) и законы субъектов РФ, регламенты законодательных (представительных) органов государственной власти, а также иные нормативные правовые акты, регулирующие отдельные аспекты контрольной деятельности. Сравнительный анализ этой базы в регионах СФО выявляет как общие тенденции, обусловленные федеральным законодательством и задачами социально-экономического развития, так и существенные различия, отражающие специфику политических, экономических и социальных условий каждого субъекта [6, с. 11].

Основополагающим элементом правового регулирования парламентского контроля является Конституция Российской Федерации, закрепляющая общие принципы разделения властей, разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, а также устанавливающая основы организации и деятельности законодательных (представительных) органов. Федеральное законодательство, в частности Федеральный закон от от 07.05.2013 N 77-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О парламентском контроле", определяет общие полномочия региональных парламентов, включая контрольные функции, и устанавливает требования к их осуществлению. Вместе с тем, конкретные формы и порядок реализации парламентского контроля, а также объем контрольных полномочий, определяются законодательством субъектов РФ [10].

Анализ конституций (уставов) субъектов СФО показывает, что в большинстве из них закреплены положения, устанавливающие право законодательного (представительного) органа осуществлять контроль за деятельностью органов исполнительной власти, использованием государственных средств и распоряжением государственной собственностью. Однако, степень детализации этих положений варьируется.

В одних субъектах конституции (уставы) содержат лишь общие нормы о парламентском контроле, в других – более развернутые положения, определяющие основные направления и формы контрольной деятельности.

Законы субъектов РФ о законодательных (представительных) органах государственной власти конкретизируют контрольные полномочия парламентов, устанавливают процедуры их реализации, а также определяют правовой статус депутатов и комиссий, участвующих в контрольной деятельности. В этих законах, как правило, закрепляются такие формы парламентского контроля, как рассмотрение и утверждение бюджета и отчета о его исполнении, заслушивание отчетов органов исполнительной власти, проведение депутатских расследований, направление парламентских запросов, контроль за исполнением законов субъекта РФ.

Отдельные аспекты парламентского контроля регулируются специализированными законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ. Например, законы о бюджетном процессе устанавливают порядок контроля за исполнением бюджета, законы о государственной собственности регулируют контроль за использованием и распоряжением государственным имуществом, законы о государственной службе определяют порядок контроля за соблюдением законодательства о государственной службе.

Сравнительный анализ нормативно-правовой базы парламентского контроля в субъектах СФО позволяет выделить несколько основных тенденций. Во-первых, наблюдается тенденция к расширению контрольных полномочий региональных парламентов, что связано с возрастающей ролью законодательных органов в системе государственной власти. Во-вторых, наблюдается тенденция к совершенствованию правового регулирования отдельных форм парламентского контроля, таких как депутатские расследования, парламентские слушания, контроль за исполнением бюджета. В-третьих, наблюдается тенденция к повышению эффективности парламентского контроля, что связано с необходимостью обеспечения прозрачности и подотчетности деятельности органов исполнительной власти.

Вместе с тем, в нормативно-правовой базе парламентского контроля в субъектах СФО существуют и проблемные вопросы. В частности, не всегда четко определены критерии эффективности парламентского контроля, что затрудняет оценку результатов контрольной деятельности. Также существуют проблемы с обеспечением исполнения решений, принятых по результатам парламентского контроля.

Кроме того, необходимо совершенствовать взаимодействие региональных парламентов с контрольно-счетными органами, органами прокуратуры и другими органами, осуществляющими контроль за деятельностью органов исполнительной власти.

В целом, нормативно-правовая база парламентского контроля в субъектах СФО представляет собой важный инструмент обеспечения законности, эффективности и прозрачности деятельности органов государственной власти.

Формы и методы осуществления парламентского контроля в законодательной практике регионов Сибирского федерального округа

В основе анализа лежит изучение регионального законодательства, регламентирующего деятельность законодательных (представительных) орга-

нов государственной власти субъектов СФО, в частности, законов о статусе депутатов, о комитетах и комиссиях, о контрольно-счетных органах, а также регламентов законодательных собраний. Особое внимание уделяется нормативным правовым актам, определяющим порядок заслушивания отчетов должностных лиц, проведения депутатских расследований, рассмотрения депутатских запросов, а также участия депутатов в работе коллегиальных органов исполнительной власти [9, с. 1].

Одной из ключевых форм парламентского контроля, реализуемой в регионах СФО, является процедура заслушивания отчетов должностных лиц исполнительной власти. Практика показывает, что наиболее часто депутаты заслушивают отчеты губернаторов о результатах деятельности правительства субъекта, отчеты руководителей отдельных министерств и ведомств о реализации государственных программ и целевых показателей, а также отчеты руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по вопросам, затрагивающим интересы региона.

Анализ регламентов законодательных собраний показывает, что процедура заслушивания отчетов, как правило, включает в себя возможность задавать вопросы докладчику, высказывать замечания и предложения, а также принимать решения по итогам рассмотрения отчета. Вместе с тем, отмечается недостаточная разработанность механизмов реализации принятых решений, что снижает эффективность данной формы контроля.

Участие депутатов в работе коллегиальных органов исполнительной власти, таких как комиссии, советы и рабочие группы, также является одной из форм парламентского контроля. Данная форма позволяет депутатам непосредственно влиять на процесс принятия решений исполнительной властью, высказывать свою позицию по рассматриваемым вопросам и получать информацию из первых рук. Однако, на практике участие депутатов в работе коллегиальных органов зачастую носит формальный характер и не оказывает существенного влияния на принимаемые решения.

В качестве специфической формы парламентского контроля в отдельных регионах СФО выступает процедура согласования с законодательным собранием кандидатур на должности руководителей отдельных органов исполнительной власти [1, с. 303-304]. Например, в некоторых регионах губернатор обязан согласовывать с законодательным собранием кандидатуру на должность руководителя органа исполнительной власти, осуществляющего управление государственным имуществом. Данная процедура позволяет депутатам более тщательно изучить профессиональные и личные качества кандидата, а также выразить свое мнение о его соответствии занимаемой должности.

В целом, анализ законодательной практики регионов СФО в части реализации парламентского контроля свидетельствует о наличии достаточно развитой правовой базы, регулирующей данную сферу деятельности [8]. Вместе с тем, отмечается необходимость совершенствования существующих механизмов контроля, повышения их эффективности и усиления роли законодательных собраний в процессе принятия решений исполнительной властью. Важным направлением совершенствования парламентского контроля является повышение уровня информированности населения о деятельности законодательных органов и результатах осуществления ими контрольных функций.

Необходимо также развивать взаимодействие законодательных собраний с общественными организациями и средствами массовой информации, что позволит обеспечить большую прозрачность и подотчетность органов государственной власти перед обществом.

Перспективным направлением развития парламентского контроля в регионах СФО является внедрение современных информационных технологий, позволяющих автоматизировать процесс сбора и обработки информации, а также обеспечить оперативный доступ депутатов к необходимым данным. Использование электронных систем документооборота, онлайн-платформ для проведения депутатских слушаний и электронных голосований позволит повысить эффективность работы законодательных органов и усилить их контрольные функции.

Проблемы реализации и перспективы совершенствования регионального парламентского контроля в субъектах СФО

Региональный парламентский контроль в субъектах Сибирского федерального округа представляет собой важнейший механизм обеспечения законности, эффективности и прозрачности деятельности органов исполнительной власти, а также защиты прав и законных интересов граждан. Однако, несмотря на значимость этого института, его реализация в регионах СФО сопряжена с рядом проблем, требующих комплексного и всестороннего анализа.

Одной из ключевых проблем является недостаточно развитая нормативная база, регулирующая порядок осуществления парламентского контроля [2, с. 33].

В большинстве субъектов СФО соответствующие законы носят рамочный характер, не содержат четких процедур и критериев оценки деятельности органов исполнительной власти, что затрудняет эффективное применение контрольных полномочий депутатами [7]. Отсутствие единых стандартов и методик парламентского контроля приводит к разнообразию подходов в разных регионах, снижает его результативность и создает возможности для злоупотреблений.

Правовой нигилизм и низкая правовая культура как среди должностных лиц органов исполнительной власти, так и среди населения, также являются серьезными препятствиями для эффективной реализации парламентского контроля [3]. Нередко должностные лица игнорируют депутатские запросы, предоставляют формальные ответы или уклоняются от явки на заседания парламентских комитетов. Отсутствие у населения понимания важности парламентского контроля и механизмов участия

в нем приводит к низкой активности граждан в контрольных мероприятиях.

Кроме того, на эффективность парламентского контроля негативно влияет политическая конъюнктура в регионе. Доминирование одной политической партии в региональном парламенте может приводить к ослаблению контроля над исполнительной властью, особенно если губернатор и большинство депутатов принадлежат к одной и той же партии. Конфликт интересов, коррупция и лоббирование также могут препятствовать проведению объективного и независимого парламентского контроля.

Перспективы совершенствования регионального парламентского контроля в субъектах СФО связаны с рядом направлений. Во-первых, необходимо расширение контрольных полномочий региональных парламентов путем внесения изменений в региональное законодательство. Следует закрепить в законах четкие и конкретные механизмы парламентского контроля, включая право на проведение парламентских расследований, заслушивание отчетов должностных лиц и органов исполнительной власти, а также право на получение информации, необходимой для осуществления контрольной деятельности.

Во-вторых, необходимо усиление ресурсного обеспечения региональных парламентов. Следует увеличить финансирование парламентов, повысить заработную плату депутатов и сотрудников аппарата, а также обеспечить доступ к современным информационным технологиям и базам данных. Необходимо создать аналитические центры при парламентах, которые будут заниматься проведением экспертных оценок и подготовкой аналитических материалов для депутатов [4, с. 61].

В-третьих, необходимо повышение правовой культуры и правосознания населения и должностных лиц. Следует проводить образовательные и информационные кампании, направленные на разъяснение важности парламентского контроля и механизмов участия граждан в контрольных мероприятиях. Необходимо также разработать и внедрить систему ответственности должностных лиц за неисполнение требований законодательства о парламентском контроле.

В-четвертых, необходимо укрепление независимости и беспристрастности региональных парламентов. Следует принять меры по предотвращению конфликта интересов, коррупции и лоббирования в органах законодательной власти. Необходимо также обеспечить равный доступ всех политических партий и групп к участию в парламентском контроле.

В-пятых, необходимо развитие межрегионального сотрудничества в сфере парламентского контроля. Следует создать механизмы обмена опытом и лучшими практиками между парламентами субъектов СФО, а также разработать совместные контрольные мероприятия по вопросам, представляющим общий интерес [5, с. 7].

Реализация этих мер позволит повысить эффективность регионального парламентского контроля в субъектах СФО, обеспечить законность, прозрачность и подотчетность региональных органов государственной власти, а также укрепить демократические институты в регионе. Это, в свою очередь, будет способствовать улучшению качества жизни населения, социально-экономическому развитию и укреплению правопорядка.

Выводы

Проведенное исследование правового регулирования регионального парламентского контроля в субъектах Сибирского федерального округа позволило выявить ряд ключевых особенностей, проблем и перспектив развития данного института. В рамках сравнительного анализа нормативно-правовой базы было установлено, что, несмотря на общие федеральные принципы организации государственной власти, региональное законодательство демонстрирует существенные различия в подходах к регламентации форм, методов и механизмов осуществления парламентского контроля.

Отмечается неравномерность их применения и различная степень эффективности в зависимости от региона. Выявлена тенденция к расширению практики использования "круглых столов", парламентских слушаний и общественных обсуждений для обеспечения большей прозрачности и вовлеченности граждан в процессы контроля за деятельностью органов государственной власти.

Особое внимание в исследовании было уделено проблемам реализации регионального парламентского контроля. К числу наиболее острых следует отнести недостаточно четкую регламентацию полномочий региональных парламентов, ограниченные ресурсы и экспертный потенциал депутатского корпуса, а также недостаточную правовую защищенность депутатов при осуществлении контрольных функций. Кроме того, выявлена проблема слабой координации между различными контрольными органами и отсутствие единой методологической базы для оценки эффективности парламентского контроля.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность регионального парламентского контроля, укрепить законность и правопорядок в субъектах СФО, а также обеспечить более эффективное использование бюджетных средств и ресурсов региона. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение влияния политической культуры и региональных особенностей на эффективность различных форм парламентского контроля, а также на разработку практических рекомендаций по внедрению инновационных методов контроля, таких как использование информационных технологий и искусственного интеллекта. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности региональных парламентов, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области государственного и муниципального управления.

Литература

1. Абрамова, А. И. Парламентское право России: монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин,

Н. А. Власенко [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. — М., 2013. — 400 с.

2. Быкова А. Г. Коллегиальное руководство в структуре законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в Сибирском федеральном округе // Сибирское юридическое обозрение, 2014 г. С. 32-34.

3. Гиздатов А.Р. Сущность и формы парламентского контроля в Российской Федерации// Вопросы управления, 2014, №27.

4. Заметина Т. В., Куликова С. А., Каменская Е. В. Парламентский контроль в субъектах российской федерации: проблемы правового регулирования и практики реализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, 2023 г. С. 61-68.

5. Зеленцов В. В. Особенности партийно-политического процесса в Новосибирской области // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2015 г. С. 1-7.

6. Злобина И. Д., Колмакова А. С. Парламентский контроль в Российской Федерации // Общество, экономика, управление, 2020 г. С. 9-12.

7. О парламентском контроле в Алтайском крае : закон Алтайского края от 04.05.2016 № 30-ЗС (ред. от 31.08.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]: http://www.pravo.gov.ru, (свободный, дата обращения: 19.04.2025 г.)

8. О регламенте Верховного Совета Республики Хакасия : постановление Верхов. Совета Респ. Хакасия от 29 окт. 1997 г. № 83-5 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс, 2025 г.

9. Савченко М. С., Жирова Е. Н. Парламентский контроль: понятие и назначение // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2016 г. С. 1-13.

10.Федеральный закон от 07.05.2013 N 77-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О парламентском контроле" // Консультант Плюс, 2025 г.

Features of the legal regulation of regional parliamentary control in the Russian Federation (on the example of the subjects of the Siberian federal district)

Lobkov A.V.
Baikal State University

The article examines the specifics of the legal regulation of parliamentary control at the regional level in the Russian Federation, with an emphasis on the subjects of the Siberian Federal District. The analysis of the regulatory framework defining the powers and mechanisms for the implementation of control activities by the legislative (representative) state authorities of the regions that are part of the Siberian Federal District is carried out. Special attention is paid to identifying the specifics of the legal consolidation of the forms and methods of parliamentary control, due to the socio-economic, geographical and political characteristics of each specific subject of the Federation. The article examines differences in approaches to regulating aspects such as the procedure for hearing reports from executive officials, organizing parliamentary investigations, conducting parliamentary inquiries and monitoring activities in the field of the budget process and state property management.

Keywords: regional parliamentary control, legislative (representative) body of state power of a subject of the Russian Federation, Siberian Federal District, legal regulation, forms of parliamentary control, constitution (charter) of a subject of the Russian Federation, rules of procedure, deputy inquiry, parliamentary investigation, budget process.

References

1. Abramova, A. I. Parliamentary law of Russia: a monograph / A. I. Abramova, V. A. Vitushkin, N. A. Vlasenko [et al.]; edited by T. Ya. Khabrieva, Moscow, 2013, 400 p
2. Bykova A. G. Collegial leadership in the structure of legislative (representative) bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in the Siberian Federal District // Siberian Legal Review, 2014, pp. 32-34.
3. Gizdatov A.R. The essence and forms of parliamentary control in the Russian Federation// Management Issues, 2014, No. 27.
4. Zametina T. V., Kulikova S. A., Kamenskaya E. V. Parliamentary control in the subjects of the Russian Federation: problems of legal regulation and implementation practice // Proceedings of the Saratov University. A new series. The Economics series. Management. Pravo, 2023, pp. 61-68.
5. Zelentsov V. V. Features of the party-political process in the Novosibirsk region // Interexpo Geo-Siberia, 2015, pp. 1-7.
6. Zlobina I. D., Kolmakova A. S. Parliamentary control in the Russian Federation // Society, economics, management, 2020, pp. 9-12.
7. On parliamentary control in the Altai Territory : the Law of the Altai Territory dated 05/04/2016 No. 30-ZS (as amended on 08/31/2022) // The official Internet portal of legal information. [Electronic resource]: http://www.pravo.gov.ru , (free, accessed: 04/19/2025)
8. On the regulations of the Supreme Council of the Republic of Khakassia : resolution of the Upper House. The Council of the Republic Khakassia, dated October 29, 1997, No. 83-5 [Electronic resource] // Consultant Plus, 2025.
9. Savchenko M. S., Zhirova E. N. Parliamentary control: concept and purpose // Polythematic online electronic scientific Journal of Kuban State Agrarian University, 2016, pp. 1-13.
10. Federal Law No. 77-FZ dated 05/07/2013 (as amended on 12/25/2023) "On Parliamentary Control" // Consultant Plus, 2025.

Генезис законодательства, регламентирующего порядок приема в гражданство (предоставления гражданства) РФ

Постнова Маргарита Витальевна
аспирант, кафедра организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, МГЮА, margosa998@gmail.com;

Рассмотрена эволюция законодательства о приёме в гражданство на территории России от дореволюционного периода до современного этапа. В ранний дореволюционный период отсутствовало системное регулирование данного института; на смену ему постепенно пришли нормы о присяге на подданство. В XVIII–XIX вв. появились первые нормативные акты, касающиеся приёма в подданство иностранных лиц. После революции 1917 г. законы о гражданство приобрели более современный вид, хотя прием в гражданство и его лишение стало политическим инструментом. Важным этапом стало принятие Закона СССР «О гражданстве СССР» от 1978 г., положившего начало системному правовому регулированию института приема в гражданство. В постсоветский период развитие законодательства происходило в рамках преемственности с советской моделью. Новый этап начался с принятием закона № 138-ФЗ от 28 апреля 2023 г., ознаменовавшего модернизацию системы контроля в сфере приема в гражданства.

Ключевые слова: гражданство, подданство, прием в гражданство, гражданин, СССР, Российская империя, соотечественник

РЕТРАКТИРОВАНО
Рецензирование по решению редакции журнала
Причина: «Недостоверная информация, плагиат, самоплагиат, подлог авторства»

Гражданство выступает крайне значимым конституционно-правовым институтом, функционирование которого обеспечивает реализацию прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Гражданство в любой юрисдикции является важнейшим элементом правового статуса личности. При этом как в России, так и за рубежом, сущность, цели и особенности данного института постоянно изменялись [8, с. 65]. Достаточно часто подвергается трансформациям законодательство о приеме в гражданство. На сегодняшний день российский законодатель предпринимает попытки усовершенствовать данный сегмент нормативного правового массива, адаптируя его к текущим политическим, экономическим и социальным реалиям. В данной связи представляется весьма актуальным обращение к истокам эволюции законодательства о приеме в гражданство, как и анализ преемственности законотворческих практик.

Законодательство о приеме в гражданство в нашей стране не является статичным элементом общественной жизни. Ретроспективный анализ системы отечественного законодательства позволяет говорить о том, что зарождение правового института гражданства произошло несколько столетий назад. В правовом массиве раннедореволюционного периода положения о приеме в гражданство отсутствовали. Как отмечает А. А. Самойленко, вплоть до XVIII в. в государстве доминировала сакрально-православная концепция (гражданство определялось по умолчанию – на основании территории проживания, конфессии и подданства монарху, основанного на религиозно-субъективных установках) [10, с. 149].

Можно сказать, что еще со времен Древней Руси IX–X вв. в обществе существовал институт присяги на подданство, который, с одной стороны, обнаруживает сходство с современной процедурой приема в гражданство, а с другой – едва ли является ее прямым «прародителем». Р. Ю. Почекаев и Н. В. Тарасов указывают, ранним прототипом присяги на подданство принято считать клятву («роту»). Представители служилой знати – бояре и дружинники клялись либо «голову сложить» за князя, либо «служить животом» [9, с. 597]. Упоминания о практике подобной присяги для широких слоев общества единичны и также связаны с обязательством клявшихся поддерживать князя в борьбе с противниками. Как очевидно подобного рода клятвы могут быть соотнесены с современной присягой при вступлении в должность или поступлении на военную службу. Одним из прототипов процедуры приема в гражданство можно считать докончания великих и удельных князей XIV – начала XVI вв., сопровождавшиеся принесением клятвы (крестоцелованием) [9, с. 597].

Законодательство о приеме в гражданство тесным образом связано с развитием регистрационного и миграционного законодательства. Так, с конца XIII по XVII вв. был регламентирован правовой статус иностранного гражданина, установлен правовой контроль за въездом на территорию государства и выездом за его пределы как подданных империи, так и иностранных граждан. С начала XVIII в. по 1917 г. законодательство было расширено нормами о порядке передвижения населения по территории Российской империи, о паспортном контроле, о т.н. билетах на жительство для иностранных граждан [6, с. 259].

Государственная политика подданства в Российской империи была направлена на удержание выхода населения из российского подданства и привлечение в подданство иностранцев. Согласно актуальной на то время популяционистской концепции народонаселения, которой рост численности населения рассматривался необходимым условием развития страны [7, с. 62]. Следует отдельно выделить Закон «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами русского подданства» от 1864 г., который разрешил иностранным гражданам после пяти лет проживания в Российской империи подавать прошение о принятии подданства. В Законе, кроме того, был представлены условия, при которых осуществлялся прием в подданные.

В 1917 г. произошла деструкция существовавшей правовой системы в целом и законодательства о гражданстве (подданстве) в частности. 23 (10) ноября 1917 г. ВЦИК был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»; фактически все лица, которые считались ранее подданными Российской империи, стали гражданами Российской Республики. По мнению О. Н. Ворошиловой, именно этот правовой акт заложил основы для современного законодательства о приеме в гражданство [2, с. 38]. Закон зафиксировал разрушение сословной системы и объявил всех лиц, проживающих на территории страны, гражданами. Советская правовая доктрина отказалось от использования понятия «подданство», посчитав его категорией устаревшего монархического устоя в пользу термина «гражданство».

1 апреля 1918 г. ВЦИК обнародовал декрет «О приобретении прав российского гражданства»; 22 августа 1921 г. был утвержден декрет СНК РСФСР от «О принятии иностранцев в российское гражданство». Эти акты стали законами советского государства, которые установили порядок приобретения. Декрет от 1921 г. дифференцировал условия приема иностранцев в гражданство в зависимости от их социального положения: в российское гражданство могли быть приняты иностранцы, проживающие на территории РСФСР и занимающиеся трудом в качестве рабочих или крестьян. Если же иностранное лицо не являлось представителями данных социальных групп трудящихся, решение об их приеме в гражданство принималось в индивидуальном порядке губернскими исполнительными комитетами. В ситуации, когда иностранный гражданин проживал за границей, подобное решение принималось Всероссийским центральным исполнительным комитетом – высшим органом государственной власти.

Социальная динамика того периода была такова, что многие граждане утратили гражданство в результате каких-либо политических событий и нуждались в его восстановлении. Советское законодательство предусматривало и подобные случаи «вторичного» приема в гражданство. Известны, к примеру, случаи амнистии в отношении отдельных категорий лиц при восстановлении ими советского гражданства. Амнистия, помимо освобождения от наказания и облегчения возвращения на родину, восстанавливала данных лиц и в гражданстве (солдаты белой армии, участники контрреволюционных движений). Был принят, помимо прочего, декрет «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» (28 октября 1921 г.).

Дальнейшим этапом развития рассматриваемого нами сегмента законодательства стало принятие в 1924 г. Конституции СССР, установившей единое союзное гражданство. Специфической чертой Конституции стало то, что каждый гражданин союзной республики считался одновременно и гражданином Советского Союза, и, при этом, каждый гражданин автономной республики был гражданином союзной республики, в которую входила соответствующая автономная республика, а также гражданином СССР. Кроме того, полномочия в области приема иностранцев в гражданство были переданы в ведение Центральных исполнительных комитетов союзных республик.

Положение о союзном гражданстве 1924 г. установило условия, необходимые для признания лица гражданином одной из союзных республик и гражданином СССР. В частности, гражданином СССР признавалось каждое лицо, которое находилось на территории данного государства, если оно не доказало свою принадлежность к гражданству иностранного государства. Данное Положение установило более сложный порядок приема в гражданство, предусмотревший дифференциацию иностранных граждан на категории по критерию характера трудовой деятельности. Схожие нормы содержались в Положениях о гражданстве СССР 1930 и 1931 гг., однако, в отличие от Положения 1924 г. бремя доказательства того, что лицо является иностранным гражданином, вменялась не самому лицу, а государству [2, с. 39].

В 1938 г. был принят Закон, в котором указывалось, что «гражданство определяет принадлежность лица к государству, определяет правовое положение лица не только внутри государства, но и вне его, в международном общении» [8, с. 67]. В принятом в 1938 г. Законе о гражданстве в нормативный массив была введена категория «апатрид» (лицо без гражданства) [2, с. 40].

Если попытаться охарактеризовать характер государственной политики в области приема в гражданство, можно сказать об ужесточении и политизации данной процедуры. Право на приём в гражданство СССР закреплялось за Президиумом Верховного Совета СССР, не допускалось двойное граж-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ
Принцип «экстерриториальности» в законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой аспект
Ирина Александровна Ракитина
Ракитина, И. А. Принцип «экстерриториальности» в законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой аспект / И. А. Ракитина // Знание. Понимание. Умение. – 2025. – № 1. – С. 30–41.

данство. Устанавливался административный порядок приема, часто – без четких критериев и правил. Гражданство становится инструментом государственного контроля. Прием в гражданство осуществляется индивидуально, по указам, без четких нормативных процедур. Налицо преобладание репрессивного аспекта: лишение гражданства эмигрантов, «врагов народа» и т.п.

Закон СССР «О гражданстве СССР» от 19 августа 1978 г. можно считать первым полноценным и детализированным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы приема в гражданство. Закон имел конституционно-правовой характер: его положения соответствовали Конституции СССР 1977 года. Гражданство СССР стало рассматриваться как устойчивая правовая связь лица с государством. Были установлены принципы единого союзного гражданства, а также равенства граждан. Уточнялись условия и порядок приема в гражданство СССР, выхода из гражданства, восстановления гражданства, утраты и лишения гражданства.

Согласно Закону, условиями приема в гражданство СССР были следующие: проживание на территории СССР не менее 5 лет; владение одним из языков народов СССР; лица, имеющие заслуги перед СССР, могли быть приняты в гражданство в упрощенном порядке; дети граждан СССР автоматически приобретали гражданство. Прием в гражданство СССР осуществлялся Президиумом Верховного Совета СССР. В период 1980-х гг., в эпоху перестройки, активизировалась законотворческая практика. Публиковались указы о приеме в гражданство лиц армянской, афганской, еврейской и других национальностей, мигрировавших в СССР.

В период существования Российской Федерации многие принципиальные положения законов о приеме в гражданство были заимствованы из советской доктрины. Ключевыми документами на данном этапе стали Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 [3] и Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ [5, с. 96]. Как и Закон о гражданстве РФ 1991 г., ФЗ о гражданстве РФ 2002 г. предусматривал упрощенный порядок приобретения гражданства для бывших граждан бывшего СССР, родившихся на территории РСФСР, но только лишь в том случае, если они проживали на территории Российской Федерации [13].

Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ [12] представил расширенное правовое определение термина «соотечественник». Соотечественниками за рубежом признаются: граждане РФ, постоянно проживающие за пределами её территории, а также лица и их потомки, проживающие за пределами территории РФ и относящие себя к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, включая тех, кто проживал на территории СССР, приобрел гражданство других государств или остался без гражданства. Таким образом, к соотечественникам отнесены: этнические русские и представители других народов РФ; эмигранты различных волн (включая дореволюционную, послереволюционную, послевоенную, постсоветскую); бывшие граждане СССР, проживающие в государствах СНГ и Прибалтики; потомки вышеуказанных категорий.

Закон закрепляет принципы: поддержки культурной, языковой, духовной идентичности; содействия в репатриации и переселении в Российскую Федерацию; гарантии прав и свобод соотечественников наравне с гражданами РФ при переселении. Несмотря на то, что Закон № 99-ФЗ не регулирует напрямую процедуру приема в гражданство, он создаёт основания и политико-правовые гарантии для упрощения этой процедуры. Так, к примеру, соотечественники, участвующие в госпрограмме переселения, могут получить гражданство без пятилетнего срока проживания и без обязанности подтверждать источник дохода.

Новый этап в развитии законодательства о приеме в гражданство начался в 2023 г., когда был принят Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [11]. Принятие данного Закона обусловлено необходимостью ужесточения контроля над процессами натурализации в условиях меняющейся социальной и внешнеполитической среды. Закон ориентирован на концептуальное упрощение структуры правового регулирования при одновременном усилении требований к соискателям гражданства [1, с. 111].

Закон устанавливает исчерпывающий перечень категорий лиц, имеющих право на получение гражданства без соблюдения общего пятилетнего срока проживания, без подтверждения доходов и знания русского языка. К ним, в частности, отнесены бывшие граждане СССР, лица, имеющие хотя бы одного родителя – гражданина Российской Федерации, участники Государственной программы по переселению соотечественников, а также выпускники российских вузов, проработавшие по специальности не менее одного года.

Особое внимание в законе уделяется проблематике двойного гражданства. Если прежний закон от 2002 г. допускал возможность обладания иным гражданством при наличии оснований, то в новой редакции этот вопрос регламентирован более жестко. Закон устанавливает императивное требование отказа от иностранного гражданства, за исключением случаев, когда такой отказ невозможен по объективным причинам.

Закон существенно расширяет перечень оснований, по которым заявителю может быть отказано в гражданстве. Среди них – участие в деятельности, направленной против интересов Российской Федерации, сотрудничество с террористическими, экстремистскими организациями, публичная дискредитация Вооружённых сил, участие в иностранных вооружённых конфликтах без санкции и проч. Данные нормы позволяют рассматривать институт гражданства как элемент государственной безопасности [4, с. 114].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

РЕПОЗИТОРИЙ ВГУЮ (РПА Минюста России)
Цитирование разрешено при условии ссылки на журнал.
Воспроизведение статьи в другом издании допускается только с письменного согласия редакции.

– В раннедореволюционный период не существовало законодательства о приеме в гражданство. Некоторую схожесть с данной процедурой имел институт присяги на подданство. Позднее, в XVIII-XIX вв. возникли первые нормативные положения о приеме в гражданство иностранных лиц.

– В 1917 г. произошла деструкция существовавшей правовой системы. В 1917 г. был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»; фактически все лица, которые считались ранее подданными Российской империи, стали гражданами. Гражданство становится инструментом государственного (политического) контроля.

– Закон СССР «О гражданстве СССР» от 19 августа 1978 г. можно считать первым детализированным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы приема в гражданство.

– В период существования Российской Федерации многие принципиальные положения законов о приеме в гражданство были заимствованы из советской доктрины. Ключевыми документами на данном этапе стали Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 и Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ.

– Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ представил расширенное правовое определение термина «соотечественник», за счет чего изменились правила приема в гражданство.

– Новый этап в развитии законодательства о приеме в гражданство начался в 2023 г., когда был принят Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Принятие данного Закона обусловлено необходимостью совершенствования механизмов контроля над процессами натурализации в условиях меняющейся социальной и внешнеполитической среды.

Литература

1. Демьянец, М. В. Актуальные тенденции развития законодательства о гражданстве Российской Федерации / М. В. Демьянец, Е. В. Понизова // Аграрное и земельное право. – 2023. – №12 (228). – С. 110–113.
2. Ворошилова, О. Н. Нормативное обеспечение института гражданства в Российской Федерации (история и современность) / О. Н. Ворошилова // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2015. – №1 (42). – С. 36–42.
3. Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 г. № 1948-1// Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/10102400/. – Дата доступа: 16.07.2025.
4. Кикоть-Глуходедова, Т. В. Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации / Т. В. Кикоть-Глуходедова, Я. А. Зайцева // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – №7. – С. 112–115.
5. Клинов, А. С. Об историческом развитии политики Российской Федерации в сфере миграции и гражданства / А. С. Клинов, К. В. Сибиркина // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №8 (64). – С. 90–106.
6. Лайкова, Е. А. Историко-правовой анализ развития законодательства в сфере регистрационного и миграционного учета (начало XIII—XIX в.) / Е. А. Лайкова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – №4. – С. 259–266.
7. Моисеенко, В. М. От подданства России к гражданству СССР / В. М. Моисеенко // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – №6. – С. 58–94.
8. Понизова, Е. В. Становление института гражданства в современной России / Е. В. Понизова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – №2. – С. 64–71.
9. Почекаев, Р. Ю. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации / Р. Ю. Почекаев, Н. В. Тарасов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2023. – №3. – С. 595–608.
10. Самойленко, А. А. Гражданство (подданство) в дореволюционный и советский периоды / А. А. Самойленко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №9-2. – С. 149–151.
11. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/. – Дата доступа: 16.07.2025.
12. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. – Дата доступа: 16.07.2025.
13. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. – Дата доступа: 16.07.2025.

Genesis of the legislation regulating the procedure for admission to citizenship (granting citizenship) of the Russian Federation

Postnova M.V.
Moscow State Law Academy

The article presents the evolution of the legislation on admission to citizenship in Russia from the pre-revolutionary period to the present stage. In the early pre-revolutionary period, there was no systemic regulation of this institution; it was gradually replaced by norms on the oath of allegiance. In the 18th–19th centuries, the first regulations concerning the admission of foreign nationals to citizenship appeared. After the 1917 revolution, citizenship was institutionalized as a means of state control. An important stage was the adoption of the USSR Law "On Citizenship of the USSR" of 1978, which laid the foundation for the systemic legal regulation of the institution of admission to citizenship. In the post-Soviet period, the development of legislation took place within the framework of continuity with the Soviet model. A new stage began with the adoption of Law No. 138-FZ of April 28, 2023, which marked the modernization of the control system in the field of admission to citizenship.

Keywords: citizenship, allegiance, admission to citizenship, citizen, USSR, Russian empire, compatriot

Ретракция оформлена по решению редакции журнала «Причина: «незаконное использование и присвоение текста статьи принадлежащего другому автору»

References
1. Dem'yanets, M. V. Current trends in the development of legislation on citizenship of the Russian Federation / M. V. Dem'yanets, E. V. Ponizova // Agrarian and land law. - 2023. - No. 12 (228). - P. 110-113.
2. Voroshilova, O. N. Regulatory support of the institution of citizenship in the Russian Federation (history and modernity) / O. N. Voroshilova // Bulletin of Omsk State University. Series: Law. - 2015. - No. 1 (42). - P. 36-42.
3. Law of the Russian Federation "On Citizenship of the Russian Federation" dated November 28, 1991 No. 1948-1 // Garant [Electronic resource]. - Access mode: https://base.garant.ru/10102400/. – Date of access: 16.07.2025.
4. Kikot-Glukhodedova, T. V. Admission to citizenship as one of the ways to acquire citizenship of the Russian Federation / T. V. Kikot-Glukhodedova, Ya. A. Zaitseva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 7. - P. 112-115.
5. Klinov, A. S. On the historical development of the policy of the Russian Federation in the field of migration and citizenship / A. S. Klinov, K. V. Sibirkina // Society: philosophy, history, culture. - 2019. - No. 8 (64). - P. 90-106.
6. Laikova, E. A. Historical and legal analysis of the development of legislation in the field of registration and migration accounting (early 13th-19th centuries) / E. A. Laikova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 4. - P. 259-266.
7. Moiseenko, V. M. From Russian citizenship to USSR citizenship / V. M. Moiseenko // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2019. - No. 6. - P. 58-94.
8. Ponizova, E. V. Formation of the institution of citizenship in modern Russia / E. V. Ponizova // Legal policy and legal life. - 2010. - No. 2. - P. 64-71. 9. Pochekaev, R. Yu. Oath of Allegiance in Russian History and Oath of Citizenship in Modern Russia: Traditions and Innovations / R. Yu. Pochekaev, N. A. Tarasov // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. - 2023. - No. 3. - P. 595-608.
10. Samoylenko, A. A. Citizenship (Nationality) in the Pre-Revolutionary and Soviet Periods / A. A. Samoylenko // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - No. 9-2. - P. 149-151.
11. Federal Law of April 28, 2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/. – Access date: 16.07.2025.
12. Federal Law “On the State Policy of the Russian Federation Regarding Compatriots Abroad” dated May 24, 1999 No. 99-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. – Access date: 16.07.2025.
13. Federal Law “On Citizenship of the Russian Federation” dated May 31, 2002 No. 62-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/. – Access date: 16.07.2025.

RETRACTED

Ретракция оформлена по решению редакции журнала.
Причина:
«незаконное использование и присвоение текста статьи, принадлежащего другому автору»

Основы административно-правового статуса трудовых мигрантов в Республике Казахстан

Хабдулин Арман Баймурзаевич
аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Настоящее исследование посвящено анализу формирования правового положения трудовых мигрантов в нормативно-правовой системе Республики Казахстан. Работа включает детальное рассмотрение терминологического аппарата миграционного законодательства, в частности, понятий «мигрант» и «иммигрант». Значительное внимание уделяется проблеме отсутствия законодательного закрепления дефиниции «трудовой мигрант» в национальных правовых актах Казахстана, что обусловливает необходимость обращения к международным нормативным документам для восполнения данного пробела. Изучаются определения трудового мигранта, закрепленные в Международной конвенции ООН 1990 г., конвенциях МОТ № 97 и № 143, Европейской конвенции 1977 г., а также Конвенции СНГ 2008 г. Выделяются общие признаки трудового мигранта, сформулированные в научной литературе. Рассматривается классификация иммигрантов, прибывающих с целью осуществления трудовой деятельности, согласно законодательству Республики Казахстан и Международной конвенции ООН 1990 г.
Ключевые слова: трудовой мигрант, административно-правовой статус, миграционное законодательство, Республика Казахстан, международные договоры, Конвенция ООН 1990 г., Конвенции МОТ, Конвенция СНГ.

Введение

Трудовая миграция является неотъемлемой частью современного мирового социально-экономического развития. Миллионы людей перемещаются через границы государств в поисках работы, что создает сложную систему правовых, экономических и социальных отношений. Эффективное регулирование этих отношений, а также определение и обеспечение правового статуса трудовых мигрантов, является важнейшей задачей для любого государства, вовлеченного в международные миграционные процессы. Республика Казахстан, будучи активным участником региональных и глобальных миграционных потоков, сталкивается с необходимостью всестороннего осмысления и совершенствования административно-правовых основ регулирования статуса трудовых мигрантов.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в законодательной системе Республики Казахстан конкретной формулировки понятия «трудовой мигрант», что влечет правовую неопределенность и осложняет применение соответствующих норм на практике. Основной закон Республики Казахстан и нормативный акт «О миграции населения» устанавливают примат международных договоров, прошедших процедуру ратификации государством, что вызывает необходимость тщательного исследования международных правовых документов, определяющих статус рассматриваемой группы лиц.

Цель статьи состоит в проведении комплексного исследования основополагающих элементов административно-правового положения трудовых мигрантов на территории Республики Казахстан путем сравнительного анализа внутригосударственных правовых норм с международными юридическими стандартами и научными концепциями.

Понятие «мигрант» и «иммигрант» в законодательстве Республики Казахстан

Нормативно-правовая база Республики Казахстан в сфере миграционных процессов включает определения основных категорий участников миграционных отношений. Согласно подпункту 10) статьи 1 Закона Республики Казахстан «О миграции населения» [1] термин «мигрант» трактуется как «лицо, въехавшее в Республику Казахстан и выехавшее из Республики Казахстан, а также переселяющееся внутри Республики Казахстан вне зависимости от причин и длительности». Представленная формулировка характеризуется обширным охватом, включая разнообразные формы территориального перемещения граждан.

Подпункт 8) аналогичной статьи [2] формулирует понятие «иммигрант» как «иностранец или лицо без гражданства, прибывшие в Республику Казахстан

для временного или постоянного проживания». Данная дефиниция конкретизирует субъектный состав, ограничивая его иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывающими на территорию государства.

Необходимо констатировать отсутствие в миграционном законодательстве Республики Казахстан непосредственного определения категории «трудовой мигрант». Указанный терминологический пробел создает затруднения, поскольку данная группа мигрантов функционирует в рамках особого правового режима, связанного с осуществлением профессиональной деятельности.

Существенным аспектом выступает положение пункта 2 статьи 2 Закона Республики Казахстан «О миграции населения» [3], а также пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан [4], устанавливающих превалирование норм международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан, над национальным законодательством при наличии различий в правовом регулировании. Данное обстоятельство обуславливает необходимость обращения к международным правовым источникам для формирования комплексного представления об административно-правовом статусе трудовых мигрантов.

Понятие «трудовой мигрант» в международных правовых актах

Международные правовые документы выполняют фундаментальную функцию в создании единообразных методологических подходов к определению правового положения трудовых мигрантов и регламентации их статуса.

Наиболее полная дефиниция представлена в пункте 1 статьи 2 Международной конвенции о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятой Резолюцией 45/178 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1990 г. (Международная конвенция ООН 1990 г.) [5]. Согласно данному документу, понятие «трудящийся-мигрант» определяется как «лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является». По мнению Т.М. Безбородовой, указанное определение характеризуется двумя существенными особенностями [6]. Во-первых, категория «трудящийся-мигрант» распространяется не исключительно на лиц, осуществляющих трудовую деятельность в настоящий момент или выполнявших ее ранее, но также охватывает индивидов, планирующих приступить к работе. Во-вторых, понятие включает нелегальных мигрантов, поскольку формулировка не содержит уточнений относительно правомерности осуществления трудовой деятельности.

К.В. Трифонова и А.В. Старицин в своих исследованиях подтверждают, что дефиниция, представленная в Международной конвенции ООН 1990 г., не устанавливает временных ограничений статуса и распространяется как на легальных, так и на нелегальных мигрантов [7].

Предшествующие Международной конвенции ООН 1990 г. нормативные положения, регламентирующие правовой статус трудящихся-мигрантов, содержались в актах Международной организации труда (МОТ).

Пункт 1 статьи 11 Конвенции МОТ № 97 о трудящихся-мигрантах (Женева, 08.06.1949 г.) [9] формулирует понятие «трудящийся-мигрант» как «лицо, которое мигрирует из одной страны в другую с намерением получить работу, иначе чем на собственный счет, и включает всякое лицо, допускаемое в соответствии с законом в качестве трудящегося-мигранта».

Согласно пункту 1 статьи 11 Конвенции МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам (Женева, 24.06.1975 г.) [10], термин «работник-мигрант» обозначает «лицо, которое мигрирует или мигрировало из одной страны в другую, с целью получения любой работы, кроме как не по найму, и включает в себя любое лицо, законно въехавшее в страну в качестве работника-мигранта». Т.М. Безбородова акцентирует внимание на том, что данная формулировка применима исключительно к лицам, законно пересекшим государственную границу, исключая возможность распространения на нелегальных мигрантов. Дополнительно отмечается, что определение не охватывает лиц, прибывающих для профессионального обучения, получения образования или выполнения специализированных функций в течение ограниченного периода [11].

Статья 1 Европейской конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов № 93 от 24.11.1977 г. [12] трактует понятие «трудящийся-мигрант» как гражданина договаривающейся стороны, получившего от другой договаривающейся стороны разрешение на проживание на ее территории для выполнения оплачиваемой работы. Исследователи К.В. Трифонова, А.В. Старицин [12] и Т.М. Безбородова [13] подчеркивают, что данная формулировка акцентирует внимание на гражданской принадлежности, исключая из правового поля конвенции лиц без гражданства, а также делает упор на межгосударственных соглашениях относительно использования труда мигрантов.

Для Республики Казахстан первостепенное значение представляет Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников СНГ (Конвенция СНГ 2008 г.), подписанная 14 ноября 2008 года в Кишиневе и ратифицированная Казахстаном [14]. В соответствии со статьей 1 указанного документа, термин «трудящийся-мигрант» интерпретируется как «лицо, являющееся гражданином одной из сторон, а также лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории одной стороны, законно находящееся и на законном основании занимающееся оплачиваемой трудовой деятельностью на территории другой стороны, гражданином которой оно не является и в которой постоянно не проживает».

Т.М. Безбородова выражает критическую позицию относительно приведенного определения, ука-

зывая на необоснованное сужение круга лиц, относимых к категории трудящихся-мигрантов, по сравнению с нормативными актами других международных организаций. Применение критерия постоянного проживания на территории государства въезда, согласно мнению исследователя, ограничивает права иностранных работников, не обладающих соответствующим статусом, и формирует правовую неопределенность для временно проживающих граждан, что носит дискриминационный характер [15]. К.В. Трифонова и А.В. Старицин также отмечают неоднозначность интерпретации термина «оплачиваемая трудовая деятельность» в Конвенции СНГ 2008 г., однако предполагают возможность его распространения на деятельность, осуществляемую как в рамках трудовых, так и гражданско-правовых договоров [17].

Общие признаки и категории трудовых мигрантов

На основании анализа международных актов и научной литературы можно выделить **общие признаки трудящегося-мигранта**. По мнениям К.В. Трифоновой, А.В. Старицина [18] и Т.М. Безбородовой [19], к ним относятся:

1. **Иностранное гражданство** (или отсутствие гражданства).
2. **Место постоянного проживания** (за пределами страны осуществления трудовой деятельности).
3. **Цель прибытия в страну** – выполнение оплачиваемой работы.
4. **Временный характер пребывания** в принимающей стране.
5. **Легальность** (разрешение компетентного государственного органа на такое временное пребывание).
6. **Регулирование трудовых отношений** национальным законодательством страны пребывания.

Т.М. Безбородова, систематизируя указанные характеристики, формулирует определение трудового мигранта как «лицо с иностранным гражданством или без гражданства, которое постоянно проживает на территории страны въезда с целью осуществления трудовой деятельности, имеет доказательство наличия договоренности об осуществлении трудовой деятельности на территории страны въезда или осуществляет трудовую деятельность в установленном законодательством страны въезда порядке» [20].

Закон Республики Казахстан «О миграции населения» [21] устанавливает классификацию иммигрантов, прибывающих для осуществления трудовой деятельности. К первой категории относятся иностранные работники, которые подразделяются на две группы: прибывшие для самостоятельного трудоустройства по востребованным профессиям в приоритетных отраслях экономики и привлекаемые работодателями, включая случаи внутрикорпоративного перевода. Вторую категорию составляют бизнес-иммигранты, целью прибытия которых является осуществление предпринимательской деятельности. Третья категория представлена сезонными иностранными работниками, привлекаемыми на период, не превышающий одного года, для выполнения сезонных работ. Четвертую категорию формируют трудовые иммигранты, прибывающие для работы в качестве домашних работников на основании соответствующего разрешения.

Статья 1 Международной конвенции ООН 1990 г. [22] представляет расширенную типологию трудовых мигрантов с детальной характеристикой каждой категории. Приграничный трудящийся определяется как лицо, сохраняющее постоянное место жительства в соседнем государстве и осуществляющее регулярные возвращения туда ежедневно или еженедельно. Сезонный трудящийся характеризуется выполнением работы, обусловленной сезонными факторами и ограниченной определенным периодом года. Категория моряков, включающая рыбаков, охватывает лиц, нанятых для работы на судне, зарегистрированном в государстве, гражданами которого они не являются. Трудящийся, занятый на стационарной прибрежной установке, представляет собой работника, нанятого на объекте, находящемся под юрисдикцией государства, гражданином которого он не является.

Конвенция также выделяет трудящихся, работа которых связана с переездами – лиц, вынужденных перемещаться в другое государство на непродолжительные периоды в силу специфики профессиональной деятельности. Трудящийся на проекте определяется как лицо, допущенное в государство исключительно для работы по конкретному проекту с фиксированным сроком выполнения. Трудящийся целевого найма характеризуется направлением работодателем на ограниченный период для выполнения специфических функций или обязанностей, либо осуществлением деятельности, требующей особых навыков, или временной/краткосрочной работы по запросу нанимателя. Завершает классификацию трудящийся, работающий не по найму – лицо, занимающееся оплачиваемой деятельностью, отличной от работы по трудовому договору, обеспечивающее средства к существованию самостоятельно или совместно с членами семьи.

Сопоставление казахстанской и международной классификаций показывает, что национальное законодательство Казахстана охватывает основные категории трудовых мигрантов, но Международная конвенция ООН 1990 г. предлагает более детальную дифференциацию, учитывающую различные формы и специфику трудовой деятельности.

Заключение

Исследование административно-правового положения трудовых мигрантов в Республике Казахстан выявляет ряд специфических характеристик. При наличии законодательно закрепленных дефиниций «мигрант» и «иммигрант», национальная правовая система не содержит конкретного определения понятия «трудовой мигрант». Данный терминологический пробел компенсируется применением принципа верховенства международных соглашений, ратифицированных Республикой Казахстан,

что обуславливает необходимость учета положений Международной конвенции ООН 1990 г., нормативных актов МОТ и региональных договоров, включая Конвенцию СНГ 2008 г.

Вариативность формулировок понятия «трудовой мигрант» в различных международных документах, особенно в аспекте включения или исключения нелегальных мигрантов и апатридов, а также применения критериев постоянного проживания, свидетельствует о многогранности проблемы формирования единообразного подхода. Конвенция СНГ 2008 г. становится предметом научных дискуссий вследствие возможного ограничения категорий защищаемых субъектов и неоднозначности интерпретации в контексте гражданско-правовых соглашений.

Идентифицированные универсальные признаки трудового мигранта, включающие иностранное гражданство или отсутствие гражданства, трудовую мотивацию, временный характер пребывания, легальность статуса и регламентацию национальным законодательством, составляют фундамент для определения его административно-правового статуса. Существующая в казахстанском законодательстве классификация иммигрантов отражает базовые группы трудовых мигрантов, однако может быть расширена за счет интеграции более детализированной типологии, представленной в Международной конвенции ООН 1990 г., что обеспечит повышение эффективности регулирования разнообразных форм трудовой миграции.

В целом, для дальнейшего совершенствования административно-правового статуса трудовых мигрантов в Республике Казахстан представляется целесообразным:

1. **Ввести прямое определение понятия «трудовой мигрант»** в национальное законодательство, максимально гармонизированное с международными стандартами.

2. **Детализировать правовые режимы** для различных категорий трудовых мигрантов, учитывая их специфику (например, сезонных, приграничных работников, работающих не по найму).

3. **Обеспечить полное соответствие национальных норм** ратифицированным международным договорам, устраняя возможные дискриминационные положения, в частности, в отношении временно проживающих трудовых мигрантов.

Эти меры будут способствовать повышению правовой определенности, улучшению защиты прав трудовых мигрантов и более эффективному управлению миграционными процессами в Республике Казахстан.

Литература

1. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247-249 (26668-26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.

2. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 4, ст. 217.

3. Международная конвенция о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, утвержденой Резолюцией 45/178 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1990 г. // Советский журнал международного права. — 1991. — № 3–4. — С. 136–172; Международное публичное право: сб. документов. - М.: БЕК, 1996. - Т.1. - С.492-515.

4. Безбородова, Т. М. К вопросу об определении понятия и административно-правового статуса трудового мигранта / Т. М. Безбородова // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4(40). – С. 90-93. – EDN OWKMGZ. С. 92.

5. Трифонова, К. В. К вопросу о международно-правовом статусе работника-мигранта / К. В. Трифонова, А. В. Старицин // Вестник. Государство и право. – 2021. – № 1(28). – С. 55-60. – EDN JNJYTG. С. 56.

6. Азарова Е.Г., Андриченко Л.В., Бочарникова М.А., Голованова Н.А., Захаров М.Л., Коршунова Т.Ю., Ломакина Л.А., Плюгина И.В., Серегина Л.В., Чиканова Л.А. Аналитический обзор на тему: «Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда» / отв. ред. Л.А. Чиканова. - URL: http://www.consultant.ru

7. Конвенция Международной организации труда № 97 о трудящихся-мигрантах (Женева, 08.06.1949 г.) // Сборник «Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919 -1956. Т.I». Женева, Международное бюро труда, 1991. – С.965-981.

8. Конвенция Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам (Женева, 24 июня 1975 года) // Сборник «Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 -1990. Т.II». Женева, Международное бюро труда, 1991.

9. Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств-участников Содружества Независимых Государств (подписанная в Кишиневе 14.11.2008 г.), ратифицированная Законом Республики Казахстан от 31.12.2009 г. № 235-IV // «Казахстанская правда» от 11.01.2010 г., № 4 (26065); «Официальная газета» от 15.01.2010 г., № 3 (473).

10. Азарова Е.Г., Андриченко Л.В., Бочарникова М.А., Голованова Н.А., Захаров М.Л., Коршунова Т.Ю., Ломакина Л.А., Плюгина И.В., Серегина Л.В., Чиканова Л.А. Цит. соч. URL: http://www.consultant.ru

11. Закона Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247-249 (26668-26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.

12. Международная конвенция о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, утвержденой Резолюцией 45/178 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1990 г. // Советский журнал международного права. — 1991. — № 3–4. — С. 136–172; Международное публичное право: сб. документов. - М.: БЕК, 1996. - Т.1. - С.492-515.

Fundamentals of the administrative and legal status of migrant workers in the Republic of Kazakhstan

Khabdulin A.B.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

This research examines the formation of the legal status of labor migrants within the regulatory framework of the Republic of Kazakhstan. The work includes a detailed analysis of the terminological apparatus in migration legislation, particularly the concepts of «migrant» and «immigrant.» Significant attention is devoted to the problem of the absence of a legally established definition of «labor migrant» in Kazakhstan's national legal acts, which necessitates reference to international regulatory documents to fill this gap. The definitions of a migrant worker enshrined in the 1990 UN International Convention, ILO Conventions No. 97 and No. 143, the 1977 European Convention, and the 2008 CIS Convention are being studied. The general characteristics of a migrant worker, formulated in the scientific literature, are highlighted. The article considers the classification of immigrants arriving for the purpose of employment, according to the legislation of the Republic of Kazakhstan and the UN International Convention of 1990.

Keywords: migrant worker, administrative and legal status, migration legislation, Republic of Kazakhstan, international treaties, UN Convention of 1990, ILO Conventions, CIS Convention.

References

1. Law of the Republic of Kazakhstan dated 22.07.2011 No. 477-IV "On Population Migration" // "Kazakhstanskaya Pravda" dated 06.08.2011, No. 247-249 (26668-26670); Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, Art. 127.
2. Constitution of the Republic of Kazakhstan dated August 30, 1995 // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 1996, No. 4, Art. 217.
3. International Convention on the Protection of All Rights of Migrant Workers and Members of Their Families, approved by Resolution 45/178 of the UN General Assembly dated 18.12.1990 // Soviet Journal of International Law. - 1991. - No. 3-4. — P. 136–172; Public international law: collection of documents. - M.: BEK, 1996. - Vol. 1. - P. 492–515.
4. Bezborodova, T. M. On the issue of defining the concept and administrative-legal status of a labor migrant / T. M. Bezborodova // Problems of modern economics. – 2011. – No. 4(40). – P. 90–93. – EDN OWKMGZ. P. 92.
5. Trifonova, K. V. On the issue of the international legal status of a migrant worker / K. V. Trifonova, A. V. Staritsyn // Bulletin. State and Law. – 2021. – No. 1(28). – P. 55–60. – EDN JNJYTG. P. 56.
6. Azarova E.G., Andrichenko L.V., Bocharnikova M.A., Golovanova N.A., Zakharov M.L., Korshunova T.Yu., Lomakina L.A., Plyugina I.V., Seregina L.V., Chikanova L.A. Analytical review on the topic: "Conformity of Russian legislation to the requirements of the international labor organization" / ed. L.A. Chikanova. - URL: http://www.consultant.ru
7. International Labor Organization Convention No. 97 on Migrant Workers (Geneva, 08.06.1949) // Collection "Conventions and Recommendations Adopted by the International Labor Conference. 1919-1956. T.I". Geneva, International Labor Office, 1991. - P.965-981.
8. International Labour Organization Convention No. 143 concerning Migrations in Abusive Conditions and Security for Migrant Workers (Geneva, 24 June 1975) // Collection "Conventions and Recommendations Adopted by the International Labour Conference. 1957-1990. Vol. II". Geneva, International Labour Office, 1991.
9. Convention on the Legal Status of Migrant Workers and Members of Their Families of the Member States of the Commonwealth of Independent States (signed in Chisinau on 14.11.2008), ratified by the Law of the Republic of Kazakhstan dated 31.12.2009 No. 235-IV // "Kazakhstanskaya Pravda" dated 11.01.2010, No. 4 (26065); “Official newspaper” dated January 15, 2010, No. 3 (473).
10. Azarova E.G., Andrichenko L.V., Bocharnikova M.A., Golovanova N.A., Zakharov M.L., Korshunova T.Yu., Lomakina L.A., Plyugina I.V., Seregina L.V., Chikanova L.A. Quote Op. URL: http://www.consultant.ru
11. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 22, 2011 No. 477-IV “On population migration” // “Kazakhstanskaya Pravda” dated August 6, 2011, No. 247-249 (26668-26670); Gazette of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, art. 127.
12. International Convention on the Protection of All Rights of Migrant Workers and Members of Their Families, approved by Resolution 45/178 of the UN General Assembly of 18.12.1990 // Soviet Journal of International Law. - 1991. - No. 3-4. - P. 136-172; Public international law: collection of documents. - M .: BEK, 1996. - Vol. 1. - P. 492-515.

Проблемные вопросы нормативного правового регулирования проведения осмотра налоговым органом

Андрейчук Элена Юрьевна
Независимый исследователь, smolentsevaelena@mail.ru

В статье анализируются правовые аспекты осмотра помещений и документов налоговыми органами в рамках налогового контроля. Рассматриваются основания и процедура проведения осмотра, закреплённые в Налоговом кодексе РФ, включая возможность осмотра компьютеров и иных носителей информации, несмотря на доводы о наличии личных данных. Подчёркивается, что противодействие проверке может привести к применению расчётного метода определения налоговой базы, что влечёт риск завышения налоговой нагрузки. Особое внимание уделено требованиям к оформлению протокола осмотра и ситуациям, при которых осмотр может быть проведён без согласия налогоплательщика. Автор приходит к выводу, что соблюдение процессуальных норм со стороны налоговых органов обеспечивает баланс между эффективностью контроля и защитой прав бизнеса.
Ключевые слова: осмотр, налоговые проверки, налогоплательщик, статья 92 НК РФ.

Одним из самых трудозатратных мероприятий налогового контроля для налоговых органов, бесспорно, является осмотр территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов.

В то же время для налогоплательщиков данное мероприятие является самым напряженным, так как налоговые органы фиксируют все: помещения, документы, оборудование, что существенно затрудняет рабочий процесс в организации и может в итоге нанести репутационный ущерб деятельности налогоплательщика.

Проведение осмотра территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов налоговым органом регламентируется статьей 92 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ).

Должностное лицо налогового органа вправе производить осмотр территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов:

1) при проведении выездной налоговой проверки;

Здесь стоит отметить, что на практике налоговые органы проводят осмотр территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов и после окончания выездной налоговой проверки в рамках дополнительных мероприятий налогового контроля, несмотря на то, что налоговым законодательством такое действие на данном этапе не предусмотрено в соответствии с п.6 ст. 101 НК РФ.

Однако, судебная практика в настоящее время по данному вопросу складывается в пользу налоговых органов: проведение налоговым органом при осуществлении дополнительных мероприятий налогового контроля осмотра и выемки документов (предметов) с целью получения дополнительных доказательств для подтверждения факта совершения (несовершения) нарушений налогоплательщиком законодательства о налогах и сборах не может быть признано нарушающим права законные интересы налогоплательщика, если налогоплательщик оказывает противодействие проведению проверки и оформлению ее результатов, выразившееся в непредставлении документов по требованию, направленное на избежание ответственности в связи с выявленными нарушениями, а также свидетельствующее о возможном уничтожении, сокрытии, исправлении или замене подлинников документов (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.05.2025 № Ф07-3850/2025).

2) при проведении камеральной налоговой проверки (при проверке в рамках налогового мониторинга) в следующих случаях:

- налогоплательщиком в поданной декларации заявлено возмещение НДС из бюджета;

- налоговым органом в поданной декларации по НДС выявлены противоречия либо расхождения с отчетностью контрагентов налогоплательщика, которые свидетельствуют о занижении налога к уплате либо завышении налога к возмещению;

- налоговым органом обнаружены несоответствия, связанные с операциями по прослеживаемым товарам;

3) в отношении организации, при условии, что решение о взыскании задолженности, размер которой превышает 1 миллион рублей, вынесенное на основании ст. 46 НК РФ в отношении нее, не исполнено в течение десяти дней с даты его принятия - не более одного раза по одному решению о взыскании задолженности, при наличии согласия организации.

Должностное лицо налогового органа вправе производить осмотр документов и предметов налогоплательщика, если:

- они были получены налоговым органом ранее в рамках иных мероприятий налогового контроля;

- владелец этих документов и предметов согласен на проведение их осмотра.

Кроме того, налоговый орган вправе провести осмотр объектов недвижимости согласно ст. 9 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в целях проверки достоверности сведений, включаемых или включённых в единый государственный реестр юридических лиц, в случае возникновения обоснованных сомнений в их достоверности.

В данной статье рассмотрены особенности и спорные моменты нормативного правового регулирования осмотра, проводимого должностными лицами налогового органа в рамках проведения выездных и камеральных налоговых проверок.

Осмотр территорий, помещений, документов и предметов производится на основании мотивированного постановления должностного лица налогового органа, производящего осмотр, утвержденного руководителем (заместителем руководителя) налогового органа.

Согласно п. 1 ст. 31 НК РФ налоговые органы вправе осматривать любые используемые налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанные с содержанием объектов налогообложения независимо от места их нахождения производственные, складские, торговые и иные помещения и территории.

На практике при проведении налоговым органом осмотра территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов, со стороны налогоплательщиков зачастую возникают замечания о неправомерности проведения осмотра помещений и территорий третьих лиц, которые формально не связаны с финансово-хозяйственной деятельностью проверяемого налогоплательщика.

Ясность в этот вопрос внесло Определение Конституционного суда Российской Федерации (далее-КС РФ) от 11.06.2024 № 1437-О: если у налогового органа есть информация, что для извлечения прибыли проверяемого лица используются помещения и территории третьих лиц, либо что на них могут находиться документы и предметы, связанные с предметом проверки, вследствие установления налоговым органом взаимозависимости проверяемого и третьего лица, выразившейся в осуществлении аналогичных видов деятельности, наличии одних и тех же сотрудников, покупателей, поставщиков, совпадении IP-адресов при сдаче налоговой отчетности, ведении бухгалтерского и налогового учета одним лицом; наличии родственных связей между генеральным директором и учредителем, то налоговые органы вправе осмотреть эти территории и помещения.

Таким образом, в случае незаконного отказа в доступе или незаконного воспрепятствования доступу должностного лица налогового органа, проводящего налоговую проверку, к осмотру производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, должностное лицо проверяемого налогоплательщика будет оштрафовано на десять тысяч рублей в соответствии со ст. 19.7.6 Кодекса об административных правонарушениях.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 91 НК РФ при воспрепятствовании доступу должностных лиц налоговых органов, проводящих налоговую проверку (налоговый мониторинг), на указанные территории или в помещения (за исключением жилых помещений) руководителем проверяющей группы (бригады) составляется акт, подписываемый им и проверяемым лицом (лицом, в отношении которого проводится налоговый мониторинг), на основании которого налоговый орган по имеющимся у него данным о проверяемом лице (лице, в отношении которого проводится налоговый мониторинг) или по аналогии вправе самостоятельно определить сумму налога, подлежащую уплате, на основании документов (информации), имеющихся в налоговом органе, без учета всех нюансов финансово-хозяйственной деятельности конкретного налогоплательщика, что в конечном итоге может привести к вменению налоговым органом большей суммы неуплаченного или не полностью уплаченного налога (сбора, страховых взносов).

Допустимость применения расчетного пути исчисления налогов поддержана и в Определении КС РФ от 29.09.2020 № 2311-О, так как непосредственно связана с обязанностью правильной, полной и своевременной их уплаты и обусловливается неправомерными действиями (бездействием) налогоплательщика, в связи с чем сам по себе расчетный путь исчисления налогов, при обоснованном его применении, не может рассматриваться как ущемление прав налогоплательщиков.

Согласно п. 5 ст. 91 НК РФ доступ должностных лиц налоговых органов, проводящих налоговую проверку, в жилые помещения помимо или против воли проживающих в них физических лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения не допускается.

Также ограничения касаются осмотра служебных помещений, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности.

В соответствии со ст.8 Федерального Закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», проведение оперативно - розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе - в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

Положения статьи 450.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) еще более усложняют данный порядок: осмотр жилых и служебных помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, производятся только после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, на основании постановления судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки и в присутствии обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производятся указанные следственные действия, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты.

На практике усложненный порядок производства осмотра налоговыми органами служебных помещений, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, производимого без посягательства на адвокатскую тайну, вследствие представления им гарантий, которых нет у других налогоплательщиков, приводит к злоупотреблению адвокатом и его поверенным лицом правом на юридическую помощь в виде хранения проверяемым налогоплательщиком документов и предметов по его финансово-хозяйственной деятельности на территории служебных помещений, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, с целю избежание их осмотра и последующей выемки.

В Постановлении КС РФ от 17.12.2015 № 33-П указано, что не все сведения, которым адвокат и его доверитель желали бы придать конфиденциальный характер и которые вследствие этого включены адвокатом в его производство, являются адвокатской тайной. В связи с этим представляется необходимость дифференциации положений ст. 450.1 УПК РФ в зависимости от степени воздействия производимых процессуальных действий на адвокатскую тайну.

С целью недопущения нарушения права налогового органа на проведение налоговых проверок, любые документы и предметы по финансово-хозяйственной деятельности проверяемого лица, которые связаны с исчислением и уплатой установленных законодательством налогов и сборов, в том числе, находящиеся на территории служебных помещений, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, не являющиеся адвокатской тайной, могут быть осмотрены должностными лицами налогового органа на общих основаниях согласно ст. 92 НК РФ в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки.

Ещё одним спорным моментом со стороны налогоплательщиков является осмотр должностными лицами налогового органа информации, содержащейся на компьютерах сотрудников лица, в отношении которого проводится осмотр. Нередко указанными лицами осуществляется противодействие проведению налоговым органом осмотра со ссылкой на то, что на компьютере может содержаться личная информация, что является неправомерным, так как НК РФ не устанавливает ограничения в отношении конкретных предметов осмотра. Определение Верховного Суда Российской Федерации (далее- ВС РФ) от 17.07.2017 № 302-КГ17-8315 подтверждает это: осмотр предполагает обнаружение, визуальное восприятие и непосредственное исследование материальных объектов, содержащих информацию. Поскольку информация может содержаться не только на бумажном носителе, но и быть представлена в электронно-цифровой форме и содержатся в автоматизированной системе хранения данных, проведение осмотра без изучения содержащихся в компьютере данных не отвечало бы целям его проведения, поскольку сам компьютер, как техническое устройство, не несет информации.

Таким образом, любые документы и предметы, находящиеся на территории, в помещении проверяемого лица, а также любые документы и предметы по финансово-хозяйственной деятельности проверяемого лица, могут быть осмотрены должностными лицами налогового органа в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки.

Согласно п. 1 ст. 91, п. 1, 2 ст. 92, п. 1 ст. 95, п. 1 ст. 96, п.3, 4 ст. 98 НК РФ при проведении осмотра:

- в рамках проведения выездной налоговой проверки обязаны присутствовать только те должностные лица, которые включены в состав проверяющей группы налогового органа на основании решения руководителя (заместителя руководителя) данного налогового органа, при предъявлении ими служебных удостоверении;

- в рамках проведения камеральной налоговой проверки обязаны присутствовать любые должностные лица налогового органа при предъявлении ими служебных удостоверении;

- обязаны присутствовать не менее двух понятых - любые не заинтересованные в исходе дела физические лица, не являющиеся должностными лицами налоговых органов,

- вправе присутствовать специалист, обладающий специальными знаниями и навыками, не заинтересованный в исходе дела, который может быть привлечен налоговым органом на основании поста-

новления, вынесенного должностным лицом налогового органа, проводящего контрольные мероприятия;

- вправе присутствовать лицо, территории, помещения, документы и предметы которого подлежат осмотру должностным лицом налогового органа, или его представитель.

Однако, согласно Определению ВС РФ от 22.04.2024 № 306-ЭС24-4406 проведение осмотра налоговым органом без извещения налогоплательщика правомерно, поскольку ст. 92 НК РФ не предусматривает обязанности налогового органа об уведомлении организации при проведении осмотра территорий и помещений последнего.

В необходимых случаях при осмотре налоговым органом производятся фото- и киносъемка, видеозапись, снимаются копии с документов или другие действия.

О производстве осмотра составляется протокол. Форма протокола осмотра приведена в Приложении № 16 к Приказу Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@. Он должен быть составлен на русском языке, и в нем должны быть указаны (ст. 99 НК РФ):

- его наименование;
- место и дата составления протокола;
- время начала и окончания осмотра;
- должность и Ф.И.О. того, кто составил протокол;
- Ф.И.О. каждого лица, которое участвует в осмотре (в том числе понятых и специалистов);
- сведения об осматриваемых помещениях (территориях, документах и предметах) и последовательность проведения осмотра;
- подробное описание результатов осмотра;
- все замечания, которые в ходе осмотра делали участники. Если замечания оформлялись дополнением к протоколу, то в нем должна быть отметка о приобщении;
- информация о приобщении к протоколу фотографических снимков и негативов; видеозаписей и других материалов, которые получены в ходе осмотра (если они есть);
- подписи всех лиц, которые участвовали в осмотре.

При этом, производство осмотра довольно трудоёмкий и длительный процесс, статья 92 НК РФ не содержит никаких ограничений по времени и продолжительности данного мероприятия.

К тому же, зачастую после осмотра налоговый орган в соответствии со ст. 94 НК РФ проводит процедуру выемки, изъятия документов и предметов, обнаруженных им в ходе осмотра и имеющих существенное значение для проведения налоговым органом мероприятий налогового контроля, в том числе и оригиналов документов, в случае, если у налогового органа есть достаточные основания полагать, что они могут быть уничтожены, сокрыты, исправлены или заменены налогоплательщиком.

Согласно п. 2 ст. 94 НК РФ не допускается производство выемки документов и предметов в ночное время. Согласно ст. 96 Трудового кодекса, ст. 5 УПК РФ ночное время - время с 22 часов до 6 часов. Однако, сама процедура выемки, изъятия документов и предметов заканчивается составлением и подписанием протокола должностными лицами налогового органа, после чего в него вносятся замечания (при наличии) понятых, специалистов, представителей проверяемого налогоплательщика. В связи с чем время, которое необходимо для составления протокола выемки документов и предметов, внесения в него замечаний заинтересованных лиц и подписания этого протокола, не входит во время производства выемки (изъятия) документов и предметов. Данная позиция налоговых органов закреплена в Письме Министерства финансов Российской Федерации от 05.10.2017 № 03-02-08/64830: если выемка (изъятие) документов и предметов произведена до 22 часов по местному времени, более позднее окончание составления и подписания протокола о производстве такой выемки (изъятия) документов и предметов не свидетельствует об окончании выемки в ночное время.

Выдача копии составленного и подписанного всеми участвующими сторонами протокола лицу, в отношении которого налоговым органом был проведен осмотр помещений, территорий, предметов и документов, налоговым законодательством не предусмотрена. Данная позиция поддержана в Определении ВС РФ от 17.07.2017 № 302-КГ17-8315: протоколы осмотра подлежат вручению налогоплательщику вместе с актом налоговой проверки, только если они служат доказательством совершения налогового правонарушения.

Таким образом, рассмотренные в статье проблемные вопросы нормативного правового регулирования проведения налоговым органом осмотра территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов, а также сложившаяся судебная практика по данным вопросам освещают правомерность некоторых процессуальных действий налогового органа в рамках проведения осмотра территорий, помещений, документов и предметов проверяемого лица, напрямую не урегулированных нормами налогового законодательства с целью избежания возможных неправомерных действий проверяемого налогоплательщика по воспрепятствованию законной деятельности должностных лиц налоговых органов, что в итоге способствует достижению баланса интересов налоговых органов и налогоплательщиков.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;
3. Трудовой кодекс Российской Федерации;
4. Федеральный закон Российской Федерации от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»;
5. Федеральный Закон Российской Федерации от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;
6. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П;

7. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 2311-О;
8. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 11.06.2024 № 1437-О;
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2017 № 302-КГ17-8315;
10.Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2024 № 306-ЭС24-4406;
11.Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.05.2025 № Ф07-3850/2025;
12.Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@;
13.Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 05.10 2017 № 03-02-08/64830.

Problem issues of normative legal regulation of inspection by the tax authority

Andreichuk E.Yu.

The article analyzes the legal aspects of inspection of premises and documents by tax authorities as part of tax control. The grounds and procedure for conducting an inspection, enshrined in the Tax Code of the Russian Federation, are considered, including the possibility of inspecting computers and other information carriers, despite arguments about the presence of personal data. It is emphasized that counteraction to the inspection may lead to the use of a calculation method for determining the tax base, which entails the risk of overstating the tax burden. Particular attention is paid to the requirements for the execution of the inspection protocol and situations in which the inspection can be carried out without the consent of the taxpayer. The author concludes that compliance with procedural rules by tax authorities ensures a balance between the effectiveness of control and the protection of business rights.

Keywords**:** inspection, tax audits, taxpayer, article 92 of the Tax Code of the Russian Federation.

References

1. Tax Code of the Russian Federation;
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation;
3. Labor Code of the Russian Federation;
4. Federal Law of the Russian Federation of 08.08.2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs";
5. Federal Law of the Russian Federation of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation";
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.12.2015 No. 33-P;
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.09.2020 No. 2311-O;
8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.06.2024 No. 1437-O;
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.07.2017 No. 302-KG17-8315;
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.04.2024 No. 306-ES24-4406;
11. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District dated 21.05.2025 No. F07-3850/2025;
12. Order of the Federal Tax Service of the Russian Federation dated 07.11.2018 No. MMV-7-2/628@;
13. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 05.10 2017 No. 03-02-08/64830.

Коллизионное регулирование отношений с участием потребителей, возникающих в связи с оказанием платежных услуг по осуществлению трансграничных переводов электронных денежных средств

Болдашова Анна Алексеевна
Независимый исследователь, boldashovaa@gmail.com

В настоящей статье рассмотрена проблема коллизионного регулирования договорных отношений, возникающих при оказании платежных услугу с использованием электронных денежных средств иностранными поставщиками (провайдерами). На примере платежных услуг, оказываемых по всему миру такими сервисами, как Alipay и PayPal, было установлено, что зачастую договоры, заключаемые между иностранным поставщиком платежных услуг и потребителем, содержат заранее установленное условие о применимом праве, которое не всегда совпадает с правом страны места жительства потребителя. Исходя из этого, в статье сделан вывод о том, что такой выбор применимого к договору права является навязанным потребителю. В статье представлен анализ основных механизмов защиты потребителей как слабой стороны договора об оказании услуг трансграничных переводов денежных средств в части выбора применимого права.
Ключевые слова: коллизионное регулирование, международные расчеты, электронные денежные средства, поставщики платежных услуг, потребители, публичный порядок, сверхимперативные нормы.

В условиях цифровизации и развития электронной коммерции следует отметить рост популярности расчетов с использованием электронных денежных средств (далее – ЭДС). При этом основным потребителем услуг по переводу электронных денег остаются физические лица, которые осуществляют посредством сети «Интернет» переводы ЭДС не только между собой, но и в пользу хозяйствующих субъектов с целью оплаты товаров, размещенных на различных торговых интернет-платформах (к примеру, Aliexpress). Юридические лица (например, банки или иные кредитные организации), которые непосредственно оказывают потребителям услуги по переводу ЭДС, являются посредниками между отправителем и получателем денежных средств и именуются поставщиками платежных услуг (далее – ППУ).

Договор, заключаемый между физическим лицом и поставщиком платежных услуг в целях осуществления трансграничного расчета с использованием электронных денежных средств, является потребительским. В том случае, когда услуги по осуществлению перевода ЭДС оказываются иностранным провайдером, такой потребительский договор следует считать трансграничным.

Проблема коллизионного регулирования подобных договоров заключается в том, что они зачастую содержат типовые условия, разработанные поставщиком платежных услуг, в связи с чем согласование выбора сторонами применимого права, а также компетентного форума затруднено на практике [5]. Потребитель имеет возможность только согласиться с условиями трансграничного онлайн-контракта, не принимая участия при этом в формировании договорных положений о выборе права и компетентного форума (суда или арбитража).

Ярким примером является договор об оказании услуг трансграничных переводов денежных средств, размещенный на электронной странице сервиса AliPay и поименованный как соглашение оказания услуг AliPay (Alipay Service Agreement) [20]. Примечательным является тот факт, что указанное соглашение выступает в качестве неотъемлемой части «договора оказания транзакционных услуг» [14], заключаемого между пользователями торговой интернет-платформы Aliexpress и юридическим лицом, входящим в холдинг Alibaba Holding Group, – Alibaba.com Singapore E-Commerce Private Limited. Таким образом, для того, чтобы начать приобретать товары посредством web-сайта либо приложения Aliexpress, потребитель заключает ряд договоров в

электронной форме, в том числе договор с иностранным поставщиком платежных услуг. Целью соглашения оказания услуг AliPay является обеспечение расчетов с использованием электронных денежных средств между покупателями и продавцами интернет-платформы Aliexpress.

Важно отметить, что согласно преамбуле соглашения для российских пользователей в качестве контрагента выступает сингапурское юридическое лицо – Alipay Singapore E-Commerce Private Limited. При этом к оказанию платежных услуг могут привлекаться дочерние организации, расположенные в иных юрисдикциях: Alipay Limited (Великобритания), Alipay Limited S.A. (Люксембург), Alipay Inc. (Канада), Alipay US, Inc. (США) и др.

Что касается компетентного правопорядка, пункт 10.1 соглашения предусматривает в качестве применимого права законодательство Республики Сингапур. Более того, согласно пункту 10.2 исключительной компетенцией по разрешению споров, вытекающих из рассматриваемого соглашения, наделен Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC). Таким образом, посредством осуществления конклюдентных действий на сайте либо в приложении Aliexpress российский потребитель, помимо договора на оказание услуг электронной торговой площадки, заключает с иностранным ППУ соглашение, регулируемое иностранным правом, споры из которого подлежат разрешению за рубежом.

Также стоит обратить внимание на типовые условия пользовательского соглашения иностранной электронной платежной системы PayPal (на данный момент оказание платежных услуг посредством платежной системы PayPal на территории РФ приостановлено в силу антироссийских ограничительных мер, введенных недружественными государствами). В отличии от положений соглашения AliPay, условия о применимом праве и органе, компетентном рассматривать споры, зависят от страны места оказания платежных услуг. На официальном сайте платежной системы PayPal размещен ряд пользовательских соглашений, условия которых частично различаются в зависимости от того, зарегистрировано ли на территории соответствующего государства самостоятельное юридическое лицо (кредитная организация). К примеру, российские пользователи вступают в договорные отношения с российской кредитной организацией ООО НКО «ПэйПал РУ». Можно предположить, что поскольку такой договор по своей сути не обладает трансграничным характером, коллизионный вопрос как таковой не возникает и договор регулируется российским законодательством, что непосредственно указано в таком пользовательском соглашении [15] .

Однако на территории ряда иных государств услуги по осуществлению трансграничных расчетов предоставляются посредством организаций, не зарегистрированных на территории соответствующих государств. В связи с этим соглашения, заключаемые с пользователями, содержат менее благоприятные для них условия в части применимого права и страны места разрешения споров. Так, к примеру, соглашения с пользователями платежных услуг, оказываемых на территории КНР [16], Республики Вьетнам [17], Аргентины [18], Брунея [19] и некоторых иных государств, содержат оговорку о применении к договору права Республики Сингапур. Поставщиком платежных услуг по указанным договорам выступает сингапурское юридическое лицо – PayPal Pte. Ltd.

Таким образом, когда оказание платежных услуг по переводу ЭДС осуществляется иностранным поставщиком, договор, заключаемый с потребителем посредством сети Интернет, зачастую содержит оговорку о применении права страны места регистрации иностранного ППУ.

Исходя из анализа приведенных примеров, возникает логичный вопрос о том, насколько выбор иностранного права в качестве применимого и включение в договор арбитражного/пророгационного соглашения является допустимым и справедливым в контексте потребительских отношений.

В мировой судебной практике имеют место примеры, когда суды не признавали действительность оговорки о выборе применимого права, включенной в интернет-контракт с участием потребителя. Так, например, при определении действительности такой оговорки в первую очередь суды исходят из реальной информированности клиента о положениях потребительского онлайн-контракта. В том числе учитывается, достаточно ли усилий предприняла «сильная сторона», чтобы донести до клиента применимость к договору иностранного законодательства [14]. Также суды исходят из алгоритма заключения онлайн-контракта, а также из того, могли ли такие технические условия и порядок заключения договора «ввести в заблуждение разумного потребителя, действующего добросовестно в данных обстоятельствах» [13].

В практике судов США также имеют место примеры неприменения указанного в договоре права на основании применения оговорки о публичном порядке (public policy). Широкое толкование публичного порядка, встречающееся в практике американских судов, позволяет судам отказать в применении законодательства иного штата, на том основании, что противоречие нормам о защите прав потребителей приравнивается к противоречию публичному порядку. К примеру, в деле Coady v. Cross Country Bank оспаривалась оговорка о применимом праве, содержащаяся в соглашении о предоставлении банковской кредитной карты. В результате суд Висконсина пришел к выводу о неприменении права штата Делавер на том основании, что нормы права штата Висконсина, направленные на защиту прав потребителей от недобросовестной практики кредитования, подпадают под понятие публичного порядка [8].

С теоретической точки зрения, в данном случае суд использовал позитивную оговорку о публичном порядке. Согласно концепции публичного порядка в позитивной форме, в законодательстве закреплена некая совокупность норм, которые носят особый характер и значение для государства и нарушение которых определяется непосредственно как нарушение публичного порядка [3]. Упомянутая концепция

очень схожа с понятием сверхимперативных норм, под которыми понимают конкретные правовые предписания национального законодательства, которые имеют строго обязательный характер и подлежат применению независимо от компетентного правопорядка [3].

Вопрос отнесения национальных норм, направленных на защиту потребителей как слабой стороны договора, к сверхимперативным также является открытым и весьма дискуссионными по причине неоднозначности определения понятия сверхимперативных норм. Однако на практике встречаются случаи применения национальных норм в сфере защиты прав потребителей наряду с иностранным правом. К примеру, в одном из дел суд Франции признал нормы Закона «О потребительском кредитовании» сверхимперативными [1]. Российские суды также признают некоторые положения Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-I «О защите прав потребителей» нормами непосредственного применения [11–12].

Таким образом, возвращаясь к анализу допустимости одностороннего установления оговорки о применимом праве в соглашениях об оказании услуг по переводу электронных денежных средств, заключаемых между потребителями и иностранными ППУ, следует сделать вывод о том, что такой выбор применимого права может быть предметом оспаривания. При этом основные аргументы могут сводиться как к доказыванию недобросовестности сильной стороны, так и к применению оговорки о публичном порядке.

Альтернативным вариантом защиты интересов потребителей выступает применение наряду с иностранным правом национальных норм в сфере защиты прав потребителей в качестве сверхимперативных. В таком случае выбор сторон компетентного правопорядка не должен оспариваться.

Ряд государств пошли по пути установления особой модели коллизионного регулирования отношений с участием потребителя. Так, например, российское законодательство ограничивает применение иностранного права императивными нормами страны места жительства потребителя при соблюдении определенных условий. Согласно пункту 1 статьи 1212 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в том случае, если профессиональная сторона договора (контрагент потребителя) осуществляет свою деятельность в стране места жительства потребителя либо иным образом направляет свою деятельность на территорию этой страны, потребитель не может быть лишен правовой защиты, которая предоставляется ему императивными положениями законодательства страны его места жительства. При этом договор, заключаемый между потребителем и профессиональной стороной, должен быть связан с такой деятельностью.

В основе коллизионного регулирования, установленного пунктом 1 статьи 1212 ГК РФ, лежит европейская модель защиты потребителей, содержащаяся в п. 1 ст. 6 Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17 июня 2008 г. «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (далее – Рим I). Указанная норма Рим I также предоставляет возможность применения императивных норм места жительства потребителя в зависимости от направленности деятельности его контрагента.

Таким образом, применение указанного правила осложнено обязательным выполнением условия о направленности деятельности профессиональной стороны на территорию конкретного государства [2]. Российская и зарубежная судебная практика выработала ряд примерных факторов, свидетельствующих о том, была ли деятельность профессионального участника, заключившего договор с потребителем посредством сети «Интернет», намеренно направлена на территорию страны его места жительства.

О такой направленности может свидетельствовать поддержание в сети «Интернет» сайта, ориентированного на потребителей из соответствующего государства. К примеру, об ориентированности сайта на российских потребителей будет говорить размещение информации на русском языке, представление цен в российских рублях, приведение контактных телефонных номеров с российскими кодами [9], а также предпринятие целенаправленных действий на повышение цитируемости сайта в российском сегменте сети «Интернет» [10]. Помимо названных критериев, в практике американских судов помимо прочего оценивается степень активности действий профессионального участника [7]. О направленности деятельности будет свидетельствовать активный информационный контакт с потребителями, нацеленный на порождение фактических отношений.

Проблема определения направленности деятельности актуальна и в отношении иностранных поставщиков платежных услуг. Особенно интересно рассмотреть данный вопрос на примере электронной платежной системы AliPay. С одной стороны, необходимо обратить внимание, что договор на оказание услуг по переводу электронных денежных средств (Alipay Service Agreement) размещен исключительно на английском языке на сайте в иностранной доменной зоне [20]. С другой стороны, указанный договор является неотъемлемой частью договора оказания услуг интернет-платформы Alibaba.com (в том числе Aliexpress). Согласно преамбуле договора профессиональная сторона информирует пользователя о том, что им также заключается соглашение с компанией Alipay Singapore E-Commerce Private Limited, в связи с чем ему, помимо прочих правил Alibaba.com, необходимо ознакомиться с договором оказания услуг Alipay.

Таким образом, несмотря на отсутствие прямо выраженной направленности на территорию РФ, следует предположить, что деятельность электронной платежной системы Alipay все же ориентирована и на российского потребителя. Положения соглашения на оказание услуг Alipay являются частью иного договора, который явно направлен на российскую аудиторию (договор представлен на русском

языке, в отдельных условиях договора есть специальные указания на Российскую Федерацию и российских потребителей).

Таким образом, определение направленности деятельности иностранного поставщика платежных услуг имеет свои особенности. При соблюдении условий, указанных в п. 1 ст. 1212 ГК РФ, договоры, заключаемые между иностранным ППУ и российским потребителем, подлежат регулированию в том числе и российскими императивными нормами в сфере защиты прав потребителей.

Однако вопрос применения рассмотренной модели коллизионного регулирования тесно связан с проблемой определения форума, компетентного рассматривать споры, вытекающие из потребительских отношений. Поскольку суд любого государства применяет собственные коллизионные нормы, вытекает логичный вопрос о том, может ли российский пользователь обратиться в российский суд и получить правовую защиту, в том числе установленную в п. 1 ст. 1212 ГК РФ, если соглашение с иностранным ППУ содержит пророгационное либо арбитражное соглашение. К примеру, соглашение с компанией Alipay Singapore E-Commerce Private Limited содержит арбитражную оговорку в пользу Сингапурского международного арбитражного центра (SIAC).

Вопрос действительности арбитражной оговорки, включенной в онлайн-контракт с участием потребителя, весьма дискуссионный и выходит за рамки настоящего исследования. Однако, поскольку проблема определения компетентного форума непосредственно влияет на разрешение коллизионного вопроса, необходимо отметить следующее.

Как указывает профессор Л. В. Терентьева, в российской судебной практике имеет место позиция, согласно которой наличие в потребительском соглашении третейской оговорки не препятствует обращению потребителя в суд общей юрисдикции. Иными словами наличие третейской оговорки должно толковаться исключительно как расширение возможностей потребителя при выборе форума для обращения с целью разрешения спора, а не их ограничение [6]. Кроме того, по мнению профессора В. А. Канашевского, положения пункта 2 статьи 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» позволяют российскому потребителю обратиться с иском в суд по месту своего жительства или пребывания независимо от указанного в договоре компетентного форума (будь то иностранный арбитраж либо суд) [2].

На этом основании следует сделать вывод о том, что наличие в договоре об оказании услуг Alipay арбитражной оговорки не препятствует российским потребителям обратиться за судебной защитой в российский суд, что следовательно позволит применить к договору императивные положения Закона РФ «О защите прав потребителей» в силу п. 1 ст. 1212 ГК РФ.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что при оказании услуг по трансграничному переводу электронных денежных средств такие отношения также осложнены иностранным элементом, поскольку поставщиком платежных услуг выступает иностранное юридическое лицо. На практике коллизионное регулирование подобных отношений с участием потребителей осложнено рядом трудностей, в том числе в части определения пределов автономии воли, а также возможности применения императивных норм страны местожительства потребителя с целью защиты его прав как слабой стороны.

В результате проведенного исследования было выявлено, что на данный момент можно выделить три основных механизма защиты интересов потребителей при заключении трансграничных онлайн-контрактов. Во-первых, возможно оспаривание в судебном порядке оговорки о применимом праве на основании отсутствия реальной возможности потребителя влиять на условия договора. Во-вторых, суды некоторых стран относят нормы, регулирующие отношения с участием потребителей, к сверхимперативным, что позволяет разрешить спор на их основании. И в-третьих, законодательство ряда стран предусматривает особую систему коллизионных норм, позволяющих не допустить ограничение прав потребителей посредством оговорки о применимом праве.

Литература

1. Засемкова О.Ф. О квалификации положений, направленных на защиту слабой стороны договора, в качестве сверхимперативных норм // Международное публичное и частное право. 2015. № 4. СПС Консультант Плюс.

2. Канашевский В.А. Коллизионное регулирование договоров с участием потребителей // Международное публичное и частное право. 2016. № 4. СПС Консультант Плюс.

3. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. 5-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. с. 1216.

4. Сергеева О.В. Выбор права участниками трансграничных онлайн-контрактных отношений: опыт США и Европейского союза // Международное публичное и частное право. 2020. № 6. СПС Консультант Плюс.

5. Стригунова Д.П. Договор с участием потребителя в международном частном праве // Гражданское право. 2023. №1. СПС Консультант Плюс.

6. Терентьева Л.В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 28–44.

7. Терентьева Л. В. Критерий направленности деятельности профессиональной стороны на территорию страны места жительства потребителя… как условие специального коллизионного регулирования потребительских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2020. №4 (113). С. 142–154.

8. Healy J. J. Consumer Protection Choice of Law: European Lessons for the United States // Duke Journal of Comparative & International Law. 2009. Vol. 19, № 3. P. 535–558.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами РФ» // СПС Консультант Плюс.

10.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 № 5-КГ24-131-К2 // СПС Консультант Плюс.

11.Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 01.07.2019 по делу № 33-1732/2019 // СПС Консультант Плюс.

12.Решение Люблинского районного суда города Москвы от 10.10.2024 №2-5991/2024 // СПС Консультант Плюс.

13.Hines vs. Overstock.com Inc. [Электронный ресурс]. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nyedce/1:2009cv00991/289858/121/ (дата обращения: 10.04.2025).

14.Договор оказания транзакционных услуг [Электронный ресурс] URL: https://rulechannel.alibaba.com/icbu?type=detail&ruleId=3901&cId=1304#/rule/detail?cId=1304&ruleId=3901 (дата обращения: 10.04.2025).

15.Соглашение с пользователем. PayPal. [Электронный ресурс]. URL: https://www.paypal.com/ru/legalhub/paypal/useragreement-full?locale.x=ru_RU (дата обращения: 10.04.2025).

16.Paypal user agreement. [Электронный ресурс]. URL: https://www.paypal.com/c2/legalhub/paypal/useragreement-full (дата обращения: 10.04.2025).

17.Paypal user agreement. [Электронный ресурс]. URL: https://www.paypal.com/vn/legalhub/paypal/useragreement-full(дата обращения: 10.04.2025).

18.Paypal user agreement. [Электронный ресурс]. URL: https://www.paypal.com/ar/legalhub/paypal/useragreement-full (дата обращения: 10.04.2025).

19.Paypal user agreement. [Электронный ресурс]. URL: https://www.paypal.com/bn/legalhub/paypal/useragreement-full (дата обращения: 10.04.2025).

20.Alipay Services Agreement. [Электронный ресурс]. URL: https://global.alipay.com/docs/ac/Platform/sfe2r7 (дата обращения: 10.04.2025).

Conflict of laws regulation of relations involving consumers arising in connection with the provision of payment services for cross-border electronic money transfers

Boldashova A.A.

This article examines the problem of conflict of laws regulation of contractual relations arising in the provision of payment services involving the use of electronic money by foreign providers. Using the example of payment services provided worldwide by services such as Alipay and PayPal, it was found that agreements concluded between a foreign payment service provider and a consumer often contain a pre-established condition on the applicable law, which does not always coincide with the law of the consumer's country of residence. Based on this, the article concludes that such a choice of the law applicable to the contract is imposed on the consumer. The article presents an analysis of the main consumer protection mechanisms as a weak side of a contract for the provision of cross-border money transfer services in terms of the choice of applicable law.

Keywords: conflict of laws regulation, international settlements, electronic money, payment service providers, consumers, public order, superimperative norms.

References

1. Zasemkova O.F. On the qualification of provisions aimed at protecting the weak side of the contract as super-mandatory norms // International public and private Law. 2015. No. 4. SPS Consultant Plus.
2. Kanashevsky V.A. Conflict-of-laws regulation of contracts involving consumers // International public and private law. 2016. No. 4. SPS Consultant Plus.
3. Private international law: textbook / ed. by G.K. Dmitrieva. 5th ed. revision. and additional M.: Prospect, 2022. p. 1216.
4. Sergeeva O.V. The choice of law by participants in cross-border online contractual relations: the experience of the USA and the European Union // International public and private law. 2020. No. 6. SPS Consultant Plus.
5. Strigunova D.P. Contract with consumer participation in international private law // Civil law. 2023. No. 1. SPS Consultant Plus.
6. Terentyeva L.V. Arbitration clauses in agreements involving the consumer // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 2. P. 28–44.
7. Terentyeva L. V. Criterion for the orientation of the professional party's activities to the territory of the consumer's country of residence ... as a condition for special conflict-of-laws regulation of consumer relations // Actual problems of Russian law. 2020. No. 4 (113). P. 142–154.
8. Healy J. J. Consumer Protection Choice of Law: European Lessons for the United States // Duke Journal of Comparative & International Law. 2009. Vol. 19, No. 3. P. 535–558.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2019, No. 24 «On the application of the norms of private International law by the courts of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.
10. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/11/2025 No. 5-KG24-131-K2 // SPS Consultant Plus.
11. Appeal ruling of the Yamalo-Nenets Autonomous District Court dated 07/01/2019 in case No. 33-1732/2019 // SPS Consultant Plus.
12. Decision of the Lyublinsky District Court of Moscow dated 10.10.2024 No. 2-5991/2024 // SPS Consultant Plus.
13. Hines vs. Overstock.com Inc. [electronic resource]. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nyedce/1:2009cv00991/289858/121 / (date of access: 04/10/2025).
14. Contract for the provision of transactional services [electronic resource] URL: https://rulechannel.alibaba.com/icbu?type=detail&RuleId=3901&cId=1304#/rule/detail?cId=1304&RuleId=3901 (date of access: 04/10/2025).
15. User Agreement. PayPal. [electronic resource]. URL: https://www.paypal.com/ru/legalhub/paypal/useragreement-full?locale.x=ru_EN (date of access: 04/10/2025).
16. Paypal user agreement. [electronic resource]. URL: https://www.paypal.com/c2/legalhub/paypal/useragreement-full (date of access: 04/10/2025).
17. Paypal user agreement. [electronic resource]. URL: https://www.paypal.com/vn/legalhub/paypal/useragreement-full (date of access: 04/10/2025).
18. Paypal user agreement. [electronic resource]. URL: https://www.paypal.com/ar/legalhub/paypal/useragreement-full (date of access: 04/10/2025).
19. Paypal user agreement. [electronic resource]. URL: https://www.paypal.com/bn/legalhub/paypal/useragreement-full (date of access: 04/10/2025).
20. Alipay Services Agreement. [electronic resource]. URL: https://global.alipay.com/docs/ac/Platform/sfe2r7 (date of access: 04/10/2025).

Наследование исключительных прав на средства индивидуализации: особенности регулирования

Верхотуров Максим Евгеньевич
магистрант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, dinsekt@mail.ru

Долматов Александр Олегович
кандидат юридических наук, доцент Юридического института Томского государственного университета

Статья посвящена комплексному анализу правового режима наследования исключительных прав на средства индивидуализации. Рассматриваются теоретико-правовые аспекты наследования указанных объектов интеллектуальной собственности в контексте положений Гражданского кодекса Российской Федерации, а также практики правоприменения. Особое внимание уделяется проблемным вопросам, связанным с допустимостью перехода исключительных прав в порядке универсального правопреемства, субъектным составом наследственных отношений. Выявлены коллизии и проблемы в действующем законодательстве, обозначены направления его совершенствования. Результаты исследования могут быть использованы в научной и практической деятельности, связанной с регулированием наследования исключительных прав на средства индивидуализации.
Ключевые слова: наследование, наследования исключительных прав, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, товарный знак.

Характеристику особенностей наследования исключительных прав[1] на средства индивидуализации следует начать с товарного знака, как одного из самых популярных и широко вовлечённых в оборот объекта интеллектуальной собственности. В настоящий момент, обладателями исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) могут быть юридические или физические лица (в том числе индивидуальные предприниматели и самозанятые граждане) (ст. 1478 ГК РФ[2] с 29.06.2023 г. утратила силу[3]). Указанное законодательное решение можно только поприветствовать, так как регистрация товарного знака за физическими лицами уже давно признаётся многими иностранными правопорядками. Возможна она и по Мадридской системе[4]. Ограничивать субъектный состав соответствующих отношений с практической точки зрения было нецелесообразно.

Проблемный аспект возникает тогда, когда исключительное право на товарный знак переходит в порядке универсального правопреемства к нескольким наследникам. Необходимо обратить внимание на несогласованность п. 87 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9[5], согласно которому исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, перешедшее к нескольким наследникам, принадлежит им совместно и осуществляется ими согласно п. 3 ст. 1229 ГК РФ, и общего постулата о возможности принадлежности исключительного права на товарный знак только одному лицу. На последнее обстоятельство указывал Верховный Суд в деле N А40-210165/2016, отмечая, что для обладания правом на товарный знак несколькими лицами существует институт коллективного товарного знака[6]. Между тем, на практике, товарный знак всё-таки может принадлежать нескольким лицам, но только с помощью регистрации по Мадридской системе. На невозможность принадлежности права на товарный знак нескольким лицам, например, супругам, указывает буквально в следующем пункте Верховный Суд в Постановлении Пленума от 29.05.2012 г. N 9 (абз. 2 п. 88): общим имуществом супругов является приобретённое за счёт их общих доходов по договору исключительное право на результат интеллектуальной деятельности; про средства индивидуализации ни слова. Поэтому следует скорректировать п. 87

[1] Отсутствие личных неимущественных прав у обладателей средств индивидуализации объясняется отсутствием существенного юридического значения фигуры автора таких средств.
[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию 22.07.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
[3] См. Федеральный закон от 28.06.2022 N 193-ФЗ "О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации" // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
[4] Соглашение о международной регистрации знаков (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
[6] К слову, институт коллективного товарного знака является не очень востребованным на практике, в том числе из-за его необоротоспособности (п. 2 ст. 1510 ГК РФ).

упомянутого Постановления с целью единообразного толкования (например, ограничить его применение только на случаи перехода к нескольким наследникам права на коммерческое обозначение, которое в составе предприятия теоретически может принадлежать нескольким лицам). Всё вышеобозначенное является отголосками более глобальной проблемы относительно механизма сообладания исключительным правом, и вытекающей из неё необходимости выделения долей. Введение такого института в целом допустимо в отношении товарных знаков, но при условии, например, запрещения выделения долей в исключительном праве на товарный знак, если из-за этого потребители могут быть введены в заблуждение относительно товара или его изготовителя. Таким образом, этот вопрос требует более детальной и глубокой теоретической проработки. На данном этапе, наследники должны совместно решить, за кем из них будет зарегистрирован товарный знак.

Не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные: имени, псевдониму или производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного в РФ на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника (пп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ). В литературе подчёркивается небезупречность данной нормы в силу того, что она не определяет о каких конкретно наследниках идёт речь[7]. Ведь может возникнуть ситуация, когда наследство получило лицо, не имеющее никакого отношения к имени известного человека (дальний родственник, например). Выходит, что целесообразность наделения такого наследника правом давать согласие на регистрацию товарного знака ставится под сомнение.

Наконец, затронем ещё один неоднозначный вопрос в отечественном законодательстве: может ли товарный знак перейти к государству в качестве выморочного имущества при отсутствии наследников? Для ответа на него необходимо выяснить, может ли публично-правовое образование впринципе обладать исключительным правом на товарный знак. С одной стороны, существуют норма п. 2 ст. 124 ГК РФ[8], согласно которой к публично-правовым образованиям применяются положения, определяющие участие юридических лиц в гражданских правоотношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов. Есть и немногочисленная судебная практика, которая на этом основании не исключает возможности принадлежности публично-правовому образованию исключительного права на товарный знак[9]. Также, Президиум ВАС РФ в п. 3 Информационного письма от 29.07.1997 г. N 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак»[10] отмечал, что действующее законодательство не ограничивает возможность регистрации товарных знаков и знаков обслуживания видом осуществляемой деятельности, выданной лицензией или специальной правосубъектностью. Таким образом, нет принципиальных препятствий исключать возможности опосредованной принадлежности исключительных прав на товарный знак за публично-правовыми образованиями, например, через созданные ими унитарные предприятия. Даже специальная норма ст. 1478 ГК РФ, которая, можно было подумать, ограничивала субъектный состав обладателей исключительного права на товарный знак юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, с 29.06.2023 г. утратила силу на основании ФЗ N 193. Поэтому можно признать, что в случае, когда отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из них не имеет права наследовать или все они отстранены, либо никто из них не принял наследства, либо все они отказались от него, то исключительное право на товарный знак в силу общего правила ст. 1151 ГК РФ[11] становится выморочным имуществом. Обратное может привести нас к несостоятельной концепции «бессубъектного права». Представим ситуацию: правообладатель скончался, наследники отсутствуют, в силу пп. 4 п. 1 ст. 1514 ГК РФ правовая охрана товарного знака прекращается на основании принятого по заявлению любого лица решения Роспатента о досрочном прекращении охраны в связи с прекращением юридического лица – правообладателя или со смертью гражданина-правообладателя, если отсутствуют основания для универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица). Однако если соответствующее заявление не будет подано, исключительное право на товарный знак сохраняется до тех пор, пока не истечёт срок его действия. Допускать, что в этот период право «висит» в воздухе и не имеет субъекта, значит, противоречить существующей несколько столетий теории правоотношений.

По наследству также может перейти исключительное право на коммерческое обозначение, принадлежащее при жизни правообладателю предприятия, но только при условии, если наследником является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (п. 4 ст. 1539 ГК РФ, абз. 2 п. 85 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Вместе с этим, Верховный Суд ничего не говорит о судьбе права на коммерческое обозначение, если предприятие в составе наследственного имущества

---

[7] Право интеллектуальной собственности: Учебник. Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. М., Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. С. 84-85 (автор – А.С. Ворожевич).

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[9] См. Определение ВС РФ от 04.11.2003 N КАС03-512; Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2007 по делу N А40-9887/05-83-89 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
Перечисленные судебные акты хоть и были приняты до четвёртой части ГК РФ и основывались на Законе РФ от 23.09.1992 N 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», тем не менее, п. 3 ст. 2 данного Закона содержал аналогичную норму о субъектном составе, которая ранее содержалась в ст. 1478 ГК РФ.

[10] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.07.1997 N 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию 08.08.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

перешло к гражданину, не имеющим статуса ИП. Логичным представляется подход, согласно которому в течение года, наследник, для сохранения за собой унаследованного им исключительного права, может зарегистрироваться в качестве ИП или произвести отчуждение права (предприятия). Поэтому абз. 2 п. 85 вышеупомянутого Постановления нуждается в корректировке, либо в системном толковании с абз. 1 того же пункта. В литературе подчёркивается, что отсутствие статуса ИП у наследника не может служить основанием для отказа в передаче ему прав на предприятие как на имущественный комплекс, поскольку такое основание для отказа в законодательстве не предусмотрено[12].

Все остальные исключительные права на средства индивидуализации (фирменное наименование, географическое указание, наименование места происхождения товара) являются необоротоспособными (п. 2 ст. 1474, п. 3 ст. 1516, п. 6 ст. 1519 ГК РФ), и следовательно, не переходящими по наследству. Обладателем исключительного права на фирменное наименование может быть только коммерческая организация, не способная выступать в качестве наследодателя. Исключительное право на географическое указание и наименование места происхождения товара прекращается, в т.ч., в случае смерти гражданина – правообладателя (пп. 6 п. 2 ст. 1536 ГК РФ).

Литература

1. Верхолетов М.А. О некоторых особенностях наследования исключительного права на коммерческое обозначение / М.А. Верхолетов // Наследственное право. – 2016. – № 3. – С. 33 - 36.

2. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2008. – № 4. – С. 21 - 27.

3. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2012. – № 9. – С. 22 - 32.

4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2019. Т. II: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 464 с.

5. Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая. Постатейный комментарий / С.П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2022.

6. Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о наследовании / С.П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2009.

7. Гутников О.В. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики / О.В. Гутников, С.А. Синицын // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 12. – С. 67 - 73.

8. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей / В.А. Дозорцев. – М. : Статут, 2003. – 416 с.

9. Еременко В.И. О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ / В.И. Еременко // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 43 - 51.

10. Иванов Н.В. Доля в исключительном праве / Н.В. Иванов // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 1. – С. 26 - 34.

11. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) / В.О. Калятин. – М. : Изд-во НОРМА, 2000. – 480 с.

12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвёртой) (постатейный): в 2 т. Т. 1 / С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий и др. ; Отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. – М. : Проспект, 2020. – 485 с.

13. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др. ; Под ред. А.Л. Маковского. – М. : Статут, 2008. – 715 с.

14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практической комментарий / под ред. А.П. Сергеева. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.

15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвёртая: учебно-практический комментарий / под ред. Сергеева А.П. – М. : Проспект, 2016. – 912 с.

16. Крашенинников П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. – М. : Статут, 2019. – 302 с.

17. Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвёртой Гражданского кодекса / А.Л. Маковский // Гражданское право современной России / составители О.М. Козырь и А.Л. Маковский. – М. : Статут, 2008. С. 103 - 141.

18. Новосёлова Л. Наследование интеллектуальных прав / Л. Новосёлова, Е. Гринь, Е. Ульянова // Хозяйство и право. – 2016. – № 11 (Приложение). – С. 3 - 48.

19. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др. ; Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. – М. : Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. – 512 с.

20. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А.П. Сергеев. – М. : ООО «ТК Велби», 2003. – 752 с.

21. Хаскельберг Б.Л. Особенности правового режима отдельных видов имущества в составе выморочного наследства (на примере исключительного права) / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 39 - 44.

Inheritance of exclusive rights to means of individualization: features of regulation

Verkhoturov M.E., Dolmatov A.O.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Tomsk State University

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regime of inheritance of exclusive rights to means of individualization. The theoretical and legal aspects of inheritance of the specified objects of intellectual property are considered in the context of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the practice of law enforcement.

[12] Верхолетов М.А. О некоторых особенностях наследования исключительного права на коммерческое обозначение // Наследственное право. 2016. № 3. С. 33-36.

Particular attention is paid to problematic issues related to the admissibility of the transfer of exclusive rights in the order of universal succession, the subject composition of inheritance relations. Conflicts and problems in the current legislation are identified, directions for its improvement are outlined. The results of the study can be used in scientific and practical activities related to the regulation of inheritance of exclusive rights to means of individualization.
Keywords: inheritance, inheritance of exclusive rights, intellectual property, means of individualization, trademark.

References

1. Verkholetov M.A. On Some Peculiarities of Inheritance of Exclusive Rights to a Trademark / M.A. Verkholetov // Inheritance Law. – 2016. – No. 3. – P. 33-36.
2. Gavrilov E.P. Inheritance of Intellectual Rights / E.P. Gavrilov // Patents and Licenses. – 2008. – No. 4. – P. 21-27.
3. Gavrilov E.P. Inheritance of Intellectual Rights in Light of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 / E.P. Gavrilov // Patents and Licenses. – 2012. – No. 9. – P. 22-32.
4. Civil Law: textbook: in 4 volumes / ed. E.A. Sukhanov. – M.: Statut, 2019. T. II: Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 464 p.
5. Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-article commentary / S.P. Grishaev // SPS ConsultantPlus, 2022.
6. Grishaev S.P. Commentary on the legislation on inheritance / S.P. Grishaev // SPS ConsultantPlus, 2009.
7. Gutnikov O.V. Plurality of holders of exclusive rights: problems of theory and practice / O.V. Gutnikov, S.A. Sinitsyn // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2019. – No. 12. – pp. 67-73.
8. Dozortsev V.A. Intellectual rights. Concept. System. Codification Tasks: Collection of Articles / V.A. Dozortsev. - M.: Statut, 2003. - 416 p.
9. Eremenko V.I. On the Inheritance of Intellectual Rights in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation / V.I. Eremenko // Advocate. - 2012. - No. 7. - P. 43 - 51.
10. Ivanov N.V. Share in the Exclusive Right / N.V. Ivanov // IP. Copyright and Related Rights. - 2017. - No. 1. - P. 26 - 34.
11. Kalyatin V.O. Intellectual Property (Exclusive Rights) / V.O. Kalyatin. - M.: NORMA Publishing House, 2000. - 480 p.
12. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part four) (article-by-article): in 2 volumes. Vol. 1 / S.A. Gorlenko, V.O. Kalyatin, L.L. Kiriy et al.; Responsible. editors. - M.: Prospect, 2020. - 485 p.
13. Commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (chapter-by-chapter) / G.E. Avilov, K.V. Vsevolozhsky, V.O. Kalyatin et al.; Under the editorship of A.L. Makovsky. - M.: Statut, 2008. - 715 p.
14. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part three: educational and practical commentary / under the editorship of A.P. Sergeev. – M.: Prospect, 2016. – 384 p.
15. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Four: educational and practical commentary / edited by A.P. Sergeev. – M.: Prospect, 2016. – 912 p.
16. P.V. Krasheninnikov. Inheritance Law (Including Hereditary Funds, Hereditary Contracts, and Joint Wills) / P.V. Krasheninnikov. – M.: Statut, 2019. – 302 p.
17. A.L. Makovsky. Exclusive Rights and the Concept of Part Four of the Civil Code / A.L. Makovsky // Civil Law of Modern Russia / compiled by O.M. Kozyr and A.L. Makovsky. – M.: Statut, 2008. Pp. 103-141.
18. Novoselova L. Inheritance of intellectual property rights / L. Novoselova, E. Grin, E. Ulyanova // Business and law. – 2016. – No. 11 (Appendix). – Pp. 3-48.
19. Intellectual property law: textbook / E.V. Badulina, D.A. Gavrilov, E.S. Grin et al.; Under the general editorship of L.A. Novoselova. – M.: Statut, 2017. V. 1: General provisions. – 512 p.
20. Sergeev A.P. Intellectual property law in the Russian Federation / A.P. Sergeev. – M.: OOO TK Velbi, 2003. – 752 p.
21. Haskelberg B.L. Features of the legal regime of certain types of property as part of an escheat inheritance (using the example of exclusive right) / B.L. Haskelberg, V.V. Rovny // Inheritance law. - 2013. - No. 2. - P. 39 - 44.

Наследование авторских и смежных прав: особенности регулирования

Верхотуров Максим Евгеньевич
магистрант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, dinsekt@mail.ru

Долматов Александр Олегович
кандидат юридических наук, доцент Юридического института Томского государственного университета

Современный институт авторских и смежных прав в силу социально-экономических и политических условий основан на других принципах, нежели в советский период. Тем самым, концептуальный подход к наследованию прав на объекты творческого труда снова претерпел некоторые изменения. Стоит отметить, что определённые положения, на которых он сформировался, были заложены советской и отчасти, дореволюционной наукой. В настоящий момент, специальные нормы о наследовании интеллектуальных, в том числе авторских и смежных прав, сосредоточены в разд. 7 «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» 4-й части ГК РФ[1]. Также соответствующие разъяснения по этому предмету расположены в п. п. 83 – 94 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании»[2]. К сожалению, законодатель не посчитал нужным закрепить хотя бы общие положения о наследовании интеллектуальных прав в главе 65 «Наследование отдельных видов имущества» 3-й части ГК РФ[3], что обусловлено исторической традицией, согласно которой в отечественном праве нормы о наследовании интеллектуальных прав всегда содержались в специальном законодательстве об интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: наследование, наследования интеллектуальных прав, интеллектуальная собственность, авторские права, смежные права.

Для определения той или иной совокупности авторских и смежных прав, которые могут включаться в состав наследственной массы, или иными словами, чтобы определить объект наследования, вначале необходимо на основании норм действующего законодательства выделить какие впринципе права принадлежат субъекту авторских и смежных прав[4].

Автору принадлежат следующие интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства (ст. ст. 1245, 1255, 1263, 1265, 1266, 1268, 1269, 1270, 1292, 1293, 1295 ГК РФ): 1) исключительное имущественное право; 2) личные неимущественные права (право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения, право на отзыв[5]); 3) иные (право на вознаграждение за служебное произведение, право на вознаграждение[6],

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию 22.07.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] По мнению В.И. Еременко, указанные разъяснения доходят до пределов создания новых норм, что впринципе не присуще для судебных властей государств континентального права, в число которых входит и Россия (см. Еременко В.И. О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ // Адвокат. 2012. № 7. С. 43-51).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию 08.08.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[4] Приведённая нами классификация ниже основана на законодательстве и разделяется большинством исследователей.

[5] Несмотря на отнесение некоторыми учёными права на отзыв к иным интеллектуальным правам (см. Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая. Постатейный комментарий // Справочная правовая система «Консультант Плюс», 2022), господствующей точкой зрения является его характеристика как права личного неимущественного (см. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвёртая. Под. ред. А.П. Сергеева. М., Проспект, 2016. С. 186 (автор комментария к ст. 1269 – А.П. Сергеев); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвёртой) (постатейный): в 2 т. Т. 1. отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М., Проспект, 2020. С. 308 (автор комментария к ст. 1269 – П.В. Степанов)). На последней позиции стоит и Верховный Суд (см. п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс»).

[6] По общему правилу, право на вознаграждение входит в состав исключительного права (абз. 1 п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. N 10; также п. 10.1 ранее действующего Постановления Пленума ВС/ВАС РФ от 26.03.2009 г. N 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвёртой ГК РФ»), однако существуют случаи, когда исключительное право на соответствующее произведение автору не принадлежит, а право на вознаграждение, как отдельное, тем не менее, присутствует. Например, авторы аудиовизуального произведения, по общему правилу, не обладают исключительным правом на него (п. 2, 4 ст. 1263 ГК РФ), но право на вознаграждение при воспроизведении аудиовизуального произведения исключительно в личных целях, как самостоятельное право, у них имеется (п. 1 ст. 1245 ГК РФ). Также самостоятельным является право автора музыкального произведения, использованного в аудиовизуальном произведении на вознаграждение при использовании его произведения в составе аудиовизуального путём публичного исполнения, сообщении в эфир и по кабелю (п. 3 ст. 1263 ГК РФ). На особый характер последнего, не позволяющий его включить в состав исключительного права, указывает Н.В. Иванов (см. Иванов Н.В. Право на вознаграждение в системе авторских и смежных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 10. С. 4-14). Аналогичная позиция отражена в п. 1 судебной практики по гражданским делам обзора законодательства и судебной практики ВС РФ за второй квартал 2010 г., утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 15.09.2010 г. Практическое значение признания за правом автора музыкального произведения самостоятельного характера заключается в том числе в том, что при отчуждении им исключительного права на музыкальное произведение другому лицу, право на вознаграждение сохраняется за ним. Обращаем внимание и на существование противоположной точки зрения (см. Заключение ИЦЧП по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвёртой ГК РФ // Вестник гражданского права. 2007. № 3; Павлова Е.А. Вознаграждение за использование произведений науки, литературы и искусства // Актуальные вопросы российского частного права: Сборник статей, посвящённый 80-летию со дня рождения

право следования, право доступа[1]). Исполнителю принадлежат (ст. ст. 1245, 1315, 1320 ГК РФ): 1) исключительное имущественное право на исполнение; 2) личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность исполнения); 3) иные (право на вознаграждение за служебное исполнение[2], право на вознаграждение[3]). Изготовителю фонограммы принадлежат (ст. 1245, 1323 ГК РФ): 1) исключительное имущественное право на фонограмму; 2) личные неимущественные права (право на имя, право на защиту фонограммы от искажений[4], право на обнародование фонограммы[5]); 3) иные (право на вознаграждение[6]). Изготовителю базы данных принадлежат (ст. 1333 ГК РФ): 1) исключительное имущественное право на базу данных; 2) личные неимущественные права (право на имя, право на обнародование базы данных). Публикатору принадлежат (ст. 1338 ГК РФ): 1) исключительное имущественное право на обнародованное им произведение; 2) личные неимущественные права (право на имя, право на неприкосновенность произведения).

В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (т. наз. актив и пассив). Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага (абз. 1, 3 ст. 1112 ГК РФ). Из указанной общей нормы наследственного права следует, что исключительное право включается в состав наследства, поскольку оно безусловно является правом имущественным. На это обстоятельство обращают внимание и специальные нормы 4-й части ГК РФ о переходе исключительного права к другим лицам без договора (ст. 1241 ГК РФ), о переходе исключительного права на произведение по наследству (ст. 1283 ГК РФ), о переходе исключительных прав на объекты смежных прав по наследству (ст. 1308.1 ГК РФ[7]), а также Верховный Суд РФ в своём Постановлении Пленума от 29.05.2012 г. N 9 (абз. 3 п. 14). Оборотоспособность прав (прежде всего, исключительных) на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации также подтверждается п. 4 ст. 129 ГК РФ[8].

Итого, исключительные права на произведение (в т.ч. составное, производное, аудиовизуальное), исполнение, фонограмму, базу данных (как объект смежных прав), обнародованное публикатором произведение переходят в порядке универсального правопреемства от наследодателя к наследникам.

С личными неимущественными правами, как и в советское время, не так всё однозначно. Ранее, доктриной признавалась допустимость перехода по наследству личного неимущественного права на обнародование по Закону об авторском праве 1993 г. В свою очередь, Законом запрещался переход по наследству личных неимущественных прав авторства, на имя и на защиту репутации автора произведения, наследники были лишь вправе осуществлять бессрочную защиту указанных прав. В общем и целом, современное законодательство продолжает эту тенденцию, хотя и не всегда последовательно. Законодательный запрет на отчуждаемость, в том числе при наследовании личных неимущественных прав автора, установлен абз. 3 ст. 1112, абз. 2 п. 2

проф. В.А. Дозорцева. М., Статут, 2008. С. 205). Перечисленные права (право авторов аудиовизуального произведения на вознаграждение при его воспроизведении в личных целях, право автора музыкального произведения), как представляется, в условиях сложившейся «триады» интеллектуальных прав, следует отнести к категории иных.

[1] Пусть даже ст. 1226 ГК РФ и Верховный Суд в Постановлении от 23.04.2019 г. N 10 (п. 32) прямо относит право доступа к иным, в доктрине продолжается тенденция, возникшая ещё в период действия Закона об авторском праве 1993 г., причислять указанное право к разряду личных (см. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвёртая. Под. ред. А.П. Сергеева. М., Проспект, 2016. С. 239 (автор комментария к ст. 1292 – Н.В. Иванов); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвёртой) (постатейный): в 2 т. Т. 1. отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М., Проспект, 2020. С. 382 (автор комментария к ст. 1292 – В.О. Калятин)).

[2] Учитывая, что согласно ст. 1320 ГК РФ к исполнению, созданному в порядке выполнения служебного задания, применяются нормы ст. 1295 ГК РФ о служебных произведениях, следует заключить, что у исполнителя может возникнуть право на вознаграждение за служебное исполнение, которое по аналогии стоит отнести к иным правам, даже при наличии п. 2 ст. 1303 ГК РФ, которая не выделяет по отношению к смежным правам категорию «иных прав». Этот вывод также подтверждается п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. N 10, который относит к иным правам право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, т.е. вне зависимости от конкретного объекта.

[3] Верховный Суд РФ допускает такие случаи, которые могут быть предусмотрены частью 4 ГК РФ (не раскрывая их, к сожалению), когда право на вознаграждение сохраняется у исполнителя тогда, когда исключительное право ему не принадлежит (абз. 2 п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. N 10). Следовательно, такое право также можно отнести в порядке исключения к разряду иных, не входящих в состав исключительного.

[4] Невзирая на то, что право на защиту фонограммы от искажений в литературе причисляется к разряду личных неимущественных (см. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвёртой) (постатейный): в 2 т. Т. 1. отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М., Проспект, 2020. С. 441 (автор комментария к ст. 1323 – Е.А. Павлова); Право интеллектуальной собственности: Учебник. Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. М., Статут, 2017. Т. 2: Авторское право. С. 146 (автор – С.П. Степкин, в соавторстве с О.А. Рузаковой)), Верховный Суд РФ по неизвестным причинам отнёс его к категории иных прав (см. п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. N 10).

[5] Стоит отметить, что несмотря на практически аналогичный гражданско-правовой режим права на обнародование фонограммы и права на обнародование произведения, законодатель не посчитал нужным закрепить право на отзыв за изготовителем фонограммы.

[6] Право на вознаграждение, не входящее в состав исключительного, может принадлежать изготовителю фонограммы также в случаях, предусмотренных частью 4 ГК РФ по аналогии с авторами и исполнителями, когда ему не принадлежит исключительное право на фонограмму (см. абз. 2 п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. N 10). Отметим, что на данный момент таких случаев часть 4 ГК РФ не предусматривает.

[7] Следует отметить не очень удачную редакцию нормы ст. 1308.1 ГК РФ (отсылающую к ст. 1283 ГК РФ), упоминающую среди прав, подлежащих переходу по наследству, исключительное право на сообщение радио- или телепередач, поскольку субъектом последнего может быть только юридическое лицо, не являющееся по отечественному праву наследодателем. Представляется целесообразным исправить этот недостаток, исключив из нормы ст. 1308.1 ГК РФ упоминание об исключительном праве на сообщение радио- или телепередач.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

ст. 1228, п. 1 ст. 1265 ГК РФ. Однако как представляется, указанный концептуальный подход к личным неимущественным правам уже давно не отвечает потребностям практики и не является абсолютным. Безусловно, это общая проблема подотрасли личных неимущественных прав[1], но в связи с её широким содержанием, она переносится и на сферу права интеллектуальной собственности. Дискуссия об отчуждаемости личных неимущественных прав автора также усугубляется общей условностью деления авторского права, основанного на дуалистическом подходе[2]. В науке небезосновательно существует мнение о возможности перехода некоторых личных неимущественных прав, причём не только в области интеллектуальной собственности[3], например, согласно ст. 1042 ГК РФ вкладом по договору простого товарищества может быть деловая репутация. Более того, при определении категории «наследство», ряд авторов рассматривают последнюю как преемство не только имущественных, но и некоторых личных неимущественных прав[4]. Во французской юриспруденции, например, выделяется в качестве особенности моральных прав, их наследуемость (ст. L. 121-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции[5]). Немецкий закон об авторском праве и смежных правах 1965 г.[6] в § 28 устанавливает, что авторское право (urheberrecht), как единое право, основанное на монистической теории, переходит по наследству. Уменьшение роли принципа неотчуждаемости моральных прав вообще составляет одну из тенденций современного европейского авторского права[7].

Рассмотрим возможность вхождения в состав наследства личных неимущественных прав автора. Право авторства и право автора на имя справедливо законом признаются неотчуждаемыми (абз. 2 п. 2 ст. 1228, п. 1 ст. 1265 ГК РФ) в силу их тесной взаимосвязи с личностью творца. Наследник не может стать автором произведения, созданного наследодателем, не может им признаваться. Равным образом он не вправе ставить на произведении своё имя или псевдоним, поскольку произведение – это индивидуальный творческий продукт самого автора.

Иначе обстоит дело с правом на неприкосновенность произведения. Данное право, первоначально принадлежащее автору, включает в себя 2 элемента: активный и пассивный. Активный элемент реализуется самим автором путём внесения в произведение любых изменений по собственному усмотрению (в том числе посредством дачи согласия на это другим лицам). Пассивный элемент заключается в возможности требовать от 3-х лиц не осуществлять указанные действия без согласия автора. Видно, что указанные элементы тесно связаны между собой. Как активный, так и пассивный элемент, в составе единого целого, могут перейти к лицам, обладающим исключительным правом на произведение после смерти автора, например, к наследникам. Однако стоит сразу оговориться, что право на неприкосновенность переходит к наследникам в ограниченных пределах (абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ), обусловленных волей автора (в произведение разрешается вносить изменения, если этим не искажается замысел автора, не нарушается целостность восприятия произведения и это не противоречит воле автора, определённо выраженной им в письменной форме). Помимо активного и пассивного элемента, к наследникам также переходит право на охрану неприкосновенности произведения[8] после смерти автора (ст. 1267 ГК РФ). При жизни, автор самостоятельно осуществляет охрану неприкосновенности своего произведения. После смерти автора, произведение не перестаёт нуждаться в охране своей неприкосновенности, поэтому наследники, к которым перешло исключительное право, осуществляют указанную охрану пожизненно[9]. Несомненно, весь этот взгляд противоречит господствующей в доктрине позиции о непе-

---

[1] Которая, к слову, до сих пор является одной из самой неразработанной в гражданском праве.

[2] Сергеев А.П. Указ. соч. С. 198-199, 214, 221.

[3] Гражданское право. Учебник в 4-х т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М., Статут, 2019. Т. II. С. 437 (автор главы – А.Е. Шерстобитов); Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система, Задачи кодификации. М., Статут, 2003. С. 48; М.Н. Малеина. Личные неимущественные права: учебное пособие. М., 1990. С. 5; Рождественская К.Ю. Особенности наследования авторских прав. Автореферат дис, … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11-12.

[4] Инцас В.Л. Наследование как особый вид правопреемства в советском гражданском праве. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1973. С. 5; Эйдинова Э.Б. Наследование по закону и завещанию. М., Юрид. лит-ра, 1985. С. 6.

[5] Code de la propriété intellectuelle [Электронный ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069414/LEGISCTA000006161636/?anchor=LEGIARTI000006278891#LEGIARTI000006278891 (дата обращения: 02.08.2025).

[6] Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/__28.html (дата обращения: 23.02.2023).

[7] Овчинников И.В. Личные неимущественные права автора на произведения науки, литературы и искусства: правовая природа и содержание: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 73-74.

[8] Причём также в составе права на неприкосновенность. Таким образом, не следует множить сущее без необходимости, признавая за наследниками самостоятельное право на охрану, поскольку последнее вполне укладывается в структуру права на неприкосновенность, вместе с его активным и пассивным элементом. Иная точка зрения может иметь место, если признать за неприкосновенностью произведения статус нематериального блага или общественного интереса, на которое существует самостоятельное право на его охрану. Таким образом получилось бы, что право на неприкосновенность произведения (с активным и пассивным элементом) имеют своим объектом собственно произведение, а право на охрану – отдельное нематериальное благо/общественный интерес. Но как представляется, для такого вывода нет оснований – все элементы права на неприкосновенность произведения имеют своим объектом непосредственно само произведение, и даже право на охрану, но лишь в части защиты произведения от несанкционированных изменений. Признать самостоятельность права на охрану можно лишь в ситуации, когда автор возложил на определённое лицо, не являющееся наследником и не обладающим исключительным правом на произведение, обязанность по охране неприкосновенности, которую он будет осуществлять после смерти автора.

[9] В законе установлено (абз. 2 п. 2 ст. 1267 ГК РФ), что наследники осуществляют охрану неприкосновенности произведения в случае, если автор при жизни не возложил эту обязанность на другое лицо, либо если последнее отказалось от исполнения со-

редаваемости личных неимущественных прав автора[1], однако соответствующие исключения из общего правила предусматривались как в дореволюционное, так и в советское время, а также это объясняется спецификой авторского права, в котором имущественный и личный элемент имеют тесную связь, в силу чего переход только одной категории прав объективно невозможен, так как одно обуславливает осуществление второго.

Аналогичным образом следует признать допустимым переход по наследству права на обнародование произведения, не обнародованное при жизни автора[2]. Соответствующее право также переходит к наследникам в более узком объёме, чем оно первоначально принадлежит автору. Обнародование допускается, если это не противоречит воле автора, определённо выраженной им в письменной форме (п. 3 ст. 1268 ГК РФ).

На переход по наследству двух вышеуказанных личных неимущественных прав автора довольно двусмысленно указывает Верховный Суд (п. 90 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9): при переходе исключительного права в порядке наследования у обладателей исключительного права могут возникать и иные интеллектуальные права, имеющие неимущественный характер, в объёме, определяемом ГК РФ, в частности право разрешать внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений (абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ), право на обнародование произведения, не обнародованного при жизни автора (п. 3 ст. 1268 ГК РФ). Неопределённым указанное разъяснение представляется в двух моментах: 1) относит ли Верховный Суд эти права к иным интеллектуальным правам по смыслу «триады», или он просто отметил самостоятельность данных прав, не отождествляя их с содержанием исключительного права? 2) указание на то, что эти права «возникают», а не «переходят», является намеренным, или просто опечаткой? В первом моменте следует прийти к выводу, что Верховный Суд просто отграничил указанные неимущественные права от исключительного имущественного права, поскольку их отнесение в третью категории «иных» не имеет никакого смысла и теоретического обоснования. Иные интеллектуальные права – это те, которые не вошли в содержание исключительного права в качестве способов использования произведения, и которые нельзя отнести к категории личных неимущественных, поскольку их характер предусматривает в своей структуре как наличие имущественного, так и наличие неимущественного элемента. Разница между правом на неприкосновенность, принадлежащим автору и аналогичным правом, принадлежащим наследнику, заключается только в пределах осуществления, поэтому отнесение его к разряду «иных» ничем не обусловлено. Во втором моменте следует признать, что Верховный Суд допустил опечатку, так как данные права

ответствующих полномочий, либо умерло. Однако как представляется, наследники в любом случае обладают правом на охрану, даже при возложении на 3-е лицо указанных полномочий, поскольку последнее может их осуществлять недобросовестно или несвоевременно, и говорить об отсутствии у близких родственников умершего автора права на охрану в такой ситуации, как минимум, нецелесообразно. Поэтому норму абз. 2 п. 2 ст. 1267 ГК РФ следует толковать расширительно, допуская применение по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) правила п. 2 ст. 1134 ГК РФ, в соответствии с которым после открытия наследства суд может освободить исполнителя завещания от его обязанностей по требованию наследников при наличии обстоятельств, свидетельствующих о ненадлежащем их исполнении.

[1] Концепция, согласно которой личное неимущественное право на неприкосновенность произведения прекращается со смертью автора хоть и имеет под собой основу, однако страдает определёнными изъянами. Из неё вытекает, что право наследников в ограниченных пределах вносить изменения в произведение является самостоятельным по отношению к аналогичному праву автора (которое прекратилось с его смертью) и возникает в силу закона, а также, что неприкосновенность произведения подлежит охране именно как общественный интерес, но не как право, которое прекратилось со смертью автора. С теоретической точки зрения указанная концепция страдает тем, что в первом случае происходит искусственное дробление прав, признаётся некая юридическая фикция: вместо допустимости перехода права на неприкосновенность по наследству в ограниченном объёме, оно прекращается при смерти автора, но потом возникает у наследников (хотя его содержание направлено на одну и ту же цель: не допустить произвольных изменений произведения); во втором случае, из права наследников на неприкосновенность безосновательно отделяется право на его охрану, являющееся, по сути, его составной частью (странной представляется юридическая конструкция, когда при жизни автора он обладает самостоятельным правом на охрану, объектом которого является право на неприкосновенность произведения). Тем не менее, категория общественного интереса присутствует при осуществлении права на охрану и при жизни автора, так как общество заинтересовано не менее чем сам автор, в осмыслении произведения последнего в его первозданном виде, без искажения замысла и посыла. Таким образом, указанная концепция, основанная, в большей степени, лишь на постулате о непередаваемости личных неимущественных прав автора, страдает рядом теоретических несостыковок. Это закономерно наводит на вопрос, а является ли право на неприкосновенность произведения таким уж и личным в том виде, в котором его характеризуют в литературе? Как видится, в данном случае личный элемент в значительной степени ослабляется.

[2] Дискуссионным также является вопрос о возможности перехода по наследству, связанного с правом на обнародование, права на отзыв (ст. 1269 ГК РФ). Ряд авторов признают допустимость такого перехода (см. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвёртая. Под. ред. А.П. Сергеева. М., Проспект, 2016. С. 186 (автор комментария к ст. 1269 – А.П. Сергеев); Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71. Под ред. П.В. Крашенинникова. М., Статут, 2014. С. 164 (автор комментария к ст. 1269 – О.А. Рузакова); Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о наследовании // Справочная правовая система «Консультант Плюс», 2009). В общем и целом, такой подход является логичным. Если наследники вправе обнародовать произведение, при условии, что это не противоречит воле автора, то почему они не могут обладать правом отозвать своё решение об обнародовании? Другое дело, что в каждом отдельном случае необходимо выяснять действительную волю автора, поскольку от последней может зависеть и переход по наследству права на отзыв. В ситуации, когда автор при жизни желал, чтобы его произведение при любых обстоятельствах было обнародовано после его смерти, право на отзыв как самостоятельное право лишается всякого смысла, а если автор в письменной форме выразил лишь допустимость обнародования произведения после его смерти или умолчал впринципе об этом, право на отзыв в таком случае может перейти по наследству и быть реализовано правопреемниками. Очевидно также, что если автор при жизни обнародовал собственное произведение, то право на отзыв не может быть осуществлено его наследниками.

именно переходят, а не «возникают». Обратное толкование входило бы в противоречие со ст. ст. 1110, 1112 ГК РФ, в соответствии с которыми в состав наследства входят «принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства» вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, которые переходят по наследству «в неизменном виде как единое целое». Также эти права, как уже упоминалось, тесно связаны с волей автора, что скорее говорит об их преемственности, а не самостоятельном значении.

Таким образом, хоть абз. 2 п. 2 ст. 1228 ГК РФ и содержит норму, согласно которой личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы, а абз. 3 ст. 1112 ГК РФ устанавливает, что в состав наследства не входят личные неимущественные права, стоит прийти к выводу, что указанные нормы закрепляют лишь общее правило, и даже не внося соответствующих изменений в законодательство, ранее оговоренные исключения вытекают из системного толкования иных норм Кодекса.

Практическое значение возможности перехода по наследству неимущественных прав на неприкосновенность и обнародование произведения в ограниченном объёме заключается в столь же ограниченных возможностях наследников использовать способы защиты личных неимущественных прав, предусмотренные ст. 1251 ГК РФ. Например, в одном деле, Московский городской суд[1] подчеркнул, что наследники не обладают правом требовать взыскания компенсации морального вреда, поскольку такой способ защиты принадлежит лишь автору, однако требовать пресечения действий, нарушающих право, они могут.

Далее рассмотрим возможность перехода по наследству иных интеллектуальных прав автора: на вознаграждение за служебное произведение, на вознаграждение (не входящее в состав исключительного права), следования, доступа.

Право на вознаграждение за служебное произведение, как гласит абз. 4 п. 2 ст. 1295 ГК РФ неотчуждаемо и не переходит по наследству, однако права автора по договору, заключённому им с работодателем, и не полученные автором доходы переходят к наследникам. Из данной нормы следует, что возможность перехода прав работника – автора служебного произведения ставится в зависимость от наличия или отсутствия соответствующего гражданско-правового договора. Если он был заключён при жизни автора, право требования вознаграждения переходит по наследству, если нет – право на вознаграждение прекращается с его смертью. Такой подход подчёркивает «иную» правовую природу права на вознаграждение: оно не включено в содержание исключительного права, и одновременно с этим имеет связь с личностью автора, поэтому обладает как имущественным, так и неимущественным элементом. На неотделимость указанного права от правового статуса автора как работника, состоящего в трудовых отношениях со своим работодателем, также обращает внимание судебная практика[2]. На переход этих, по своей сущности, обязательственных прав работника по наследству (право автора на вознаграждение за служебное произведение по договору, заключённому им с работодателем; право на вознаграждение, выплачиваемое автору как обладателю исключительного права на служебное произведение за использование последнего работодателем на условиях простой (неисключительной) лицензии) указывает Верховный Суд РФ (пп. «в» п. 91 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Вместе с этим выглядит странным противоположное правило (о переходе этих прав по наследству вне зависимости от заключения договора) в отношении права на вознаграждение за служебные объекты патентного права (абз. 4 п. 4 ст. 1370 ГК РФ), служебные селекционные достижения (абз. 3 п. 5 ст. 1430 ГК РФ), служебные топологии интегральных микросхем (абз. 2 п. 4 ст. 1461 ГК РФ)[3]. В литературе такое различие в правовом регулировании объясняется тем, что создание служебных произведений обычно прямо вытекает из трудовых обязанностей работников-авторов, в то время как создание результатов интеллектуальной деятельности в сфере промышленной собственности не предусматривается их трудовыми обязанностями, носит случайный характер[4].

Следующие иные права – права авторов аудиовизуального произведения на вознаграждение при его воспроизведении в личных целях (п. 1 ст. 1245 ГК РФ) и права авторов музыкального произведения, использованного в аудиовизуальном произведении на вознаграждение при публичном исполнении либо сообщении в эфир или по кабелю последнего (п. 3 ст. 1263 ГК РФ) переходят по наследству без каких-либо изъятий[5] (абз. 1, 2 п. 84 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9).

По общему правилу, право следования является неотчуждаемым – его нельзя передать по договору, нельзя заложить, однако допускается передача его по наследству в качестве исключения на срок действия исключительного права на произведение (п. 3

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.04.2014 по делу N 33-7926 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 20.02.2018 N 33-6990/2018 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[3] Представляется логичным и обоснованным предложение привести в соответствие абз. 4 п. 2 ст. 1295 ГК РФ с аналогичными нормами, содержащимися в иных институтах права интеллектуальной собственности (см. Иванов Н.В. Право на вознаграждение за служебное произведение и служебное исполнение // Закон. 2017. № 1. С. 147-155).

[4] Павлова Е.А., Калятин В.О., Корнеев В.А. Вводный научный комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс», 2015, С. 34-35 (автор – Е.А. Павлова).

[5] Ранее в литературе высказывалась точка зрения о невозможности перехода по наследству права на вознаграждение, принадлежащего автору музыкального произведения, включённого в аудиовизуальное произведение (см. Гаврилов Э.П. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 10. С. 46-57).

ст. 1293 ГК РФ, пп. «а» п. 91 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Для наследников обладание правом следования особенно важно, поскольку после смерти творца его работы становятся редкими и уникальными на рынке, что нередко сказывается и на цене объектов искусства[1].

В отношении права доступа (ст. 1292 ГК РФ) существует неопределённость. С одной стороны, законодательство, определяя это право в качестве «иного», т.е. содержащего элементы как имущественного, так и личного неимущественного характера, нигде не упоминает о невозможности его наследования. Общий законодательный запрет существует в отношении личных неимущественных прав, и то, как показано нами выше, имеет множество исключений. Господствующей точкой зрения в доктрине является позиция о превалировании личного элемента в праве доступа (состоящим в удовлетворении интереса автора в непосредственном восприятии своего произведения), поскольку имущественный элемент начинается и заканчивается ровно на совпадении правомочия воспроизведения с аналогичным правомочием, входящим в состав исключительного права. В силу доминирующего личного элемента в праве доступа, делается вывод о его необоротоспособности и возможности принадлежности лишь автору[2]. Для снятия неопределённости логичным представляется дополнить ст. 1292 ГК РФ 3-м пунктом, указывающим на неотчуждаемый характер права доступа.

Теперь перейдём к определению совокупности личных неимущественных и иных прав субъектов смежных прав, которые могут включаться в состав наследства.

Личное неимущественное право исполнителя на неприкосновенность исполнения обладает более узким объёмом, чем аналогичное право на неприкосновенность произведения, принадлежащее автору. Так или иначе, право на неприкосновенность исполнения (содержащее активный, пассивный элемент и правомочие на охрану) способно переходить по наследству в ограниченных пределах по тем же основаниям, изложенным нами относительно права на неприкосновенность произведения. Наследники, к которым перешло исключительное право на исполнение, вправе разрешать внесение в исполнение изменений, если они не приводят к извращению смысла или к нарушению целостности восприятия исполнения, а также, если это не противоречит воли исполнителя, определённо выраженной им в письменной форме. Принципиальные препятствия, не позволяющие в данном случае применить аналогию закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ), как представляется, отсутствуют. Более того, перечисляя в п. 90 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9 неимущественные права, которые могут переходить по наследству (на неприкосновенность и обнародование произведения), Верховный Суд употребил слово «в частности», что позволяет прийти к выводу о неисчерпывающем перечне таких прав, имеющих неимущественный характер и переходящих в порядке универсального правопреемства.

Регламентируя исполнение, созданное в порядке выполнения служебного задания, норма ст. 1320 ГК РФ отсылает к ст. 1295 ГК РФ, которая содержит правила о служебном произведении. Следовательно, к праву на вознаграждение за служебное исполнение применимо всё то, о чём нами упоминалось относительно права на вознаграждение за служебное произведение: оно неотчуждаемо и не переходит по наследству, но права исполнителя по договору, заключённому им с работодателем, и право на не полученные исполнителем доходы, переходят к наследникам.

Также по наследству может переходить право исполнителя на вознаграждение, которое признаётся самостоятельным иным правом, не входящим в состав исключительного, в случаях, когда последнее не принадлежит исполнителю. Например, когда осуществляется воспроизведение фонограммы исключительно в личных целях (ст. 1245 ГК РФ), в которой зафиксирована запись звуков исполнения. Исключительное право на такую фонограмму в этой ситуации принадлежит изготовителю фонограммы, который также имеет право на вознаграждение, но уже в составе своего исключительного права.

Личные неимущественные права изготовителя фонограммы (на имя, на защиту фонограммы от искажений, на обнародование фонограммы) сродни личным неимущественным правам автора, но отличаются от них по ряду признаков. Если право автора на имя прекращается со смертью последнего и подлежит впоследствии охране в качестве нематериального блага, а права автора на неприкосновенность и обнародование произведения переходят к наследникам в ограниченном объёме, то права изготовителя фонограммы на имя и на защиту фонограммы от искажений одновременно прекращаются со смертью гражданина (п. 4 ст. 1323 ГК РФ), и следовательно, не переходят по наследству. Таким образом, после смерти изготовителя фонограммы, сама фонограмма становится неохраняемой в части соответствующих прав. Очевидно, что срок действия прав изготовителя фонограммы на имя и защиту её от искажений может оказаться либо короче, либо, наоборот, продолжительнее срока действия исключительного права, что в свою очередь, влечёт отрицательные практические последствия, например, невозможность со стороны наследников противодействовать искажению фонограммы 3-ми лицами, если это приводит к нарушению целостности восприятия фонограммы, заложенной в неё изготовителем при жизни. Такая особенность в регулировании обусловлена, можно подумать, сущностью фонограммы, на которую возникают «нетворческие» права (способные к тому же принадлежать и

[1] Харитонова Ю.С. Особенности перехода права следования по наследству // Нотариальный вестник. 2022. № 10. С. 5-13.

[2] Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография. Отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. М., Статут, 2022. С. 82. (автор – А.С. Ворожевич); Новосёлова Л., Гринь Е., Ульянова Е. Наследование интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2016. № 11 (Приложение). С. 3-48.

юридическим лицам). Однако одновременно с этим можно допустить гипотетическую ситуацию, когда изготовитель фонограммы при жизни вкладывает определённое творческое начало, казалось бы, в простую запись звуков исполнения. Это правило выглядит ещё более нелогичным в связи с тем, что, например, право изготовителя базы данных на имя действует и охраняется в течение срока действия его исключительного права (абз. 5 п. 2 ст. 1333 ГК РФ), которое может неоднократно пролонгироваться при каждом обновлении базы данных (п. 2 ст. 1335 ГК РФ). Между тем, от изготовителя базы данных не требуется каких-либо творческих усилий. Для возникновения правовой охраны достаточно исключительно технической организационной деятельности. Поэтому п. 4 ст. 1323 ГК РФ нуждается в изменении. Указание на прекращение права на обнародование в связи со смертью изготовителя фонограммы в законодательстве отсутствует, следовательно, оно также, как и аналогичное право автора переходит к наследникам.

Неимущественное право публикатора на неприкосновенность произведения следует судьбе исключительного права (п. 3 ст. 1338 ГК РФ), таким образом, оно может включаться в состав наследства.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 29.05.2012 г. N 9 отметил (п. 92), что в состав наследства входят также обязательственные права, возникшие у авторов-наследодателей из договоров, в том числе из договоров, заключённых ими с ОКУПами (п. 3 ст. 1242 ГК РФ), лицензионных договоров, заключённых как самими наследодателями, так и указанными организациями с пользователями объектов авторских и смежных прав (п. 7 ст. 1235 ГК РФ).

Подводя итог рассмотрению вопроса о составе интеллектуальных прав, переходящих в порядке универсального правопреемства, на основании всего вышеизложенного мы резюмируем, что в состав наследства включаются: 1) исключительное имущественное право[1] на произведение, исполнение, фонограмму, базу данных (как объект смежных прав), обнародованное публикатором произведение; 2) неимущественные (причём не всегда личные) права автора на неприкосновенность и обнародование произведения, право автора на отзыв (переходящее при определённых обстоятельствах), право исполнителя на неприкосновенность исполнения, право изготовителя фонограммы на её обнародование, право изготовителя базы данных на её обнародование, право публикатора на неприкосновенность обнародованного им произведения; 3) иные интеллектуальные права: право автора и исполнителя на вознаграждение за служебное произведение и исполнение, право автора, исполнителя и изготовителя фонограммы на вознаграждение, когда оно не входит составной частью в исключительное право, право следования.

Далее необходимо затронуть вопрос о сроке, в течение которого наследники могут осуществлять эти права.

Нормы ст. 1281 ГК РФ закрепляют порядок исчисления срока действия исключительного права на произведение. Общее правило – исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и 70-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора (абз. 1 п. 1 ст. 1281 ГК РФ). Исключительное право на посмертно обнародованное произведение действует в течение 70-ти лет после его обнародования, считая с 1 января года, следующего за годом его обнародования, при условии, что произведение было обнародовано в течение 70-ти лет после смерти автора (п. 3 ст. 1281 ГК РФ). Особенности исчисления также установлены для произведения, созданного в соавторстве (абз. 2 п. 1 ст. 1281 ГК РФ), для произведения, обнародованного анонимно или под псевдонимом (п. 2 ст. 1281 ГК РФ), для произведения, автор которого был репрессирован и посмертно реабилитирован (п. 4 ст. 1281 ГК РФ), для произведения, автор которого работал во время Великой Отечественной Войны или участвовал в ней (п. 5 ст. 1281 ГК РФ).

Исключительное право на исполнение действует в течение всей жизни исполнителя, но не менее 50-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом, в котором было создано исполнение; наследникам данное право принадлежит в пределах оставшейся части срока (п. 1, 4 ст. 1318 ГК РФ).

Исключительное право на фонограмму действует в течение 50-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом, в котором была осуществлена запись. В случае обнародования фонограммы исключительное право действует в течение 50-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом, в котором она была обнародована при условии, что фонограмма была обнародована в течение 50-ти лет после осуществления записи; к наследникам изготовителя фонограммы исключительное право переходит в пределах оставшейся части сроков (п. 1, 2 ст. 1327 ГК РФ).

Исключительное право изготовителя базы данных возникает в момент завершения её создания и действует в течение 15-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом её создания. Исключительное право изготовителя базы данных, обнародованной в указанный период, действует в течение 15-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом её обнародования (ст. 1335 ГК РФ). В упомянутой норме отсутствует указание на то, что к наследникам изготовителя базы данных исключительное право переходит в пределах оставшейся части сроков, однако это правило можно вывести по аналогии с другими объектами смежных прав (п. 1 ст. 6, п. 4 ст. 1318, п. 2 ст. 1327 ГК РФ).

Исключительное право публикатора на произведение возникает в момент обнародования этого

[1] Вместе со всеми правомочиями (способами использования), составляющими его содержание и перечисленными неисчерпывающим образом в законе (п. 2 ст. 1270, п. 2 ст. 1317, п. 2 ст. 1324, п. 1 ст. 1334, п. 1 ст. 1339 ГК РФ).

произведения и действует в течение 25-ти лет, считая с 1 января года, следующего за годом его обнародования (п. 1 ст. 1340 ГК РФ). Относительно исключительного права публикатора также следует прийти к выводу, что оно переходит по наследству в пределах установленного срока существования.

Право на обнародование произведения, фонограммы и базы данных существует бессрочно, пока обладатель этого права (наследник) не реализует его[1]. После обнародования, данное право прекращается. Право на отзыв привязано к действию права на обнародование произведения, ибо если последнее реализовано, т.е. произведение стало доступным для всеобщего сведения, более право на отзыв осуществить по смыслу закона, не представляется возможным[2].

Право автора, исполнителя и публикатора на неприкосновенность произведения, исполнения и обнародованного произведения действует в части активного и пассивного элемента – в течение срока действия исключительного права на соответствующий объект (абз. 2 п. 1 ст. 1266, пп. 4 п. 1 ст. 1315, п. 3 ст. 1338 ГК РФ). В части правомочия на охрану неприкосновенности, как свойства произведения – оно действует бессрочно (п. 1 ст. 1267, п. 1 ст. 1316 ГК РФ).

Период, в течение которого наследники вправе осуществлять право следования тождественен сроку действия исключительного права на произведение (п. 3 ст. 1293 ГК РФ, пп. «а» п. 91 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9).

Срок действия обязательственных прав наследников на вознаграждение за служебное произведение (исполнение), и не полученные автором (исполнителем) доходы, а также прав на вознаграждение, выплачиваемое наследникам автора (исполнителя) как обладателям исключительного права на служебное произведение (исполнение) за использование этого объекта работодателем на условиях простой (неисключительной) лицензии, основанные на заключённом при жизни гражданско-правовом договоре между автором (исполнителем) и работодателем прекращаются в момент исполнения соответствующей обязанности по выплате со стороны работодателя, но не может превышать срок действия исключительного права на произведение (исполнение)[3] (ст. ст. 1295, 1320 ГК РФ, пп. «в» п. 91 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Аналогичным образом следует решать вопрос о сроке действия прав наследников автора, исполнителя и изготовителя фонограммы на вознаграждение, когда оно не входит составной частью в исключительное право.

Режим выморочного имущества (т.е. переход имущества к государству при условиях, закреплённых в п. 1 ст. 1151 ГК РФ) не распространяется на права авторов и субъектов смежных прав. Вместо него соответствующее произведение или объект смежных прав переходит в общественное достояние и может свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты вознаграждения (ст. 1282, п. 2 ст. 1283, ст. 1308.1, п. 5 ст. 1318, п. 3 ст. 1327, п. 2 ст. 1340 ГК РФ, п. 86 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9).

Наследодателем авторских и смежных прав является только физическое лицо. Наследниками в качестве носителей производного права могут выступать физические лица (по закону, по завещанию, по наследственному договору), юридические лица (только по завещанию и наследственному договору), в том числе наследственные и личные фонды, а также публично-правовые образования, иностранные государства и международные организации (только по завещанию и наследственному договору).

Момент перехода авторских и смежных прав по наследству основан на общих положениях о наследовании. Эти права переходят в момент открытия наследства, т.е. в момент смерти гражданина или объявления судом его умершим (в порядке, предусмотренном гл. 30 ГПК РФ[4]). Исключение, которое установлено п. 2 ст. 1232 ГК РФ для объектов интеллектуальной собственности, подлежащих регистрации[5], выраженное в необходимости регистрировать каждый переход прав на такие объекты (в том числе когда переход произошёл без договора, т.е. по наследству) и связанное с этим правило п. 6 ст. 1232 ГК РФ о признании такого перехода в отсутствие регистрации несостоявшимся, нельзя распространять на отношения по наследованию авторских и смежных прав. Если при жизни автор в факультативном порядке зарегистрировал программу для ЭВМ или базу данных, то исключительное право на соответствующий объект переходит по общим правилам, т.е. в момент открытия наследства, а не с момента регистрации перехода права на основании, например, свидетельства о праве на наследство, поскольку иной подход оставлял бы исключительное

[1] В отношении права на обнародование произведения следует заметить, что, если наследник не осуществил его в течение действия исключительного права, оно трансформируется в условие возникновения у него прав публикатора. Поэтому нельзя полагать, что данное право у него прекращается после перехода произведения в общественное достояние. Другое дело, что указанное право после истечения срока действия исключительного права может принадлежать не только наследникам (п. 3 ст. 1282 ГК РФ).

[2] Обратная ситуация, когда автор мог реализовать право на отзыв уже после обнародования произведения, предусматривалась в п. 2 ст. 15 Закона об авторском праве и смежных правах 1993 г.

[3] Поскольку после истечения срока исключительного права на произведение и исполнение, соответствующие объекты переходят в общественное достояние, то право на вознаграждение должно отпадать, так как любое лицо будет вправе свободно использовать произведение или исполнение. Соответствующее указание присутствует по отношению к правам на вознаграждение за служебные объекты промышленной собственности (абз. 4 п. 4 ст. 1370, абз. 3 п. 5 ст. 1430, абз. 2 п. 4 ст. 1461 ГК РФ).

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[5] Факультативная регистрация предусмотрена в отношении программ для ЭВМ и баз данных (авторских и смежных) (ст. 1262, п. 3 ст. 1334 ГК РФ).

право «висящим в воздухе» и не имеющим субъекта, который может использовать и защищать его в период между открытием наследства и включением в реестр записи о переходе к нему права. В данном случае, государственная регистрация перехода права носит не правообразующий, а правоподтверждающий характер. В обосновании своего вывода приведём норму п. 4 ст. 1152 ГК РФ, согласно которой принятое наследство признаётся принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации, тем самым, акту принятия наследства придаётся обратная сила. Ограничение в данном случае может быть предусмотрено только для правомочия по распоряжению исключительным правом, которое правопреемники не смогут реализовывать до момента регистрации перехода к ним прав (п. 6 ст. 1232 ГК РФ).

Для приобретения наследства наследник должен его принять, т.е. совершить одностороннюю сделку, выраженной либо в подаче по месту открытия наследства нотариусу заявления о принятии наследства или заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство, либо путём совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства (п. 1, 2 ст. 1153 ГК РФ). Принятие наследником части наследства означает принятие всего причитающегося ему наследства, в чём бы оно ни заключалось и где бы оно не находилось (абз. 1 п. 2 ст. 1152 ГК РФ), включая и то, которое будет обнаружено после принятия наследства (абз. 1 п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства в отношении авторских и смежных прав, могут выражаться, например, в защите последних от посягательств или притязаний 3-х лиц, использовании соответствующих объектов, зафиксированных на материальных носителях, и пр.

Исключительное право на объекты авторских и смежных прав включается в состав наследства без подтверждения какими-либо документами (п. 83 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Это означает, что наследник должен подтвердить лишь факт авторства наследодателя. При этом не имеет значения, как, с помощью каких документов будет произведено это подтверждение[1] (способов подтверждения прав автора множество: депонирование, нотариальное удостоверение, оставленный след в интернете, направление самому себе заказного письма с описью вложения, опубликование в СМИ, и так далее[2]).

В общем и целом следует признать, что большинство норм раздела V «Наследственное право» 3-й части ГК РФ[3] применимы напрямую к наследованию авторских и смежных прав, поэтому мы не будем их пересказывать, а лучше затронем те проблемные моменты, с которыми сталкивается доктрина (один из них, о составе авторских и смежных прав, переходящих по наследству, уже был рассмотрен выше) и практика.

С институтом наследования интеллектуальных прав на произведения и объекты смежных прав тесно связана проблема режима совместного сообладания исключительным правом и вытекающей из него необходимости введения конструкции доли в исключительном праве[4]. Выстраданное дореволюционной и советской доктриной представление о тождественном режиме отношений соавторов и наследников, к которым перешло исключительное право, выраженное в утратившим силу п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 19.06.2006 г. N 15, нашло своё продолжение в немного другой формулировке п. 87 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9: исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, перешедшее к нескольким наследникам, принадлежит им совместно[5] и осуществляется ими согласно п. 3 ст. 1229 ГК РФ. В отечественной доктрине права интеллектуальной собственности преобладает подход, согласно которому исключительное право, в отличие от постоянно противопоставляемого ему абсолютного вещного права, обладает свойством неделимости[6]. Российский правопорядок твёрдо стоит на позиции о том, что раздел исключительного права и выдел из него долей не допускается. Об этом свидетельствует, в том числе, норма п. 3 ст. 1227 ГК РФ, в силу которой к интеллектуальным правам положения раздела II ГК РФ, посвящённого вещным правам (в частности, институту общей собственности), не применяются. Также по этому поводу недвусмысленно высказывался и Верховный Суд (правда, в отношении исключительного права на товарный знак) – в своём Определении по делу N А40-210165/2016[7] он указал

[1] Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 // Патенты и лицензии. 2012. № 9. С. 22-32.

[2] В литературе высказывается предложение о введении единого реестра авторских и смежных прав, который позволит организовать цифровое информационное взаимодействие, в том числе, с нотариальной палатой (см. Близнец И.А., Кадовбенко В.Д. Создание единого реестра авторских и смежных прав и его влияние на решение вопросов наследования // Наследственное право. 2021. № 1. С. 35-38).

[3] Общие положения о наследовании (гл. 61 ГК РФ), наследование по завещанию (гл. 62 ГК РФ), наследование по закону (гл. 63 ГК РФ), приобретение наследства (гл. 64 ГК РФ).

[4] См. напр., Щербак Н.В. Идеальная доля в исключительном авторском праве: утопия или реальность? // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 166-192; Гутников О.В., Синицын С.А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 67-73; Иванов Н. Доля в исключительном праве // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 1. С. 26-34.

[5] Причём слово «совместно» не аналогично совместной собственности в вещном праве, – данное обозначение характеризует возможность принадлежности исключительного права нескольким лицам, не более того.

[6] Право интеллектуальной собственности: учебник. Под. ред. И.А. Близнеца. М., Проспект, 2016. С. 74; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвёртой) (постатейный): в 2 т. Т. 1. отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М., Проспект, 2020. С. 85, 89 (автор комментария к ст. 1229 – Е.А. Павлова).

[7] Определение ВС РФ от 03.12.2018 по делу N А40-210165/2016 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

о невозможности отчуждения 50-ти % доли в исключительном праве, поскольку это противоречит действующему законодательству и существу исключительного права. Стоит отметить, что противоположную позицию в вышеуказанном деле занял Суд по интеллектуальным правам, который признал выделение и распоряжение долей допустимыми, сославшись на нормы международных соглашений. Наконец, окончательно и бесповоротно позиция об отсутствии долей закрепилась в п. 35 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 г. N 10[1]. Такое правило на уровне разъяснений высшей судебной инстанции было закреплено впервые, поскольку в «правопредшественнике» 5/29 от 26.03.2009 г. ничего про доли сказано не было.

Очевидно, что вышеизложенное в некоторой степени парализует правопорядок и гражданский оборот, а также создаёт риски для ущемления интересов правообладателей и их правопреемников. Исключительно доктринального обоснования о различной правовой природе интеллектуальных и вещных прав, в силу которого доли отсутствуют, в данном случае, становится явно недостаточно. Необходим более гибкий подход, который бы в большей степени учитывал интересы совместных правообладателей, в частности, наследников, и предоставлял им более широкий спектр возможностей в отношении использования и распоряжения принадлежащего им исключительного права[2]. За его разработку мы в настоящей работе не берёмся, поскольку это не основной предмет исследования, однако обозначить эту проблему в аспекте наследственных отношений, как представляется, было необходимо.

Так или иначе, практика живёт в определённой степени по собственным законам, поэтому в судебных решениях[3] можно встретить: случаи, когда нотариусы в свидетельстве о праве на наследство указывают доли в исключительном авторском праве, принадлежащие наследникам (представляется, что такой подход нотариусов обусловлен практическим удобством); случаи заключения договоров об отчуждении доли в исключительном праве (причём существует неопределённость в юридической судьбе таких «долей»); случаи заключения между наследниками договора раздела наследственного имущества, в состав которого включались доли в авторском праве. Таким образом, отсутствие чёткого и стройного законодательного механизма в сфере сообладания исключительным правом является недостатком отечественного правового регулирования[4].

Далее, хотелось бы осветить особенности наследования исключительных авторских и смежных прав супругами. В действующем законодательстве

Позже это дело попало в п. 30 «Обзора судебной практики ВС РФ N 4 (2018)» (утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018) (ред. от 01.06.2022) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[1] Тем не менее, в нормах части 4-й ГК РФ можно встретить упоминание о долях в исключительном праве. В силу п. 2 ст. 1283 ГК РФ, если один из соавторов произведения, составляющего неразрывное целое, умрёт, его доля в исключительном праве переходит ко всем пережившим соавторам в равных долях (практически аналогичная норма содержалась в Положении об авторском праве 1911 г.). Можно ли это назвать исключением из общего правила п. 3 ст. 1227 ГК РФ, ответить однозначно не представляется возможным. Таким же неопределённым выглядит п. 5 ст. 1232 ГК РФ: основанием для государственной регистрации перехода исключительного права на РИД или на СИ по наследству является свидетельство о праве на наследство, за исключением случая, предусмотренного ст. 1165 ГК РФ. Между тем, ст. 1165 ГК РФ закрепляет порядок раздела между наследниками наследственной массы, находящейся в их общей долевой собственности. Отметим также, что принималась попытка закрепления в действующем законодательстве конструкции доли в исключительном праве: была предложена новая редакция ст. 1229 ГК РФ, одно из правил которой гласило: правообладатель вправе завещать свою долю в исключительном праве (см. Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»). Эти положения Проекта не вошли в итоговую редакцию ФЗ N 35 от 12.03.2014 г. (см. Федеральный закон от 12.03.2014 N 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс»), и видимо вышеуказанную норму п. 2 ст. 1283 ГК РФ о долях не заметили и забыли убрать. Ещё одна попытка ввести механизм долевого обладания исключительным правом была совершена в 2019 г., однако и она оказалась безуспешной (см. Проект Минобрнауки «О внесении изменений в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации от 23.05.2019»).

[2] Юридическая конструкция доли в авторском и патентном праве, например, предусмотрена в США, Италии, Испании, что обусловлено потребностями практики (см. § 101, 201 Title 17 U.S.C. (U.S. Code: Title 17 [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17 (дата обращения: 02.08.2025)); § 116, 262 Title 35 U.S.C. (U.S. Code: Title 35 [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35 (дата обращения: 02.08.2025)); Unilateral Settlements and Retroactive Transfers: A Problem of Copyright Co-Ownership // University of Pennsylvania Law Review, Vol. 157, No. 2, 2009, P. 886; Art. 3 Legge 22 aprile 1941 n. 633. Protezione del diritto d'autore e di altri diritti connessi al suo esercizio [Электронный ресурс] // URL: https://www.interlex.it/testi/l41_633.htm#10 (дата обращения: 02.08.2025); Art. 7 Real Decreto Legislativo 1/1996, de 12 de abril, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual [Электронный ресурс] // URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1996-8930 (дата обращения: 02.08.2025)).

Существование долей в исключительном праве признаётся и современными отечественными учёными. Так, например, В.О. Калятин указал, что действующее законодательство не исключает возможности выделения долей в исключительном праве, и поэтому применение норм о праве собственности по аналогии к отношениям, связанным с исключительным правом, является возможным (см. Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 30.11.2018 N 23 // Справочная правовая система «Консультант Плюс»).

[3] Определение СК ГД ВС РФ от 23.08.2022 N 5-КГ22-54-К2; Определение 8КСОЮ от 26.05.2020 N 88-6704/2020; Определение 2КСОЮ от 24.02.2022 по делу N 88-4277/2022; Постановление СИП от 31.08.2022 по делу N А40-146889/2021; Постановление СИП от 07.04.2022 по делу N А14-6962/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[4] На назревшую потребность в наличии такого механизма обращает внимание и Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, который представил положительное экспертное заключение на проект федерального закона, предусматривающего введение долей в исключительное право (см. Заседание Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. 28.02.2023 [Электронный ресурс] // URL: http://www.privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=5120 (дата обращения: 02.08.2025)).

можно выделить 3 условия, влияющих на наследование прав супругами. Во-первых, если произведение или объект смежных прав был создан одним из супругов, исключительное право на него не входит в их общее имущество (абз. 4 п. 2 ст. 256 ГК РФ, п. 3 ст. 36 СК РФ[1]) и наследуется как имущество субъекта такого результата интеллектуальной деятельности (абз. 1 п. 88 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Во-вторых, доходы каждого из супругов, полученные ими от использования и распоряжения объектом авторского и смежных прав в период брака, относятся к общему имуществу супругов (п. 2 ст. 34 СК РФ), причём вне зависимости от времени создания самого объекта интеллектуальной собственности (до или во время брака). В-третьих, приобретённое исключительное право на объект авторского или смежных прав по договору в период брака за счёт общих доходов супругов, является их общим имуществом (если иное не установлено договором) и наследуется с учётом правил ст. 1150 ГК РФ (абз. 2 п. 88 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Интересно, что ст. 1150 ГК РФ, регламентирующая права супруга при наследовании, отсылает к ст. 256 ГК РФ, расположенной в разделе II ГК РФ, что можно признать очередным исключением из п. 3 ст. 1227 ГК РФ, предусмотренным, однако, не разделом VII ГК РФ, а Постановлением Пленума ВС РФ.

Исключительные авторские и смежные права учитываются в составе наследственного имущества при определении обязательной доли. Если в состав наследства входит исключительное право, право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется с его учётом (пп. «д» п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 N 9). В соответствии со ст. 1149 ГК РФ правом на обязательную долю в наследстве, составляющую не менее 1/2 доли, которая причиталась бы каждому из наследников при наследовании по закону, обладают независимо от содержания завещания несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновлённые), а также нетрудоспособные супруг, родители (усыновители) и иждивенцы умершего.

Интересным и практически совершенно не разработанным в доктрине, законодательстве и нотариальной практике является вопрос об оценке исключительных авторских и смежных прав. Несмотря на то, что цели, для достижения которых может производиться оценка интеллектуальной собственности различны[2], это является актуальным и для наследственных отношений. В силу ст. 1172 ГК РФ по заявлению наследников должна быть произведена оценка наследственного имущества независимым оценщиком в рамках мер по охране наследства. Оценка исключительных прав также необходима для оплаты государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве на наследство, размер которой напрямую зависит от стоимости наследуемого имущества (пп. 22 п. 1 ст. 333.24 НК РФ[3]). И если за выдачу свидетельства о праве на наследство при наследовании авторских прав, наследники, по дореволюционной традиции, освобождаются от оплаты пошлины в силу абз. 4 п. 5 ст. 333.38 НК РФ, то аналогичный вопрос, касающийся наследования смежных прав, налоговое законодательство оставило открытым[4]. Также очевидно, что объекты авторских и смежных прав могут обладать уникальными и оригинальными характеристиками, что приводит к невозможности использования рыночных показателей при оценке из-за отсутствия соответствующих аналогов. Оценка может затрудниться также в случае, когда объекты творческого труда вообще не подвергались никакой коммерциализации, например, как в ситуации с необнародованным произведением. Поэтому обозначенная проблема нуждается в более детальной и глубокой проработке.

Литература

1. Александровский Ю.В. Авторском праве. Закон 20 марта 1911 г. / Ю.В. Александровский. – Спб. : Товарищество по изданию новых законов, 1911. – 176 с.

2. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 6: Право наследования / К.Н. Анненков. – Спб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 520 с.

3. Антимонов Б.С. Советское наследственное право / Б.С. Антимонов, К.А. Граве. – М. : Юрид. лит., 1955. – 264 с.

4. Беляцкин С.А. Новое авторское право в его основных принципах / С.А. Беляцкин. – Спб. : Изд. юрид. книжного склада «Право», 1912. – 150 с.

5. Близнец И.А. Создание единого реестра авторских и смежных прав и его влияние на решение вопросов наследования / И.А. Близнец, В.Д. Кадовбенко // Наследственное право. – 2021. – № 1. – С. 35 - 38.

6. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Э.П. Гаврилов. – М. : Наука, 1984. – 222 с.

7. Гаврилов Э.П. Комментарий Закона Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах" (постатейный) / Э.П. Гаврилов. – М. : Правовая культура, 1996. – 250 с.

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] Например, при определении величины вклада в уставной капитал, для определения стоимости имущества при процедуре банкротства, при постановке объекта на баланс предприятия в ходе проведения инвентаризации, для повышения рейтингов инвестиционного характера, для оформления залога, и так далее

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[4] Хотя в том же исполнении порой может быть намного больше творческого начала, чем в произведении, и следовательно, связи с исполнителем. Соотношение налогового законодательства и законодательства об интеллектуальной собственности является, конечно, темой для отдельного исследования, однако отсутствие единства в данной области отметить необходимо. Например, из НК РФ до сих пор не убрали упоминание о единых технологиях (пп. 5, 6 п. 1 ст. 333.21 НК РФ), составляющие ранее главу 77 ГК РФ и утратившую силу с 1 января 2022 г. Также, согласно п. 1 ст. 256 НК РФ объекты интеллектуальной собственности могут принадлежать налогоплательщику на праве собственности.

8. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2008. – № 4. – С. 21 - 27.

9. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2012. – № 9. – С. 22 - 32.

10. Гордон М.В. Советское авторское право / М.В. Гордон. – М. : Госюриздат, 1955. – 232 с.

11. Городов О.А. Право промышленной собственности: Учебник / О.А. Городов. – М. : Статут, 2011. – 942 с.

12. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М. : Статут, 2019. Т. II: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 464 с.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71 / Б.М. Гонгало, В.О. Калятин, М.Я. Кириллова и др. ; Под ред. П.В. Крашенниникова. – М. : Статут, 2014. – 510 с.

14. Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность: Учебное пособие / С.П. Гришаев. – М. : Юристъ, 2004. – 238 с.

15. Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая. Постатейный комментарий / С.П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2022.

16. Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о наследовании / С.П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2009.

17. Гутников О.В. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики / О.В. Гутников, С.А. Синицын // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 12. – С. 67 - 73.

18. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей / В.А. Дозорцев. – М. : Статут, 2003. – 416 с.

19. Еременко В.И. О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ / В.И. Еременко // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 43 - 51.

20. Иванов Н.В. Право на вознаграждение в системе авторских и смежных прав / Н.В. Иванов // ИС. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 10. – С. 4 - 14.

21. Иванов Н.В. Право на вознаграждение за служебное произведение и служебное исполнение / Н.В. Иванов // Закон. – 2017. – № 1. – С. 147 - 155.

22. Иванов Н.В. Доля в исключительном праве / Н.В. Иванов // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 1. – С. 26 - 34.

23. Инцас В.Л. Наследование как особый вид правопреемства в советском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук / В.Л. Инцас. – Ленинград, 1973. – 124 с.

24. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) / В.О. Калятин. – М. : Изд-во НОРМА, 2000. – 480 с.

25. Камышев В.Г. Права авторов литературных произведений / В.Г. Камышев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 184 с.

26. Канторович Я.А. Литературная собственность. С приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности / Я.А. Канторович. – Спб. : Я. Канторович, 1895. – 157 с.

27. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения / Я.А. Канторович. – Петроград. : Склад издания в конторе Общ. «Брокгаузъ-Ефронъ», 1916. – 736 с.

28. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвёртой) (постатейный): в 2 т. Т. 1 / С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий и др. ; Отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. – М. : Проспект, 2020. – 485 с.

29. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др. ; Под ред. А.Л. Маковского. – М. : Статут, 2008. – 715 с.

30. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практической комментарий / под ред. А.П. Сергеева. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.

31. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвёртая: учебно-практический комментарий / под ред. Сергеева А.П. – М. : Проспект, 2016. – 912 с.

32. Коптев Д.А. Закон об авторском праве с изложением рассуждений и материалов, на коих он основан / Д.А. Коптев. – Спб. : Изд. юрид. книжного магазина Н.К. Мартынова, 1911. – 434 с.

33. Корецкий В.И. Авторские правоотношения в СССР / В.И. Корецкий. – Сталинабад : Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина, 1959. – 372 с.

34. Крашенинников П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. – М. : Статут, 2019. – 302 с.

35. Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвёртой Гражданского кодекса / А.Л. Маковский // Гражданское право современной России / составители О.М. Козырь и А.Л. Маковский. – М. : Статут, 2008. С. 103 - 141.

36. Малеина М.Н. Личные неимущественные права: Учебное пособие / М.Н. Малеина. – М. : ВЮЗИ, 1990. – 62 с.

37. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР / Б.С. Антимонов, З.С. Беляева, С.Н. Братусь, Д.М. Генкин и др. ; Под ред.: Флейшиц Е.А. – М. : Юрид. лит., 1966. – 640 с.

38. Новицкий И.Б. История советского гражданского права / И.Б. Новицкий. – М. : Госюриздат, 1957. – 327 с.

39. Новосёлова Л. Наследование интеллектуальных прав / Л. Новосёлова, Е. Гринь, Е. Ульянова // Хозяйство и право. – 2016. – № 11 (Приложение). – С. 3 - 48.

40. Овчинников И.В. Личные неимущественные права автора на произведения науки, литературы и искусства: правовая природа и содержание : дис. … канд. юрид. наук / И.В. Овчинников. – М, 2017.

41. Павлова Е.А. Вознаграждение за использование произведений науки, литературы и искусства / Е.А. Павлова // Актуальные вопросы российского частного права: Сборник статей, посвящённый 80-летию со дня рождения профессора В.А. Дозорцева / составители Е.А. Павлова, О.Ю. Шилохвост. – М. : Статут, 2008.

42. Павлова Е.А. Вводный научный комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации / Е.А. Павлова, В.О. Калятин, В.А. Корнеев. СПС КонсультантПлюс. 2015.

43. Пиленко А.А. Новый закон об авторском праве / А.А. Пиленко. – Спб. : Изд. А.С. Суворина, 1911. – 168 с.

44. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М. : Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. – 353 с.

45. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др. ; Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. – М. : Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. – 512 с.

46. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.С. Гринь, В.О. Калятин, С.В. Михайлов и др. ; Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. – М. : Статут, 2017. Т. 2: Авторское право. – 367 с.

47. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А. Близнеца. – М. : Проспект, 2016. – 896 с.

48. Райгородский Н.А. Наследование неимущественных прав авторов по советскому авторскому праву / Н.А. Райгородский // Социалистическая законность. – 1956. – № 2.

49. Рождественская К.Ю. Особенности наследования авторских прав : дис. … канд. юрид. наук / К.Ю. Рождественская. – Москва, 2013. – 202 с.

50. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А.П. Сергеев. – М. : ООО «ТК Велби», 2003. – 752 с.

51. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский. – М. : АН СССР, 1956. – 283 с.

52. Табашников И.Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Т. 1 / И.Г. Табашников. – Спб. : Тип. М.И. Попова, 1878. – 568 с.

53. Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / А.С. Ворожевич, О.И. Гентовт, Н.В. Козлова и др. ; Отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2022. – 350 с.

54. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1 / Е.А. Флейшиц. – М. : Статут, 2015. – 512 с.

55. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. Учёные труды ВИЮН / Е.А. Флейшиц. Вып. 6. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 207 с.

56. Харитонова Ю.С. Особенности перехода права следования по наследству / Ю.С. Харитонова // Нотариальный вестник. – 2022. – № 10. – С. 5 - 13.

57. Хаскельберг Б.Л. Особенности правового режима отдельных видов имущества в составе вымороченного наследства (на примере исключительного права) / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 39 - 44.

58. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 3 включая Авторское право на литературные произведения / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М. : Статут, 2017. – 480 с.

59. Щербак Н.В. Идеальная доля в исключительном авторском праве: утопия или реальность? // Вестник гражданского права. – 2021. – № 5. – С. 166 - 192.

60. Эйдинов Э.Б. Наследование по закону и завещанию / Э.Б. Эйдинов. – М. : Юрид. лит., 1984. – 112 с.

61. Эрделевский А.М. О наследовании права на обнародование произведения / А.М. Эрделевский // СПС КонсультантПлюс, 2004.

62. Unilateral Settlements and Retroactive Transfers: A Problem of Copyright Co-Ownership // University of Pennsylvania Law Review, Vol. 157, No. 2, 2009.

Inheritance of copyright and related rights: features of regulation

Verkhoturov M.E., Dolmatov A.O.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Tomsk State University

The modern institute of copyright and related rights, due to socio-economic and political conditions, is based on different principles than in the Soviet period. Thus, the conceptual approach to the inheritance of rights to objects of creative work has again undergone some changes. It is worth noting that certain provisions on which it was formed were laid down by Soviet and, in part, pre-revolutionary science. At present, special rules on the inheritance of intellectual, including copyright and related rights, are concentrated in Section 7 "Rights to the Results of Intellectual Activity and Means of Individualization" of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Also, the relevant explanations on this subject are located in paragraphs 83-94 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.05.2012 N 9 "On judicial practice in inheritance cases". Unfortunately, the legislator did not consider it necessary to enshrine at least general provisions on the inheritance of intellectual rights in Chapter 65 "Inheritance of Certain Types of Property" of Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation, which is due to the historical tradition, according to which in domestic law the norms on the inheritance of intellectual rights have always been contained in special legislation on intellectual property.

Keywords: inheritance, inheritance of intellectual rights, intellectual property, copyright, related rights.

References

1. Aleksandrovsky Yu.V. On Copyright. The Law of March 20, 1911 / Yu.V. Aleksandrovsky. - St. Petersburg: Partnership for the Publication of New Laws, 1911. - 176 p.
2. Annenkov K.N. The System of Russian Civil Law. Vol. 6: Right of Inheritance / K.N. Annenkov. - St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902. - 520 p.
3. Antimonov B.S. Soviet Inheritance Law / B.S. Antimonov, K.A. Grave. - Moscow: Legal Literature, 1955. - 264 p.
4. Belyatskin S.A. New Copyright in Its Basic Principles / S.A. Belyatskin. - St. Petersburg: Publ. Legal. book warehouse "Pravo", 1912. - 150 p.
5. Bliznets I.A. Creation of a unified register of copyright and related rights and its impact on the resolution of inheritance issues / I.A. Bliznets, V.D. Kadovbenko // Inheritance law. - 2021. - No. 1. - P. 35 - 38.
6. Gavrilov E.P. Soviet copyright. Basic provisions. Development trends / E.P. Gavrilov. - M.: Nauka, 1984. - 222 p.
7. Gavrilov E.P. Commentary on the Law of the Russian Federation "On Copyright and Related Rights" (article by article) / E.P. Gavrilov. - M.: Legal Culture, 1996. - 250 p.
8. Gavrilov E.P. Inheritance of intellectual property rights / E.P. Gavrilov // Patents and licenses. - 2008. - No. 4. - P. 21 - 27.
9. Gavrilov E.P. Inheritance of intellectual property rights in light of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 / E.P. Gavrilov // Patents and licenses. - 2012. - No. 9. - P. 22 - 32.
10. Gordon M.V. Soviet copyright / M.V. Gordon. - M.: Gosyurizdat, 1955. - 232 p.
11. Gorodov O.A. Industrial property law: Textbook / O.A. Gorodov. - M.: Statut, 2011. - 942 p.
12. Civil law: textbook: in 4 volumes / ed. E. A. Sukhanov. - M.: Statut, 2019. Vol. II: Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. - 464 p.

13. Civil Code of the Russian Federation. Copyright. Rights related to copyright. Article-by-article commentary to chapters 69-71 / B. M. Gongalo, V. O. Kalyatin, M. Ya. Kirillova et al.; Ed. P. V. Krashenninikov. - M.: Statut, 2014. - 510 p.
14. Grishaev S. P. Intellectual property: Textbook / S. P. Grishaev. - M.: Jurist, 2004. - 238 p.
15. Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-Article Commentary / S.P. Grishaev // SPS ConsultantPlus, 2022.
16. Grishaev S.P. Commentary on the Legislation on Inheritance / S.P. Grishaev // SPS ConsultantPlus, 2009.
17. Gutnikov O.V. Plurality of Holders of Exclusive Rights: Problems of Theory and Practice / O.V. Gutnikov, S.A. Sinitsyn // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. - 2019. - No. 12. - P. 67 - 73.
18. Dozortsev V.A. Intellectual Rights. Concept. System. Codification Tasks: Collection of Articles / V.A. Dozortsev. - M.: Statut, 2003. - 416 p.
19. Eremenko V.I. On the inheritance of intellectual property rights in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation / V.I. Eremenko // Advocate. - 2012. - No. 7. - P. 43 - 51.
20. Ivanov N.V. The right to remuneration in the system of copyright and related rights / N.V. Ivanov // IP. Copyright and Related Rights. - 2016. - No. 10. - P. 4 - 14.
21. Ivanov N.V. The right to remuneration for a work made for hire and performance made for hire / N.V. Ivanov // Law. - 2017. - No. 1. - P. 147 - 155.
22. Ivanov N.V. Share in the exclusive right / N.V. Ivanov // IP. Copyright and Related Rights. – 2017. – No. 1. – P. 26 - 34.
23. Incas V.L. Inheritance as a special type of succession in Soviet civil law: dis. … Cand. of Law. Sciences / V.L. Incas. – Leningrad, 1973. – 124 p.
24. Kalyatin V.O. Intellectual Property (Exclusive Rights) / V.O. Kalyatin. – M.: NORMA Publishing House, 2000. – 480 p.
25. Kamyshev V.G. Rights of Authors of Literary Works / V.G. Kamyshev. – M.: Legal Literature, 1972. – 184 p.
26. Kantorovich Ya.A. Literary Property. With the appendix of all regulations of the current legislation on literary, artistic and musical property / Ya. A. Kantorovich. - St. Petersburg: Ya. Kantorovich, 1895. - 157 p.
27. Kantorovich Ya. A. Copyright on literary, musical, artistic and photographic works / Ya. A. Kantorovich. - Petrograd: Warehouse of the publication in the office of the General. "Brockhaus-Efron", 1916. - 736 p.
28. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part four) (article by article): in 2 volumes. Vol. 1 / S. A. Gorlenko, V. O. Kalyatin, L. L. Kiriy et al.; Responsible. editor L. A. Trakhtengerts. - Moscow: Prospect, 2020. - 485 p.
29. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (chapter-by-chapter) / G.E. Avilov, K.V. Vsevolozhsky, V.O. Kalyatin et al.; Under the editorship of A.L. Makovsky. – M.: Statut, 2008. – 715 p.
30. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Three: educational and practical commentary / under the editorship of A.P. Sergeev. – M.: Prospect, 2016. – 384 p.
31. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Four: educational and practical commentary / under the editorship of A.P. Sergeev – M.: Prospect, 2016. – 912 p.
32. Koptev D.A. The Copyright Law with an Outline of the Reasoning and Materials on Which It Is Based / D.A. Koptev. – St. Petersburg: Publ. of the Legal Bookstore of N.K. Martynova, 1911. – 434 p.
33. Koretsky V.I. Copyright relations in the USSR / V.I. Koretsky. – Stalinabad: Tajik State University named after V.I. Lenin, 1959. – 372 p.
34. Krasheninnikov P.V. Inheritance law (Including inheritance funds, inheritance contracts and joint wills) / P.V. Krasheninnikov. – M.: Statut, 2019. – 302 p.
35. Makovsky A.L. Exclusive rights and the concept of part four of the Civil Code / A.L. Makovsky // Civil law of modern Russia / compiled by O.M. Kozyr and A.L. Makovsky. – M.: Statut, 2008. Pp. 103 - 141.
36. Maleina M.N. Personal Non-Property Rights: A Textbook / M.N. Maleina. – M.: VYuZI, 1990. – 62 p.
37. Scientific and Practical Commentary on the Civil Code of the RSFSR / B.S. Antimonov, Z.S. Belyaeva, S.N. Bratus, D.M. Genkin et al.; Ed. by: Fleishits E.A. – M.: Legal Literature, 1966. – 640 p.
38. Novitsky I.B. History of Soviet Civil Law / I.B. Novitsky. – M.: Gosyurizdat, 1957. – 327 p.
39. Novoselova L. Inheritance of intellectual property rights / L. Novoselova, E. Grin, E. Ulyanova // Business and law. - 2016. - No. 11 (Appendix). - P. 3 - 48.
40. Ovchinnikov I.V. Personal non-property rights of the author to works of science, literature and art: legal nature and content: dis. ... Cand. of Law. Sciences / I.V. Ovchinnikov. - M, 2017.
41. Pavlova E.A. Remuneration for the use of works of science, literature and art / E.A. Pavlova // Current issues of Russian private law: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor V.A. Dozortsev / compiled by E.A. Pavlova, O.Yu. – M. : Statut, 2008.
42. Pavlova E.A. Introductory scientific commentary to part four of the Civil Code of the Russian Federation / E.A. Pavlova, V.O. Kalyatin, V.A. Korneev. SPS ConsultantPlus. 2015.
43. Pilenko A.A. New copyright law / A.A. Pilenko. – St. Petersburg : A.S. Suvorin Publishing House, 1911. – 168 p.
44. Pokrovsky I.A. Basic problems of civil law / I.A. Pokrovsky. – M. : Statut (in the series "Classics of Russian civilistics"), 1998. – 353 p.
45. Intellectual property law: textbook / E.V. Badulina, D.A. Gavrilov, E.S. Grin et al.; Under the general editorship of L.A. Novoselova. – M.: Statut, 2017. Vol. 1: General Provisions. – 512 p.
46. Intellectual Property Law: textbook / E.S. Grin, V.O. Kalyatin, S.V. Mikhailov et al.; Under the general editorship of L.A. Novoselova. – M.: Statut, 2017. Vol. 2: Copyright. – 367 p.
47. Intellectual Property Law: textbook / under the editorship of I.A. Bliznets. – M.: Prospect, 2016. – 896 p.
48. Raigorodsky N.A. Inheritance of non-property rights of authors under Soviet copyright law / N.A. Raigorodsky // Socialist legality. – 1956. – № 2.
49. Rozhdestvenskaya K. Yu. Features of inheritance of copyright: dis. … candidate of legal sciences / K. Yu. Rozhdestvenskaya. – Moscow, 2013. – 202 p.
50. Sergeev A. P. Intellectual property law in the Russian Federation / A. P. Sergeev. – M.: OOO "TK Velby", 2003. – 752 p.
51. Serebrovsky V. I. Issues of Soviet copyright / V. I. Serebrovsky. – M.: USSR Academy of Sciences, 1956. – 283 p.
52. Tabashnikov I. G. Literary, musical and artistic property from the point of view of the science of civil law and according to the provisions of the legislation of: Northern Germany, Austria, France, England and Russia. T. 1 / I. G. Tabashnikov. – St. Petersburg: Type. M.I. Popova, 1878. – 568 p.
53. Individuals as subjects of Russian civil law: monograph / A.S. Vorozhevich, O.I. Gentot, N.V. Kozlova et al.; Responsible. editors N.V. Kozlova, S.Yu. Filippova. – M.: Statut, 2022. – 350 p.
54. Fleishits E.A. Selected works on civil law. In 2 vols. Vol. 1 / E.A. Fleishits. – M.: Statut, 2015. – 512 p.
55. Fleishits E.A. Personal rights in the civil law of the USSR and capitalist countries. Scholarly works of the VIUN / E.A. Fleishits. Issue. 6. – M.: Jurid. Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941. – 207 p.
56. Kharitonova Yu.S. Features of the transfer of the right of succession by inheritance / Yu.S. Kharitonova // Notarial Bulletin. - 2022. - No. 10. - Pp. 5 - 13.
57. Khaskelberg B.L. Features of the legal regime of certain types of property as part of an escheat inheritance (using the exclusive right as an example) / B.L. Khaskelberg, V.V. Rovny // Inheritance Law. - 2013. - No. 2. - Pp. 39 - 44.
58. Shershenevich G.F. Selected. Vol. 3 including Copyright on literary works / Introduction, compiled by P.V. Krasheninnikov. - M.: Statut, 2017. - 480 p.
59. Shcherbak N.V. Ideal share in exclusive copyright: utopia or reality? // Bulletin of civil law. - 2021. - No. 5. - P. 166 - 192.
60. Eidinov E.B. Inheritance by law and will / E.B. Eidinov. - M.: Legal literature, 1984. - 112 p.
61. Erdelevsky A.M. On the inheritance of the right to publish a work / A.M. Erdelevsky // SPS ConsultantPlus, 2004.
62. Unilateral Settlements and Retroactive Transfers: A Problem of Copyright Co-Ownership // University of Pennsylvania Law Review, Vol. 157, No. 2, 2009.

Финансовый контроль в условиях экономических санкций

Жолинский Дмитрий Андреевич
независимый исследователь, zholik3@bk.ru

Экономические санкции привели к радикальному пересмотру российской системы финансового контроля. На стыке 2024–2025 годов государство реализует глубинную реформацию валютного, бюджетного и внутреннего аудиторского надзора, усиливает судебную защиту и внедряет цифровой рубль в казначейские расчёты. Настоящее исследование посвящено анализу трансформации системы финансового контроля в Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления, оказываемого западными странами с 2022 года. Работа рассматривает правовые механизмы адаптации институтов финансового контроля к новым экономическим реалиям, анализирует изменения в нормативно-правовой базе и судебной практике. Особое внимание уделяется юридическим аспектам функционирования органов финансового контроля в условиях ограниченного доступа к международным финансовым рынкам и системам. Исследование основано на анализе актуального законодательства, статистических данных за 2024-2025 годы и судебных решений по санкционным спорам. Выявлены основные направления совершенствования правового регулирования финансового контроля, включая развитие внутренних механизмов надзора, усиление роли Центрального банка и создание альтернативных систем финансового мониторинга. Результаты исследования демонстрируют необходимость комплексного подхода к модернизации системы финансового контроля с учетом геополитических факторов и экономической безопасности государства.

Ключевые слова: финансовый контроль, экономические санкции, правовое регулирование, финансовая безопасность, банковский надзор, судебная практика, Центральный банк РФ, антисанкционные меры.

Введение

Современная система финансового контроля в Российской Федерации функционирует в условиях кардинально изменившейся внешнеэкономической среды. Начиная с 2022 года, российская экономика столкнулась с масштабными санкционными ограничениями, затронувшими все сферы финансовых отношений. Данные обстоятельства потребовали существенной трансформации правовых механизмов финансового контроля и выработки новых подходов к обеспечению финансовой стабильности государства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа правовых аспектов адаптации системы финансового контроля к новым вызовам. В условиях ограничения доступа к международным финансовым системам и инфраструктуре российские органы финансового контроля вынуждены пересматривать традиционные подходы к надзорной деятельности. Это требует глубокого юридического анализа происходящих изменений и выработки рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Санкционное давление оказало существенное влияние на все уровни финансового контроля - от федерального до муниципального. Особенно значимые изменения затронули банковскую сферу, валютное регулирование и контроль за движением капитала. В этих условиях возросла роль внутренних механизмов финансового мониторинга и контроля, что потребовало адаптации существующих правовых норм и создания новых регулятивных инструментов.

Проблематика исследования связана с необходимостью обеспечения эффективности финансового контроля в условиях внешних ограничений при сохранении конституционных принципов и международных стандартов. Это предполагает поиск баланса между обеспечением национальной экономической безопасности и поддержанием стабильности финансовой системы.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий анализ нормативно-правовых актов, статистических данных и материалов судебной практики за период 2022-2025 годов. Использованы методы сравнительно-правового анализа, системного исследования и структурно-функционального подхода к изучению институтов финансового контроля.

Эмпирическую базу исследования составили материалы Центрального банка Российской Федерации, включая данные о финансовой стабильности за второй и третий кварталы 2024 года. Проанализиро-

ваны решения арбитражных судов по спорам, связанным с применением санкционного законодательства, включая дела о взыскании ущерба от санкционных ограничений.

Нормативно-правовая база исследования включает федеральные законы, постановления Правительства РФ и нормативные акты Банка России, принятые в период действия санкционных ограничений. Особое внимание уделено анализу изменений в валютном законодательстве, включая приказ Федеральной налоговой службы от 20 декабря 2024 года о сокращении списка государств для автоматического обмена финансовой информацией.

Методы исследования включают доктринальный анализ научных работ российских и зарубежных авторов, статистический анализ показателей финансовой системы и контент-анализ материалов правоприменительной практики. Использован междисциплинарный подход, объединяющий правовые, экономические и управленческие аспекты функционирования системы финансового контроля.

Временные рамки исследования охватывают период с 2022 по 2025 год, что позволяет проследить динамику изменений в системе финансового контроля и оценить эффективность принятых правовых мер. Особое внимание уделено анализу наиболее актуальных изменений, произошедших в 2024-2025 годах.

Результаты и обсуждения

Санкции вызвали экспоненциальный рост нарушений в валютной сфере: в 2024 году ФНС зафиксировала 118 947 эпизодов, что на 60% выше уровня 2023 года, а число возбужденных дел превысило показатель «досанкционного» 2021 года на 48%. Риск-ориентированный алгоритм проверок подтверждён результативностью 99,9%. Верховный суд отреагировал детальным обзором, уточнив квалификацию операций: наличные расчёты резидента с нерезидентом при купле-продаже недвижимости и автотранспорта квалифицируются как незаконные валютные операции по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ [1].

Валютный контроль усиливают и нормативные инновации. С 1 июня 2024 года при Банке России действует Служба финансового мониторинга и валютного контроля, которая централизует надзор за некредитными финансовыми организациями и формирует семь межрегиональных центров. Одновременно Центральный банк продлил ограничения на трансграничные денежные переводы и наличные расчёты до 31 марта 2025 года. Эти запреты органично переплетаются с судебной практикой: в прецеденте Celestial Aviation v. UniCredit английский Апелляционный суд признал, что санкции освобождают банк-эмитент от обязанности платить по аккредитивам [2].

Наряду с валютным контролем модернизируются внутренние инструменты бюджетного надзора. Минфин изменил федеральный стандарт внутреннего финансового аудита, обязав аудиторов оценивать достоверность отчётности и надежность контроля по новой методике с 2024 года. С 15 июля 2025 года реформируются ещё три стандарта, что закрепляет риск-ориентированный подход, расширяет обязанности по информированию руководства и детализирует отчётность субъектов ВФА. Практическое внедрение видно по планам аудиторских мероприятий в федеральных и муниципальных органах за 2024 год [3].

Анализ правовых основ финансового контроля в условиях санкционных ограничений выявил существенные трансформации в системе государственного регулирования финансовой сферы. Центральным элементом этих изменений стало усиление роли внутренних механизмов контроля при одновременном снижении зависимости от внешних регулятивных воздействий.

Банк России значительно расширил свои надзорные полномочия в отношении кредитных организаций. По данным за второй и третий кварталы 2024 года, отрицательная переоценка рублевого портфеля облигаций банковского сектора увеличилась на 519 миллиардов рублей, что составило 29% от прибыли банков. Это потребовало внедрения дополнительных механизмов мониторинга и контроля рисков концентрации банковских активов [4].

Существенные изменения произошли в сфере валютного регулирования. Сокращение списка государств для автоматического обмена финансовой информацией до 63 юрисдикций, исключив все страны Европейского союза, кардинально изменило порядок валютного контроля для резидентов Российской Федерации. Данная мера направлена на защиту финансовой информации российских граждан и организаций от использования в санкционных целях.

Судебная практика 2024-2025 годов демонстрирует активное применение статей 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, регулирующих рассмотрение споров, связанных с санкционными ограничениями. Показательным является дело Сбербанка против группы компаний Glencore, где суд взыскал более 114 миллионов евро, обратив взыскание на акции "НК "Роснефть". Это решение закрепило принцип доступности российских активов международных компаний для исполнения обязательств перед российскими кредиторами [5].

Верховный суд Российской Федерации в деле НС Банка против Лукойла разъяснил действие исключительной компетенции арбитражных судов по спорам, основанием для которых являются иностранные санкции. Суд подчеркнул, что юридический факт введения ограничительных мер является непосредственной причиной возникновения спора и создает препятствия в доступе к правосудию для российской стороны.

Трансформация системы финансового контроля затронула также муниципальный уровень. Органы местного самоуправления получили дополнительные полномочия по контролю за использованием бюджетных средств в условиях необходимости обеспечения финансовой устойчивости в санкционных условиях. Это потребовало адаптации местного законодательства и создания новых механизмов взаимодействия с федеральными контрольными органами [6].

Особое значение приобрела проблема совершенствования финансового контроля, осуществляемого органами представительной власти. По состоянию на 2025 год в российском законодательстве отсутствует единый закон о государственном финансовом контроле органов представительной власти, что создает пробелы в правовом регулировании и снижает эффективность контрольных функций [7].

Анализ влияния санкций на финансовую стратегию российских корпораций показал необходимость адаптации внутренних систем финансового контроля к новым условиям ведения бизнеса. Компании вынуждены пересматривать подходы к управлению рисками, диверсификации финансовых инструментов и выстраиванию отношений с финансово-кредитными организациями.

Развитие цифровых технологий в сфере финансового контроля приобрело особую актуальность в условиях санкций. Блокчейн-технологии рассматриваются как альтернативный инструмент обеспечения безопасности государственных данных, однако их применение требует создания соответствующей правовой базы и механизмов контроля.

Региональные аспекты финансового контроля также претерпели значительные изменения. Исследования северных и арктических регионов показали снижение негативных ожиданий от санкционного воздействия по таким показателям как рост цен и ухудшение качества жизни населения. Это свидетельствует о постепенной адаптации региональных экономик к новым условиям.

Банковский сектор демонстрирует устойчивость к санкционному воздействию, однако требует усиления контрольных механизмов [8]. Расширение корпоративного кредитования сопровождается ростом концентрации кредитного портфеля в крупных банках. Отношение задолженности крупнейших российских компаний к капиталу банковского сектора увеличилось на 22 процентных пункта до 68% по состоянию на 1 октября 2024 года.

Международный опыт санкционного регулирования демонстрирует различные подходы к финансовому контролю. Канадское законодательство предусматривает усиление административных штрафов до 20 миллионов долларов для корпораций за нарушение санкционного режима. Европейский союз продолжает расширять санкционные списки, что требует от российских органов финансового контроля постоянной адаптации к изменяющимся условиям.

Правовое регулирование финансового контроля в условиях санкций требует комплексного подхода к обеспечению финансовой безопасности. Это включает развитие внутренних механизмов мониторинга, создание альтернативных систем расчетов и укрепление национальной финансовой инфраструктуры.

Государственное регулирование экономики в 2024 году характеризуется активным внедрением антикризисных мер. Правительство РФ продлило мораторий на проведение плановых проверок предприятий и предпринимателей, что способствует снижению административной нагрузки на бизнес в условиях санкционного давления [9].

Совершенствование системы финансового контроля требует учета современных вызовов и угроз. Анализ различных методов и форм государственного финансового контроля показывает необходимость их адаптации к изменяющимся экономическим условиям и повышения эффективности применения в санкционных условиях.

Перспективы развития российской экономики в условиях санкций связаны с диверсификацией экономики и развитием сотрудничества с дружественными странами. Это требует соответствующей адаптации системы финансового контроля и создания новых механизмов регулирования трансграничных финансовых операций.

Влияние санкций на предпринимательский сектор выявило значительное расширение инвестиционной активности российских предприятий весной 2024 года. Это потребовало усиления контроля за инвестиционными потоками и обеспечения их соответствия требованиям валютного законодательства [10].

Взаимодействие предпринимательского сектора с финансово-кредитными организациями в новых экономических условиях требует модернизации подходов к финансовому контролю. Особое внимание уделяется диверсификации финансовых инструментов, стимулированию инноваций и поддержке малого и среднего предпринимательства.

Обеспечение финансово-экономической устойчивости компаний в период санкций и кризиса стало приоритетной задачей органов финансового контроля. Анализ антикризисных мер российских компаний показал необходимость создания гибких механизмов регулирования, способных оперативно реагировать на изменения внешней среды.

Многоуровневая система управления российской экономикой в условиях санкций предполагает координацию действий федеральных, региональных и местных органов финансового контроля. Это требует создания единых стандартов и процедур контрольной деятельности на всех уровнях власти.

Снижение эффективности санкций, по данным анализа санкционных ограничений 2022-2024 годов, свидетельствует об успешной адаптации российской финансовой системы к внешним вызовам. Однако это не снижает актуальности совершенствования механизмов финансового контроля и их правового обеспечения.

Юридическая ответственность за нарушение финансового законодательства усиливается в условиях санкций. Меры воздействия, применяемые Центральным банком РФ к нарушителям финансового законодательства, дополняются новыми инструментами, направленными на обеспечение финансовой стабильности.

Современные тенденции развития системы финансового контроля в Российской Федерации характеризуются усилением внутренних механизмов регулирования при снижении зависимости от внешних факторов. Это требует создания комплексной правовой базы, обеспечивающей эффективное функционирование всех элементов системы финансового контроля в новых условиях.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов о состоянии и перспективах развития системы финансового контроля в Российской Федерации в условиях экономических санкций.

Санкционные ограничения катализировали процесс модернизации российской системы финансового контроля, способствуя переходу от экстенсивной модели регулирования к интенсивной, основанной на развитии внутренних механизмов надзора и контроля. Данная трансформация носит системный характер и затрагивает все уровни финансового регулирования - от федерального до муниципального.

Правовая база финансового контроля демонстрирует высокую адаптивность к изменяющимся внешним условиям. Введение новых норм процессуального права, расширение компетенции российских судов по санкционным спорам и создание механизмов защиты от недружественных действий иностранных юрисдикций свидетельствуют о способности российской правовой системы оперативно реагировать на внешние вызовы.

Существенно возросла роль Центрального банка Российской Федерации как ключевого органа финансового контроля. Расширение его надзорных полномочий, усиление требований к кредитным организациям и внедрение новых инструментов макропруденциального регулирования позволяет поддерживать стабильность банковской системы в условиях внешнего давления.

Перспективы развития системы финансового контроля в условиях санкций связаны с созданием комплексной правовой базы, обеспечивающей баланс между экономической эффективностью и национальной безопасностью. Это требует координации усилий всех ветвей власти, научного сообщества и практикующих юристов для выработки оптимальных решений.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на анализе долгосрочных эффектов санкционного воздействия на российскую финансовую систему и разработке механизмов минимизации негативных последствий. Особое внимание следует уделить вопросам интеграции российской системы финансового контроля с системами дружественных стран и создания альтернативных международных механизмов финансового регулирования.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства в сфере финансового контроля, подготовки методических рекомендаций для органов власти и повышения квалификации специалистов в области финансового права. Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее выводов при разработке стратегических документов развития финансовой системы Российской Федерации в условиях геополитической нестабильности.

Литература

1. Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях// vsrf.ru URL: https://vsrf.ru/documents/all/33725/ (дата обращения: 24.07.2025).

2. Klein C. Letters of Credit //Business Lawyer. – 2024. – Т. 79. – №. 4.

3. Приказ Минфина России от 29.05.2025 № 65н «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства финансов Российской Федерации по вопросам осуществления внутреннего финансового аудита» // minfin.gov.ru URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=313085-prikaz_minfina_rossii_ot_29.05.2025__65n_o_vnesenii_izmenenii_v_nekotorye_prikazy_ministerstva_finansov_rossiiskoi_federatsii_po_voprosam_osushchestvleniya_vnutrennego_finansovogo_audita (дата обращения: 24.07.2025).

4. III КВАРТАЛ 2024 БАНКОВСКИЙ СЕКТОР Аналитический обзор// www.cbr.ru URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/54891/analytical_review_bs-2024-3.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

5. А40-153363/2023 // kad.arbitr.ru URL: https://kad.arbitr.ru/Card/19c30379-80c4-449c-8572-14b33229cb52 (дата обращения: 24.07.2025).

6. Воробьев Н.Н., Богачева Е.А. Проблемы и пути трансформации цифрового обеспечения в государственных структурах муниципального управления Российской Федерации //Kant. – 2021. – №. 2 (39). – С. 35-40.

7. Кухаренко А.Л., Минаев А.В. Отсутствие вертикали власти в области государственного финансового контроля: за и против //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №. 9-2 (96). – С. 225-229.

8. Кокоева Д.Т. Влияние санкций на экономическую безопасность России //Вестник науки. – 2025. – Т. 3. – №. 6 (87). – С. 203-208.

9. Мартынов А.В., Черников В.В. Мораторий на проверки как специальный метод регулирования контрольно-надзорной деятельности //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2023. – №. 1. – С. 114-132.

10. Кувалин Д.Б. и др. Российские предприятия весной 2024 года: значительное усиление инвестиционной активности в условиях санкций //Проблемы прогнозирования. – 2024. – №. 6. – С. 201-216.

Financial control in the context of economic sanctions

Zhilinsky D.A.

Economic sanctions have prompted a radical overhaul of Russia's financial control system. At the turn of 2024–2025, the state will implement a profound reform of currency, budgetary, and internal audit supervision, strengthen judicial protection, and introduce the digital ruble into treasury settlements. This study is devoted to analyzing the transformation of the financial control system in the Russian Federation under the unprecedented pressure of sanctions imposed by Western countries since 2022. The work examines the legal mechanisms for adapting financial control institutions to new economic realities and analyzes changes in the regulatory framework and judicial practice. Particular attention is paid to the legal aspects of the functioning of financial control bodies in conditions of limited access to international financial markets and systems. The study is based on an analysis of current legislation, statistical data for 2024-2025, and court decisions on sanctions disputes. The main areas for improving the legal regulation of financial control have been identified, including the development of internal supervisory mechanisms, strengthening the role of the Central Bank, and creating alternative financial monitoring systems. The results of the study demonstrate the need for a comprehensive

approach to modernizing the financial control system, taking into account geopolitical factors and the economic security of the state.

Keywords: financial control, economic sanctions, legal regulation, financial security, banking supervision, judicial practice, Central Bank of the Russian Federation, anti-sanctions measures.

References

1. Review of judicial practice on certain issues of application of Article 15.25 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation// vsrf.ru URL: https://vsrf.ru/documents/all/33725 / (date of access: 07/24/2025).
2. Klein C. Letters of Credit //Business Lawyer. – 2024. – Vol. 79. – No. 4.
3. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 05/29/2025 No. 65n "On Amendments to Certain Orders of the Ministry of Finance of the Russian Federation on the implementation of internal Financial audit" // minfin.gov.ru URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=313085-prikaz_minfina_rossii_ot_29.05.2025__65n_o_vnesenii_izmenenii_v_nekotorye_prikazy_ministerstva_finansov_rossiiskoi_federatsii_po_voprosam_osushchestvleniya_vnutrennego_finansovogo_audita (date of request: 07/24/2025).
4. III QUARTER OF 2024 BANKING SECTOR Analytical review// www.cbr.ru URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/54891/analytical_review_bs-2024-3.pdf (date of request: 07/24/2025).
5. A40-153363/2023 // kad.arbitr.ru URL: https://kad.arbitr.ru/Card/19c30379-80c4-449c-8572-14b33229cb52 (date of access: 07/24/2025).
6. Vorobyov N.N., Bogacheva E.A. Problems and ways of digital security transformation in government structures municipal Administration of the Russian Federation //Kant. – 2021. – №. 2 (39). – Pp. 35-40.
7. Kukharenko A.L., Minaev A.V. The absence of a vertical of power in the field of state financial control: pros and cons //International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – №. 9-2 (96). – Pp. 225-229.
8. Kokoeva D.T. The impact of sanctions on Russia's economic security //Bulletin of Science. – 2025. – T. 3. – №. 6 (87). – Pp. 203-208.
9. Martynov A.V., Chernikov V.V. The moratorium on inspections as a special method of regulating control and supervisory activities //Bulletin of Nizhny Novgorod University named after NO Lobachevsky. – 2023. – №. 1. – Pp. 114-132.
10. Kuvalin D.B. and others. Russian enterprises in spring 2024: significant increase in investment activity in the face of sanctions //Forecasting problems. – 2024. – No. 6. – pp. 201-216.

Налогообложение доходов от операций с цифровой валютой: правовое регулирование и практические аспекты

Кузнецов Артемий Александрович
независимый исследователь, artemiikuznetsovv@gmail.com

В данной статье анализируются введенные с 1 января 2025 года положения законодательства о налогах и сборах, регламентирующие режим налогообложения майнинга и иных операций с цифровыми валютами, дается оценка их практического значения как для налогоплательщиков, так и для бюджетной системы страны. В рамках анализа были выявлены как общетеоретические, так и практические проблемы, с которыми могут столкнуться участники данных правоотношений. Отдельно затрагиваются проблемы налогового контроля, которые могут возникнуть при взимании налога с подобных операций.
Ключевые слова: цифровая валюта, криптобиржа, НДФЛ, налог на прибыль, специальные режимы налогообложения, майнинг

Цифровые валюты различных видов становятся все более и более востребованы в России. Так, в 2023 году Россия вошла в первую десятку стран мира по степени интегрированности криптовалюты в экономику (crypto adoption index)[1], а также вышла на 2 место по майнингу биткойна – наиболее популярной криптовалюты в мире[2].

Российский законодатель, видя рост популярности криптовалюты как одного из способов инвестирования и международных расчетов, устремился законодательно определить ее статус. В августе 2024 года был принят Закон, вводящий в российское право ранее не существовавшие понятия – майнинг и операции с цифровой валютой, а также определяющий правовой статус лиц, занимающихся данными видами деятельности. Впоследствии для субъектов внешнеторговой деятельности был разработан специальный режим, позволяющий им на основе этого закона осуществлять расчеты в цифровой валюте со своими иностранными контрагентами[3].

Апогеем в вопросе легализации цифровых валют в России стало принятие закона, определяющего порядок налогообложения операций с ними и осуществления майнинга[4]. С принятием данного акта законодатель окончательно признал значение цифровых валют для российской экономики и в полной мере определил их статус.

Стоит отметить, что данное решение было принято как нельзя своевременно для реализации фискальных интересов: первым налоговым периодом, в рамках которого будут использоваться рассмотренные ниже правила, станет 2025 год – год повышенной стоимости цифровых валют и роста внимания к ним на государственном уровне как к «защитному» активу[5]. Необходимость всеобъемлющего урегулирования цифровых валют обусловлена и российской спецификой – необходимостью обходить санкции западных стран.

Однако прежде чем рассматривать порядок налогообложения цифровых валют, необходимо определить правовые категории, которыми оперирует законодатель в рамках налогообложения, а

[1] The 2024 Global Adoption Index: Central & Southern Asia and Oceania (CSAO) Region Leads the World in Terms of Global Cryptocurrency Adoption // режим онлайн-доступа: https://www.chainalysis.com/blog/2024-global-crypto-adoption-index/ (дата обращения – 08.01.2025)
[2] Bitcoin Mining by Country 2024 // World population review. Режим онлайн-доступа: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/bitcoin-mining-by-country (дата обращения - 06.07.2025)
[3] Исмаилов, И. Ш. Правовые основы и перспективы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в трансграничных операциях / И. Ш. Исмаилов // Финансовое право. – 2024. – № 10. – С. 22-25.
[4] Федеральный закон от 29.11.2024 N 418-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 02.12.2024, N 49 (Часть I), ст. 7409
[5] Трамп назвал активы для включения в криптовалютный резерв США // РБК. Режим онлайн-доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/67c484c69a7947de16bad939?from=copy (дата обращения – 06.07.2025 г.)

именно понятия «майнинг» и «операции с цифровыми валютами».

Так, майнинг – это «…деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе»[6]. Представляется, что законодатель смог довольно точно определить суть майнинговой деятельности, подчеркнув ее технические аспекты, практическое значение и направленность на получение прибыли. Такое определение коррелирует и с международной практикой[7], и с пониманием майнинга в российской научной среде[8], в том числе сложившимся задолго до принятия указанного законопроекта.

В свою очередь, категория «операции с цифровыми валютами» более широкая и подразумевает под собой любую реализацию цифровой валюты как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Законодатель сознательно разграничивает данные понятия, предполагая, что в рамках операции с цифровыми валютами существует две стороны, которые можно четко определить. Наоборот, при майнинге лицо, передающее криптовалюту, либо отсутствует, либо его определение невозможно. Особое значение данное разграничение приобретает в контексте налогообложения дохода от цифровых валют.

Так, согласно действующей редакции Налогового кодекса РФ, указанный доход может быть объектом налогообложения либо налогом на прибыль организаций, либо налогом на доходы физических лиц (НДФЛ) в зависимости от правового статуса налогоплательщика. Операции с цифровыми валютами, в силу прямого указания закона, освобождаются от обложения НДС, что логично, учитывая, что освобождению подлежат также и операции с цифровыми финансовыми активами[9], и операции с ценными бумагами[10] (указанные активы на данный момент наиболее схожи по своей экономической природе). В отношении доходов от цифровых валют не допустимо применять ни один из существующих на данный момент специальных режимов налогообложения. В указанном ограничении видится один из главных недостатков принятого закона – майнеры и лица, осуществляющие операции с цифровой валютой, по сути, признанные на законодательном уровне в качестве экономических субъектов, лишаются права использовать те льготы и преференции, которые предоставляются другим предпринимателям, хотя деятельность первых чаще всего гораздо более наукоемкая и рискованная. Представляется, что в данном случае законодатель проявил явно профискальный подход, направленный на изъятие сверхприбылей таких экономических субъектов в бюджет, без учета потенциала отрасли для экономики в целом.

Как уже упоминалось выше, майнинг отделяется от других операций с цифровыми валютами. Соответственно, и облагаться будут обе операции по отдельности.

Так, для целей НДФЛ доходы в виде цифровой валюты, полученные в ходе майнинга, признаются доходом, полученным в натуральной форме. В случае, если майнинг осуществляется на территории России, такой доход будет признаваться доходом от источника в РФ, и, таким образом, облагаться независимо от налогового статуса лица, его получающего. Для налоговых резидентов РФ такие доходы будут входить в основную налоговую базу и облагаться налогом по ставке 13%-22%, а для нерезидентов – в общую базу, облагаемую по ставке 30%. Доход от майнинга цифровой валюты должен будет учитываться на дату фактического получения цифровой валюты.

В свою очередь, доходы от операций с цифровыми валютами (покупка, продажа, иное выбытие) у резидентов будут входить в двухступенчатую налоговую базу, облагаемую по ставке 13%/15%. Вопрос с обложением нерезидентов в данном случае остается дискуссионным – операции с цифровыми валютами в качестве дохода от источника в НК РФ не поименованы.

Вместе с тем, представляется, что такие доходы могут быть отнесены к категории «Иные доходы, получаемые налогоплательщиком в результате осуществления им деятельности в Российской Федерации», однако на данный момент законодательство не устанавливает правил определения места совершения операций с цифровой валютой. Представляется, что местом операции будет признаваться Россия в случае, если она осуществлена на российской бирже, но на данный момент их перечня, а также правового регулирования их деятельности, еще не существует.

Размер доходов, подлежащих обложению, можно будет уменьшить на расходы вплоть до нуля. К расходам могут быть отнесены, например, за-

---

[6] Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 12.08.2024, N 33 (Часть I), ст. 4917

[7] Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» // URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja2017-g-17716 (дата обращения - 06.07.2025)

[8] Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №4 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-v-rossii-i-v-mire-ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie (дата обращения: 06.07.2025), С А. Грязнов, К Ю. Зинякова «Майнинг криптовалюты: проблемы и перспективы» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №9-1 (115). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 06.07.2025).

[9] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340, Пп. 38 п. 2 ст. 149

[10] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340, Пп. 12 п. 2 ст. 149

траты на электроэнергию или на покупку оборудования, стоимость приобретения криптовалюты (при ее дальнейшей продаже). При этом данная преференция будет доступная только налоговым резидентам – уменьшить на расходы доходы, полученные от майнинга в России, нерезиденты не смогут.

Схожий порядок налогообложения распространен и на организации: налогом на прибыль будет облагаться и результат майнинга, и доход от последующей реализации цифровой валюты. Ставка налога при совершении обеих операций составит по 25% независимо от налогового статуса получателя выгоды. По данным доходам, по общему правилу, налогоплательщик будет определять отдельную налоговую базу, которую он также сможет уменьшить на понесенные расходы.

Важным отличием от порядка обложения физических лиц в данном случае будет являться возможность учета в качестве расходов в том числе затрат на амортизацию майнингового оборудования – довольно значимой части расходов майнинг-предприятий. Согласно поправкам, независимо от правил учетных политик, любые расходы майнера будут признаваться косвенными, что позволит налогоплательщикам списывать их без фактической реализации цифровой валюты.

Данное уточнение особенно важно, учитывая сложившуюся до принятия поправок судебную практику. Так, согласно фабуле одного из дел[11], предприятие приобрело оборудование для майнинга криптовалюты и заключило договор оказания услуг по его обслуживанию. В последующем, сумма амортизации по приобретенному оборудованию, а также стоимость оказанных поставщиком услуг была учтена предприятием в составе текущих расходов по налогу на прибыль еще до получения и реализации криптовалюты.

Налоговые органы, оспаривая правомерность учета указанных расходов, указали на то, что их следует рассматривать как «прямые» в терминах ст. 318 НК РФ. Соответственно, в отсутствие у предприятия операций по реализации криптовалюты такие расходы не могут учитываться в составе текущих расходов при исчислении налоговой базы.

Суд согласился с позицией налогового органа, дополнительно указав, что криптовалюта, согласно международным стандартам бухгалтерского учета, должна учитываться как готовая продукция. Соответственно, налогоплательщику следует исходить из того, что учет затрат на ее майнинг должен осуществляться по общим требованиям, установленным для операций по производству готовой продукции. Таким образом, принять расходы для целей налогообложения предприятие могло только после получения дохода от реализации криптовалюты с предварительным отражением указанных расходов в составе «прямых» согласно п. 2 ст. 318, ст. 319 НК РФ.

Представляется, что такой подход суда, даже с учетом отсутствия на тот момент законодательства о налогообложении майнинга, был слишком формальным, поэтому не удивительно, что налогоплательщик подал на это решение апелляционную жалобу. Суду еще только предстоит ее рассмотреть, однако уже сейчас можно предположить, что шансы предприятия на обжалование возрастут.

Дополнительным преимуществом для предприятий в условиях большой волатильности цифровой валюты будет являться возможность уменьшить налоговую базу на убытки прошлых периодов в общем порядке.

Таким образом, даже исходя из краткого анализа основных положений о налогообложении доходов от цифровых валют, виден явно профискальный подход законодателя, хотя в целом и соответствующий общемировой практике. У предпринимателей, занимающихся «полным циклом» оборота цифровой валюты, фактически возникает двойное налогообложение. Причем первоначальный налог к уплате возникнет тогда, когда фактический доход в виде реальных денежных средств лицом еще получен не был (цифровая валюта еще не была «обменена» на российские рубли). Данный подход представляется несправедливым, учитывая, во-первых, общий принцип недопустимости двойного налогообложения, и, во-вторых, порядок налогообложения других схожих активов, например, созданного своими силами имущества (будь то недвижимость физического лица или основное средство организации). В последнем случае доход возникает только тогда, когда имущество было фактически реализовано налогоплательщиком. Тогда же учитываются и расходы, понесенные при его создании.

Такой подход представляется более справедливым: отказ от налогообложения майнинга позволит избежать двойного налогообложения и не допустить ситуации, когда налог взимается с лица еще до получения им реального дохода. Последнее, в свою очередь, позволит избежать ситуации, когда лицу фактически нечем заплатить налог.

Однако это может вызвать отток «намайненной» цифровой валюты, то есть капитала, за рубеж в безналоговые юрисдикции. Нейтрализовать указанный риск можно за счет наращивания международного обмена налоговой информации, а также введения дополнительных требований к цифровым площадкам, на который происходит обмен: в частности, требования постановки на учет таких площадок в России и обеспечения обмена необходимой информацией под угрозой недоступности площадки в РФ.

Другой проблемой, уже непосредственно связанной с взиманием налога, будет являться осуществление налогового контроля за такими налогоплательщиками. Как известно, отследить передвижение отдельных видов цифровых валют (в частности, биткойна), практически невозможно. И если осуществление майнинга еще можно идентифицировать по большому потреблению электроэнергии и обмену информации с операторами майнинг-пулов (обязанность осуществления такого обмена также

[11] Решение Арбитражного суда Иркутской области от 12.11.2024 по делу № А19-11336/2023 // kad.arbitr.ru. Режим онлайн-доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/a36bdcaa-61d5-4f28-891d-d8b018c6a3f5 (дата обращения: 06.07.2025)

закреплена в новом законе), то ее дальнейшую реализацию отследить невозможно. Предполагается, что получение информации о соответствующих сделках может быть осуществлено посредством запроса соответствующим биржам, однако, как уже ранее упоминалось, российских бирж цифровой валюты еще не существует. Чаще всего в обмене цифровых валют задействована инфраструктура иностранных бирж (ByBit, Binance и другие), однако большая их часть зарегистрирована в недружественных юрисдикциях, в связи с чем, в условиях санкций, получение информации от них не представляется реалистичным.

Выходом из сложившейся ситуации может являться создание российской биржи цифровых валют – соответствующие планы уже существуют[12]. Реализация данного проекта будет выгодна для всех сторон: частным лицам она позволит осуществлять операции с цифровой валютой, не подвергаясь рискам блокировок, а ФНС – наладить эффективный налоговый контроль.

Вместе с тем, несмотря на существующие проблемы и пробелы законодательства, отрасль цифровых валют продолжит свое развитие. Во многом, это – общемировой тренд, ускорение которого возможно за счет роста цен на цифровые активы. Однако нельзя забывать и о рисках, сопровождающих такую деятельность. В контексте российской действительности, в частности, майнинг, может значительно подорвать энергетическую безопасность страны, ведь энергетическая инфраструктура, построенная еще во времена СССР и с тех пор существенно не обновлявшаяся, может не выдержать возросшего спроса на электроэнергию со стороны майнеров. В частности, именно из-за этого Правительство РФ запретило осуществление майнинга в ряде регионов с наиболее изношенной инфраструктурой (в ряде регионов северного Кавказа и дальнего востока)[13].

В контексте предложенных выше изменений законодателю необходимо учитывать и эту проблему тоже. Представляется, что разрешить ее возможно за счет придания поступлениям от таких экономических субъектов целевого характера – денежные средства будут направляться на обновление и модернизацию энергетической инфраструктуры российских государственных компаний (Россети, РусГидро и другие). Уже сейчас указанные компании реализуют трилионные проекты по модернизации инфраструктуры на всей территории России[14], а поступления от субъектов, осуществляющих операции с цифровыми валютами, позволят существенно снизить их финансовую нагрузку.

На современном этапе для обеспечения безопасности энергетической инфраструктуры законодатель предусмотрел возможность ограничения осуществления майнинга в определенных регионах. Мы же предлагаем пойти дальше: в регионах с устойчивой энергетической ситуации можно создать особые зоны, где майнеры смогут осуществлять свою деятельность без налогов, но с взиманием определенной дополнительной платы в адрес энергетических компаний. Такое решение позволит, с одной стороны, поспособствовать развитию перспективной отрасли, а с другой – компенсировать дополнительные издержки энергетических компаний.

В завершение следует отметить, что майнеры сами заинтересованы в «легализации» своей деятельности: так, за первые 5 месяцев 2025 года в реестрах майнеров ФНС России было зарегистрировано более 1000 лиц[15]. В связи с этим становится действительно важным обеспечить для таких лиц благоприятный режим ведения деятельности.

Представляется, что, за счет предложенных выше мер, сверхдоходы, полученные от операций с цифровыми валютами, получится распределить более справедливо, а сверхфискальный подход в данной сфере – более оправданным.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340.

2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 12.08.2024, N 33 (Часть I), ст. 4917.

3. Федеральный закон от 29.11.2024 N 418-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 02.12.2024, N 49 (Часть I), ст. 7409.

4. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» // URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja2017-g-17716 (дата обращения - 08.01.2025)

5. Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №4 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-v-rossii-i-v-mire-ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie (дата обращения: 02.01.2025).

[12] «Чувство защищенности». Перспективы легальных криптобирж в России // РБК. Режим онлайн-доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/66c48a009a794702ad3756eb?ysclid=m5k68acwmk286492224 (дата обращения – 06.07.2025)

[13] Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 N 1869 "Об установлении запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации и на отдельных территориях субъектов Российской Федерации" //"Собрание законодательства РФ", 30.12.2024, N 53 (Часть I), ст. 8699

[14] "Россети" направят 4 трлн руб. на инвестиции до 2030 года // ТАСС. Режим онлайн-доступа: https://tass.ru/ekonomika/9585261 (дата обращения: 08.01.2025)

[15] Статистика ФНС России // официальный сайт ФНС России. Режим онлайн – доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16327279/?ysclid=md3fn7tt8q865280874 (дата обращения: 14.07.2025).

6. Исмаилов, И. Ш. Правовые основы и перспективы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в трансграничных операциях / И. Ш. Исмаилов // Финансовое право. – 2024. – № 10. – С. 22-25.

7. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 12.11.2024 по делу № А19-11336/2023 // kad.arbitr.ru. Режим онлайн-доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/a36bdcaa-61d5-4f28-891d-d8b018c6a3f5 (дата обращения: 08.01.2025).

8. "Россети" направят 4 трлн руб. на инвестиции до 2030 года // ТАСС. Режим онлайн-доступа: https://tass.ru/ekonomika/9585261 (дата обращения: 08.01.2025).

9. С А. Грязнов, К Ю. Зинякова «Майнинг криптовалюты: проблемы и перспективы» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №9-1 (115). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 02.01.2025).

10.«Чувство защищенности». Перспективы легальных криптобирж в России // РБК. Режим онлайн-доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/66c48a009a794702ad3756eb?ysclid=m5k68acwmk286492224 (дата обращения – 08.01.2025).

11.Bitcoin Mining by Country 2024 // World population review. Режим онлайн-доступа: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/bitcoin-mining-by-country (дата обращения - 08.01.2025).

12.The 2024 Global Adoption Index: Central & Southern Asia and Oceania (CSAO) Region Leads the World in Terms of Global Cryptocurrency Adoption // режим онлайн-доступа: https://www.chainalysis.com/blog/2024-global-crypto-adoption-index/ (дата обращения – 08.01.2025).

Taxation of income from digital currency transactions: legal regulation and practical aspects.

Kuznetsov A.A.

This article analyzes the provisions of the legislation on taxes and fees introduced on January 1, 2025, regulating the taxation regime for mining and other operations with digital currencies, and provides an assessment of their practical significance for both taxpayers and the country's budget system. The analysis revealed both general theoretical and practical problems that participants in these legal relations may face. The issues of tax control that may arise when tax is levied on such transactions are discussed separately.

Keywords: digital currency, crypto exchange, personal income tax, income tax, special taxation regimes, mining

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two)" of 05.08.2000 N 117-FZ // "Collected Legislation of the Russian Federation", 07.08.2000, N 32, Art. 3340.
2. Federal Law of 08.08.2024 N 221-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collected Legislation of the Russian Federation", 12.08.2024, N 33 (Part I), Art. 4917.
3. Federal Law of 29.11.2024 N 418-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collected Legislation of the Russian Federation", 02.12.2024, N 49 (Part I), Art. 7409.
4. Decree of the President of the Republic of Belarus No. 8 "On the Development of the Digital Economy" // URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja2017-g-17716 (date of access - 08.01.2025)
5. Egorova M. A., Belitskaya A. V. Cryptocurrency mining in Russia and in the world: concept and legal regulation // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2020. No. 4 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-v-rossii-i-v-mire-ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie (date of access: 02.01.2025).
6. Ismailov, I. Sh. Legal basis and prospects for using digital financial assets and digital currency in cross-border transactions / I. Sh. Ismailov // Financial law. - 2024. - No. 10. - P. 22-25.
7. Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated 12.11.2024 in case No. A19-11336/2023 // kad.arbitr.ru. Online access mode: https://kad.arbitr.ru/Card/a36bdcaa-61d5-4f28-891d-d8b018c6a3f5 (date of access: 08.01.2025).
8. Rosseti will allocate 4 trillion rubles for investments until 2030 // TASS. Online access mode: https://tass.ru/ekonomika/9585261 (date of access: 08.01.2025).
9. S. A. Gryaznov, K. Yu. Zinyakova “Cryptocurrency mining: problems and prospects” // Economy and business: theory and practice. 2024. No. 9-1 (115). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-problemy-i-perspektivy (date of access: 02.01.2025).
10. “Sense of security”. Prospects for legal crypto exchanges in Russia // RBC. Online access mode: https://www.rbc.ru/crypto/news/66c48a009a794702ad3756eb?ysclid=m5k68acwmk286492224 (date of access - 08.01.2025).
11. Bitcoin Mining by Country 2024 // World population review. Online access mode: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/bitcoin-mining-by-country (date of access - 08.01.2025).
12. The 2024 Global Adoption Index: Central & Southern Asia and Oceania (CSAO) Region Leads the World in Terms of Global Cryptocurrency Adoption // online access mode: https://www.chainalysis.com/blog/2024-global-crypto-adoption-index/ (date of access - 08.01.2025).

Общая характеристика трансграничных денежных обязательств

Кулешов Николай Сергеевич
независимый исследователь, mail@nikolaikuleshov.com

В статье анализируются трансграничные денежные обязательства. Охарактеризована их правовая природа. Раскрыты понятие, объект и классификация трансграничных денежных обязательств; выделены коллизионные аспекты, валютные риски и санкционные ограничения, влияющие на их исполнение; рассмотрены тенденции цифровизации расчётов (блокчейн, цифровые активы). В статье проведен комплексный анализ трансграничных обязательств с учётом современных правовых, валютных и цифровых факторов; предложены рекомендации по совершенствованию правоприменения в международных расчётах.
Ключевые слова: трансграничные денежные обязательства, виды денежных обязательств, международные расчеты, валютные оговорки, санкционные ограничения, криптовалюты, коллизионное регулирование денежных обязательств, СПФС, объект и субъекты обязательств, цифровизация международных расчётов.

В современном мире границы между странами становятся всё более открытыми для торговли, инвестиций и других форм сотрудничества, где трансграничные денежные обязательства становятся неотъемлемой частью экономической деятельности. Они представляют собой обязательства, в которых участвуют стороны из разных стран, и могут быть связаны с различными видами сделок, в том числе в сфере торговли, осуществления инвестиций, оказание услуг, выполнения работ и т. д. Будучи неотъемлемой частью международных коммерческих сделок, денежные обязательства занимают центральное место в структуре внешнеэкономических контрактов, что обусловливает необходимость их детальной юридической проработки и специализированного правового регулирования.

Трансграничные денежные обязательства — это обязательства, связанные с уплатой денежных средств *за границу*[16]. Однако, в доктрине предлагается различать *коммерческие регулятивные денежные обязательства, коммерческие охранительные денежные обязательства и коммерческие расчетные денежные обязательства*[17].

В рамках трансграничного денежного обязательства объект и предмет являются ключевыми категориями.

Объектом трансграничных денежных обязательств выступает действие, на которое направлено обязательство, а именно, уплата денежных средств за границу. Сюда входят:

- перевод денег между сторонами из разных юрисдикций;
- соблюдение процедур международных платежей;
- выполнение требований валютного регулирования (декларирование, конвертация).

Объект связан с юридически значимым поведением должника, включая преодоление трансграничных барьеров (валютные ограничения, налоговые формальности).

Предметом этих обязательств является денежная ценность, которая опосредуется через конкретную сумму денег, подлежащую уплате и выраженную в валюте платежа, курсу конвертации (если предусмотрено трансграничным договором).

Предмет также может включать дополнительные параметры, такие как начисление процентов за просрочку или штрафные санкции за неисполнение.

[16] Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2019.С. 267.

[17] Кутузов И.М. Регулятивные денежные обязательства в международном коммерческом обороте. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019;(10). С. 71.

Их специфика обусловлена международным характером отношений и включает следующие ключевые аспекты: *условия платежа и условия о форме расчетов*[18].

Характерной особенностью таких отношений является их денежная природа.

Субъекты трансграничных денежных отношений — это участники отношений, связанных с перемещением денежных средств, капиталов, валютных ценностей или финансовых услуг через государственные границы. Их деятельность регулируется нормами национального законодательства и международного права, а также соглашениями между государствами или организациями.

Рассматривая трансграничные денежные обязательства в рамках предмета международного частного права, можно выделить следующие субъекты:

Физические лица;

Юридические лица (коммерческие компании: экспортёры и импортёры, транснациональные корпорации);

Государства, как участники частноправовых отношений, участвуют в трансграничных сделках в двух формах: как **суверен (jure imperii),** реализуя публично-правовые функции (налогообложение, правовое регулирование) и как **коммерческий субъект (jure gestionis),** заключая трансграничные контракты, занимаясь инвестиционной деятельностью.

Так же можно выделить несколько особенностей субъектов трансграничных денежных обязательств. В первую очередь правосубъектность определяется национальным законодательством и международными договорами (например, право компании на осуществление валютных операций за рубежом). Подчиняются юрисдикциям нескольких государств, что создает необходимость соблюдения противоречивых норм (например, налоговое резидентство). Валютные риски и необходимость хеджирования из-за колебания курсов. Соблюдение антиотмывочного законодательства (например, FATF) и санкционных режимов.

Такие правоотношения усложняются из-за различий в национальных правовых системах, что требует унификации норм через международные соглашения.

Трансграничный характер международных денежных обязательств определяется их связью с несколькими системами права. Зачастую в целях минимизации споров участники коммерческих отношений включают в трансграничные контракты особые условия, в том числе условия о выборе применимого права, юрисдикционного органа, наделяемого компетенцией по рассмотрению споров из договора, а также различные валютные оговорки и иные международные механизмы защиты интересов сторон.

«Примерами денежных обязательств с участием иностранных субъектов права могут служить: обязательства иностранных инвесторов по внесению денег в качестве вклада в уставный капитал либо оплаты акций российского хозяйственного общества; аналогичные обязательства российских инвесторов в иностранных государствах; обязательства российских банков по предоставлению кредитов иностранным заемщикам, по предоставлению иностранным клиентам финансирования под уступку денежного требования (факторинговые обязательства), по выдаче иностранным клиентам денежной суммы, внесенной во вклад, а также обязательства по переводу денежных требований с банковского счета и их зачислению на банковский счет, обязательства по уплате денежных сумм, составляющих предмет векселя и чека, обязательства из договора поручительства или банковской гарантии»[19].

Как и во внутренних денежных отношениях ценностное содержание трансграничных договорных денежных обязательств связано с реальной стоимостью денежного обязательства, которая зависит от покупательной способности валюты долга.

Вместе с тем, на него влияют колебания курсов валют, инфляция, а также стоимость товаров/услуг, выступающих встречным предоставлением в договоре.

Немаловажным является принцип номинализма – исторически сложившийся подход, согласно которому должник обязан выплатить номинальную сумму, указанную в договоре, без учета изменений покупательной способности валюты. Однако в международных сделках это создает риски дисбаланса интересов сторон из-за валютных колебаний.

Для минимизации этих рисков на протяжении долгого времени в истории международных коммерческих договоров, основным механизмом стабилизации стоимости денежных обязательств были разные виды *валютных оговорок* (прямые, косвенные, мультивалютные), которые корректируют сумму платежа в зависимости от курса валют и *индексные оговорки,* привязывающие платеж к динамике цен на товарных рынках.

Коллизионное регулирование в контексте трансграничных денежных обязательств раскрывается через следующие ключевые аспекты:

1. Автономия воли сторон.

Основным принципом является право сторон международного коммерческого договора самостоятельно выбирать применимое право. Это позволяет им регулировать свои отношения, включая денежные обязательства, на основе выбранной национальной правовой системы (п. 10 ст. 1211 ГК РФ).

2. Расщепление обязательственного статута.

Стороны могут применять право разных государств к различным частям договора, что актуально для сложных сделок (например, синдицированных кредитов или проектов с множеством элементов). Однако это создает сложности в правоприменении

[18] Дмитриева Г.К. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. С. 640.

[19] Кутузов И.М., Пузырева Е.Н. Международные денежные расчеты: учебное пособие для магистратуры. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.С. 12.

из-за необходимости согласования норм разных юрисдикций.

3. Характерное исполнение.

Если стороны не выбрали применимое право, используется принцип «характерного исполнения» (например, в договоре международной купли-продажи применяется право страны – продавца, так как его исполнение считается основным; в кредитных договорах право страны - кредитора).

4. Уступка права требования и исковая давность.

Допустимость уступки, отношения между новым кредитором и должником, а также условия исполнения определяются правом, регулирующим основное обязательство (п. 2 ст. 1216 ГК РФ). Исковая давность по денежным обязательствам также подчиняется договорному статуту.

5. Иностранная валюта.

Использование иностранной валюты (валюты долга или платежа) не влечет автоматической привязки к праву страны этой валюты (lex monetae). Российская доктрина и законодательство не признают такую привязку.

6. Отсутствие специализированных норм.

В международном частном праве отсутствуют детальные коллизионные нормы, специфичные для денежных обязательств. Вместо этого применяются общие принципы, что требует адаптации к контексту конкретных сделок.

Таким образом, коллизионное регулирование денежных обязательств в международном коммерческом обороте строится на гибкости автономии воли и общих принципах международного частного права.

Наличные денежные средства практически не используются в качестве средства платежа при исполнении трансграничных денежных обязательств по причине неудобства передачи наличных денег от должника кредитору, которые зачастую находятся на территории различных государств, а осуществление безналичных платежей осложнено рядом препятствий из-за санкций недружественных государств и международных организаций в платежной и валютной сферах.[20] Ниже рассмотрим основные причины.

На практике, наличные денежные средства не используются в трансграничных обязательствах, ввиду следующего:

Перевозка крупных сумм наличных через границы связана с рисками безопасности (кражи, потери) и логистическими затратами. Так же, законодательство многих стран ограничивает ввоз/вывоз валюты (например, декларирование сумм свыше $10 000 в США или ЕС).

Электронные платежи (SWIFT, SEPA, криптовалюты) обеспечивают мгновенные переводы между странами, что делает наличные устаревшими, а цифровые инструменты (аккредитивы, блокчейн) гарантируют прозрачность и безопасность, снижая потребность в физических деньгах.

Борьба с отмыванием денег (AML) и финансированием терроризма (CFT) требует отслеживания транзакций, что невозможно при наличных расчетах. Следует отметить и тот факт, что налоговые органы и международные организации (FATF) стимулируют переход на безналичную форму оплаты для контроля за финансовыми потоками.

Безналичные платежи проблематичны из-за санкций в виду того, что блокируются доступы к платежным системам (например, исключение российских банков из SWIFT в 2022 г.). Без доступа к SWIFT проведение трансграничных операций становится технически невозможным. Санкции позволяют замораживать счета государств и компаний в иностранных банках (пример: заморозка резервов ЦБ России в ЕС и США), и, как следствие, банки-корреспонденты отказываются проводить платежи из-за риска нарушить санкционный режим.

Помимо всего, создаются юридические риски для субъектов трансграничных отношений. Компании и финансовые институты, нарушающие санкции, сталкиваются со штрафами, потерей репутации и блокировкой счетов. Даже нейтральные посредники (например, банки третьих стран) избегают работать с санкционными юрисдикциями. Так же накладываются ограничения на валютные операции: санкции запрещают расчеты в определенных валютах (например, в долларах или евро), что вынуждает искать альтернативы (юани, рупии), но это усложняет конвертацию и увеличивает издержки.

Из-за односторонних санкционных ограничений снижается доверие к традиционным финансовым системам: Банки и государства ищут альтернативы, переходя на национальные системы передачи платежной информации (российская СПФС, китайская CIPS); используя криптовалюты (Биткоин, стейблкоины) для обхода санкций, но их правовой статус неоднозначен; заключая бартерные сделки (например, нефть в обмен на товары).

Вместе с этим растут транзакционные издержки: санкции вынуждают участников использовать сложные схемы с привлечением посредников, что увеличивает время и стоимость сделок.

Однако, сохраняется юридическая неопределенность: даже при использовании цифровых инструментов (например, смарт-контрактов) сохраняются риски признания операций незаконными из-за санкций.

Примеры из практики:

Иран: из-за санкций страна использует бартер и криптовалюты для расчетов за нефть.

Россия: Переход на расчеты в юанях и рупиях с Китаем и Индией, а также использование СПФС для транзакций.

Венесуэла: Попытки внедрить нефтяную криптовалюту Petro для обхода санкций (неудачно).

[20] Мажорина М. В., Алексеева Д. Г., Шахназаров Б. А. Право в условиях санкций: монография / под ред. М. В. Мажориной. – М.: Проспект, 2023. С. 96.

Цифровизация делает наличные деньги архаичными в трансграничной торговле, но санкции подрывают эффективность безналичных систем, вынуждая участников искать рискованные альтернативы. Это создает парадокс: мир движется к цифровым решениям, но геополитика и регуляторные барьеры усложняют их применение. Выходом может стать развитие децентрализованных финансов (DeFi) и многосторонних договоренностей, но пока эти механизмы остаются несовершенными.

В условиях цифровизации платежных средств криптовалюты (биткоин, стейблкоины) и цифровые платформы становятся частью международных расчетов, но их правовой статус неоднозначен по следующим причинам:

- не признаются законным платежным средством в большинстве юрисдикций;

- отсутствие реального стоимостного обеспечения и высокая волатильность ограничивают их использование в качестве меры стоимости;

- токены и смарт-контракты автоматизируют исполнение обязательств, но требуют адаптации правовых норм.

Для решения этих проблем, видится *необходимость международного и национального регулирования цифровых валют для защиты интересов сторон и возможность признания криптовалют в качестве расчетных единиц при условии стабилизации их стоимости и правового оформления*.

Таким образом, все трансграничные расчетные и платежные отношения направлены на исполнение денежных обязательств. Денежное обязательство является предпосылкой возникновения платежных отношений, в частности расчетных. Порядок осуществления расчетов напрямую зависит от условий трансграничной коммерческой сделки, определяемых на основе автономии воли сторон, при этом в силу участия в трансграничных расчетных отношениях особых субъектов, таких как банки, кредитные организации, операторы электронных денежных средств и т.д., регулирование указанных отношений приобретает частно-публичный характер. Трансграничные денежные обязательства остаются ключевым элементом международных коммерческих отношений, однако их исполнение сталкивается с рядом новых вызовов. Санкции, цифровизация и разница в правовых системах создают дополнительные риски и усложняют правоприменение. В этой связи необходимо совершенствование правового регулирования, развитие новых платежных механизмов и адаптация традиционных норм к современным условиям. В будущем значимую роль могут сыграть децентрализованные финансовые технологии и многосторонние международные соглашения, направленные на повышение стабильности трансграничных расчетов.

Литература

1. Дмитриева Г.К. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. С. 640.

2. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2019.С. 267.

3. Кутузов И.М. Регулятивные денежные обязательства в международном коммерческом обороте. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019;(10). С. 71.

4. Кутузов И.М., Пузырева Е.Н. Международные денежные расчеты: учебное пособие для магистратуры. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.С. 12.

5. Мажорина М. В., Алексеева Д. Г., Шахназаров Б. А. Право в условиях санкций: монография / под ред. М. В. Мажориной. – М.: Проспект, 2023. С. 96.

General Characteristics of Cross-Border Monetary Obligations

Kuleshov N.S.

The article analyzes cross-border monetary obligations and examines their legal nature. It defines the concept, object, and classification of cross-border monetary obligations; highlights conflict-of-law aspects, currency risks, and sanction-related restrictions affecting their performance; and explores trends in the digitalization of settlements (blockchain, digital assets). The article provides a comprehensive analysis of cross-border obligations in light of current legal, currency, and digital developments, and offers recommendations for improving law enforcement practices in international settlements.

Keywords: cross-border monetary obligations, types of monetary obligations, international settlements, currency clauses, sanctions restrictions, cryptocurrencies, conflict-of-law regulation of monetary obligations, SPFS, object and parties to obligations, digitalization of international settlements.

References

1. Dmitrieva G.K. International private law: textbook / ed. G.K. Dmitrieva. - 5th ed., revised and enlarged. - M .: Prospect, 2023. Page 640.
2. Kanashevsky V.A. International transactions: legal regulation. - 2nd ed., revised and enlarged. - M .: International relations, 2019. Page 267.
3. Kutuzov I.M. Regulatory monetary obligations in international commercial turnover. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2019; (10). Page 71.
4. Kutuzov I.M., Puzyreva E.N. International monetary settlements: a textbook for the master's degree. - M .: Norma: INFRA-M, 2021. Page 12.
5. Mazhorina M. V., Alekseeva D. G., Shakhnazarov B. A. Law under sanctions: monograph / edited by M. V. Mazhorina. - M .: Prospect, 2023. P. 96.

Особенности соотношения частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных платежных операций в Российской Федерации

Кулешов Николай Сергеевич
независимый исследователь, mail@nikolaikuleshov.com

В настоящей статье исследуются особенности соотношения частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных платёжных операций в Российской Федерации. Актуальность затронутой проблематики обусловлена усложнением международной экономической конъюнктуры, усилением геополитических рисков, введением масштабных санкционных ограничений, а также необходимостью обеспечения финансовой стабильности и валютного суверенитета государства. Автор анализирует современную правовую архитектуру регулирования трансграничных расчётов, охватывающую как нормы частного права (внешнеторговые договоры, банковские инструменты, принципы Lex Mercatoria), так и императивные публично-правовые предписания, включая положения валютного законодательства, а также нормативные подзаконные акты, направленные на ограничение оттока капитала и контроль над трансграничными денежными потоками.
Как результат проведенного исследования, автор приходит к выводу о необходимости перехода к сбалансированной модели правового регулирования, основанной на сочетании нормативной либерализации валютного контроля, технологической модернизации расчётной инфраструктуры, расширении института саморегулирования, а также правовой гармонизации с международными стандартами и принципами.
Ключевые слова: трансграничные платёжные операции, валютный контроль, публично-правовое регулирование, частноправовые механизмы, санкции, цифровой рубль, валютное законодательство, финансовый комплаенс, международные расчёты.

Актуальность исследования специфики соотношения частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных платежных операций в Российской Федерации определяется значительным возрастанием роли таких операций в условиях глобализации и одновременным усложнением внешнеэкономических отношений ввиду применения международных санкций и ограничений. Современный правовой режим России характеризуется усилением государственного валютного контроля [9], призванного минимизировать негативное воздействие санкционных ограничений, и параллельно наблюдается активное развитие цифровых финансовых технологий, что требует выработки эффективного сочетания частноправовых элементов саморегулирования и публично-правовых мер государственного регулирования.

Система российского правового регулирования в указанной сфере представляет собой комплексный механизм, основанный на взаимодействии публично-правовых и частноправовых норм. Основными источниками регулирования являются Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», нормативные акты Центрального банка Российской Федерации (Банка России), а также подзаконные акты Правительства Российской Федерации, регулирующие внешнеэкономическую деятельность.

Особенностью российского регулирования трансграничных платежей является глубокое пересечение публично-правовых и частноправовых норм [1]. С одной стороны, гражданско-правовые договоры (внешнеторговые контракты, займы, договоры оказания услуг) формируют частноправовую основу обязательств сторон по платежам, закрепляя свободу выбора валюты расчетов и условий исполнения обязательств. С другой стороны, публично-правовые ограничения, вводимые государством по валютному и банковскому законодательству, существенно корректируют и ограничивают договорную свободу сторон в целях защиты экономических интересов государства, обеспечения финансовой стабильности и соблюдения международных обязательств. Это проявляется в обязательной продаже валютной выручки, установлении лимитов на валютные переводы, требованиях по представлению отчетности и документов, а также санкциях за нарушение валютного законодательства, включая административные и уголовные меры.

После 2022 года, в связи с введением масштабных международных санкций, российское правовое

регулирование трансграничных платежей претерпело значительные изменения [10]. В ответ на внешние вызовы были приняты срочные меры, ограничивающие отток капитала и усиливающие валютный контроль. Среди них — обязательная продажа валютной выручки, введение специальных счетов типа «С» для расчетов с контрагентами из «недружественных государств» [7], ограничения на авансовые платежи и запреты на валютные займы нерезидентам. Одновременно усилены контрольные функции государства и нормативно обеспечено развитие национальной платежной инфраструктуры, в том числе российской Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) и платежной системы «Мир», которые приобрели ключевое значение после отключения российских банков от международной системы SWIFT и ухода из России ведущих международных платежных систем. Важным направлением стало создание и запуск цифрового рубля [3], который рассматривается как перспективный инструмент обеспечения устойчивости трансграничных платежей в условиях санкционного давления и развития новых механизмов международных расчетов.

Таким образом, современная российская модель регулирования трансграничных платежных операций характеризуется значительным усилением роли публично-правового регулирования, нацеленного на защиту национальных интересов и обеспечение финансового суверенитета. При этом сохраняется важная роль частноправовых начал, обеспечивающих договорную основу трансграничных платежей, однако в условиях новых правовых реалий они действуют в строгих рамках, определенных публичным правом, включая законодательные и нормативные ограничения.

Публично-правовое регулирование трансграничных платежных операций в Российской Федерации представляет собой многослойную и динамично развивающуюся правовую конструкцию, основанную на совокупности валютного, административного, санкционного и специального финансового законодательства. Основная цель данной системы — обеспечение валютной стабильности, финансовой безопасности, соблюдение международных обязательств в сфере ПОД/ФТ, а также противодействие угрозам, исходящим от недружественных юрисдикций и внешнеполитических факторов.

Одним из ключевых инструментов публично-правового воздействия выступает валютное регулирование, которое реализуется через комплекс норм Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». В рамках данного режима устанавливается императивный запрет на осуществление валютных операций между резидентами, за исключением строго определённых законом случаев, а также детализируются требования по репатриации валютной выручки и порядку осуществления трансграничных платежей через уполномоченные банки. Валютный контроль в своей современной форме представляет собой совокупность превентивных и репрессивных механизмов, направленных на пресечение незаконного вывода капитала, обеспечение исполнения внешнеторговых обязательств, а также сохранение контроля за денежным обращением. Несмотря на отдельные элементы либерализации, реализованные в 2018–2021 гг. (отмена паспортов сделок, упрощение документооборота), начиная с 2022 года наблюдается резкое ужесточение валютного регулирования, вызванное введением международных санкций в отношении РФ.

Наряду с валютными ограничениями важную роль в регулировании трансграничных платежей играют административные меры, в том числе требования по обязательной идентификации клиентов (KYC), мониторинг операций (transaction monitoring), а также применение риск-ориентированного подхода к финансовому комплаенсу. Законодательство в сфере противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма (115-ФЗ) предусматривает комплекс обязательств для субъектов финансового рынка, включая банки и небанковские кредитные организации: от установления личности клиента и выгодоприобретателя до фиксации и направления сведений о подозрительных операциях в уполномоченный орган — Росфинмониторинг. Практически все трансграничные переводы физических и юридических лиц подпадают под режим обязательного или подозрительного контроля, что обусловлено как национальными интересами в области безопасности, так и международными стандартами FATF, несмотря на приостановку участия РФ в данной организации.

Санкционный режим представляет собой особый пласт публично-правового регулирования, сформировавшийся в условиях нарастания геополитической конфронтации. Начиная с 2022 года, нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства (в частности, указы № 79 [5], № 81 [6], № 95 [7]) создали правовую конструкцию, согласно которой резидентам установлены количественные и качественные ограничения на осуществление валютных операций с недружественными нерезидентами. Среди таких мер — лимиты на переводы физическими лицами за рубеж, запрет на свободный вывоз средств нерезидентами из недружественных государств, обязательность получения разрешения Правительственной комиссии на совершение определённых операций, создание специальных счётов типа "С" для изолированных расчетов и блокировки активов. Эти ограничения, носящие ярко выраженный публичный характер, кардинально изменили параметры осуществления трансграничных частноправовых сделок, сделав исполнение многих обязательств зависимым от наличия административного разрешения.

Особое внимание в публично-правовом регулировании уделяется вопросам, имеющим прямое влияние на сферу частного права. К таковым относятся запреты на расчеты в иностранной валюте между резидентами, обязательная регистрация сделок с нерезидентами при превышении порогового значения, ограничения на формы расчетов (например, запрет на анонимные переводы, ограничение операций с участием иностранных платежных

систем). Эти меры императивного характера предопределяют необходимость конструирования договорных условий в строгом соответствии с публично-правовыми нормами, что ограничивает диспозитивность сторон в выборе условий исполнения обязательств. Кроме того, юридическая сила частноправовых сделок зачастую ставится в зависимость от наличия одобрения государственных органов, например — разрешения на заключение сделок с иностранными участниками капитала или одобрения Правительственной комиссии на трансграничные выплаты.

Анализ динамики регулирования свидетельствует о трансформации правового режима трансграничных платежей: от тенденции к либерализации (2016–2021) к фазе рестриктивного и защитного регулирования (с 2022 года по настоящее время). В условиях санкционного давления и финансовой изоляции государство возобновило и институционализировало валютные ограничения, ввело элементы директивного управления валютными потоками, расширило инструментарий контролирующих органов. Вместе с тем в 2023–2024 годах наблюдается адаптация правового режима к новым условиям: внедряются гибкие формы исполнения валютных обязательств (в том числе через цифровые активы), дифференцируются подходы к операциям в зависимости от страны происхождения контрагента, активизируется работа по формированию альтернативных каналов расчетов с использованием цифрового рубля и цифровых валют центральных банков.

Таким образом, публично-правовое регулирование трансграничных платежных операций в РФ в 2024–2025 годах представляет собой совокупность жестких императивных норм, охватывающих как валютные ограничения, так и административные меры контроля, направленные на сохранение финансовой стабильности и обеспечение государственной безопасности. В этих условиях частноправовые отношения становятся зависимыми от публичного регулирования не только де-факто, но и де-юре, что требует от субъектов оборота высокого уровня правовой осведомлённости и комплаенса.

Частноправовое регулирование трансграничных платежных операций в Российской Федерации представляет собой сложную систему договорных механизмов, опосредующих движение денежных средств между участниками внешнеэкономической деятельности. Основу такой системы составляют правовые конструкции, закреплённые в Гражданском кодексе РФ, а также международные обычаи делового оборота, сформулированные в рамках Lex Mercatoria и унифицированных правилах Международной торговой палаты.

Базовыми формами договорного регулирования трансграничных расчетов выступают договоры банковского счёта, платёжного поручения, аккредитива, инкассо, эскроу, а также производные договорные конструкции – независимые банковские гарантии, факторинговые и форфейтинговые соглашения, валютные оговорки и соглашения об обеспечении. В их рамках реализуются обязательства сторон внешнеэкономических сделок посредством банковской инфраструктуры, при этом обеспечивается баланс интересов плательщика и получателя посредством распределения рисков через посредников (банки, эскроу-агенты и др.).

Так, аккредитив, закреплённый в российском праве как отдельное обязательство банка перед бенефициаром, функционирует на основе принципа автономности и опирается на Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (UCP 600), признаваемые в качестве торгового обычая. Инкассо, менее защищённое, но более экономичное средство расчёта, регулируется в международной практике правилами URC 522 и также действует через банковское посредничество. Эскроу, будучи сравнительно новым институтом для российской правовой системы, представляет собой конструкцию условного депонирования средств до наступления определённых условий и позволяет сторонам частноправового обязательства нейтрализовать риски недобросовестного исполнения.

Одним из ключевых вызовов для договорных конструкций выступают валютно-правовые ограничения. В условиях усиленного валютного контроля после 2022 года, включая требования обязательной репатриации выручки, конвертации валюты, запрета на операции с недружественными юрисдикциями, частноправовые механизмы были вынуждены адаптироваться. Договорные формулировки приобрели подчеркнуто гибкий характер: участники предусматривают альтернативные валюты платежа (например, переход с доллара США на китайский юань или дирхам ОАЭ), расширенные сроки исполнения, эскроу-конструкции и санкционные оговорки, позволяющие приостановить обязательства в случае введения блокирующих мер. Широкое распространение получили расчёты через дружественные юрисдикции и структурирование цепочек платежей через посредников, находящихся вне зоны прямого санкционного давления.

Тем не менее, частноправовые конструкции, будучи встроенными в публично-правовую среду, не способны в полной мере преодолевать ограничения, и лишь в рамках правомерной конфигурации обеспечивают правовую устойчивость. Попытки обойти валютные правила, например, через прямые офшорные расчёты или криптовалютные инструменты, влекут за собой риск административной или уголовной ответственности, что делает их юридически ненадёжными. Таким образом, границы допустимой договорной автономии очерчиваются как внутренним законодательством, так и транснациональными обязательствами государства.

Анализ позволяет констатировать, что российская модель частноправового регулирования трансграничных платежей демонстрирует высокую степень гибкости, позволяя посредством разнообразных договорных конструкций минимизировать риски, обусловленные как рыночной, так и регуляторной неопределённостью. Вместе с тем, эффективность этих конструкций сохраняется лишь при условии синхронизации с публично-правовыми требованиями. В условиях нарастающего геополитического давления частное право не утрачивает своей

роли, но требует постоянной адаптации, в том числе через использование международных механизмов (унифицированных правил, принципов Lex Mercatoria), расширение комплаенс-контуров и правовую инженерную проработку договорных моделей.

Современная российская правовая система демонстрирует отчетливую специфику в соотношении частноправовых и публично-правовых средств регулирования, выражающуюся в доминировании императивных публичных начал над автономией воли участников гражданского оборота. В контексте регулирования трансграничных расчетов, валютного контроля, санкционного законодательства, а также применения норм международного частного права, данное соотношение принимает институционализированную форму правового приоритета государства над частной инициативой.

Несмотря на формальную закрепленность в Гражданском кодексе Российской Федерации принципов свободы договора (ст. 421 ГК РФ), равенства участников (ст. 1 ГК РФ) и диспозитивности регулирования, эти принципы подчиняются ограничениям, установленным императивными нормами. Публично-правовые нормы, в частности положения валютного законодательства (ФЗ № 173 от 10.12.2003), Указы Президента РФ № 79 и № 81 от 2022 года, устанавливают обязательные требования к репатриации валютной выручки, правила о недопустимости проведения ряда трансграничных операций без специального разрешения и нормативные режимы особого порядка исполнения обязательств перед нерезидентами. Таким образом, в рамках правоприменительной практики прослеживается трансформация частноправовых отношений в публично-опосредованные конструкции, в которых свобода договора фактически редуцирована до минимально допустимого уровня.

Наиболее ярко приоритет публично-правового начала проявляется в сфере валютного контроля. Законодательство Российской Федерации предписывает обязательное зачисление экспортной валютной выручки на счета, открытые в уполномоченных российских банках, при этом установлены репрессивные санкции за несоблюдение этих норм (ст. 15.25 КоАП РФ). В судебной практике последних лет (2019–2024) фиксируется значительное увеличение количества дел, связанных с нарушением валютного законодательства, причем государственные органы в правоприменении исходят из фискально-охранительной логики, минимизируя значение добросовестности участников и объективных обстоятельств (включая санкционные блокировки зарубежных счетов). Это подтверждается рядом дел, в которых суды отказываются признавать иностранные санкции обстоятельством непреодолимой силы или основанием для освобождения от ответственности.

Не менее значимо влияние законодательства о санкциях, которое конституирует особый правовой режим трансграничных обязательств. Введение специальных норм (ФЗ № 127-ФЗ от 2018 года, Указ № 95 от 05.03.2022) позволяет российским резидентам исполнять обязательства в рублях посредством специального счета «С», вне зависимости от договорных условий. Арбитражная практика 2022–2024 годов демонстрирует тенденцию игнорирования соглашений о применимом праве и юрисдикции при наличии санкционного элемента. Прецеденты применения ст. 248.1–248.2 АПК РФ свидетельствуют о формировании в российском праве института исключительной юрисдикции по делам, затрагивающим санкционные интересы, что является проявлением публично-правового протекционизма.

Судебная практика также подтверждает отказ в признании иностранного права, регулирующего спор, в случае его несоответствия публичному порядку РФ (ст. 1193 ГК РФ). Это правило активно применяется, в том числе, для блокирования исполнения санкций западных государств на территории РФ. Таким образом, российская юрисдикция опирается на доктрину суверенного правопорядка, согласно которой императивные интересы государства обладают приоритетом над международными договорными обязательствами и нормами иностранного права. Аналогичным образом, коллизионные нормы (ст. 1192 ГК РФ) предусматривают применение российских императивных предписаний независимо от избранного сторонами применимого права.

При этом в сравнительном правоведении можно отметить различия в подходах других правопорядков. В странах Европейского союза принцип автономии воли участников договора сохраняет ведущее значение, однако применяется в условиях наднациональных ограничений, в том числе, по линии применения санкционного законодательства ЕС. Система overriding mandatory rules, закрепленная в Регламенте ЕС «Рим I» (ст. 9) [15], устанавливает возможность применения сверхимперативных норм государства фору, а также государства исполнения обязательства, что позволяет обеспечить защиту публичных интересов, не разрушая принцип диспозитивности. В то же время, санкционное право ЕС имеет жесткий правовой эффект для всех лиц в юрисдикции, включая частных субъектов.

В праве США, при высоком уровне либерализации внутренних гражданско-правовых отношений, наблюдается активная экстерриториализация публичного регулирования, прежде всего, в форме санкционного и экспортного контроля [17]. Публичные интересы в США защищаются через обязательность соблюдения санкционных актов OFAC, применение которых распространяется на глобальные операции в долларах США. Это создает ситуацию, при которой публичное право США влияет на частные договоры за пределами территории страны. Однако в отличие от российской модели, в США отсутствует системный валютный контроль, а свобода трансграничного движения капитала считается базовой экономической свободой.

Китайская модель в значительной степени совпадает с российской в части приоритетности государственного контроля в валютной сфере, наличии ограничений на движение капитала и сильной роли

административного регламентирования в частноправовых отношениях [16]. Однако в КНР сохраняется институционализированное разграничение публичной и частной сфер, в том числе через создание особых юрисдикций с преимущественно частноправовым режимом (например, Шанхайская свободная экономическая зона), что позволяет привлекать иностранный капитал и уменьшать издержки правового риска.

Правовые системы стран Ближнего Востока демонстрируют вариативность подходов: от шариатских запретов (на проценты, на азартные игры), встроенных в систему публичного порядка, до моделей с развитым институциональным арбитражем и применением западных правопорядков в специальных зонах (ОАЭ). В исламском праве характерно прямое влияние религиозно-нравственных норм на частноправовые отношения, что сближает эти модели с российской по степени доминирования публичного начала, но и отличается в мотивационно-нормативной основе (религиозно-этическая легитимация против политико-экономической у России).

Таким образом, в российской правовой системе на современном этапе явно прослеживается дисбаланс в сторону публично-правового регулирования, что обусловлено совокупностью факторов: внешнеполитической напряженностью, необходимостью поддержания финансовой стабильности, фискальными интересами государства и доктринальной традицией доминирования публичного интереса над частными выгодами. Коллизионно-правовой механизм построен в логике приоритета императивных предписаний и публичного порядка, что исключает возможность применения норм иностранного права, если они противоречат основам российского правопорядка. В перспективе, при нормализации международной обстановки, возможно восстановление более сбалансированной модели, однако в условиях текущей мобилизационной экономики данное соотношение выглядит устойчивым и институционально закрепленным.

Современное регулирование трансграничных платежных операций в Российской Федерации характеризуется выраженным доминированием публично-правовых начал, что на практике проявляется в чрезмерной административной нагрузке на участников внешнеэкономической деятельности, значительных правовых рисках и высоком уровне неопределенности правоприменительной практики. В условиях санкционного давления, геополитической нестабильности и усилившегося валютного контроля [8] юридические лица, осуществляющие трансграничные расчёты, сталкиваются с множественными барьерами, затрудняющими осуществление хозяйственной деятельности и снижающими инвестиционную привлекательность российской юрисдикции.

Одной из ключевых проблем в данной сфере является несоразмерность публично-правового вмешательства по отношению к целям, декларируемым законодателем. Валютное законодательство, закреплённое в Федеральном законе от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и сопровождаемое многочисленными подзаконными актами, возлагает на резидентов обширные обязанности, включая обязательную продажу части экспортной выручки, предоставление банкам подтверждающей документации, соблюдение формализованных процедур при открытии и использовании счетов за рубежом. Нарушение этих требований влечёт за собой применение жёстких санкций, включая штрафы в размере до всей суммы валютной операции, а в отдельных случаях – административную или даже уголовную ответственность.

Правовая неопределённость усугубляется постоянными изменениями регулирования, инициируемыми как Банком России, так и Президентом Российской Федерации посредством указов, устанавливающих временные ограничения и особые порядки операций с иностранными контрагентами. Отсутствие кодифицированного подхода, наличие множественных исключений и отсылочных норм, а также противоречивая судебная практика [12] формируют правовую среду, характеризующуюся высоким уровнем непредсказуемости. При этом бизнес несёт не только регуляторные, но и существенные операционные и репутационные риски, особенно в контексте международных санкций, ограничений трансграничной передачи информации, а также блокировок расчётов и невозможности исполнения контрактных обязательств.

В этих условиях наблюдается объективная необходимость в оптимизации соотношения частноправовых и публично-правовых регуляторов в рассматриваемой сфере. Перспективным направлением выступает поэтапное смягчение валютного контроля, сопровождаемое внедрением риск-ориентированных механизмов надзора, позволяющих сосредоточить государственное вмешательство на операциях с признаками нарушений, исключая тотальный предварительный контроль над добросовестными хозяйствующими субъектами. Уже предпринимаемые меры по сокращению отчетности и упрощению процедур взаимодействия с уполномоченными банками [2] (например, отмена справок о подтверждающих документах, увеличение порогов бездокументарных сделок) следует рассматривать как первые шаги на пути к построению более сбалансированной системы валютного регулирования.

Дополнительным вектором развития является цифровизация трансграничных расчётов, предполагающая внедрение цифрового рубля, использование платформ распределённого реестра, а также легализацию криптовалютных инструментов в международных расчетах в рамках экспериментальных правовых режимов [4]. Цифровые технологии способны одновременно повысить прозрачность операций, упростить процедурную составляющую и снизить транзакционные издержки, сохранив при этом контрольные функции государства на принципиально новом технологическом уровне.

Важную роль играет также развитие саморегулируемых механизмов. Участие профессиональных сообществ в разработке стандартов добросовестной практики, внедрение внутреннего комплаенса, а

также использование частноправовых унифицированных норм (таких как UCP 600, правила SWIFT и др.) способствуют формированию устойчивой регуляторной среды с минимальными издержками при сохранении высокого уровня правовой определённости и предсказуемости. Расширение роли третейского разбирательства и медиации в разрешении трансграничных споров дополнительно способствует разгрузке судебной и административной системы.

Наконец, важнейшей перспективой представляется гармонизация российского правового режима с международными стандартами, включая нормы FATF, принципы международных организаций, а также региональные соглашения в рамках ЕАЭС [14], направленные на либерализацию валютных операций между государствами-участниками. Гармонизация, понимаемая как адаптация национального законодательства к лучшим международным образцам при сохранении элементов финансового суверенитета, позволяет устранить правовые барьеры, снизить регуляторный арбитраж и повысить интеграцию российской юрисдикции в международное экономическое пространство.

Таким образом, эффективное соотношение частноправовых и публично-правовых начал в регулировании трансграничных платежных операций должно опираться на комплексный подход, включающий нормативную либерализацию, технологическую модернизацию, институциональную поддержку саморегулирования и правовую гармонизацию с международными стандартами. Такая модель позволит обеспечить устойчивое развитие внешнеэкономической деятельности, снизить издержки бизнеса и одновременно сохранить достаточный уровень государственного контроля, необходимого для защиты экономических интересов Российской Федерации.

Российская модель регулирования трансграничных платежных операций отличается преобладанием публично-правовых средств, определяющих архитектуру соответствующих правовых механизмов. Основу данной модели составляют императивные регулятивные инструменты, направленные на обеспечение валютного контроля, соблюдение внешнеэкономических ограничений, выполнение требований в сфере финансового мониторинга и идентификации участников трансграничных расчетов. Эти меры носят системообразующий характер и формируют нормативные рамки, внутри которых осуществляется реализация частноправовых конструкций. Вследствие этого частноправовые механизмы утрачивают автономность и адаптируются к приоритетам публично-правового регулирования, отражающим стратегические интересы государства в сфере финансовой стабильности, экономической безопасности и международной политики. Таким образом, в российской правоприменительной практике наблюдается ярко выраженная тенденция подчинения частноправового начала доминирующим публично-правовым императивам.

Литература

1. **Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СПС Консультант Плюс.**

2. Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» (в части установления особенностей трансграничной передачи персональных данных)» // СПС Консультант Плюс.

3. **Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.**

4. Федеральный закон от 31.07.2024 № 223-ФЗ «Об экспериментальном правовом режиме по использованию цифровых валют во внешнеторговой деятельности» // СПС Консультант Плюс.

5. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединённых Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС Консультант Плюс.

6. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

7. **Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед отдельными иностранными кредиторами» // СПС Консультант Плюс.**

8. Указ Президента РФ от 11.10.2023 № 771 «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 и Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81» // СПС Консультант Плюс.

9. Постановление Правительства РФ от 06.03.2022 № 295 «О порядке проведения отдельных валютных операций в условиях санкций и введения специального разрешительного порядка» // СПС Консультант Плюс.

10. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «О перечне иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СПС Консультант Плюс.

11. Инструкция Банка России от 16.08.2017 № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами документов и информации по валютным операциям уполномоченным банкам» // СПС Консультант Плюс.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 11 и части первой статьи 12 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС Консультант Плюс.

13. Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2024 по делу № А45-19015/2023 // СПС Консультант Плюс.

14.Соглашение о согласованных подходах в валютной политике государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) от 2023 г. // СПС Консультант Плюс.

15.Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I) – ст. 9 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008R0593 (дата обращения: 19.04.2025).

16.Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China. 2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202306/2f9c9cbdc5e8451db6d926b04e5f5eb2.shtml (дата обращения: 19.04.2025).

17.Restatement (Second) of Conflict of Laws (U.S.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ali.org/publications/show/conflict-laws/ (дата обращения: 19.04.2025).

Peculiarities of the relationship between private and public law means in regulating cross-border payment transactions in the Russian Federation

Kuleshov N.S.

This article examines the specifics of the relationship between private and public law instruments in regulating cross-border payment transactions in the Russian Federation. The relevance of the issues raised is due to the increasing complexity of the international economic environment, increased geopolitical risks, the introduction of large-scale sanctions restrictions, as well as the need to ensure financial stability and currency sovereignty of the state. The author analyzes the modern legal architecture for regulating cross-border payments, covering both private law norms (foreign trade agreements, banking instruments, Lex Mercatoria principles) and mandatory public law regulations, including provisions of currency legislation, as well as regulatory by-laws aimed at limiting capital outflows and controlling cross-border cash flows.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion about the necessity of transition to a balanced model of legal regulation based on a combination of normative liberalization of currency control, technological modernization of the settlement infrastructure, expansion of the self-regulation institution, as well as legal harmonization with international standards and principles.

Keywords: cross-border payment transactions, currency control, public law regulation, private law mechanisms, sanctions, digital ruble, currency legislation, financial compliance, international settlements.

References

1. Federal Law of 08.12.2003 No. 164-FZ "On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activities" // SPS Consultant Plus.
2. Federal Law of 14.07.2022 No. 266-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Personal Data" (in terms of establishing the specifics of cross-border transfer of personal data)" // SPS Consultant Plus.
3. Federal Law of 24.07.2023 No. 340-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
4. Federal Law of 31.07.2024 No. 223-FZ "On the Experimental Legal Regime for the Use of Digital Currencies in Foreign Trade Activities" // SPS Consultant Plus.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2022 No. 79 "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them" // SPS Consultant Plus.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2022 No. 81 "On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 95 "On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors" // SPS Consultant Plus.
8. Decree of the President of the Russian Federation of 11.10.2023 No. 771 "On the application of certain provisions of the Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2022 No. 79 and the Decree of the President of the Russian Federation of March 1, 2022 No. 81" // SPS Consultant Plus.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 06.03.2022 No. 295 "On the procedure for conducting certain currency transactions under sanctions and the introduction of a special permit procedure" // SPS Consultant Plus.
10. Order of the Government of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 430-r "On the list of foreign states and territories committing unfriendly actions against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals" // SPS Consultant Plus.
11. Bank of Russia Instruction of 16.08.2017 No. 181-I "On the Procedure for Submission by Residents and Non-Residents of Documents and Information on Foreign Exchange Transactions to Authorized Banks" // SPS Consultant Plus.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.02.1999 No. 4-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part One of Article 11 and Part One of Article 12 of the Federal Law "On Joint-Stock Companies" // SPS Consultant Plus.
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.07.2024 in Case No. A45-19015/2023 // SPS Consultant Plus.
14. Agreement on Coordinated Approaches to the Currency Policy of the Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU) dated 2023 // SPS Consultant Plus.
15. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) – Art. 9 [Electronic resource]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008R0593 (date of access: 19.04.2025).
16. Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China. 2021 [Electronic resource]. – URL: https://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202306/2f9c9cbdc5e8451db6d926b04e5f5eb2.shtml (accessed: 19.04.2025).
17. Restatement (Second) of Conflict of Laws (U.S.) [Electronic resource]. – URL: https://www.ali.org/publications/show/conflict-laws/ (accessed: 19.04.2025).

Устав как форма корпоративного контроля

Семкина Анна Сергеевна
главный юрисконсульт отдела международной работы Дирекции по правовому сопровождению бизнеса, АО «Почта России», semkinaas@bk.ru

В статье автор раскрывает и обосновывает сущность устава корпорации как формы корпоративного контроля, что в целом и является целью настоящей статьи. В работе использован комплекс общенаучных (аналитический, сравнительный, анализ, синтез) и частно-научных методов, прежде всего формально-юридического, что позволило провести анализ нормативной базы, судебной практики и доктринальных позиций. Основным результатом исследования является отнесение устава к внедоговорным формам корпоративного контроля. Устав, будучи системообразующим актом, не просто фиксирует статус корпорации, но служит гибким инструментом установления контроля. Это достигается за счет закрепления в нем механизмов перераспределения прав участников, предоставления дополнительных прав (включая потенциально права третьих лиц, например, кредиторов), расширения компетенции органов управления (совета директоров) и фиксации отношений аффилированности, дающей право давать обязательные указания. Диспозитивность корпоративного законодательства предоставляет широкие возможности для такого контроля. Однако подчеркивается, что эта гибкость несет риски злоупотреблений. Анализ практики, в частности банковской, подтверждает эффективность использования устава как инструмента контроля (например, через включение условий об одобрении сделок, членство в органах управления), но требует осторожности во избежание нарушения баланса интересов. Таким образом, устав представлен как легальная и эффективная форма закрепления корпоративного контроля, широко применяемая, в том числе в сделках M&A.

Ключевые слова: корпоративный контроль, формы корпоративного контроля, устав, органы управления, корпорации

Введение

Реализация корпоративного контроля есть первостепенный и существенный аспект интересов участников (акционеров), поскольку именно контроль обеспечивает возможность действенного влияния на судьбу корпорации и ее активов. Под корпоративным контролем традиционно понимается возможность участника корпорации определять ее волю. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 05.12.2016 № 310-ЭС16-17965, оперируя понятием корпоративный контроль, подводит под него юридическую возможность контролировать посредством принятия корпоративных решений.

Участники корпорации, заинтересованные в реализации своих прав, зачастую идут по пути применения различных правовых средств для обеспечения свободной реализации ими права участия и управления. При этом законодательство предоставляет широкий инструментарий по его установлению, и в том числе усилению, сохранению и прекращению, что представляет собой формы корпоративного контроля. Так автор предлагает к формам корпоративного контроля также отнести устав корпорации.

Помимо формального наличия корпоративных прав на распоряжение голосами при принятии корпорацией решений, существуют и иные основания для определения решений юридического лица. В их числе могут быть такие правовые отношения как возникшие на основании гражданско-правового договора, использования полномочий исполнительного органа и т.д., а также фактические отношения, не урегулированные нормами права (осуществление контроля на основании личного влияния) [1]. Это расширяет традиционное понимание контроля, включая неформальные и скрытые механизмы влияния.

Материалы и методы

Автором использованы общенаучные и частно-научные методы, в частности: аналитический, сравнительный методы, анализ и синтез. А также формально-юридический метод, который позволил охарактеризовать устав корпорации как форму корпоративного контроля с правовых позиций. Теоретическую основу статьи составили научные труды ученых, таких как Д.Р. Арнаутов, О.В. Гутников, С.А. Синицын, Д.И. Степанов и других. Также была проанализирована нормативная база и судебная практика.

Результаты и обсуждения

В целях классифицирования форм корпоративного контроля автором предлагается их подразделение в зависимости от основания возникновения:

договорные и внедоговорные. К числу внедоговорных форм корпоративного контроля можно отнести локальные (внутренние) акты организации, учредительные документы, в частности, устав.

В теории корпоративного права так и не сложилось единое понимание правовой природы устава. Основными противоборствующими являются позиции о том, что устав есть юридический факт - сделка, в связи с чем в корпоративной практике он рассматривается как некий специфический договор [5], и том, что устав – это системообразующий корпоративный акт, который определяет в пределах и в развитие установленных законом предписаний модель корпоративного управления и гражданско-правовой статус корпорации как правосубъектного лица, а также формирует архитектуру внутренних актов, впоследствии принимаемых органами корпорации[2;4].

В судебной практике имеется, можно сказать, сенсационное определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019, в котором четко фиксируется, что «при этом устав является сделкой и к нему применимы нормы гражданского законодательства о сделках, в том числе о решениях собраний, и об основаниях признания их недействительными».

Вторая доктринальная позиция наиболее близка нам, поскольку устав как учредительный документ представляет собой основной акт, регулирующий деятельность корпорации, иногда и превалирующий над законом. По мнению О.В. Гутникова и С.А. Синицына национальное корпоративное законодательство Российской Федерации не содержит правила, которые фиксируют прямое действие императивных норм закона как универсального регулятора корпоративных правоотношений [2;4]. Действительно, в частности законодателем используется следующая формулировка «если иное, не предусмотрено уставом общества», которая указывает на широкую дискрецию в плане регулирования деятельности и корпоративного управления.

Согласно статье 12 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ («Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту – «Закона об ООО») устав включает в себя, в том числе:

- «сведения о составе и компетенции органов общества, в том числе о вопросах, составляющих исключительную компетенцию общего собрания участников общества, о порядке принятия органами общества решений, в том числе о вопросах, решения по которым принимаются единогласно или квалифицированным большинством голосов;

- права и обязанности участников общества;

- сведения о порядке перехода доли или части доли в уставном капитале общества к другому лицу;

- иные сведения, предусмотренные Закону об ООО;

- а также иные положения, не противоречащие Закону об ООО и иным федеральным законам».

Последний пункт предоставляет участникам ООО устанавливать в уставе правила управления обществом, которые им выгодны, но не противоречат действующему законодательству.

Статья 8 Закона об ООО также предоставляет возможность установить для участников ООО помимо тех прав, что предусмотрены законом, дополнительные права. Они могут быть включены в устав на основании решения общего собрания участников, принятого единогласно, и при создании общества. Таким образом, участник может получить дополнительные права, которые могут превалировать над правами других участников в части принятия решений. При этом в действующем гражданском законодательстве отсутствует прямой запрет на наделение правами и третье лицо по отношению к корпорации: инвестора или кредитора, что наделить их законными правами по отношению к ООО.

Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее по тексту – «Закон об АО»), в свою очередь, не содержит положений о том, что акционеры могут быть наделены дополнительными правами ни для владельцев обыкновенных акций, ни – привилегированных. Это не позволяет прямого говорить о возможности наделения правами третье лицо, но и прямо закон этого не запрещает.

Помимо всего прочего, корпоративный контроль заключается еще и в возможности определять деятельность органов управления корпорации [6], а также посредством их влиять на волю и волеизъявление корпорации. Закон об ООО (пп. 11 п. 2 ст. 32) и Закон об АО (п. 1 и пп. 18 п. 1 ст. 65) позволяют расширять компетенцию совета директоров общества за счет передачи части полномочий высшего органа управления – общего собрания участников (акционеров), которые не относятся к его исключительной компетенции. Здесь для установления контроля можно использовать такой механизм, как предоставление совету директоров максимально широкой компетенции, избрание в состав членов совета директоров определенных лиц, которые будет принимать решения, de facto диктуемые лицом, предложившим данных членов совета директоров. Но в такой ситуации следует учесть процедуру принятия решений и необходимость превалирования таких членов в совете директоров. Порядок избрания может быть установлен как в самом уставе, так и в корпоративном договоре.

Подобные механизмы контроля распространены в банковской практике, банки, в целях обеспечения своих интересов, устанавливают над заемщиком корпоративный контроль [7]. Таким образом, кредитные организации обеспечивают себе права на участие в управлении деятельностью заемщика для воспрепятствования возможному выводу активов и инициированию со стороны заемщика иных действий, препятствующих исполнению обязательств по возврату кредита и выплате процентов по нему.

А.А. Ткачев приводит в качестве механизмов контроля, используемых банками, такие как:

- приобретение банком незначительного участия в уставном капитале должника по номинальной стоимости, как правило, 1% и менее; и

- внесение при этом в устав изменений, предусматривающих, предварительное одобрение сделок, вязанных с имущественной сферой (отчуждение имущества, получение новых займов и т.д.);

- вхождение в состав коллегиальных органов управления (например, правление) [7].

Ученый, анализируя релевантную судебную практику в отношении использования банками таких инструментов корпоративного контроля над заемщиками, указывает, что для успешной защиты своих интересов при внедрении механизма корпоративного контроля банки должны воздерживаться от участия в распределении прибыли должника, в частности при приобретении долей заемщика в его устав должно быть внесено положение, что банк не участвует в распределении прибыли заемщика (ст. 28 Закон об ООО). Также банком следует воздерживаться от принятия решений и совершения действий, которые не входят в круг его интересов как кредитора, например блокировать решения заемщика о заключении кредитов с иными банками. В частности, банки при установлении и осуществлении корпоративного контроля должны принимать во внимание следующее:

- учитывать, может ли решение банка привести к банкротству должника (особенно при согласовании финансовых вопросов);

- избегать безосновательных отказов банка в финансировании должника за счет сторонних источников. Такие виды финансирования, как увеличение уставного капитала, внесение имущества в уставный капитал заемщика, заем на условиях более выгодных, чем предлагает банк, вероятно должны быть согласованы банком;

- при установлении показателей деятельности заемщика, так называемых конвенантов, такие показатели не должны быть препятствием для привлечения финансирования (коэффициенты ликвидности и обеспеченности);

- не вмешиваться в хозяйственную деятельность заемщика путем навязывания контрагентов, изменения условий ведения бизнеса, в том числе ценовой/торговой политики заемщика [7].

По нашему мнению, выделение устава организации в качестве формы корпоративного контроля можно обосновать тем, что посредством его можно тем самым проникнуть в корпоративную структуру корпорации.

Такой же теоретической позиции придерживаются К.А. Миннуллина и Е.П. Татаринова указывая, что в качестве еще одного из средств корпоративного контроля может рассматриваться внесение в устав общества-должника положений об интересах кредитора, которые с момента государственной регистрации внесения изменений в устав влекут необходимость соблюдения для участников (акционеров) и самого должника. Это, конечно, предоставляет кредиторам ряд корпоративных прав (их круг может быть прямо очерчен в уставе), но с этим возникают и корреспондирующие обязанности. Например, необходимость действовать в интересах лица разумно и добросовестно, в противном случае возникает риск наступления последствий, предусмотренных ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в форме возмещения убытков, причиненных юридическому лицу [3].

Дополнительно следует отметить, что наша позиция касательно того, что устав есть форма корпоративного контроля прослеживается и в позиции законодателя. А именно, учредительным документом, у нас это устав, также устанавливается аффилированность – способность оказывать влияние на деятельность хозяйствующего субъекта (абз. 3 ст. 4). Одним из признаков аффилированности является присутствие корпорации в составе группы лиц. При этом в соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», одним из признаков группы лиц является возможность одного хозяйственного общества давать обязательные для исполнения указания другому на основании учредительных документов. Таким образом, субъект получает корпоративный контроль над другим в силу специального указания об этом в уставе. Обязательное для исполнения поручение может заключаться, в том числе, в необходимости принятия конкретного корпоративного решения, например, одобрить заключение крупной сделки.

Заключение

Таким образом, подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что устав является одной из ключевых форм корпоративного контроля, позволяя его легально зафиксировать. Его «гибкость» в силу диспозитивности правового регулирования может использоваться как для обеспечения интересов участников и кредиторов, но так и для злоупотреблений со стороны недобросовестных субъектов корпоративного контроля.

Устав, как системообразующий акт корпорации, не только фиксирует ее правовой статус, но и выступает инструментом гибкого управления. Он позволяет осуществлять корпоративный контроль через такие механизмы, как перераспределение прав участников (акционеров), включение дополнительные прав, интеграция прав третьих лиц, расширение компетенций органов управления. Рассмотренная автором форма корпоративного контроля является достаточно эффективной, в связи с чем часто применяется на практике как правило при заключении сделок M&A.

Литература

1. Арнаутов Д.Р. Контроль над юридическим лицом как полиотраслевой институт права // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гутников О.В., Синицын С.А. Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // Закон. 2019. № 3. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Миннуллина К.А., Татаринова Е.П. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ

защиты прав кредиторов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Москевич Г.Е. Принцип пропорциональности в корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 12

5. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права.2009. № 3. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Ткачев А.А. Риски кредитных организаций в процедурах банкротства при установлении корпоративного контроля // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

The articles of association as a form of corporate control

Semkina A.S.
JSC «Russian Post»

In this article, the author elucidates and substantiates the nature of a corporatios Articles of Association as a form of corporate control, which constitutes the primary objective of the present work. The research employs a combination of general scientific methods (analytical, comparative, analysis, synthesis) and specific legal methods, primarily the formal-legal method. This methodological approach enabled an analysis of the regulatory framework, judicial practice, and doctrinal positions. The key finding of the research is the classification of the Articles of Association as an extra-contractual form of corporate control. As a constitutive instrument, the Articles of Association do not merely establish the corporation's legal status but serve as a flexible mechanism for establishing control. This is achieved by enshrining mechanisms for the reallocation of participants rights, the granting of additional rights (including potentially to third parties, such as creditors), the expansion of the competence of governing bodies (e.g., the Board of Directors), and the formalization of affiliation relationships conferring the authority to issue binding instructions. The dispositive nature of corporate law provides broad scope for such control. However, it is emphasized that this flexibility bears risks of abuse. An analysis of practice, particularly in the banking sector, confirms the effectiveness of utilizing the Articles of Association as a control instrument (e.g., through the inclusion of transaction approval requirements or membership provisions for governing bodies), but cautions that such use requires prudence to avoid disrupting the balance of interests.

Keywords: corporate control, forms of corporate control, articles of association, management bodies, corporations

References

1. Arnautov D.R. Control over a legal entity as a multi-industry legal institution // Entrepreneurial law. Appendix "Law and Business". 2020. No. 2. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
2. Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A. The meaning and content of corporate charters at the present stage: new approaches in the context of digitalization // Law. 2019. No. 3. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
3. Minnullina K.A., Tatarinova E.P. Quasi-corporate agreement as an extraordinary way to protect creditors' rights // Property relations in the Russian Federation. 2021. No. 6. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
4. Moskevich G.E. The principle of proportionality in corporate law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 12
5. Stepanov D.I. Charter as a form of transaction // Bulletin of Civil Law. 2009. No. 1. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
6. Stepanov D.I. Phenomenon of corporate control // Bulletin of Civil Law. 2009. No. 3. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
7. Tkachev A.A. Risks of credit institutions in bankruptcy proceedings when establishing corporate control // Bulletin of arbitration practice. 2022. No. 4. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

Значение принципа справедливости при рассмотрении дел о привлечении контролирующих лиц должника (кредитной организации) к субсидиарной ответственности

Ткаченко Артем Павлович
независимый исследователь, arteum2001@yandex.ru

В статье исследуется роль принципа справедливости при рассмотрении дел о привлечении контролирующих лиц должника (кредитной организации) к субсидиарной ответственности. Автор анализирует философские и правовые трактовки справедливости, подчеркивая ее двойственную природу: как субъективно-моральной категории и как объективного принципа права. Особое внимание уделяется судебной дискреции, позволяющей судам гибко применять нормы закона с учетом конкретных обстоятельств, но создающей риски нарушения правовой определенности. На примере дел о банкротстве кредитных организаций (АКБ «Финпромбанк», АО «Русстройбанк», ПАО «Тайм Банк») раскрывается, как суды интерпретируют справедливость при определении объема ответственности, выборе между субсидиарной ответственностью и возмещением убытков, а также при наложении обеспечительных мер. Критикуется отсутствие законодательных критериев справедливости, что ведет к неоднозначности судебной практики. В заключение предлагается законодательно закрепить границы судебного усмотрения для баланса между защитой кредиторов и правами контролирующих лиц.

Ключевые слова: принцип справедливости, субсидиарная ответственность, банкротство кредитных организаций, контролирующие должника лица, судебная дискреция, соразмерность ответственности, восстановление прав кредиторов.

Понятие справедливость в контексте общенаучных, в том числе философских размышлений, является крайне многогранной, имеющей, как минимум две позиции.

Первая выступает за то, что справедливость — субъективная категория, отождествляемая с моралью. В таком контексте, справедливость выражается, как один из элементов сознания индивида, которая отражается в праве и правовых нормах.

Е.А. Суханов, отмечал, что в основе права зиждется нравственная категория, выражаемая в форме справедливости, которая не имеет под собой описуемых экономических начал [1].

Вторая позиция выражается, как определение справедливости через квинтэссенцию субъективного и объективного выражения человеческой мысли. Возникает социальная справедливость, которая содержит и идеологические и материальные компоненты.

Юридическая наука также указывает на многоликость категории справедливость. Одна точка зрения указывает, что справедливость является принципом права наравне с добросовестностью и разумностью. Их рассматривают в неотъемлемом друг от друга контексте, в том числе и законодатель. Так статья 6 ГК РФ, определяет, что при невозможности применения аналогии закона, применяется аналогия права и требования добросовестности, разумности и справедливости. Другая точка зрения сводит справедливость к объективному свойству права. В таком контексте, право является само по себе выражением справедливости, которая и выделяет его от иных регуляторов поведения.

В законодательной основе нет четко закрепленного определения справедливости, а также его критериев, что привело к ее многочисленной интерпретации. Под призмой гражданского права, можно охарактеризовать справедливость, как компромисс между субъектами гражданских правоотношений, выражающийся в форме удовлетворения взаимных интересов.

Принцип справедливости также упоминается в статье 393 ГК РФ, который используется как способ определения судом размера подлежащих к взысканию убытков, при невозможности определения их достоверного размера. В данной норме законодатель прямо указывает на судебную дискрецию, которая и будет руководствоваться принципами права при разрешении конкретных дел.

Судебная дискреция представляет из себя возможность действовать суду касательно относящегося к его ведению вопроса по собственному усмот-

рению. Такой инструмент позволяет избежать казуистичность права и прибегнуть в рамках правовой доктрины к правильному и объективно возможному способу разрешению спорных общественных отношений. Данная концепция применима для романо-германской правовой системы. Для англо-саксонской системы права, судебное усмотрение еще шире. Оно позволяет судье выйти за пределы существующих источников права и создать новое правило поведения, так называемый судебный прецедент.

Наделение судов правом судебной дискреции, привело к изменению роли суда и формировании определенной практики применения принципа справедливости как нормы права, поскольку предопределяет расширение судебного усмотрения ввиду того, что принцип справедливости является оценочным понятием, выходящим за рамки классической нормы права с присущей ею гипотезой, диспозицией и санкцией.

Каждое применение такого принципа, по своей сути, будет являться элементом судебного усмотрения, которое будет уточнять материальную норму, добавляя в нее новые характеристики справедливости на примере каждого отдельно взятого дела и конкретизации принятого судом решения.

По мнению А.Г. Карапетова, реально действующее право в настоящее время все больше определяется не законодательно установленными правовыми нормами, а судебной практикой [2]. При этом стоит отметить, что в случае предоставления судам права достаточно свободно применять положения, предписанные законодательными нормами, возникает риск слишком широкого применения судебного усмотрения, а также возможного отступления от принципа правовой определенности [3]. Вопрос единообразия судебной практики стоит довольно остро. Выработка единообразных судебных подходов возможна при анализе практики Верховного Суда РФ, который устанавливает правила поведения и оценки судов при решении определенных вопросов, что сводит к минимуму возможность слишком широкого применения судебного усмотрения. Верховный Суд РФ, почти всегда заявляет курс на единообразие судебной практики, но в нынешних реалиях, с учетом особенностей территориального деления, сформировавшихся различных правовых школ, делается почти невозможной ситуация, в которой судебные органы смогут решать все дела единообразно.

Так, например, в судебной практике можно увидеть немалое количество способов понимания справедливости, которое применяется судьями при вынесении ими решений. Очевидно, что актуальность понимания принципа справедливости для его последующего применения очень высока, прежде всего, для ограничения судебного усмотрения.

И.С. Шиткина, указывает, что судебное усмотрение должно быть ограничено. Требуется баланс между интересами, принципами справедливости, равноправия и судебным усмотрением [4].

В контексте применения принципа справедливости в рамках института субсидиарной ответственности, применяются как нормы ФЗ о несостоятельности (банкротстве), так и общие положения глав 25 и 59 ГК РФ [5]. Законодательство о банкротстве, ввиду его обширного регулирования широкого круга правоотношений, возникающих в рамках данного института, относит в пределы судебной дискреции множество существенных вопросов.

Специальная норма законодательства о банкротстве кредитных организаций, использует перечень для признания КДЛ статьи 61.10 ФЗ о несостоятельности (банкротстве), которая, в свою очередь имеет открытый перечень лиц, которые могут быть признаны контролирующими. Суду дана дискреция при определении таких лиц, что требует от него изучения лиц, связанных с такой организацией на предмет контроля, и руководствуясь принципами права, определить, являлись ли такие лица контролирующими должника кредитную организацию. В данном контексте принцип справедливости будет реализовываться судом, как соотношение действий (бездействий) каждого лица, причастного к кредитной организации, их степень влияния и размер негативных последствий, возникший у кредиторов. На этом основании у суда будет возможность объективно признать такое лицо контролирующим кредитную организацию.

Обращаясь к судебной практике, следует обратить внимание на применение данного подхода в деле о банкротстве АКБ «Финпромбанк» (ПАО) [6]. В рамках данного дела ГК «АСВ» обратилось с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности 19 лиц, которые, по мнению заявителя, являлись контролирующими должника лицами и привели банк к объективному банкротству. Определением суда первой инстанции и оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции к субсидиарной ответственности привлечены четыре лица. Кассационным определением отменены нижестоящие акты в части отказа в привлечении семи лиц, в отмененной части спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении все три инстанции согласились с привлечением гражданина Б. к субсидиарной ответственности. Не согласившись с указанными актами, гражданин Б. обратился в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой, мотивируя свою позицию тем, что он не является контролирующим должника лицом.

Определением Верховного Суда РФ акты судов нижестоящих инстанций в части привлечения гражданина Б. к субсидиарной ответственности были отменены, спор направлен на новое рассмотрение.

Отменяя нижестоящие акты, высшая судебная инстанция указала, что любое судебное разбирательство о привлечении к субсидиарной ответственности должно сопровождаться изучением причин несостоятельности должника, а также учитывать факт масштаба банковской деятельности. Исходя из этого, к субсидиарной ответственности могут быть привлечены только те лица, действия которых непосредственно привели к банкротству кредитной организации.

Гражданин Б. указывал, что не принимал участия в управлении деятельностью банка, вменяемая ему цепочка сделок с обществом «Таможенная карта» не могла привести к банкротству кредитной организации, так как сумма ущерба, установленного судами в размере 192 миллионов рублей, не соотносится с общим размером непогашенных банком требований кредиторов в размере 28 миллиардов рублей. Кроме того, указывал, что не является выгодоприобретателем в данной цепочке сделок.

Верховный Суд РФ, оценив доказательства, имеющиеся в материалах дела, поставил под сомнение факт возможности получения гражданином Б. существенной выгоды и, как следствие, отнесения его к числу контролирующих должника лиц. Также суд обратил внимание на тот факт, что нижестоящие суды поставили заявителя в преимущественное положение, приняв пояснения и доказательства только со стороны конкурсного управляющего, что прямо нарушает принципы состязательности и равноправия в арбитражном процессе.

Таким образом, на основании данного дела, усматривается, что Верховный Суд РФ обращает внимание именно на принцип справедливости и его неприменение нижестоящими судами при определении статуса контролирующего должника лица кредитную организацию. Нижестоящие суды не смогли объективно применить данный принцип соотнося нормы материального права с фактическими обстоятельствами дела.

Иным проявлением принципа справедливости в рамках судебной дискреции при привлечении лиц к субсидиарной ответственности является определение норм, которые подлежат применению в возникшем правоотношении. Суд в каждом конкретном деле оценивает степень негативных последствий, проверяет изменения финансового положения должника и решает, применять ли общие положения о возмещении убытков или специальные правила о субсидиарной ответственности [5]. В случае, когда доказан факт совершения контролирующим лицом противоправных действий, суд на основе анализа фактических обстоятельств дела, экономического состояния должника и степени влияния ответчика, определяет применим ли в конкретном случае институт субсидиарной ответственности или институт возмещения убытков. Первый применяется в случае, если действия ответчика привели к необратимым последствиям, которые предопределили банкротство должника, второй применяется во всех иных случаях, не связанных с доведением юридического лица до состояния неплатежеспособности. В этом ключе значение принципа справедливости заключается выборе объема ответственности для КДЛ.

Исследуя судебную практику, считаем нужным обратить внимание на дело о несостоятельности (банкротстве) банка АО «Русстройбанк» [7]. В рамках дела о банкротстве, ГК «АСВ» обратилось с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, управлявших кредитной организацией.

Определением суда первой инстанции привлечены частично удовлетворены требования агентства, судом привлечены к субсидиарной ответственности только двух лиц, непосредственно принимавших участие в управлении банком, в остальной части требований отказано. Апелляционная инстанция не согласилась с такими выводами и привлекла к субсидиарной ответственности еще двух лиц, гражданина Н. и гражданина Д. Кассационная инстанция отменила постановление суда апелляционной инстанции в части привлечения двух лиц к субсидиарной ответственности, оставила в силе определение суда первой инстанции.

Определением Верховного Суда РФ акт суда кассационной инстанции был отменен, апелляционное определение оставлено в силе в части привлечения к субсидиарной ответственности гражданина Д. В части привлечения к субсидиарной ответственности гражданина Н. акты нижестоящих судов были отменены, обособленный спор был направлен на новое рассмотрение. В остальной части акты оставлены без изменений.

Верховный Суд РФ, придя к выводу о направлении на новое рассмотрение спор о привлечении к субсидиарной ответственности гражданина Н. указал нижестоящим судам, что, исследуя фактические обстоятельства, а именно цепочку сделок ответчика, стоит обратить внимание на сумму ущерба. Гражданин Н. осуществил вывод более 79 миллионов рублей через аффилированную организацию. Однако, такой ущерб не соотносится с общим размером ущерба от действий контролирующих должника лиц в размере 4,3 миллиарда рублей, что прямо указывает на несоотносимость размера вреда от вменяемой гражданину Н. сделки с масштабом деятельности банка.

Следовательно, привлечение по такому основанию к субсидиарной ответственности солидарно с иными привлеченными лицами несоразмерно, противоречит принципу справедливости, но ввиду доказанности причинения ущерба, требование о привлечении к субсидиарной ответственности подлежит переквалификации на требование о возмещении убытков.

Таким образом, в контексте данного дела, можно сделать вывод о применении принципа справедливости относительно применения к ответчику верных норм материального права, и как следствие, возложение на него объема ответственности, соотносимого с его правонарушением.

Еще одним проявлением реализации принципа справедливости в рамках рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц кредитной организации является применение к ним обеспечительных мер. Так, в соответствии со статьей 90 АПК РФ, обеспечительные меры накладываются по заявлению (ходатайству) лиц, участвующих в деле, статьей 61.16 Закона о банкротстве предусмотрено, что при необходимости суд может заслушать мнение сторон при наложении таких мер, либо принять такие меры без извещения лиц. В таком вопросе суд обязан с повы-

шенной осмотрительностью признавать такое заявление обоснованным, в том числе руководствуясь принципом справедливости и соразмерности. В ином случае, это может привести к возникновению негативных последствий у лица, в отношении которого подано такое заявление.

Т. Абдулкадиров отмечает, что должная заботливость и осмотрительность еще одни критерии, которыми руководствуются суды, в том числе при разрешении вопросов о принятии обеспечительных мер [8].

Обращаясь к судебной практике по данному вопросу, следует обратить внимание на дело о несостоятельности (банкротстве) ПАО «Тайм Банк» [9]. В рамках данного дела, ГК «АСВ», выступающее в роли конкурсного управляющего, обратилось в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства и иное имущество в отношении восьми лиц в пределах, предъявленных к ним требований о привлечении к субсидиарной ответственности на сумму 589 101 000 рублей.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано. Апелляционная оставила без изменений определение суда первой инстанции. Кассационная инстанция поддержала выводы судов нижестоящих инстанций и оставила без изменений судебные акты.

Не согласившись с данными актами, ГК «АСВ» обратилось в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой с требованием отменить акты нижестоящих судов и удовлетворить заявление о принятии обеспечительных мер.

Определением Верховного Суда РФ, акты нижестоящих судов были отменены, заявление ГК «АСВ» было удовлетворено в части, наложены обеспечительные меры в размере 480 миллионов рублей.

Вышестоящая инстанция, принимая такое решение, указала, что определение о привлечении к субсидиарной ответственности, по своей природе является судебным актом, вынесенным в пользу кредитора. Такой принятый акт, сам по себе, не может привести к фактическому восстановлению нарушенного права, а судебная защита может быть эффективна только при обеспечении гарантий кредиторам, в том числе таких как обеспечительные меры, которые и реализуют принцип справедливости в отношении кредитов. Далее судебная коллегия обратила внимание на размер заявленных мер, которые были выше разницы между размером требований, предъявленных к банку и оценочной стоимостью имущества банка. Ввиду этого, применяя принцип справедливости и соразмерности, Верховный Суд РФ удовлетворил заявление в меньшем размере.

Таким образом, анализируя данный судебный акт, следует отметить о значимости применения принципа соразмерности и справедливости в каждом вопросе в рамках дела о несостоятельности (банкротстве). Суд всегда должен находить компромисс между реализацией прав субъектов правоотношений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Принцип справедливости имеет колоссальное значение в рамках реализации института несостоятельности. Данный институт, в большей степени, отдан на реализацию судебной дискреции судами при его применении. Законодательная база в данных правоотношениях является минимальной основой, которую в дальнейшем суд будет применять наравне с принципами права, включая принцип справедливости. Указанный принцип, по своей природе, скрыт за каждым принимаемым судебным актом. От судов требуется тонкое применение справедливости, для баланса между восстановлением прав кредиторов и не нарушением прав привлекаемых к ответственности лиц.

По нашему мнению, ввиду невозможности полного исключения субъективной оценки судебной власти тех или иных правоотношений, требуется законодательное закрепление четких границ применения принципа справедливости при реализации судами судебной дискреции.

Литература

1. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. - 456 с.

2. Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С. и др.; отв. ред. Карапетов А.Г. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1 - 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Москва: М-Логос. - 2020. - 1469 с.

3. Ковалев К.С. Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. - 2024. - № 1. - С. 84 - 89.

4. Шиткина И.С. Межотраслевая унификация понятий, обозначающих экономическую зависимость, вовсе не обязательна // Вестник Арбитражного суда Московского округа. - 2016. - № 4 - С. 6 - 20.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.06.2025).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2024 г. № 305-ЭС18-19945(20) по делу № А40-196703/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.06.2025).

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2022 г. № 305-ЭС17-12877(6) по делу № А40-252156/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.06.2025).

8. Абдулкадиров Т. Судебная дискреция по вопросам о субсидиарной ответственности нуждается в ограничении? // Вестник арбитражной практики. - 2021. - № 3. - С. 52 - 59.

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 305-ЭС19-16954 по делу № А40-168999/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.06.2025).

The Significance of the Principle of Fairness in Cases Involving Subsidiary Liability of Persons Controlling a Debtor (Credit Institution)

Tkachenko A.P.

This article examines the role of the principle of fairness in cases involving the imposition of subsidiary liability on persons controlling a debtor (credit institution). The author analyses philosophical and legal interpretations of fairness, emphasizing its dual nature as both a subjective-moral category and an objective legal principle. Special attention is given to judicial discretion, which enables courts to flexibly apply legal norms considering specific circumstances but simultaneously creates risks to legal certainty. Through case studies of credit institution bankruptcies (e.g., AKB "Finprombank," AO "Russtroibank," PAO "Time Bank"), the article demonstrates how courts interpret fairness when determining the scope of liability, choosing between subsidiary liability and damages, and imposing interim measures. The absence of legislative criteria for fairness is criticized as leading to inconsistent judicial practice. In conclusion, the author proposes legislative codification of boundaries for judicial discretion to balance creditor protection with the rights of controlling persons.

Keywords: principle of fairness, subsidiary liability; bankruptcy of credit institutions; persons controlling the debtor; judicial discretion, proportionality of liability, creditor rights restoration.

References

1. Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. - Moscow: Statut, 2014. - 456 p.
2. Asoskov A.V., Baybak V.V., Bevzenko R.S. et al.; ed. by Karapetov A.G. Fundamental Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Moscow: M-Logos. - 2020. - 1469 p.
3. Kovalev K.S. Judicial Discretion and the Principle of Good Faith in Civil Law. Practice of Arbitration Courts // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. - 2024. - No. 1. - P. 84-89.
4. Shitkina I.S. Cross-Branch Unification of Concepts Denoting Economic Dependence Is Not at All Mandatory // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. - 2016. - No. 4. - P. 6-20.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of 21.12.2017 "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: http://base.consultant.ru (accessed: 30.06.2025).
6. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18-19945(20) of 14.08.2024 in Case No. A40-196703/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: http://base.consultant.ru (accessed: 30.06.2025).
7. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17-12877(6) of 18.08.2022 in Case No. A40-252156/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: http://base.consultant.ru (accessed: 30.06.2025).
8. Abdulkadirov T. Does Judicial Discretion on Issues of Subsidiary Liability Need Limitation? // Bulletin of Arbitration Practice. - 2021. - No. 3. - P. 52-59.
9. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES19-16954 of 16.01.2020 in Case No. A40-168999/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: http://base.consultant.ru (accessed: 30.06.2025).

Совершенствование административно-правовых аспектов аренды государственного имущества

Фирсов Максим Валерьевич
заместитель директора по управлению федеральным имуществом, ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», marshall85@yandex.ru

Данная статья посвящена исследованию правовых аспектов процесса исполнения Росимуществом государственной функции по согласованию от имени Российской Федерации сделок по аренде государственного имущества. Актуальность проблем, рассмотренных в статье, обусловлена существенно возросшими требованиями к качеству государственного управления, его соответствия современным юридическим и экономическим тенденциям, запросам общества на открытость власти и цифровизацию государственных услуг. На основании проведенного анализа в статье представлено юридическое обоснование необходимости правового совершенствования нормативных актов, регулирующих административные процессы совершения сделок по аренде публичного имущества. Сформулированы конкретные предложения по повышению экономической эффективности и снижения коррупционных рисков.
Ключевые слова: Росимущество, государственное имущество, аренда, независимая оценка, публичные торги, пролонгация, электронная торговая площадка.

Введение

Одной из функций публичного управления, возложенных на уполномоченные органы исполнительной власти и местного самоуправления в сфере распоряжения имуществом казны Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, равно как публичным имуществом, закрепленным на праве оперативного управления и хозяйственного ведения за государственными и муниципальными учреждениями и предприятиями (правообладатели), является функция по согласованию сделок по аренде такого имущества.

В разрезе источников неналоговых поступлений в бюджеты всех уровней бюджетной системы доходы от аренды государственного и муниципального имущества являются одной из превалирующих величин. Стабильность и систематичность перечисления платежей за пользование арендованным имуществом – один из ключевых критериев оценки эффективного и рационального распоряжения публичным имуществом [1].

Независимо от формы собственности: государственная или частная, - если имущество не приносит доход, значит оно приносит убыток. Так как государственные правообладатели не освобождены от уплаты налогов ни на имущество, ни на землю, обязаны оплачивать затраты на текущий и капитальный ремонт, коммунальные платежи, страхование имущества, то каждый день невовлеченности объекта недвижимости в хозяйственный оборот легко исчисляется в реальных цифрах убытка и недополученной прибыли.

В этой связи юридическая грамотность и гарантированная непрерывность административных процедур по своевременному заключению договоров аренды (в том числе на новый срок) являются залогом экономической эффективности исполнения управленческих функций [2].

Правовые предпосылки

От имени Российской Федерации правом распоряжаться и согласовывать сделки по аренде федерального имущества наделены три федеральных органа исполнительной власти: Росимущество, Минобороны России, Управделами Президента Российской Федерации. При этом основной объем федерального имущества находится именно в ведении Росимущества и его территориальных органов [3].

Стоит сразу оговориться, что в отношении имущества казны Российской Федерации Росимущество самостоятельно принимает решения о совершении сделок по передаче его в аренду, не вовлекая в принятие таких решений иные государственные органы. А вот при согласовании сделок по пере-

даче федерального имущества в аренду, продлению действующих договоров аренды, заключенных правообладателями публичного имущества с арендаторами, включаются совсем иные административные и, к сожалению, нормативно неурегулированные и порою избыточные бюрократические механизмы.

В развитие положений Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающих обязанность публичных правообладателей, получать согласие собственника на совершение сделок по передаче имущества в аренду, Правительством Российской Федерации был принят ряд постановлений, кратко раскрывающих последовательность процессуальных действий правообладателя при подготовке к сделке [4,5].

Если правообладатель не является федеральным органом исполнительной власти, то указанные нормативные правовые акты также устанавливают для него необходимость получения предварительного одобрения сделки по передаче имущества в аренду своим учредителем (органом государственной власти, наделенным этой функцией в отношении правообладателя).

Если на этом этапе прохождения административной процедуры на уровне федеральных министерств, служб и агентств приняты ведомственные нормативные акты, подробно регламентирующие порядок получения согласия учредителя, состав и требования к комплекту документов, то дальнейшее административно-правовое регулирование процесса согласования публичным правообладателям сделок по аренде федерального имущества Росимуществом и его территориальными органами отсутствует. Ведомственных приказов или регламентов Росимущества в данной сфере не существует, а административное регулирование порядка предоставления государственной функции опирается лишь на официальные письма госоргана.

Данное обстоятельство является негативным фактором, влекущим за собой как риски принятия субъективных решений должностными лицами Росимущества и его территориальных органов, так и возникновение правового вакуума в процедурных моментах, подробно не раскрытых в вышестоящих руководящих нормативных правовых актах.

С позиции антикоррупционного законодательства России такое правовое положение влечет возникновение целого ряда коррупциогенных факторов, устанавливающих необоснованно широкие пределы усмотрения: широта дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле «вправе»; выборочное изменение объема прав и другие.

Что, в свою очередь, приводит к значительному количеству отрицательных решений по согласованию сделок по аренде имущества, которые становятся предметом дальнейших административных и судебных разбирательств.

Все административные действия, выполняемые должностными лицами Росимущества в части согласования сделок по аренде федерального имущества, можно поделить на три основные группы:

1. Согласование государственным учреждениям и предприятиям в составе комплекта документов аукционной (конкурсной) документации и проектов договоров аренды, заключаемых без проведения торгов.

2. Согласование государственным учреждениям и предприятиям дополнительных соглашений о пролонгации договоров аренды с истекающим сроком действия.

3. Согласование государственным учреждениям и предприятиям сделки и проекта договора по передаче имуществ в безвозмездное пользование.

При этом равным счетом при их прохождении каждой из перечисленных административных процедур возникают сбои, носящие как субъективный, так и системный характер.

Ввиду отсутствия отдельного регламента государственной функции, устанавливающего порядок и сроки согласования сделок по аренде (передаче в безвозмездное пользование) федерального имущества правообладателям, самой распространённой проблемой является соблюдение сроков рассмотрения комплекта документов.

Учитывая отсутствие административного статуса процедуры согласования сделки, комплект документов фактически рассматривается как обычное обращение, в порядке, установленном законодательством о рассмотрении обращений граждан.

Для ряда своих территориальных органов Росимущество дало поручение об обязательном предварительном согласовании рассматриваемого комплекта документов по аренде федерального имущества с центральным аппаратом, а при согласовании сделок по безвозмездному пользованию – данное требование обязательно во всех случаях.

В результате срок рассмотрения комплектов документов существенно выходит за пределы тридцати дней, установленных законом и постановлениями Правительства Российской Федерации [4,5].

При этом для правообладателя, обратившегося за согласованием сделки, возникает ряд негативных последствий.

Наиболее распространенной проблемой для всех правообладателей в условиях нерегламентированных и зачастую непредсказуемых сроков рассмотрения и согласования пакета документов по аренде государственного имущества является истечение срока действия отчета об оценке рыночной стоимости ставки арендной платы.

Законом об оценочной деятельности в Российской Федерации предусмотрено, что любая сделка с государственным и муниципальным имуществом, независимо от её формы, подлежит обязательной оценке независимым экспертом, результат которой оформляется отчетом об оценке рыночной стоимости [6].

Срок, в течении которого могут быть применены результаты оценки, составляет шесть месяцев. Юридическим фактом применения рыночной стоимости является момент её опубликования в качестве первоначальной стоимости при проведении торгов на право заключения договора аренды, либо

подписании договора аренды (без проведения процедуры публичных торгов).

В случае, если рассмотрение комплекта документов превысило установленный законом срок, отчет об оценке рыночной стоимости федерального имущества не может быть применен для проведения аукциона или конкурса на право заключения договора аренды.

Еще одним интересным юридическим фактом является осуществление Росимуществом и его территориальными органами экспертизы отчета об оценке рыночной стоимости. Эта функция выполняется отдельно от рассмотрения комплекта документов, направленных правообладателем.

Самым интересным при этом является тот факт, что такая экспертиза юридически прямо не предусмотрена ни ФЗ-135 «Об оценочной деятельности», ни положением о Росимуществе. Однако это не просто общепринятая практика, для выполнения данной функции в Росимуществе и его территориальных органах созданы специальные структурные подразделения.

К оценщику ФЗ-135 «Об оценочной деятельности» предъявляет целый перечень требований, начиная от наличия специального образования, страхования персональной ответственности, членства в саморегулируемой организации и внесении взносов в компенсационный фонд, заканчивая уголовной ответственностью за умышленные искажения результатов независимой оценки. При этом к работникам Росимущества, осуществляющим проведение экспертизы отчетов об оценке не предъявляется требований о наличии даже профессионального образования в сфере оценки или наличия опыта оценочной деятельности.

Отсутствие какого-либо административно-правового регулирования данной функции Росимущества является явным и объективным риск образующим фактором при принятии должностными лицами ведомства решений в независимости от того, является оно отрицательным или положительным. В любом случае решение, принимаемое неквалифицированным должностным лицом в ненормативном порядке, фактически может быть оценено с позиции права как субъективное.

Следующей часто встречающейся в имущественной практике проблемой является ситуация, когда правообладатель/арендодатель заблаговременно обращается в органы Росимущества за согласованием продления договора аренды, срок которого подходит к завершению.

Отсутствие административного регламента оказания данной государственной услугу в совокупности с нарушением сроков рассмотрения комплекта документов в порядке обращения или их затягивания путем запроса дополнительных сведений и документов, позволяет должностному лицу Росимущества принимать решение об отказе в согласовании продления договора аренды в связи с окончанием срока его действия.

Данная ситуация влечет за собой крайне негативные экономические последствия как для правообладателя/арендодателя, так и для арендатора федерального имущества, один несет убытки по внебюджетным источникам, второй – вообще вынужден прерывать производственно-хозяйственную деятельность [7].

Отдать должное, в данной ситуации на защиту правообладателей и арендаторов публичного имущества встали ФАС России: арендодатель может отказать арендатору в заключении договора аренды на новый срок только при наличии у него задолженности на момент окончания договора аренды или принятия решения, предусматривающего иной порядок распоряжения таким имуществом [8].

При анализе решений по разбору аналогичных споров сформирована подтверждённая практикой позиция, что отказ Росимущества и его территориальных органов в согласовании продления договора аренды в связи с истечением его срока действия в период согласования ими, является незаконным [9].

Также в защиту правообладателей/арендодателей Правительство Российской Федерации предусмотрело правовую норму, позволяющую совершать сделку по заключению, либо продлению договора аренды в случае, если в установленный тридцатидневный срок с момента размещения комплекта документов на МВ-портале Росимущество не согласовало совершение сделки, но и не разместило мотивированный отказ [4].

Однако, впоследствии, складывается казуистическая с точки зрения права ситуация. Арендатор после заключения договора аренды подает его в Росреестр для отражения сведений об аренде в ЕГРН. Регистратор Росреестра, видя неполный комплект документов (отсутствие согласия Росимущества), направляет запрос в Росимущество с постановкой прямого вопроса: «согласовано или не согласовано совершение сделки». На что получает вполне честный ответ: «не согласовывало». В результате арендатор получает отказ в регистрационных действиях, а восстановление юридической справедливости ложится на плечи суда [10].

Заключение

Отсутствие регламентов оказания государственной услуги в такой важной отрасли государственного управления как управление федеральным имуществом является не просто фактором, препятствующим экономически здоровому хозяйствованию, но и коррупционноёмким фактором, дискредитирующим как органы Росимущества в частности, так и публичную власть в целом.

Статистика, представленная на официальных электронных порталах Росимущества, ФАС России, судебных инстанций, к сожалению, подтверждает негативные последствия недостаточного административно-правового регулирования государственной функции по согласованию сделок по аренде государственного имущества. Провести экономический анализ понесенных публичными правообладателями убытков и понесенного ущерба не представляется возможным

На сегодняшний день одной из приоритетных задач, стоящих перед Правительством Российской

Федерации и Минфином России, является внедрение цифровых технологий в секторе государственного управления. В этом свете разработка регламента осуществления государственной функции по согласованию сделок по аренде публичного имущества с одновременной интеграцией в цифровые сервисы Росимущества не только решит проблему правового регулирования, но и обеспечит законность, прозрачность, удобство и непрерывность процессов хозяйствования публичным имуществом.

Такой шаг позволит в автоматизированном режиме делать аналитические срезы по доходам, получаемым от аренды имущества, сопоставлять их с затратами на его содержание, проверять соответствие целевого назначения имущества предметам договоров аренды. В дальнейшем выстраивание алгоритмов, верификация информационных систем Росимущества и их адаптация с внешними цифровыми ресурсами в совокупности с применением технологий искусственного интеллекта может вообще исключить участие работников из процессов согласования сделок, проведения публичных торгов и оценки имущества.

Административно-правовое регулирование Росимуществом функции по согласованию сделок по аренде государственного имущества обеспечит экономическую эффективность, прозрачность и понятность публичных процедур, существенно снизит коррупционные риски.

Существующий положительный и широкий правовой опыт публичных органов государственной власти и местного самоуправления в сфере управления государственным и муниципальным имуществом может быть использован в качестве базовой юридической модели при подготовке регламента осуществления государственной функции Росимуществом по согласованию сделок по аренде. В качестве наиболее юридически совершенных и понятных с точки зрения руководства заинтересованными лицами можно рассмотреть, например, регламент Департамента городского имущества города Москвы.

Установление четких и ясных правил «игры» значительно упрощает принятие решений должностными лицами, обеспечивающими подготовку и издание распорядительных актов, нивелирует необходимость самостоятельного трактования правовых норм, исключает возможность принятия субъективных решений и совершения профессиональных ошибок, влекущих негативные экономические и юридические последствия.

Литература

1. Максуров, А. А. Преимущественное право арендатора публичной собственности: особенности реализации / А. А. Максуров // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 1 (45). – С. 62–70. – DOI: 10.21777/2587-9472-2025-1-62-70.

2. Манжула, В. Г. Совершенствование правового регулирования аренды государственного и муниципального имущества / В. Г. Манжула, Е. В. Манжула // Молодой учёный. – 2018. – № 5 (71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-arendy-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-imuschestva .

3. О продлении договора аренды государственного (муниципального) имущества : разъяснения ФАС России // Официальный сайт ФАС России. – URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 01.10.2019).

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» : // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 1.

5. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 739 (ред. от 29.07.2020) «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти по осуществлению прав собственника имущества федерального государственного унитарного предприятия» // Российская газета. – 2004. – № 275.

6. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» // Официальный сайт Росимущества. – URL: https://rosim.gov.ru/documents/1566.

7. Постановление Правительства РФ от 26.07.2010 № 537 «О порядке осуществления федеральными органами исполнительной власти функций и полномочий учредителя федерального государственного учреждения» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4236.

8. Семухин, И. Ю. Роль неналоговых доходов от использования имущества государственной и муниципальной собственности / И. Ю. Семухин, В. А. Папуш // Colloquium-journal. – 2020. – № 8 (60). – С. 164–167. – DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11568.

9. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12735

10.Шушкова, А. Д. Государственная регистрация договора аренды недвижимости и правовые последствия её неосуществления / А. Д. Шушкова // E-Scio. – 2021. – № 5 (56). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-registratsiya-dogovora-arendy-nedvizhimosti-i-pravovye-posledstviya-eyo-neosuschestvleniya

Improving the administrative and legal aspects of leasing state property

Firsov M.V.
National Research Center Kurchatov Institute

This article is devoted to the study of the legal aspects of the process of execution by the Federal Property Management Agency of the state function of approving state property lease transactions on behalf of the Russian Federation. The relevance of the problems discussed in the article is due to significantly increased requirements for the quality of public administration, their compliance with modern legal and economic trends, public demands for openness of government and digitalization of public services. Based on the analysis carried out, the article presents a legal justification for the need for legal improvement of regulations governing the administrative processes of public property lease transactions. Specific proposals have been formulated to improve economic efficiency and reduce corruption risks.

Keywords: Federal Property Management Agency, state property, lease, independent assessment, public auction, prolongation, electronic trading platform

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of December 3, 2004 No. 739 (as amended on July 29, 2020) «On the Powers of Federal Executive Bodies to Exercise the Rights of the Owner of the Property of a Federal State Unitary Enterprise» // Russian newspaper. – 2004. – No. 275.

2. Decree of the Government of the Russian Federation of June 5, 2008 No. 432 «On the Federal Agency for State Property Management» // Official website of Rosim. – URL: https://rosim.gov.ru/documents/1566 .
3. Decree of the Government of the Russian Federation of July 26, 2010 No. 537 «On the Procedure for Federal Executive Bodies to Exercise the Functions and Powers of the Founder of a Federal State Institution» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 31. – Art. 4236.
4. Federal Law of July 29, 1998 No. 135-FZ «On Valuation Activities in the Russian Federation» // Official website of the President of the Russian Federation. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12735 .
5. Maksurov, A. A. Preferential Rights of a Public Property Lessee: Features of Implementation // Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal Sciences. – 2025. – No. 1 (45). – Pp. 62–70. – DOI: 10.21777/2587-9472-2025-1-62-70.
6. Manzhula, V. G., Manzhula, E. V. Improvement of Legal Regulation of State and Municipal Property Leasing // Young Scientist. – 2018. – No. 5 (71). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-arendy-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-imuschestva.
7. On Extending the Lease Agreement for State (Municipal) Property: Clarifications of the FAS Russia // Official website of the FAS Russia. – URL: https://fas.gov.ru/ (accessed: 01.10.2019).
8. Resolution of the Plenum of the SAC of the Russian Federation of November 17, 2011 No. 73 (as amended on December 25, 2013) «On Certain Issues of the Practice of Applying the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on Lease Agreements» // Bulletin of the SAC of the Russian Federation. – 2012. – No. 1.
9. Semukhin, I. Yu., Papush, V. A. The Role of Non-Tax Revenues from the Use of State and Municipal Property Assets // Colloquium-journal. – 2020. – No. 8 (60). – Pp. 164–167. – DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11568.
10. Shushkova, A. D. State Registration of Real Estate Lease Agreements and Legal Consequences of Its Non-Implementation // E-Scio. – 2021. – No. 5 (56). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-registratsiya-dogovora-arendy-nedvizhimosti-i-pravovye-posledstviya-eyo-neosuschestvleniya.

Общая характеристика международных расчетных и платежных правоотношений в контексте развития инновационных финансовых технологий (Fintech)

Болдашова Анна Алексеевна
независимый исследователь, boldashovaa@gmail.com

В настоящей статье представлена сравнительная характеристика трансграничных расчетных и платежных отношений. Особое внимание автором обращено на необходимость переосмысления указанных категорий с учетом развития технологий оказания финансовых услуг (fintech) и появления инновационных механизмов осуществления платежей. В статье выдвигается тезис о появлении в настоящее время наравне с наличной и безналичной формами платежей третьей формы – электронной. В подтверждение данного тезиса автором представлен анализ последних изменений российского законодательства в сфере регулирования национальной платежной системы, а также анализ особенностей осуществления платежей с использованием электронных денежных средств.
Помимо прочего, в настоящей статье приведены основные отличительные особенности международных расчетных и платежных правоотношений. Также особое внимание в статье уделено трансграничному характеру указанных видов отношений. В результате проведенного исследования автором сделан вывод о том, что на осложнение расчета иностранным элементом влияет исключительно привлечение для его осуществления иностранного посредника (например, банка), но не местонахождение сторон основного денежного обязательства. На основании выявленных особенностей и современных тенденций в статье сформулировано авторское определение международных расчетных отношений.
Ключевые слова: международные расчеты, международные расчетные отношения, иностранный элемент, средства платежа, форма платежа, электронные денежные средства, цифровой рубль, криптовалюта.

Особое место в системе международных экономических отношений занимают трансграничные денежные обязательства. При этом на практике и в доктрине центральной проблемой выступает вопрос исполнения таких обязательств. От эффективности разрешения данной проблемы напрямую зависит развитие международного товарно-денежного оборота. В силу совершенствования международной торговой практики, а также информационных технологий с течением времени появляются новые и видоизменяются существующие инструменты и способы исполнения трансграничных денежных обязательств, что безусловно влияет на структуру и особенности международных расчетных и платежных отношений.

Традиционно в юридической литературе под международным денежным отношением понимают отношение, возникающее между должником и кредитором, предметом которого является обязательство по уплате определенной суммы, выраженной в конкретной денежной единице [12, с. 14]. В свою очередь, исполнение международного денежного обязательства представляет собой осуществление платежа, а именно совершение ряда юридически значимых действий по передаче должником денежной суммы и получению ее кредитором [5, с. 325]. Иными словами, платеж представляет собой конечный результат, направленный на прекращение денежного обязательства [10, с. 252]. При этом исполнение денежного обязательства может осуществляться в различной форме и с использованием разных платежных средств и инструментов.

Согласно статье 29 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон «О Центральном банке РФ») единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации являются банкноты (банковские билеты) и монета Банка России [2]. Исходя из толкования данной нормы, можно сделать вывод о существовании двух форм платежа: наличной и безналичной. Первая форма осуществления платежа отличается главным образом использованием наличных денег в виде банкнот и монет Банка России.

Однако в рамках международного торгового оборота деньги в наличной форме нечасто используются для выполнения платежной функции по той причине, что реализация передачи наличных денег от одного субъекта отношений к другому, которые зачастую находятся на территории различных государств, крайне проблематична. По этой причине большей популярностью в трансграничных отношениях пользуется безналичная форма платежа.

Более того, в связи с существованием потребности участников рынка в увеличении скорости и экономичности исполнения трансграничных денежных обязательств формы и средства платежа постоянно совершенствуются. Так, в условиях развития технологий оказания финансовых услуг и цифровизации международных платежных отношений нельзя отрицать постепенное формирование третьей формы осуществления платежей – электронной. Совершение платежей в электронной форме главным образом характеризуется использованием особых объектов гражданского оборота, принимаемых кредитором в качестве средства платежа. Например, к таким платежным средствам в электронной форме можно отнести электронные денежные средства.

Формирование новой формы платежа также может подтверждаться законодательным закреплением цифрового рубля как законного средства платежа в ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), а также закреплением таких понятий, как «электронные денежные средства» и «электронное средство платежа» в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [3] (далее – Закон «О национальной платежной системе»). Более того, 1 сентября 2024 года вступили в силу изменения в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее – Закон «О цифровых финансовых активах»), согласно которым положено начало формирования правовой основы использования криптовалюты в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам) (ч. 11 ст. 4 Закона «О цифровых финансовых активах»).

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что под международными платежными отношениями следует понимать отношения, осложненные иностранным элементом, возникающие по поводу исполнения денежного обязательства и направленные на передачу должником кредитору денежной стоимости путем передачи наличных денег, безналичного перечисления денежных средств либо *путем использования иного средства платежа в электронной форме*.

При этом международные платежные отношения следует отличать от международных расчетных отношений. Об отсутствии тождества между понятиями «платеж» и «расчет» также свидетельствует и ст. 140 ГК РФ. Согласно абзацу 2 пункта 1 указанной статьи платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями.

Согласно распространенной в правовой доктрине позиции расчет представляет собой разновидность платежа [14, с. 107], а именно совокупность действий, направленных на погашение денежного обязательства его исполнением [8]. Российское законодательство (ст. 861 ГК РФ) выделяет два самостоятельных вида расчетных сделок: наличные и безналичные (в том числе расчеты с использованием цифрового рубля или электронных денежных средств).

При осуществлении безналичной расчетной сделки возникает более сложная система отношений, которая включает в себя не только отношения между сторонами денежного обязательства (должником и кредитором), но и отношения, возникающие между указанными сторонами денежного обязательства и их обслуживающими банками, а также корреспондентские отношения обслуживающих банков и иных банков, участие которых необходимо для осуществления безналичного перевода денежных средств.

Примечательной является позиция российского цивилиста В.В. Витрянского, согласно которой расчеты с использованием наличных денежных средств не порождают особых отношений и сводятся исключительно к действиям сторон денежного обязательства по его исполнению [7, с. 417]. Исходя из этого утверждения, можно сделать вывод о том, что отношения, возникающие при исполнении денежного обязательства посредством наличного расчета, содержательно ничем не отличаются от тех же платежных отношений. По этой причине В. В. Витрянский в качестве особого вида отношений выделяет лишь расчетные отношения, возникающие исключительно при исполнении денежного обязательства путем перечисления безналичных денежных средств с одного расчетного счета на другой посредством привлечения посредников (например, банка или иной кредитной организации). В. А. Белов также выделяет в качестве одной из определяющих характеристик безналичных расчетных отношений вовлечение в их структуру третьих лиц – банков, обеспечивающих безналичный перевод денежных средств [6, с. 313]. Таким образом, важным отличием расчетных отношений является усложнение структуры таких отношений и привлечение специальных субъектов, наделенных государством правом на осуществление переводов денежных средств.

При этом для осуществления перевода посредник прежде всего должен получить соответствующее распоряжение, содержащее информацию о платеже. Передача такой информации осуществляется посредством использования платежных инструментов. Так как при осуществлении платежа наличными деньгами момент исполнения денежного обязательства совпадает с моментом передачи денег (инициирование и фактическое совершение платежа происходят одновременно), потребность в использовании платежных инструментов не возникает [18, с. 120]. Однако когда исполнение денежного обязательства осуществляется путем привлечения посредников, совершение платежа невозможно без использования платежных инструментов, позволяющих передать посредникам информацию о платеже. Иными словами, использование специальных платежных инструментов выступает еще одной характеристикой, отличающей расчетные отношения.

Кроме того, важной отличительной особенностью расчетных отношений, возникающих при безналичном переводе денежных средств, является наличие договора банковского счета (как расчетного, так и корреспондентского счета), который порождает отношения между участниками расчетных сделок. Перечисление безналичных денежных средств невозможно без открытия соответствующих расчетных счетов должника и кредитора, а также существования корреспондентских отношений между банками. В качестве некоторого исключения можно назвать аккредитивную форму безналичных расчетов, при реализации которой должник не всегда имеет с банком-эмитентом договор банковского счета. Однако даже в рамках документарного аккредитива перечисление денежных средств осуществляется на расчетный счет кредитора через корреспондентские счета банков.

При этом названная особенность безналичных расчетных отношений ставит под вопрос возможность отнесения к данной категории отношения, возникающие при исполнении денежного обязательства путем использования инновационных средств платежа в электронной форме, которые зачастую не требуют открытия расчетных счетов. Так, к примеру, статья 3 Закона «О национальной платежной системе», содержащая определение понятий «оператор электронных денежных средств» и «электронные денежные средства», прямо указывает на отсутствие банковского счета как на одни из определяющих признаков осуществления расчетов с использованием ЭДС.

Также для наиболее полного описания правовой природы международного расчетного отношения необходимо затронуть понятие средства платежа, используемого в трансграничных расчетах. Традиционно в качестве основного средства платежа при осуществлении трансграничных расчетов называют денежные средства в безналичной форме. В литературе сложились три основные теории правовой природы безналичных денежных средств: вещно-правовая (Е.С. Демушкина, Д.Е. Потяркин, К.Т. Трофимов), обязательственная (С.В. Сарбаш, Л.А. Новоселова, В.А. Белов и др.) и вещно-обязательственная (Л.Г. Ефимова, З.М. Заменгоф). В рамках настоящего исследования понятие безналичных денежных средств будет использовано в том смысле, который закладывается в данный термин вещно-обязательственной теорией. Согласно указанному подходу безналичные деньги представляют собой некое право требования к банку, однако в силу особенностей такого обязательственного права в некоторых случаях оно подчиняется правовому режиму, характерному вещным правам [9].

По причине активного развития иных объектов гражданского оборота, способных выполнять функцию средства платежа в трансграничных расчетах, важным аспектом, требующим рассмотрения, является вопрос о том, *может ли в качестве средства платежа в рамках безналичных расчетов рассматриваться что-то иное, чем безналичные денежные средства*.

К примеру, в литературе в качестве средств платежа, помимо денежных средств, также называют векселя и чеки [11, с. 269]. Данные документы действительно могут передаваться сторонами при осуществлении трансграничных расчетов, в том числе в форме инкассо или аккредитива. Однако согласно п. 2 ст. 6.1.7 Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА) 1994 г. в случае использования векселя или чека в трансграничных расчетах денежное обязательство считается погашенным исключительно после осуществления платежа по данному документу [15]. Таким образом, использование термина «средство платежа» в отношении чека или векселя не совсем корректно, так как указанные документы не наделены способностью погашать денежное обязательство.

Кроме того, неоднозначным остается ответ на вопрос о том, могут ли электронные средства платежа быть предметом безналичных расчетов. Согласно российскому законодательству к безналичным расчетам отнесены расчеты цифровыми рублями (ст. 140 ГК РФ), а также расчеты с использованием электронных денежных средств (ст. 7 Закона «О национальной платежной системе»). Иначе определена правовая природа трансграничных расчетов с использованием цифровых финансовых активов. Так, согласно ч. 11 ст. 4 Закона «О цифровых финансовых активах» оплата в форме передачи цифровых активов рассматривается законодателем как встречное предоставление по внешнеторговому контракту, а не форма расчета по сделке. Иными словами, «обеспечение возмездности коммерческой сделки путем встречного представления цифровой валюты ближе по своей правовой природе к конструкции договора мены» [13, с. 123].

В то же время при осуществлении расчетов с использованием указанных средств платежа существуют некоторые особенности, отличающие их от безналичных расчетов. Как уже было указано ранее, зачастую у плательщика отсутствует необходимость открывать расчетный счет для проведения платежа с использованием платежных средств в электронной форме. Более того, при проведении расчетов с использованием электронных средств платежа круг субъектов, которые могут выступать в качестве посредников, намного шире, чем при осуществлении безналичных расчетов. Так, например, И.Ф. Рудерман пишет, что «современные расчеты – это уже далеко не всегда отношения с участием банков, поскольку развитие цифровых технологий приводит к появлению широкого круга провайдеров платежных услуг, а также механизмов осуществления платежей» [16]. Так, к примеру, несмотря на то, что в рамках российского законодательства правом организовывать расчеты с использованием ЭДС наделены исключительно банки и иные кредитные организации [19, с. 127], за рубежом круг субъектов, способных получить разрешение на эмиссию ЭДС, может быть намного шире.

Кроме того, безналичные расчеты могут осуществляться в одной из строго определенных форм (например, банковский перевод, аккредитив, ин-

кассо, расчеты чеками), которые представляют собой особый порядок взаимодействия сторон денежного обязательства и банков, сопровождающийся процедурой обмена платежными и иными документами и осуществлением соответствующих записей по счетам о перечислении безналичных денежных средств. Из данного определения формы безналичного расчета уже следует вывод, что расчеты с использованием тех или иных электронных средств платежа не могут быть подведены ни под одну из существующих форм в силу специфики документооборота и порядка движения денежных средств по счетам в рамках безналичных расчетов.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что трансграничные расчеты, в которых используются средства платежа в электронной форме, в том числе электронные денежные средства, не могут быть отнесены к категории безналичных расчетов, что является основанием для выделения особого вида международных расчетных отношений, которые существенным образом отличаются своей правовой природой. В то же время объединяющим фактором для безналичных расчетов и иных расчетов в электронной форме является обращение к посреднику в виде кредитной организации или иному юридическому лицу, а также использование платежных инструментов, позволяющих передать соответствующему посреднику информацию о совершении платежа.

Особое внимание необходимо уделить трансграничному характеру международных расчетных отношений. Денежные отношения могут быть осложнены иностранным элементом трех видов: субъект, объект и юридический факт [12, с. 12]. Однако следует выдвинуть тезис о том, что трансграничность денежного обязательства не всегда приводит к выходу за пределы одной юрисдикции расчетных отношений, направленных на погашение такого денежного обязательства. К примеру, если по условиям трансграничного договора купли-продажи российское юридическое лицо обязано произвести платеж в пользу иностранного контрагента путем перечисления денежной суммы в безналичной форме со своего счета на счет иностранного лица, открытого в российском банке, возникающие в связи с этим расчетные отношения не будут считаться трансграничными. Таким образом, нахождение субъектов денежного обязательства в различных государствах само по себе не приводит к осложнению расчетных отношений иностранным элементом.

Согласно позиции профессора В.А. Канашевского, расчетные отношения приобретают трансграничный характер в случае, когда платеж должен быть осуществлен «за границу» [11, с. 267]. Следует предположить, что осуществление платежа за границу имеет место в случае нахождения поставщиков платежных услуг плательщика и получателя в разных государствах. Такой подход к пониманию международного характера расчетных отношений соответствует и зарубежному опыту [16].

Кроме того, необходимо принять во внимание позицию И. Ф. Рудерман, согласно которой структура трансграничного расчета включает в себя два уровня. Первый уровень охватывает отношения, возникающие между поставщиками платежных услуг (например, банк или иная кредитная организация) и их клиентами. Второй уровень включает в себя отношения, возникающие между поставщиками платежных услуг и направленные на осуществление трансграничного расчета [17, с. 11]. Исходя из этого, следует выдвинуть тезис о том, что расчет будет приобретать трансграничный характер в том случае, если второй уровень расчетных отношений осложнен иностранным элементом.

Таким образом, ***международные расчетные отношения*** – это отношения, возникающие в связи с исполнением трансграничного денежного обязательства путем осуществления платежа за рубеж посредством привлечения посредников – поставщиков платежных услуг, находящихся на территории различных государств. Международные расчетные отношения не могут быть сведены исключительно к отношениям, возникающим при осуществлении трансграничных безналичных расчетов, которые предполагают использование в качестве средства платежа исключительно денежные средства в безналичной форме.

В результате активного процесса цифровизации и развития технологий международные платежные и расчетные отношения диверсифицируются в зависимости от используемых платежных средств и инструментов. В том числе большую популярность приобретают электронные денежные средства, активно используемые в качестве платежных средств в трансграничных расчетах. Указанная тенденция сигнализирует о необходимости переосмысления категории расчетных отношений, которые на данный момент по большей мере рассматриваются через призму безналичных расчетов. Кроме того, уточнение понятия международных расчетных отношений, а также переход платежных средств и инструментов в электронную форму должны учитываться в том числе и законодателем в целях совершенствования правового регулирования трансграничных расчетов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС Консультант Плюс.

3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС Консультант Плюс.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

5. Алексеева Д. Г., Ефимова Л. Г. Банковское право: учебник / под. ред. Д.Г. Алексеевой, Л.Г. Ефимовой. 3-е изд. М.: Проспект, 2021. 624 с.

6. Белов В. А. Банковское право России: теория, законодательство, практика: юридические очерки.

М.: ЮрИнфоР, 2000. 395 с.

7. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая: в 2 т. Т. 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. М., 2006. 623 с.

8. Ерпылева Н. Ю. Международное банковское право: теория и практика применения. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 671 с.

9. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. СПС Консультант Плюс.

10.Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки: учебник для магистратуры. М.: Проспект, 2023. 671 с.

11.Канашевский В. А. Международные сделки: правовое регулирование: монография. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2019. 704 с.

12.Кутузов И. М., Пузырева Е. Н. Международные денежные расчеты: учебное пособие для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: https://znanium.com/catalog/product/1324179 (дата обращения: 01.06.2025).

13.Кутузов И. М. О ценностном содержании международного договорного денежного обязательства в условиях цифровизации платежных средств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. №9. С. 118–127.

14.Мансуров Г. З. Международные расчетные сделки: международно-правовое и национальное регулирование. [Текст]: дис. д. ю. н.: 12.00.03; 12.00.10 / Мансуров Гафур Закирович. Санкт-Петербургский государственный университет., 2012. 372 с.

15.Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА в редакции 2016 года). [Электронный ресурс]. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

16.Рудерман И. Ф. Трансграничные розничные расчеты с участием российских лиц: юридические аспекты // Законодательство. 2020. № 8. С. 32–40.

17.Рудерман И. Ф. Трансграничные розничные расчеты: особенности правового регулирования и перспективы создания международных платежных систем [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 5.1.3: защищена 02.04.25 / Рудерман Ирина Федоровна. М., 2024. 201 с.

18.Хоменко Е. Г. Понятие платежного инструмента и национального платежного инструмента в российском законодательстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. №2 (18). С. 119–126.

19.Хоменко Е. Г. Платежные системы как элементы национальной платежной системы России и их классификация // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. №1 (29). С. 122–134.

General characteristics of international settlement and payment legal relations in the context of the development of innovative financial technologies (Fintech)

Boldashova A.A.

This article presents a comparative description of cross-border settlement and payment relations. The author pays special attention to the need to rethink these categories taking into account the development of financial services technologies (fintech) and the emergence of innovative payment mechanisms. The article puts forward the thesis about the emergence of a third form of payment, electronic, along with cash and non-cash. In support of this thesis, the author presents an analysis of the latest changes in Russian legislation in the sphere of regulation of the national payment system, as well as an analysis of the features of payments using electronic money.

Furthermore, this article presents the main distinctive features of international settlement and payment legal relations. Also, special attention is paid to the cross-border nature of the specified types of relations. As a result of the conducted research, the author concluded that the complication of the settlement by a foreign element is influenced exclusively by the involvement of a foreign intermediary (for example, a bank) for its implementation, but not by the location of the parties to the main monetary obligation. Based on the identified features and modern trends, the author's definition of international settlement relations is formulated in the article.

Keywords: international settlements, international settlement relations, foreign element, means of payment, form of payment, electronic money, digital ruble, cryptocurrency.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ // SPS Consultant Plus.
2. Federal Law of July 10, 2002 No. 86-FZ «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» // SPS Consultant Plus.
3. Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ «On the National Payment System» // SPS Consultant Plus.
4. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // SPS Consultant Plus.
5. Alekseeva D.G., Efimova L.G. Banking law: textbook / edited by D.G. Alekseeva, L.G. Efimova. 3rd ed. Moscow: Prospect, 2021. 325 p.
6. Belov V.A. Banking law of Russia: theory, legislation, practice: legal essays. Moscow: YurInfoR, 2000. 313 p.
7. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book five: in 2 volumes. Volume 2: Agreements on a bank deposit, bank account; banking settlements. Competition, agreements on games and bets. M., 2006. P. 416–417.
8. Erpyleva N. Yu. International Banking Law: Theory and Practice of Application. M.: National Research University Higher School of Economics, 2012. 261 p.
9. Efimova L. G. On the Legal Nature of Non-cash Money, Digital Currency, and the Digital Ruble // Civil Law. 2022. No. 4. SPS Consultant Plus.
10. Efimova L. G. Monetary Obligations and Financial Transactions: A Textbook for Master's Degree. M.: Prospect, 2023. 252 p.
11. Kanashevsky V. A. International Transactions: Legal Regulation: A Monograph. 2nd ed. M.: International Relations, 2019. 269 p.
12. Kutuzov I. M., Puzyreva E. N. International monetary settlements: a tutorial for master's degree programs. M.: Norma: INFRA-M, 2021. P. 12. [Electronic resource]. URL: https://znanium.com/catalog/product/1324179 (accessed: 01.06.2025).
13. Kutuzov I. M. On the value content of an international contractual monetary obligation in the context of digitalization of means of payment // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2023. No. 9. 123 p.
14. Mansurov G. Z. International settlement transactions: international legal and national regulation. [Text]: dis. Dr. of Law: 12.00.03; 12.00.10 / Mansurov Gafur Zakirovich. Saint Petersburg State University., 2012. 107 p.
15. Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles as amended in 2016). [Electronic resource]. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf (date accessed: 23.03.2025).
16. Ruderman I.F. Cross-border retail settlements involving Russian persons: legal aspects // Legislation. 2020. No. 8. P. 32–40.
17. Ruderman I. F. Cross-border retail settlements: features of legal regulation and prospects for creating international payment systems [Text]: dis. ... Cand. of Law: 5.1.3: protected 02.04.25 / Ruderman Irina Fedorovna. Moscow, 2024. P. 11–12.
18. Khomenko E. G. The concept of a payment instrument and a national payment instrument in Russian legislation // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2016. No. 2 (18). 120 p.
19. Khomenko E. G. Payment systems as elements of the national payment system of Russia and their classification // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2017. No. 1 (29). P. 122–134.

Анализ глобальных возможностей и проблем международного транспортного коридора Север-Юг в связи с расширением состава членов БРИКС

Галкина Анастасия Сергеевна
независимый исследователь, s.r.galkin@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу ключевых аспектов и перспектив развития торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. В работе исследуется геополитическая значимость Ирана как нового участника объединения БРИКС и его возрастающая роль в региональных и мировых процессах. Подчеркивается, что сотрудничество между Россией и Ираном придает новый импульс процессам транспортной интеграции. Особое внимание уделяется значению Международного транспортного коридора "Север-Юг" (МТК), его развитию в контексте расширения БРИКС и ключевой роли Ирана в данном проекте. Подробно рассматривается проект строительства железнодорожной линии Решт-Астара как важнейшего инфраструктурного звена, призванного существенно укрепить экономическое взаимодействие и нарастить торговый оборот между двумя странами. Обзор основных транспортных коридоров, связывающих страны БРИКС, демонстрирует, как эти маршруты способствуют формированию более тесных и устойчивых экономических связей, в частности, между Россией и Ираном. Автор приходит к выводу о значительных перспективах эффективной транспортной интеграции и рационального использования ресурсов в рамках сотрудничества России и Ирана в формате БРИКС.
Ключевые слова: Российская Федерация, Исламская Республика Иран, Ближний Восток, БРИКС, Север-Юг, Решт-Астара, геополитика, Интеграционные процессы, транспортная система.

Введение

БРИКС является динамично развивающимся межгосударственным объединением, которое в настоящее время включает 10 стран. Первоначально БРИКС включал Бразилию, Российскую Федерацию, Индию, Китай и Южную Африку. Однако 1 января 2024 года Исламская Республика Иран вступила в БРИКС и стала ее полноправным членом наряду с Египтом, ОАЭ и Саудовской Аравии. Заявка на вступление в группу БРИКС была подана Тегераном в июне 2022 года[1].

Вступление шиитского государства отражает тенденцию к усилению интеграционных процессов. В связи со вступлением нового влиятельного государства Ближнего Востока возникли новые возможности в сфере транспортной интеграции для участников объединения.

С начала 2005 года между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран наблюдается активизация отношений. Она имеет сложную динамику, сочетающую элементы сотрудничества и противостояния. Обе страны, обладают значительными ресурсами и стратегическими интересами, стремятся укрепить свои позиции на международной арене. Интенсификация отношений между Россией и Ираном началась лишь после вступления шиитской организации в состав БРИКС.

Географическое положение Российской Федерации и Исламской Республики Иран существенно влияет на динамику интеграционных процессов в БРИКС. Обе страны имеют потенциал формирования новых транспортных коридоров и повышения ключевых показателей эффективности использования ресурсов.

В условиях быстро меняющихся глобальных процессов, российско-иранские отношения нуждаются в текущем анализе и сценарном экономическом прогнозе.

В чем заключается привлекательность Ирана?

Исламская Республика Иран - одно из древнейших государств, обладающее богатой и влияющей на цивилизацию историей. Иран занимает выгодное и стратегически важное геополитическое положение, находясь на стыке таких ключевых регионов как Ближний Восток, Закавказье, а также Центральная и Южная Азии. Исламская Республика Иран является одним из крупнейших государств на Ближнем Востоке, Общая площадь Ирана составляет 1 648 195 кв/км, границы страны остаются неизменными уже более пяти столетий. География Ирана имеет ландшафтное разнообразие. Это определяет особенности страны и ее исторического развития.

Характерная особенность Ирана - горные массивы, которые образуют естественные четыре стены. Загросские горы играют ключевую роль в географии страны, представляя собой протяженную горную систему. На юго-западе они плавно примыкают к Ираку, на севере образуют труднопреодолимую границу с Турцией. Единственный участок западной границы, незащищенный рельефом, перекрыт крупным массивом заболоченных земель в районе слияния рек Тигр и Евфрат. Иранское нагорье-цепь умеренных вершин определяет границы с Афганистаном и Пакистаном. Последнюю стену этой природной крепости образует море. Побережье Ирана, протянувшееся практически на 2 500 км, разделено поровну между Персидским и Оманским заливом. **На северном берегу Ормузского пролива** находится Бендер-Абасс - важнейший порт и военно-морская база Ирана. Бендер-Абасс выполняет функции водной артерии, через которую осуществляется около 20% мировых поставок нефти. Таким образом, Ормузский пролив - главный геополитический рычаг Ирана. Если Тегеран решит воспользоваться им и приостановить поток нефти, мировая экономика подвергнется потрясениям. Это наделяет Иран значительными возможностями в переговорных процессах с зарубежными партнерами. Однако в Оманском заливе нет других портов конкурентоспособных с Бендер-абассом. Это затрудняет развитие товародвижения через залив и увеличение мощностей коридора Север-Юг, включающего этот участок.

Какую роль Иран играет в развитии транспортного коридора «Север-Юг»?

Международный транспортный-коридор Север-Юг определен как опорный и стратегический маршрут для всего сообщества БРИКС. В связи со вступлением Ирана восточная ветвь маршрута стала работать интенсивнее рост.

Географическое положение Ирана играет определяющую роль в развитии трансконтинентальных международных транспортных магистралей. Являясь территорией, соединяющей Каспийское море на севере, Персидский залив на юге и Индийский океан на юго-востоке, Иран выступает точкой пересечения важнейших грузопотоков и связующим звеном между Севером и Югом, Востоком и Западом. Иран является частью транспортного коридора «Север-Юг», что превращает его в значимый узел международной торговли и делает его ключевым участником в международной логистике. Такое стратегическое расположение предоставляет Ирану достаточно существенные преимущества: торговля с соседними странами и более удаленными регионами, диверсификация рынков Ирана, увеличение транзитных доходов, развитие транспортно-логистической инфраструктуры, увеличение объемов инвестиций, совершенствование коммуникаций, создание ареалов для развития местных бизнес-структур, создание крупных логистических и производственных кластеров и др.

Международный транспортный коридор «Север-Юг»- формирующаяся мультимодальная система транспортировки пассажиров и грузов. МТК «Север-Юг» представляет собой новый динамично развивающийся маршрут в сравнении с транспортным коридором «Восток-Запад», охватывающим традиционные маршруты. МТК «Север-Юг», соединяющий страны Северной Европы, Скандинавии и Центральной Азии, имеет потенциал в оптимизации логистических цепочек, а также сокращении времени и стоимости доставки грузов между Европой и Азией примерно на 30%[2]. Иран видит значительные перспективы в реализации такого сложного и многоаспектного проекта как транспортный коридор «Север-Юг» и стремится к его полноценной реализации с целью улучшения экономических показателей страны и снижения внутриполитических рисков, особенно в условиях высокой инфляции и уровня безработицы. Официальные иранские СМИ называют коридор «золотым маршрутом к экономическому процветанию Ирана». Анализ показывает, что Иран обладает значительным потенциалом в области транзита грузов и имеет возможность стать ключевым грузовым транзитным узлом на пути из Европы в Азию. Товары из Центральной Азии и России получат расширенный доступ к портам Ирана. Это будет способствовать оживлению морской торговли в стране, а также интенсивному экономическому развитию регионов, испытывающих серьезные экономические трудности[3]. В результате реализации транспортных проектов Иран сможет обеспечить транзит грузов из Китая в Европу, что позитивно скажется на экономическом развитии регионов. В целом, экономические ожидания Ирана от возможности использования потенциала транспортного коридора «Север-Юг» направлены на укрепление экономической независимости страны.

Как транспортный коридор «Решт-Астара» укрепит экономическое сотрудничество между Россией и Ираном?

17 мая 2023 года в Тегеране было заключено межправительственное соглашение между Россией и Ираном о строительстве железнодорожной линии «Решт-Астара». Маршрут «Решт-Астара»- это часть транспортного коридора «Север-Юг», который включает три основных направления: транскапийское, восточное и западное. В настоящее время недостроенным участком этого коридора остается железнодорожная линия «Решт-Астара». Ее протяженность составляет 162 километра. Новый участок планируется ввести в эксплуатацию в 2027-2028 г.г. Иран закончил строительство первого участка железной дороги «Решт-Астара», которая так необходима для коридора «Север-Юг».

В результате запуска маршрута объем транзита по западной ветке значительно увеличится. По предварительным оценкам, к 2030 году транзит груза по железной дороги может достичь 15 миллионов тонн, а в долгосрочной перспективе планируется увеличить объем транзита до 100 миллионов тонн. При этом объем российских инвестиций в проект строительства западного коридора составит 1,3 миллиардов рублей[4]. После того, как этот участок

железной дороги будет достроен, произойдет формирование сквозного железнодорожного коридора от России до южных портов Ирана, что обеспечит прямой выход к Персидскому заливу для российских грузов. Для обеих сторон, России и Ирана, проект представляет стратегически важное направление; товары, произведенные в обеих странах, смогут в большем объеме экспортироваться на международные рынки. Новую магистраль задействуют для перевозок энергетических ресурсов, сельскохозяйственной продукции и другой продукции агропромышленного комплекса. «Казалось бы, это небольшой участок, но его ввод в строй позволит наладить прямое и беспрерывное, или, по-другому еще специалисты говорят, бесшовное железнодорожное сообщение по всей протяженности маршрута «Север – Юг», — подчеркнул Владимир Путин.

Предпосылки для развития сотрудничества Ирана.

В ходе своего выступления в БРИКС лидер Исламской Республики Иран выдвинул предложение об использовании транспортного потенциала Ирана, заявив, что благодаря своему уникальному географическому, экономическому и политическому положению страна может выступать надежным и стабильным партнером для России и для других стран сообщества БРИКС, быть ключевым звеном, обеспечивающим странам доступ к энергетическому хабу и значимым мировым рынкам. Таким образом, основным направлением развития российско-иранских отношений является экономическая сфера. По данным ФТС товарооборот Москвы и Тегерана за 2021 составил чуть более $4 млрд. Однако уже в январе–октябре 2022-го объемы торговли превысили показатели за весь рекордный 2021-й. Экспорт увеличился на 27%, а импорт — на 10%. «Прирост в основном был связан с большим объемом торговли в области сельскохозяйственной продукции, который был рекордный в тот период, [...] снимаются барьеры, есть возможности по развитию торговли не только продуктами сельского хозяйства, но и в энергетическом секторе, в секторе нефтегазохимии, машиностроении, переработке. Однако в материалах МПК сообщается, что товарооборот между странами в 2023 году снизился на 17,3%. Экспорт продукции из РФ уменьшился на 27,1% до $2,7 млрд., импорт из Ирана увеличился на 15,8% до $1,29 млрд. Причины этого в структурных изменениях, которые носят динамичный характер в кризисные периоды.

В структуре российского экспорта в прошлом году традиционно преобладали продовольственные товары и сельхозсырье ($2,2 млрд., доля — 81,1%); машины, оборудование и транспортные средства ($240 млн., 8,8%); древесина и целлюлозно-бумажные изделия ($152,4 млн., 5,6%); продукция химической промышленности ($49,4 млн., 1,8%); металлы и изделия из них ($19,1 млн., 1,3%) [5].

Импорт из Ирана был представлен продовольственными товарами и сельхозсырьем ($748,6 млн., 57,8%); продукцией химической промышленности ($286,5 млн., 22,1%); машинами, оборудованием и транспортными средствами ($79,7 млн., 6,2%); минеральными продуктами ($63 млн., 4,9%); текстильными изделиями и обувью ($46,7 млн, 3,6%); металлами и изделиями из них ($26,9 млн, 2,1%).

Дальнейшее развитие торговых отношений между Тегераном и Москвой будет подкреплено своповым соглашением о поставке нефти и газа [6]. Помимо общей экономической выгоды, основной целью этого договора является нивелирование санкционного давления, введенного Европейским Союзом на обе стороны. Как отметил Александр Новак: «несмотря на внешнее санкционное давление, торгово-экономическое сотрудничество между нашими странами продолжает демонстрировать устойчивый рост».

Безусловно, у России и Ирана имеется значительный потенциал в наращивании товарооборота, среди прикаспийских государств Иран имеет все шансы занять лидирующую позицию в торговле с РФ. Необходимо подчеркнуть позитивную динамику развития отношений между двумя государствами в сфере межгосударственных финансовых инвестиций. Основной денежный поток был направлен на развитие нефтедобывающей отрасли. Главными инвесторами стали «Роснефть», «Лукойл». Оба государства стремятся развивать совместные долгосрочные и капиталоемкие проекты и обмениваться опытом в сфере предпринимательства.

Заключение

Анализ ирано-российский отношений в транспортно-логистической сфере показал значимость этого партнерства для формирования более независимой и интегрированной логистической системы в рамках БРИКС. Интеграция логистических систем Ирана и России, прежде всего в рамках МТК «Север-Юг», является центральным элементом этого партнерства, обеспечивающее эффективный доступ стран БРИКС к ключевым рынкам и энергетическим хабам Евразии и Ближнего Востока. Однако необходимо решение ряда существующих проблем, связанных с инфраструктурными ограничениями, финансированием, унификацией правовых и таможенных процедур требует консолидированных усилий, как на двухстороннем уровне, так и в рамках инициатив БРИКС.

Литература

1. Акимов А. В. Стратегия России в интеграционных экономических процессах в Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №1-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rossii-v-integratsionnyh-ekonomicheskih-protsessah-v-evrazii (дата обращения: 20.04.2025)в

2. Клюев Н.Н. Перспективы расширения формата БРИКС в контексте интересов Российской Федерации // Огарёв-Online. 2023. №8 (193). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rasshireniya-formata-briks-v-kontekste-interesov-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 20.04.2025).

3. Семедов С.А., Шилова А.В. Проект МТК «Север - Юг»: проблемы и перспективы в условиях санкций // Обозреватель - Observer. 2023. №2 (397). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-mtk-sever-yug-problemy-i-perspektivy-v-usloviyah-sanktsiy (дата обращения: 14.05.2025).

4. Бабич Станислав Витальевич, Доленина Ольга Евгеньевна, Селеменева Елена Александровна. Перспективы продовольственной безопасности в евроазиатском экономическом пространстве // Известия СПбГЭУ. 2022. №6 (138). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-evroaziatskom-ekonomicheskom-prostranstve (дата обращения: 20.04.2025).

5. Никонов Вячеслав Алексеевич Исламская Республика Иран — новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-novyy-uchastnik-briks (дата обращения: 20.04.2025). 5.

6. Табет Амжад М. С. Возможное расширение БРИКС на Ближнем Востоке // Международные отношения. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnoe-rasshirenie-briks-na-blizhnem-vostoke (дата обращения: 20.04.2025).

7. Медведева Марина Борисовна, Стародубцева Елена Борисовна. Республика Иран: встраивание в глобальные тенденции развития мировой экономики // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-iran-vstraivanie-v-globalnye-tendentsii-razvitiya-mirovoy-ekonomiki (дата обращения: 14.05.2025).

Analysing global opportunities and challenges of the north-south international transport corridor in relation to the enlargement of the BRICS membership

Galkina A.S.

This article is devoted to the analysis of key aspects and prospects for the development of trade and economic relations between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran. The paper examines the geopolitical significance of Iran as a new member of the BRICS association and its increasing role in regional and global processes. It is emphasized that cooperation between Russia and Iran gives a new impetus to the processes of transport integration. A special meaning is assigned to the International North-South Transport Corridor (ITC), its development in the context of the BRICS expansion and Iran's key role in this project. The construction project of the Rasht-Astara railway line is being considered in detail as an important infrastructure link designed to significantly strengthen economic cooperation and increase trade turnover.

Keywords: The Russian Federation, Islamic Republic of Iran, Middle East, BRICS, North-South, Rasht-Astara, geopolitics, Integration processes, transport system.

References

1. Akimov A. V. Russia's Strategy in Integration Economic Processes in Eurasia // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2018. No. 1-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rossii-v-integratsionnyh-ekonomicheskih-protsessah-v-evrazii (accessed: 20.04.2025) in

2. Klyuev N. N. Prospects for Expansion of the BRICS Format in the Context of the Interests of the Russian Federation // Ogarev-Online. 2023. No. 8 (193). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rasshireniya-formata-briks-v-kontekste-interesov-rossiyskoy-federatsii (accessed: 20.04.2025). 3. Semedov S.A., Shilova A.V. The North-South ITC Project: Problems and Prospects under Sanctions // Observer. 2023. No. 2 (397). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-mtk-sever-yug-problemy-i-perspektivy-v-usloviyah-sanktsiy (accessed: 14.05.2025). 4. Babich Stanislav Vitalievich, Dolenina Olga Evgenievna, Selemeneva Elena Aleksandrovna. Prospects for Food Security in the Eurasian Economic Space // Izvestiya SPbGEU. 2022. No. 6 (138). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-evroaziatskom-ekonomicheskom-prostranstve (date of access: 20.04.2025).

5. Nikonov Vyacheslav Alekseevich The Islamic Republic of Iran - a new member of BRICS // Public administration. Electronic Bulletin. 2024. No. 103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-novyy-uchastnik-briks (date of access: 20.04.2025). 5.

6. Tabet Amjad M. S. Possible expansion of BRICS in the Middle East // International relations. 2024. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnoe-rasshirenie-briks-na-blizhnem-vostoke (date of access: 20.04.2025).

7. Medvedeva Marina Borisovna, Starodubtseva Elena Borisovna. Republic of Iran: Integration into Global Trends of World Economy Development // Bulletin of ASTU. Series: Economy. 2022. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/respublika-iran-vstraivanie-v-globalnye-tendentsii-razvitiya-mirovoy-ekonomiki (date of access: 14.05.2025).

Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: доктринальная нетривиальность определения предмета преступления

Агафонов Александр Владимирович
кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России, aleksandravagafonjv20@yandex.ru

В статье рассматривается сложная теоретико-правовая проблема определения предмета преступления в уголовном праве, на примере состава склонения спортсмена к использованию запрещённых субстанций и методов (ст. 230.1 УК РФ). Автор анализирует различные научные подходы, включая требование материализации предмета, и приходит к выводу, что в данном составе предметом выступают не физические объекты, а сами запрещённые субстанции и методы, такие как генный допинг или манипуляции с кровью. Подчёркивается необходимость чёткого разграничения предмета и объекта преступления, а также уточнения законодательной терминологии для обеспечения корректной квалификации преступлений в сфере спортивного допинга.
Ключевые слова: преступление, состав преступления, объект преступления, объективная сторона преступления, факультативные признаки объекта преступления, факультативные признаки объективной стороны преступления

Введение

В масштабах всего нашего отечества в качестве довольно значимой социальной проблемы ныне выступает, в том числе и, по мнению спортивной и иной общественности, именно склонение российских атлетов к использованию ими допинга.

Российские спортсмены весьма стабильно, судя по отзывам в российской и иной прессе, продолжают игнорировать антидопинговые правила и эти факты характеризуются достаточно высокими показателями. Однако правоприменительная практика по преступлениям, предусмотренным ст. 230.1 УК РФ ныне полностью отсутствует. Следовательно. эти преступные деяния явно обладают таким криминологически обусловленным признаком как латентность.

Последнее обусловлено в том числе и тем что, по мнению существенного числа отечественных правоведов, определить не только суть, но и содержание предмета преступления в составе анализируемого нами уголовно наказуемого деяния представляет довольно не простую и не явно не однозначно решаемую проблему.

В качестве **цели** настоящего **исследования** выступает, по мнению автора, именно необходимость проведения анализа доступных ему различных, отраженных в современной российской уголовно правовой литературе точек зрения, посвященных определению сути таких, безусловно, категориальных понятий, в том числе и для современного уголовного права России, как сам «предмет corpus delicti» в целом, так и «предмет corpus delicti, но в случае склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» в частности.

Кроме того в качестве настоящей цели выступает и явная необходимость разработки авторского варианта ее разрешения в последующем.

Задачи – провести доктринально прикладной анализ тех научно обусловленных позиций современных отечественных исследователей, которые нам доступны, причем как относительно самого предмета преступления в целом, так и подобного обязательного признака состава преступления отраженного в диспозиции ст. 230.1 УК РФ.

Гипотеза – либо анализ уголовно правовой концепции необходимости материализации некоторых проявлений объектов уголовных правоотношений, либо обоснование необходимости разработки принципиально новой теории, объясняющей также как саму суть, так и содержание предмета преступления, исходя уже из современных реалий развития

российской уголовно правовой доктрины. В том числе и для обоснования, причем как самой сути, так и содержания предмета corpus delicti в том числе и при склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте,

Материалы и методы исследования

Автором настоящего доктринально правового исследования в ходе его проведения активно использовались такие употребляемые при проведении любых научных верификаций теоретические методы, как: analysis comparativa, synthesis, analogia, inductio, deductio et exempla.

Результаты обсуждения

В начале нашего анализа необходимо согласиться с тем, что«…признание в качестве единственного основания уголовной ответственности наличия в совершенном физическим лицом всех признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ) неизбежно обуславливает и крайнюю необходимость вполне самостоятельного анализа каждого из его элементов.

Традиционно подобный анализ начинает осуществляться с характеристики именно объекта преступления, поскольку его установление в содеянном виновным лицом уголовно наказуемом деянии и позволяет в дальнейшем зафиксировать характер и степень общественной опасности совершенного криминального деликта, отличить последний от иных правонарушений и аморальных проступков» [24, С. 3].

При этом предмет преступления традиционно относится к числу факультативных признаков непосредственного объекта преступления, так как он предусмотрен на законодательном уровне только в некоторых составах преступления [40].

Если предмет преступления, в этом случае, выступает в качестве обязательного признака состава соответствующего преступления, то он принимает непосредственное участие в ее квалификации [11, С. 15].

В свою очередь «…квалификация преступлений в уголовном праве — это есть установление и юридическое закрепление соответствия признаков совершённого деяния признакам состава преступления» [45].

Согласно общепринятому мнению, возникшему еще в советский период развития отечественной уголовно правовой доктрины, именно «индивидуально обусловленный материальный объект физически существующего окружающего нас мира, через наличие которого и начинают функционировать вполне конкретные свойства некоторых общественных отношений, путем воздействия на которые со стороны их субъектов, подвергаются социально негативный вред и выступает именно в качестве предмета преступного деяния» [12, С. 56].

Впрочем, в российской уголовно правовой доктрине имеются и иные точки зрения по настоящему вопросу.

Согласно некоторым из них «…предметом преступления могут быть как конкретные материальные предметы, так и те интересы, на которые направлено посягательство» [4, С. 83].

Таким образом «…интересы, которые выражаются в определенных материальных или идеальных ценностях, не могут быть предметом преступления (являются *его* объектом)» [6, С. 58].

Настоящую точку зрения высказанной несколько позднее Н.Г. Гончаровой следует, как мы считаем в целом вполне можно поддержать.

Довольно объемное определение сути и содержания предмета преступления предлагал своим научным оппонентам и В.Н. Кудрявцев. Так, последний прямо указывал на то, что в качестве предметов преступных деяний могут выступать как «…сами субъекты общественных отношений, т.е. физические и юридические лица (ст. 48 ГК РФ), так и вещи (ст. 128 ГК РФ), а так же, впрочем, и действия участников конкретных правоотношений»)» [10].

«…Если данное положение признать правильным, то это ведет к разрушению учения об общественном отношении как объекте преступления, так как один и тот же элемент одновременно выступает и предметом, и субъектом общественного отношения. …

Действия участников общественных отношений также, нельзя относить к предмету преступления.

Действия составляют содержание общественных отношений…» [23, С. 60], на что, в свою очередь, довольно верно, по нашему мнению, указывал Н.И. Панов.

Весьма интересной нам представляется и научная точка зрения, изложенная М.Г. Марюшкиным. Последний в качестве предмета преступления предлагал понимать научному сообществу некое благо [16, С. 181].

Где **«**бла́го (греч. ἀγαθόν, лат. bonum), в философии – конечный предмет стремления, а также всё способствующее его достижению» [38].

Следовательно, благо в соответствии с основными постулатами уголовного права России должно изначально выступать именно в качестве цели совершения уголовно наказуемого деяния, но не как предмета последнего.

За истекшее десятилетие весьма существенная часть российских ученых правоведов высказывалась за поддержку научной точки зрения определения предмета преступления именно через факт его социально обусловленной материализации, т.е. наличия в нем именно физического признака или оболочки. Настоящую научную позицию в частности разделяют Л.Д. Гаухман [3, С. 126], В.И. Гладких [5, С. 128], Н.Г. Кадников [8, С. 68], Н.Ф. Кузнецова [14, С. 156], А.В. Наумов [18, С. 236] и др.

Вместе с тем, при анализе ряда иных научно правовых публикаций, нами обнаружены и иные точки зрения, высказанные со стороны ряда отечественных исследователей, по поводу содержания анализируемого нами уголовно правового понятия. Так, некоторые российские правоведы считают вполне целесообразным, а, следовательно, и научно оправданным включить в перечень составляющих его

«содержания наряду с вещами и другие социально обусловленные, по их мнению, проявления материального мира» [10] .

Для того чтобы правильно и более того научно обоснованно постараться ответить на данный вопрос, необходимо видимо, вначале разобраться с самим смысловым содержанием такого обще доктринального понятия как материя.

«В материалистической философской традиции категория «материя» обозначает объективную реальность, которая существует вне зависимости от наблюдателя и первична по отношению к сознанию (субъективной реальности): материя отражается нашими ощущениями, существуя независимо от них (объективно)» [44].

Такие социально значимые явления, как интеллектуальные ценности, охраняемые на уровне закона различного рода тайны, информация, безналичные деньги, в том числе и криптовалюта, бездокументарные ценные бумаги, объекты интеллектуальной собственности и интеллектуальные ценности, средства индивидуализации [2, С. 12], проявляют свою как социальную сущность, так и значимость именно на уровне субъективного восприятия, вне последнего они объективно существовать явно не в силах. Следовательно, и рассматривать с точки зрения материализма, причем как основного метода познания объективной, в том числе и социальной действительности, последние в качестве предмета преступления в целом, безусловно, научно не обоснованно!

Завершая наше краткое научно прикладное исследование, следует, по нашему мнению, поддержать в целом К.В. Степанову, в ее утверждении о том, что современные отечественные ученые - юристы еще не пришли к единому пониманию такого уголовно правового категориального понятия как предмет преступления [29, С. 815].

Мы в свою очередь склоны придерживаться именно его классической версии изложения.

В качестве предмета состава преступления предметно изложенного в ст. 230.1 УК РФ, как это прямо фиксируется в том числе и в общедоступном всем комментарии, выступают именно субстанции и (или) методы, которые прямо запрещены для использования в спорте [42] [15, С. 45] [19, С. 110] [26, С. 128] [35, С. 18].

«…Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте…утверждается Правительством Российской Федерации» (ст. 230.1 УК РФ).

Согласно Постановлению Правительства РФ от 28.03.2017 г. № 339 [21] настоящий перечень состоит из двух разделов, а именно: запрещенные субстанции и запрещенные методы.

В свою очередь раздел «запрещенные субстанции» включает в себя следующие виды последних:

1. Анаболические агенты;
2. Бета-2-агоннисты;
3. Диуретики и маскирующие агенты;
4. Стимуляторы;
5. Глюкокординаторы;
6. Бета-блокаторы.

К числу запрещенных методов правительство России, в свою очередь, относит:

1. «Манипуляции с кровью и ее компонентами;
2. Химические и физические манипуляции;
3. Генный и клеточный допинг» [30].

При этом в настоящем постановлении полностью отсутствуют сами сущностные определения, причем как самих субстанций, так, впрочем, и методов обладающих нормативно правовым запретом на их использование в сфере спортивной деятельности [46].

В современной российской действительности отсутствуют и иные нормативно правовые попытки определения последних.

Впрочем, в современной уголовно правовой науке имеет место быть точка зрения признания того, что: «запрещенные субстанции и методы представляют собой фармакологические вещества, способы и средства, включенные в запрещенные списки на международном и национальном уровнях, используемые в целях повышения результативности выступлений на спортивных соревнованиях» [31, С. 144].

Согласно п. 2 ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ в нормативно правовом поле Российской Федерации ныне весьма активно функционирует и такое понятие как «фармацевтическая субстанция».

Законодатель в свою очередь предлагает под ним понимать: «лекарственное средство в виде одного или нескольких обладающих фармакологической активностью действующих веществ вне зависимости от природы происхождения, которое предназначено для производства, изготовления лекарственных препаратов и определяет их эффективность» [20].

Более того в действующем ныне российском законодательстве используется и такое поднормативно правовое понятие как «активная фармацевтическая субстанция».

На уровне законодательного акта к ней относятся «…любое вещество или смесь веществ, предназначенных для производства лекарственных средств, которые в процессе производства становятся активным ингредиентом этих лекарственных средств.

Такие вещества предназначены для проявления фармакологической активности, другого прямого эффекта при диагностики, лечении, облегчении симптомов или профилактики болезни или для воздействия на структуру или функцию организма» [25].

На уровне международного права имеется и свое определение этих веществ.

Где под содержанием «активных фармацевтических субстанций» следует фокусировать «субстанцию для фармацевтического применения, содержащую действующее вещество (вещества) химического, растительного, животного и человеческого происхождения» [34].

Разница между этими легально обусловленными понятиями как мы видим явно незначительно, хотя в ГОСТе последняя раскрыта довольно подробно и в целом весьма обстоятельно. В связи, с чем для

правоприменительной практики в условиях Российской Федерации она, явно более приемлема.

Однако здесь, по нашему мнению, возникает один принципиальный вопрос, вправе ли правоприменитель использовать такое поднормативно правое понятие как «активная фармацевтическая субстанция», когда на уровне законодательной базы, использование которой имеет явный приоритет, действует такое понятие как нормативно правовое понятие как «фармацевтическая субстанция».

Видимо здесь необходимо привести эти различного уровня законы к одному, какому либо знаменателю.

Более того в самом тексте уголовного закона используется все таки именно такой термин как «субстанции», но не как «фармацевтическая субстанция». С точки зрения российского законодателя это явно идентичные понятия, однако с точки зрения российской семантологии, они все-таки содержательно явно не совпадают.

Так, как «субстанция (от лат. substantia – сущность, нечто, лежащее в основе) – объективная реальность, материя как первооснова, сущность всех вещей и явлений» [39].

В связи, с чем мы предлагаем российскому законодателю все-таки определиться с излагаемой им ранее позицией.

В свою очередь, мы считаем, что ему крайне необходимо остановить свой выбор именно на нормативно правовом термине «фармацевтическая субстанция». Так как последний логически верен и, следовательно. наиболее оптимально помогает правоприменителю раскрыть общественно опасный характер анализируемого нами состава преступления.

Впрочем, в этом случае, по нашему мнению, стоит согласиться и с мнением, высказанным несколько ранее А.В. Сытиным. Так, последний прямо указывает на то, что «легальное понятие запрещенных субстанций содержится в кодексе ВАДА: «Любая субстанция или класс субстанций, приведенных в запрещенном списке».

Запрещенный метод определяется таким же способом. Это есть - «…любой метод, приведенный в запрещенном списке» [46].

Однако подобные определения крайне формальны и в результате чего не дают нам оптимального понимания самой сущности запрещенных субстанций и методов» [31, С. 144].

Анализируя субстанции с позиции признания ее, в качестве предмета состава преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, следует по нашему мнению полностью согласиться с точкой зрения высказанной по данному поводу со стороны А.Н. Берестового и П.В. Цветкова.

Так, последние прямо утверждали, что если рассматривать субстанцию в качестве предмета допинговых преступлений, хотя последняя, безусловно, является предметом материального мира, то получается что виновное лицо, совершая анализируемого нами преступления, посягает именно на законодательно предусмотренный оборот последних, но ни как не на здоровье спортсмена, что, в свою очередь, явно противоречит формально предусмотренной логике уголовно правового анализа.

В связи, с чем указанные выше авторы предлагают рассматривать субстанции именно в качестве средств рассматриваемого нами преступного деяния [1, С. 73] [31, С. 144].

С настоящим выводом, как мы считаем, вполне следует согласиться.

Так, как действительно «…под средствами совершения преступления *(вполне традиционно)* понимаются предметы, механизмы, устройства, облегчающие его совершение» [32, С. 173].

В качестве второго la vendetta di un reato в случае склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, выступают методы, прямо запрещенные для использования в спорте [41].

Согласно Постановлению Правительства РФ от 28.03.2017 г. № 339 под методами следует понимать либо «различного рода манипуляции (с кровью и ее компонентами, химические и физические), а так же генный и клеточный допинг» [21].

Где «…манипуляция — это психологический процесс, когда один человек пытается влиять на мысли, эмоции, поведение или решения другого человека, используя *(при этом)* различные тактики и стратегии» [43].

«Д́опинг (англ. *doping*, от англ. *Dope* — применять наркотики) в спорте — употребление запрещённых способов, методов или препаратов (в том числе биологически активных веществ), повышающих спортивные результаты» [44].

«Кровяной допинг – использование продуктов, которые расширяют прием, поступление или доставку кислорода, т.е. эритропоэтины, модифицированный гемоглобин, продукты заменителей гемоглобина, основанные на крови, продукты гемоглобина в микрокапсулах, перфлюохимикаты и эфапроксирал» [22, С. 191].

«Нетерапевтическое использование генов, генетических элементов и/или клеток, которые способны улучшать спортивные результаты» [28] трактуется как генный или клеточный допинг.

Таким образом, как мы видим, в качестве формы выражения методов изначально выступает некая социально обусловленная явно человеческая деятельность или совокупность его действий осуществляемых с целью достичь какой либо социально значимой цели.

Однако действия это есть обязательный признак объективной стороны состава преступления, но не как не самого объекта, в качества которого, как правило, выступает именно результат подобного рода социально обусловленной деятельности человека. Более того согласно нормам российской сем антологии термин «метод» есть синоним слова «способ» [7, С. 286].

В связи, с чем мы неизбежно приходим к выводу о том, что методы, которые использует виновное лицо с целью совершить преступление предусмотренного ст. 230.1 УК РФ не могут рассматриваться в качестве предмета указанного выше преступления.

Их следует признать именно способами совершения последнего. Так, способ и есть «… образ действий, прием или систему приемов, направленных на достижение результата, совершаемых в определенном порядке» [3, С.8].

Все «…запрещенные субстанции и методы *(изначально)* обладают следующими признаками:

a) представляют собой органические или неорганические вещества, способы или процедуры;

b) позволяют получать более высокие спортивные результаты;

c) в ряде случаев могут повлиять на здоровье спортсмена» [30].

В данном случае, следует отдельно и более подробно, по нашему мнению, рассмотреть именно последний признак.

Где, в свою очередь, необходимо признать, что непосредственное воздействие допинга на сам организм атлетов может осуществляться по трем основным направлениям:

- их влияние на здоровье спортсменов следует рассматривать исключительно в социально негативном плане. Так в ряде случаев применение субстанций и методов может привести и к летальному исходу;

- влияние последних на здоровье лиц занимающихся спортом может быть и в целом относительно нейтральным;

- влияние допинга на здоровье атлетов может рассматриваться и в «положительном ключе», более того ряд субстанций и методов выступают изначально в качестве лекарственных средств, следовательно их использование крайне необходимо для лечения, в том числе и тех же атлетов, т.е. социально вполне оправдано [31, С. 145].

Выводы:

Таким образом, на базе всего изложенного вполне можно сделать вывод, что раз не все без исключения субстанции и методы обладают таким характеризующим признаком как общественная опасность, в связи, с чем признавать их в качестве предмета преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ будет в целом научно не обоснованно!

Литература

1. Берестовой А.Н. Цветков П.В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовно-правовые науки. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 3 (95). 2022.

2. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд.юрид.наук. М. 2005. 30 с.

3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., ЦентрЮрИнфоР, 2001. 316 с.

4. Герцензон А.А. Уголовное право. Общая часть. М., Госюриздат, 1946. 326 с.

5. Гладких В.И., Курчеев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. М., Новосибирский государственный университет, 2015. 614 с.

6. Гончарова Н.С. К вопросу о понятии и содержании предмета преступления по уголовному праву России // Территория науки. 2019. № 3.

7. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М. : Туманит, Изд.центр. ВЛАДОС, 1997.

8. Кадников Н.Г. Теоретико-правовые основы и современные проблемы квалификации преступлений. М., ООО Анита Пресс, 2006. - 127 с.

9. Каптурова Р.Е., Чередник О.Е. Проблемы, связанные с использованием допинга в спорте и склонением к его употреблению // http: // elibrary. чu.

10. К вопросу о понятии и содержании предмета преступления… // http:// elibrary. чu.

11. Коргулев А.Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопосы квалификации и законодательной регламентации // Дисс. … канд. наук. Краснодар, 2021. 32 с.

12. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.

13. Кудрявцев В.Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву // Труды ВЮА. Вып. 13, 1951. С. 47-71.

14. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., Городец. 2007. 332 с.

15. Кухарук В.В. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе // Право и политика. 2018. № 5. С. 41-51.

16. Марюшкин М.Г. К вопросу об объекте и предмете преступления // Проблемы уголовно-процессуального и уголовного права, криминалистики и криминологии: Восьмые Всероссийские державинские чтения: сб. статей. Кн. 5. М.. 2013. С. 178-184.

17. Матов С.В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 230.1 и 230.2 УК РФ // cyberleninka ru или ukodrf.ru

18. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т.1. Общая часть. М., Юрид.лит., 2004. 496 с.

19. Норватян Ю.С. Преступления против здоровья населения: учебное пособие. Самара. Изд-во Самар. ун. 2022. 214 с.

20. Об обращении лекарственных средств : Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // http://publication.pravo.gov.ru/

21. Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 // http://publication.pravo.gov.ru/

22. Орехова А.В., Москаленко И.С., Шульгов Ю.И. Спортивный допинг: классификация и воздействие на человека // Символ науки. 2015. № 4. С. 190-193.

23. Панов Н.И. Понятие предмета преступления по советскому уголовному праву // Проблемы правоведения. Республиканский межведомственный научный сборник. Киев. Вища шк. Изд-во при Киев. ун-те. 1984. Вып. 45. С. 67-73.

24. Попов А.Н., Аистова Л.С. Объект преступления. Учебное пособие. СПб, 2014.

25. Правила производства и контроля качества лекарственных средств: / Стандарт ГОСТ Р 52249 (п.20) : Приказ Ростехегулирования от 20.05.2009 № 159-ст. // http://publication.pravo.gov.ru/

26. Прозументов Л.М. Общая характеристика преступлений, посягающие на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст.ст. 230.1 и 230.2 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 126-131.

27. Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления : автореф. дис. ... канд.юрид.наук : 12.00.08 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002. - 20 с.

28. Спортивный допинг: классификация и … // http:// elibrary. чu.

29. Степанова К.В. Предмет преступления в уголовном праве // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2016 г. Краснодар. 2017. С. 815-817.

30. Субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте… // https://urfak.ru.

31. Сытин А.В. Субстанции и методы, запрещенные для использования в спорте: предмет или средства совершения преступлений? // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 2. С. 143-155.

32. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург. ООО ИПК «Университет», 2016. 442 с.

33. Фазлиев А.А, Крылова Е.С. Признаки объекта преступления в статьях 230.1-230.2 УК РФ // https://urfak.ru.

34. Фармакопея Евразийского экономического союза (раздел 1.1) : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11.-8.2020. № 100 // http://publication.pravo.gov.ru/

35. Федоров А.В. Допинг и наркотики // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 10-21.

36. Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2013. 704 с.

37. Якубович О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

38. bigenc.ru.

39. dic.academic.ru.

40. elar.rsvpu.ru.

41. finalny_varlant-sklonenie2022_pravka.pdf.

42. https://www.ugolkod.rus/tatea-230-1 В.

43. https:/zakonivlast.ru.

44. https:/dspace. gela. org. ge.

45. otvet.mail.ru.

46. чu.wikipedia.org.

47. vestnik-muiv.ru.

48. 2021 World Anti-Doping Code.Url.: https://www.wada-ama.org/en/resources/the-code/world-anti-dopibg-codee.

Inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: doctrinal non-triviality of defining the subject of the crime.

Agafonov A.V.
Candidate of Legal Sciences, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, aleksandravagafonjv20@yandex.ru

The article examines the complex theoretical and legal problem of defining the subject of a crime in criminal law, using the example of inducing an athlete to use prohibited substances and methods (Article 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author analyzes various scientific approaches, including the requirement for the materialization of the subject, and comes to the conclusion that in this composition the subject is not physical objects, but the prohibited substances and methods themselves, such as gene doping or blood manipulation. The need for a clear distinction between the subject and object of the crime is emphasized, as well as clarification of legislative terminology to ensure the correct qualification of crimes in the field of sports doping.

Keywords: crime, elements of crime, object of crime, objective side of crime, optional features of object of crime, optional features of objective side of crime

References

1. Berestovoy A.N., Tsvetkov P.V. Problems of qualification of crimes provided for by Art. 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal-legal sciences. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 3 (95). 2022.
2. Bikmurzin M.P. Subject of the crime: theoretical and legal analysis: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M. 2005. 30 p.
3. Gaukhman L.D. Qualification of crimes: law, theory, practice. M., CenterYurInfoR, 2001. 316 p.
4. Gertsenzon A.A. Criminal law. General part. M., Gosyurizdat, 1946. 326 p.
5. Gladkikh V.I., Kurcheev V.S. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook. Moscow, Novosibirsk State University, 2015. 614 p.
6. Goncharova N.S. On the issue of the concept and content of the subject of a crime under the criminal law of Russia // Territory of science. 2019. No. 3.
7. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Dictionary of logic. Moscow: Tumanit, Publishing center. VLADOS, 1997.
8. Kadnikov N.G. Theoretical and legal foundations and modern problems of qualification of crimes. Moscow, OOO Anita Press, 2006. - 127 p.
9. Kapturova R.E., Cherednik O.E. Problems associated with the use of doping in sports and inducement to its use // http: // elibrary. чu.
10. On the issue of the concept and content of the subject of the crime ... // http:// elibrary. chu.
11. Korgulev A.G. The subject of a crime in modern criminal law: concept, features, issues of qualification and legislative regulation // Diss. ... Cand. sciences. Krasnodar, 2021. 32 p.
12. Korzhansky N.I. Object and subject of criminal-legal protection. M., Publishing house of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 248 p.
13. Kudryavtsev V.N. On the relationship between the subject and object of a crime under Soviet criminal law // Proceedings of the VLA. Issue 13, 1951. Pp. 47-71.
14. Kuznetsova N.F. Problems of qualification of crimes: lectures on the special course "Fundamentals of qualification of crimes". M., Gorodets. 2007. 332 p.
15. Kukharuk V.V. Substances and (or) methods prohibited for use in sports in the criminal law // Law and Politics. 2018. No. 5. Pp. 41-51.
16. Maryushkin M.G. On the issue of the object and subject of a crime // Problems of criminal procedure and criminal law, forensic science and criminology: Eighth All-Russian Derzhavin Readings: collection of articles. Book 5. Moscow.. 2013. Pp. 178-184.
17. Matov S.V. Problems of qualification of crimes provided for in Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // cyberleninka ru or ukodrf.ru
18. Naumov A.V. Russian criminal law. Lecture course. In 2 volumes. Volume 1. General part. Moscow, Legal Literature, 2004. 496 p.
19. Norvatyan Yu.S. Crimes against public health: a textbook. Samara. Publishing house of Samara University. 2022. 214 p.
20. On the circulation of medicines: Federal Law of 12.04.2010 No. 61-FZ // http://publication.pravo.gov.ru/
21. On approval of the list of substances and (or) methods prohibited for use in sports, for the purposes of Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: RF Government Resolution of 28.03.2017 No. 339 // http://publication.pravo.gov.ru/
22. Orekhova A.V., Moskalenko I.S., Shulgov Yu.I. Sports doping: classification and impact on humans // Symbol of science. 2015. No. 4. P. 190-193.
23. Panov N.I. The concept of the subject of a crime under Soviet criminal law // Problems of jurisprudence. Republican interdepartmental scientific collection. Kyiv. Higher school. Publishing house at Kyiv. University. 1984. Issue 45. Pp. 67-73.
24. Popov A.N., Aistova L.S. Object of crime. Study guide. St. Petersburg, 2014.
25. Rules for production and quality control of medicines: / Standard GOST R 52249 (p. 20): Order of Rostekhgulirovaniye dated 20.05.2009 No. 159-st. // http://publication.pravo.gov.ru/
26. Prozumentov L.M. General characteristics of crimes infringing on relations ensuring public health in the field of sports (Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2019. No. 33. Pp. 126-131.
27. Spiridonova O.E. Symbol as a subject of a crime: author's abstr. diss. ... cand. sciences (law): 12.00.08 / Kazan. state University. Kazan, 2002. - 20 p.
28. Sports doping: classification and ... // http:// elibrary. chu.

29. Stepanova K.V. Subject of a crime in criminal law // Scientific support for the agro-industrial complex: a collection of articles based on the materials of the 72nd scientific and practical conference of teachers on the results of research for 2016. Krasnodar. 2017. P. 815-817.
30. Substances and methods prohibited for use in sports ... // https://urfak.ru.
31. Sytin A.V. Substances and methods prohibited for use in sports: an object or means of committing crimes? // Siberian Legal Review. 2022. Vol. 19. No. 2. Pp. 143-155.
32. Criminal Law of Russia. General Part: Textbook for Bachelors / Ed. A.I. Plotnikov. Orenburg. OOO IPK "University", 2016. 442 p.
33. Fazliev A.A., Krylova E.S. Signs of the Object of a Crime in Articles 230.1-230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // https://urfak.ru.
34. Pharmacopoeia of the Eurasian Economic Union (section 1.1): Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 11.-8.2020. No. 100 // http://publication.pravo.gov.ru/
35. Fedorov A.V. Doping and drugs // Drug control. 2017. No. 2. P. 10-21.
36. Chuchaev AI Criminal Law of the Russian Federation. General and Special Parts: textbook / TB Basova, EV Blagov, PV Golovnenkov et al.; edited by AI Chuchaev. Moscow: CONTRACT; INFRA-M, 2013. 704 p.
37. Yakubovich OR The method of committing a crime and its criminal-legal significance: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2004.
38. bigenc.ru.
39. dic.academic.ru.
40. elar.rsvpu.ru.
41. finalny_varlant-sklonenie2022_pravka.pdf.
42. https://www.ugolkod.rus/tatea-230-1 V.
43. https:/zakonivlast.ru.
44. https:/dspace. gela. org. ge.
45. otvet.mail.ru.
46. chu.wikipedia.org.
47. vestnik-muiv.ru.
48. 2021 World Anti-Doping Code.Url.: https:// www.wada-ama.org/en/resources/the-code/world-anti-dopibg-codee.

Юридическая природа кибертерроризма: проблемы квалификации и доказательств

Асрумян Артем Кароевич
Независимый исследователь, artyom.asrumyan@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена эскалацией кибертеррористических угроз, направленных на критическую информационную инфраструктуру и объекты жизнеобеспечения, создающих риски катастрофических последствий для национальной безопасности. Действующее правовое регулирование демонстрирует пробелы: отсутствие специального состава «кибертерроризма» в УК РФ приводит к конкуренции норм, размытости критериев террористической цели и масштаба последствий. Доказывание осложнено проблемами атрибуции исполнителей из-за анонимизирующих технологий, сложностью установления причинно-следственной связи между кибератакой и физическим вредом, а также трансграничным характером доказательств, конфликтующим с нормами о персональных данных. Использование ИИ для анализа данных ограничено «чёрным ящиком» алгоритмов и зависимостью от зарубежных платформ. Международное сотрудничество блокируется отсутствием конвенции и политическими противоречиями. Для устранения дисбаланса между безопасностью и правами личности предлагается: введение специального состава в УК РФ, регулирование ИИ-доказывания через статус «технического помощника эксперта», создание механизмов экстренного трансграничного взаимодействия и ответственности ИТ-компаний за поставку инструментов терроризма.
Ключевые слова: кибертерроризм, юридическая квалификация, доказательства, уголовный процесс, киберпреступность, национальная безопасность, международное сотрудничество.

Актуальность исследования обусловлена стремительной эскалацией угрозы кибертерроризма, выражающейся в участившихся атаках на критическую информационную инфраструктуру (далее - КИИ), государственные системы и объекты жизнеобеспечения, что создает реальные риски катастрофических последствий для национальной безопасности, общественного порядка и прав граждан, при этом действующее правовое регулирование демонстрирует существенные пробелы и коллизии в части четкой юридической квалификации данных деяний, в том числе отсутствие универсального определения, размытость признаков состава, особенно террористической цели и характера насилия в киберпространстве, конкуренция норм Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), таких как ст. 205.1, 205.2, 274.1 и крайней сложности доказывания, что в совокупности затрудняет эффективное уголовное преследование и создает опасный дисбаланс между необходимостью защиты общества и обеспечением правовых гарантий личности.

Традиционные признаки терроризма, включая цель запугивания населения или воздействия на органы власти, высокую общественную опасность, а также применение насилия или его угрозы, претерпевают трансформацию в цифровой среде [1]. В киберпространстве «насилие» проявляется не в физической форме, а через технологические воздействия: отказ критических сервисов, например, DDoS-атаки на инфраструктуру, уничтожение или блокирование данных, саботаж систем управления, а также распространение информационных угроз, вызывающих массовую панику. Это стирает границы между физическим и виртуальным ущербом, требуя пересмотра классических правовых критериев.

Угрозы в цифровой среде характеризуются дистанцированностью, анонимностью и масштабируемостью. Так, например, атака на системы жизнеобеспечения – энергосети, водоснабжение – может опосредованно угрожать жизни людей, а распространение дезинформации через захваченные СМИ или социальные сети провоцирует социальную дестабилизацию. При этом угроза насилия может выражаться в ультиматумах, сопровождаемых демонстрацией возможностей нарушения работы критических объектов, что создает эффект психологического террора даже без непосредственного физического вреда.

Ключевым квалифицирующим признаком кибертерроризма, отличающим его от иных форм использования информационно-коммуникационных техно-

логий в противоправных целях, является применение информационно-коммуникационных технологий непосредственно как инструмента совершения деструктивной атаки, а не только средства коммуникации или координации. Основу деяния составляет именно кибер-атака – целенаправленное и противоправное воздействие на информационные системы, инфраструктуру или данные, например, внедрение деструктивного вредоносного программного обеспечения – *wiper, ransomware* – в сети учреждений здравоохранения, приводящее к сбоям жизнеобеспечивающего оборудования, или атаки на системы управления транспортом. Это фундаментально отличает кибертерроризм от «традиционного» терроризма, где интернет преимущественно служит вспомогательным инструментом для пропаганды, вербовки или финансирования. Цель кибертеррористического акта лежит не в плоскости извлечения материальной выгоды или технического вандализма, а в достижении политических, идеологических или религиозных задач посредством: запугивания населения, дестабилизации общественно порядке и безопасности, принуждения органов власти к принятию решений, провокации социальных или межнациональных конфликтов [5].

Прямыми объектами правовой охраны, на которые посягает кибертерроризм, выступают: общественная безопасность (паралич работы экстренных служб, таких как МЧС, из-за атаки на их коммуникационные системы); основы конституционного строя и государственной безопасности (вмешательство в работу органов власти, подрыв доверия к институтам); нормальное функционирование критической информационной инфраструктуры как системообразующего элемента жизнеобеспечения общества; жизнь и здоровье людей – как опосредованно (сбой систем вентиляции в больнице из-за кибератаки), так и напрямую (взлом систем управления движением поездов или энергосетей, способный привести к катастрофам).

Отличие от «обычной» киберпреступности проводится по ключевому критерию – наличию террористической цели. Кибершпионаж (несанкционированный доступ и хищение конфиденциальных данных), кибервандализм (разрушение данных без политического подтекста) или хактивизм (идеологически мотивированный, но не террористический по цели дефейс сайтов или DDoS) не направлены на достижение целей, характерных для терроризма. Так, утечка персональных данных из коммерческой базы является киберпреступлением в соответствии со ст. 272 УК РФ, тогда как уничтожение этой базы с одновременным выдвижением публичных требований политического характера под угрозой повторных атак на критическую инфраструктуру образует состав кибертерроризма.

Отличие от кибервойны заключается, прежде всего, в субъектном составе и правовом режиме. Кибертерроризм осуществляется негосударственными акторами (террористическими группами, радикальными организациями). Кибервойна же ведется государствами или при их прямой поддержке, как в случае с атакой червя *Stuxnet* на иранские ядерные объекты, и регулируется нормами международного гуманитарного права при достижении порога вооруженного конфликта. Деятельность негосударственных групп, даже масштабная, не подпадает под режим международного гуманитарного права и квалифицируется как преступление [3].

Примечательно, что международное право не содержит унифицированного определения. Совет Европы в Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 г. фокусируется на киберпреступлениях, но не выделяет террористическую составляющую. ООН и ШОС используют широкий подход, включая использование информационно-коммуникационные технологии для организации терактов. Как правило, к кибертерроризму относят действия, направленные на дестабилизацию политической и экономической систем. Отсутствие единого общепризнанного определения кибертерроризма на международном уровне и различия в национальных законодательных подходах создают фундаментальную проблему квалификации [2]. В Российской Федерации, несмотря на наличие ст. 205.1 и 274.1 УК РФ, отсутствует специальная норма, прямо закрепляющая состав «кибертерроризма». Это приводит к размытости ключевых критериев, особенно в части установления террористической цели – политической/идеологической мотивации, требуемой ст. 205 УК РФ и определения минимального масштаба последствий, необходимого для признания атаки террористической.

Размытость критериев провоцирует проблему «двойной» или «тройной» квалификации: одно деяние, например, вывод из строя системы управления энергосетью с требованием политических уступок, одновременно подпадает под признаки ст. 205.1 – террористический акт, если создана опасность гибели людей; ст. 274.1 УК РФ – воздействие на КИИ; ст. 281 УК РФ, диверсия, что порождает коллизии при выборе нормы и назначении наказания.

Установление объективной стороны кибертерроризма сопряжено с рядом специфических сложностей. Момент окончания преступления в цифровой среде часто неочевиден: является ли им начало внедрения вредоносного программного обеспечения, активация деструктивного кода, наступление реальных последствий или публикация террористического манифеста [7]. Эта неопределенность влияет на исчисление сроков давности и применение предупредительных мер. Наиболее острой является проблема доказывания причинно-следственной связи между кибератакой и тяжкими последствиями, особенно физического характера. Например, если в результате атаки на информационную систему больницы происходит сбой оборудования и гибель пациента, требуется сложная многоуровневая экспертиза для исключения иных причин, такие как врачебная ошибка, технический износ, и доказательства прямой зависимости между взломом и летальным исходом, что соответствует требованиям ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ) о всесторонности доказывания. Квалификация сложных многоэтапных атак, длящихся месяцами и использующих цепочки уязвимостей, ставит

вопрос о разграничении этапов подготовки, которая сама может содержать признаки иных преступлений, например, ст. 272 УК РФ, и непосредственного осуществления террористического акта. Атрибуция каждого этапа разным исполнителям затрудняет построение единой картины преступления и установление вины каждого соучастника в соответствии с требованиями ст. 32-36 УК РФ.

Далее необходимо обозначить, что ключевой проблемой при квалификации субъективной стороны кибертерроризма является доказывание специфической террористической цели у исполнителей и организаторов. Статья 205 УК РФ требует установления умысла, направленного на достижение политических, идеологических, религиозных или иных общественно опасных целей, характерных для терроризма (воздействие на власть, запугивание населения). Однако в киберпространстве мотивация часто скрыта за техническими действиями, а исполнители могут действовать автономно, без прямого контакта с организаторами. Это создает риски ошибочного отождествления кибертерроризма с хактивизмом или иными формами идеологически мотивированного кибервандализма, не достигающего порога террора. Особую сложность представляет квалификация действий «непосвященных» участников: лиц, чьи устройства незаконно включены в ботнет для DDoS-атаки на критическую инфраструктуру, или технических специалистов, непреднамеренно предоставивших инструменты для атаки. Например, через продажу эксплойтов без знания их конечного назначения [5]. В таких случаях требуется доказывать осведомленность о террористических целях заказчика в соответствии с требованиями ст. 32 УК РФ о соучастии, что зачастую невозможно из-за анонимности коммуникаций. Отдельную проблему составляет квалификация бездействия, когда невыполнение обязанностей по защите КИИ, способствует успешной кибератаке террористов. Это возможно, например, если администратор системы энергообъекта игнорирует требования Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» 2017 г.

Более того, проблемы атрибуции и трансграничного соучастия усугубляют сложности квалификации. Установление конкретных исполнителей осложняется использованием анонимизирующих технологий, такими как криптовалюты, и поддельными цифровыми следами, что противоречит требованиям ст. 73 УПК РФ о всестороннем доказывании виновности. Квалификация действий организаторов, подстрекателей и пособников, находящихся в разных юрисдикциях, сталкивается с отсутствием унифицированных подходов: требования ст. 33 УК РФ о совместности умысла труднореализуемы, если организатор действует с территории государства, не сотрудничающего с РФ в сфере экстрадиции. Правовая неопределенность существует и в вопросе ответственности юридических лиц за кибертерроризм: уголовная ответственность юридических лиц в РФ отсутствует, что исключает адекватное наказание для ИТ-компаний, системно поставляющих террористам инструменты взлома. Наконец, проблема конкуренции уголовно-правовых норм приводит к противоречивой практике [6].

Выбор нормы зависит от доказуемости конечной цели, что при латентности кибертеррористических мотивов ведет к рискам как необоснованного ужесточения квалификации (при ошибочном вменении диверсии вместо нарушения работы КИИ), так и недооценки общественной опасности (квалификация по ст. 274.1 УК РФ вместо ст. 205.1 УК РФ при недостатке данных о террористическом умысле).

Также необходимо обозначить, что источники доказательств при расследовании кибертерроризма носят специфический характер. Цифровые доказательства – логи серверов, сетевой трафик, данные конечных устройств, образцы вредоносного программного обеспечения, данные облачных сервисов, информация из даркнет – составляют основу, но их получение требует применения специальных средств – ст. 186.1 УПК РФ. Свидетельские показания обычно ограничены техническими специалистами потерпевших организаций, чьи знания носят фрагментарный характер. В то же время заключения экспертов становятся ключевыми для интерпретации данных, а документы (отчеты служб информационной безопасности, Федеральной службой по техническому и экспортному контролю или ФСБ, ответы на международные запросы, служат для подтверждения контекста и масштаба инцидента.

Практическая работа с доказательствами сопряжена с комплексом проблем. Сбор данных затруднен технической сложностью, необходимостью специальных инструментов, например, для обхода шифрования, риском утраты летучих данных – ст. 164 УПК РФ требует немедленного изъятия, трансграничным характером информации и противодействием злоумышленников. Фиксация требует строгого соблюдения стандартов обеспечения целостности и аутентичности: хеширование по алгоритмам ГОСТ Р 34.11-2012, верифицируемое логгирование, составление протоколов с участием понятых в соответствии с криминалистическими стандартами. Проверка и оценка включают установление неизменности цепочки, оценку достоверности методов анализа, сложность интерпретации технических данных для суда и обработку больших объемов данных, требующей применения инструментов искусственного интеллекта (далее – ИИ) при сохранении верифицируемости. Проблема допустимости возникает при нарушении порядка изъятия данных из частных облаков – требуется судебное решение по ст. 29.11 УПК РФ, использовании спорных методов (взлом систем для доступа к доказательствам), работе с данными, полученными из-за рубежа без должного оформления международно-правового сотрудничества, и включении в дело частных отчетов, не имеющих официального статуса.

Судебная экспертиза играет системообразующую роль, но сталкивается с методологическими вызовами. Компьютерно-техническая экспертиза должна реконструировать атаку, лингвистическая –

анализировать коммуникации на предмет террористического умысла, например, в даркнет-форумах, криминалистическая – устанавливать следы несанкционированного доступа. Эксперты обязаны соответствовать требованиям ФЗ № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 2001 г. и обладать специализированными знаниями в области информационной безопасности. Однако ключевая проблема – интерпретация результатов в контексте террористической цели: эксперт может установить факт взлома и внедрения деструктивного программного обеспечения, но не вправе делать выводы о мотивации, что создает разрыв между техническими выводами и требованиями ст. 73 УПК РФ к предмету доказывания.

Внедрение технологий ИИ в уголовное судопроизводство по делам о кибертерроризме открывает для России значительные возможности, но одновременно создает уникальные системные риски. Ключевым преимуществом для российских правоохранительных органов является способность ИИ анализировать экзабитные объемы цифровых следов, включая сетевой трафик, логи серверов и данные из даркнета, что критически важно для выявления паттернов сложных APT-атак на КИИ. Алгоритмы машинного обучения могут реконструировать цепочки кибератак путем корреляции разрозненных артефактов, таких как IP-адреса, хеши вредоносного ПО и метаданные, автоматически выявляя связи между участниками террористических группировок. Это невозможно при ручном анализе в рамках процессуальных сроков, установленных ст. 162 УПК РФ. Отечественные разработки в области OSINT-анализа, такие как YandexGPT и GigaChat, позволяют преодолевать языковые барьеры при мониторинге коммуникаций в Telegram-каналах и теневых форумах, где фиксируются индикаторы террористического умысла, включая семантику закодированных сообщений и цифровые следы организаторов.

Однако для России особую опасность представляет алгоритмическая черная коробка. Неинтерпретируемость выводов ИИ противоречит принципу проверяемости доказательств и создает риски оспаривания решений в международных инстанциях, как в деле *López Ribalda v. Spain* 2019 г. Это особенно критично при доказывании террористической цели – ключевого элемента ст. 205 УК РФ. Специфические угрозы для российской правоприменительной практики включают риски «отравления данных» при обучении ИИ на нерепрезентативных выборках – например, недостаток русскоязычных текстов террористических манифестов, что ведет к ложной атрибуции атак и нарушает принцип объективности доказывания, закрепленного в ст. 17 УПК РФ. Уязвимость к дипфейкам также является серьезной проблемой – технология deepfake активно используется для дискредитации представителей власти, а ИИ-детекторы подделок демонстрируют существенный процент ошибок при анализе русскоязычного контента, что затрудняет подтверждение подлинности доказательств по ст. 84 УПК РФ.

Конфликт с регуляторными ограничениями усугубляет ситуацию. Применение ИИ для анализа персональных данных граждан, включая биометрию из Единой биометрической системы, без надлежащего согласия или судебного решения может нарушать положения ФЗ №152 «О персональных данных» от 2006 г. Технологическая зависимость от зарубежных решений остается критическим слабым звеном, поскольку большинство алгоритмов анализа вредоносного кода в РФ используют иностранные открытые библиотеки, такие как *TensorFlow* и *PyTorch*, что создает риски скрытых уязвимостей, способных скомпрометировать расследование.

Стратегическим вызовом в данном случае является отсутствие правового статуса ИИ-заключений. Даже передовые разработки ФСБ России в области криминалистического ИИ не соответствуют требованиям ст. 80 УПК РФ об экспертизе, поскольку ГОСТ Р 59276-2020 «Искусственный интеллект. Методы обеспечения доверия» не регламентирует процессуальную форму таких выводов. Для нейтрализации этих рисков России необходимо ускорить принятие законопроекта Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ об уголовной ответственности за злонамеренное использование ИИ, создать национальную платформу верификации алгоритмов на базе НИИ «Восход» и внедрить в УПК РФ норму о «техническом помощнике эксперта» с обязательным протоколированием параметров работы ИИ. Опыт спецотряда по кибербезопасности Судебного департамента Вооруженных сил РФ, созданного после атаки на ГАС РФ «Правосудие», подтверждает, что только сочетание ИИ-анализа с традиционными методиками следствия обеспечивает допустимость доказательств в условиях цифровой трансформации терроризма.

Таким образом, ключевые проблемы России заключаются в системных пробелах регулирования. Отсутствие специального состава «кибертерроризма» в УК РФ порождает конкуренцию норм, размытость критериев террористической цели и масштаба последствий, а также коллизии при квалификации бездействия ответственных за защиту КИИ по ФЗ №187.

Доказывание сталкивается с непреодолимыми барьерами. Установление причинно-следственной связи между кибератакой и физическим вредом требует многоуровневой экспертизы; атрибуция исполнителей затруднена анонимизирующими технологиями; трансграничный характер доказательств (даркнет, облака) конфликтует с нормами международного сотрудничества и ФЗ №152 «О персональных данных»; а использование ИИ для анализа «цифровой лавины» ограничено «черным ящиком» алгоритмов и технологической зависимостью от зарубежных платформ, создающей риски скрытых уязвимостей.

Международное сотрудничество парализовано отсутствием универсальной конвенции, конфликтом юрисдикций и политическими противоречиями, что блокирует обмен критически важными данными. Для преодоления дисбаланса между безопасностью и правами личности необходимо введение в УК РФ

специального состава с четкими признаками кибертерроризма. Более того, требуется разработка процессуальных стандартов для ИИ-доказывания (статус «технического помощника эксперта», верификация алгоритмов через НИИ «Восход»); создание механизмов экстренного трансграничного взаимодействия в обход политических барьеров и законодательное закрепление ответственности ИТ-компаний за поставку инструментов кибертерроризма. Только синтез технологических, организационных (специального подразделения по типу отряда Судебного департамента ВС РФ, и правовых решений позволит России противостоять цифровой трансформации терроризма без ущерба для правовых гарантий.

Литература

1. Ангел О. Ю. Кибертерроризм как современная социальная угроза общественной безопасности: правовые меры противодействия //Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – №. 4. – С. 14-19.
2. Попков Д. В., Лежнева А. А. Особенности кибертерроризма и киберэкстремизма как нового вида преступности //Аграрное и земельное право. – 2025. – №. 2. – С. 253-256.
3. Прокофьева Т. В., Тюлякова С. А. Кибертерроризм: понятие, сущность и меры противодействия //Юридическая наука. – 2025. – №. 1. – С. 194-198.
4. Iftikhar S. Cyberterrorism as a global threat: a review on repercussions and countermeasures //PeerJ Computer Science. – 2024. – Т. 10. – С. e1772.
5. LeChette-Danberry C. A. Cyberterrorism and International Laws: Need for Cyber Inclusion : дис. – Walden University, 2025.
6. Montasari R. Cyberspace, cyberterrorism and the international security in the fourth industrial revolution: Threats, assessment and responses. – Springer Nature, 2024.
7. Sayyed H., Paul S. R. Exploring the role of encryption and the dark web in cyber terrorism: legal challenges and countermeasures in India //Cogent Social Sciences. – 2025. – Т. 11. – №. 1. – С. 2479654.

The legal nature of cyberterrorism: problems of qualification and evidence

Asrumyan A.K.

The relevance of the study is due to the escalation of cyberterrorist threats aimed at critical information infrastructure and life support facilities, creating risks of catastrophic consequences for national security. The current legal regulation shows gaps: the absence of a special definition of «cyberterrorism» in the Criminal Code of the Russian Federation leads to competition of norms, blurred criteria of terrorist purpose and the scale of consequences. The proof is complicated by the problems of attribution of perpetrators due to anonymizing technologies, the difficulty of establishing a causal relationship between a cyberattack and physical harm, as well as the cross-border nature of evidence that conflicts with personal data standards. The use of AI for data analysis is limited by the "black box" of algorithms and dependence on foreign platforms. International cooperation is blocked by the absence of a convention and political contradictions. To eliminate the imbalance between security and individual rights, it is proposed: the introduction of a special staff in the Criminal Code of the Russian Federation, the regulation of AI evidence through the status of «technical assistant expert», the creation of mechanisms for emergency cross-border interaction and the responsibility of IT companies for the supply of instruments of terrorism.

Keywords: cyberterrorism, legal qualifications, evidence, criminal proceedings, cybercrime, national security, international cooperation.

References

1. Angel O. Y. Cyberterrorism as a modern social threat to public security: legal counteraction measures //Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2025. – No. 4. – pp. 14-19.
2. Popkov D. V., Lezhneva A. A. Features of cyberterrorism and cyber extremism as a new type of crime //Agrarian and land law. – 2025. – №. 2. – Pp. 253-256.
3. Prokofieva T. V., Tyulyakova S. A. Cyberterrorism: concept, essence and counteraction measures //Yuridicheskaya nauka. – 2025. – No. 1. – pp. 194-198.
4. Iftikhar S. Cyberterrorism as a global threat: a review on repercussions and countermeasures //PeerJ Computer Science. – 2024. – T. 10. – C. e1772.
5. LeChette-Danberry C. A. Cyberterrorism and International Laws: Need for Cyber Inclusion : дис. – Walden University, 2025.
6. Montasari R. Cyberspace, cyberterrorism and the international security in the fourth industrial revolution: Threats, assessment and responses. – Springer Nature, 2024.
7. Sayyed H., Paul S. R. Exploring the role of encryption and the dark web in cyber terrorism: legal challenges and countermeasures in India //Cogent Social Sciences. – 2025. – T. 11. – №. 1. – C. 2479654.

Правовые основы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в интеграционных объединениях: опыт ЕС и вектор развития для ЕАЭС

Багдадян Лида Оганесовна
главный специалист-эксперт Управления международного сотрудничества и валютного контроля ФНС России, liddibag@yandex.ru

В условиях углубляющейся цифровизации и расширения трансграничных финансовых потоков эффективная система противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) становится критически важной для обеспечения экономической безопасности не только отдельных государств, но и целых регионов. В статье рассматривается правовое регулирование ПОД/ФТ в Европейском союзе, включающее директивный подход, институциональные реформы и внедрение наднационального надзора, а также проводится комплексный анализ системы ПОД/ФТ в рамках Евразийского экономического союза. Цель исследования — выявление механизмов и инструментов ЕС, которые могут быть адаптированы для ЕАЭС с учётом региональных особенностей. В результате предложены рекомендации по разработке наднациональной стратегии ПОД/ФТ в ЕАЭС, гармонизации законодательства, внедрению риск-ориентированного подхода и регулированию криптоактивов. Практическая значимость работы заключается в возможности использования выводов при формировании единой евразийской модели ПОД/ФТ, направленной на укрепление финансовой прозрачности, повышение доверия международных партнёров и устойчивое развитие общего рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: отмывание денег, финансирование терроризма, ПОД/ФТ, ФАТФ, европейское право, право ЕАЭС, Европейский союз, Евразийский экономический союз.

Введение

В современном мире международная финансовая инфраструктура играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и стабильного функционирования глобальной экономики. Расширение экономических связей, открытость рынков, либерализация капитала и стремительная цифровизация финансовых систем создают благоприятные условия для экономического роста и инноваций. Вместе с тем эти же процессы формируют значительные риски, связанные с усилением транснациональной организованной преступности и террористических структур, стремящихся использовать уязвимости финансовой системы для осуществления противоправных операций. В частности, отмывание доходов преступного происхождения и финансирование терроризма приобретают масштабный международный характер, затрагивая интересы множества государств и подрывая эффективность национальных и международных правовых механизмов.

Сегодня особое значение имеет укрепление региональных форматов сотрудничества, обусловленное особенностями правовых систем и экономической интеграции. Интеграционные объединения, такие как Европейский союз и Евразийский экономический союз, сталкиваются с высокими рисками, обусловленными свободным движением капитала, товаров, услуг и лиц. Эти преимущества создают также и новые уязвимости, которые преступные структуры стремятся использовать в своих целях. Опыт ЕС показывает, что формирование собственной модели ПОД/ФТ, согласованной с интеграционным правопорядком, позволяет своевременно реагировать на вызовы и поддерживать стабильность региона. Для ЕАЭС, находящегося на этапе становления финансово-правовой инфраструктуры, создание эффективной системы противодействия ОД/ФТ является одним из ключевых условий успешного углубления интеграции и повышения устойчивости финансовой системы Союза.

Эволюция международно-правовой архитектуры ПОД/ФТ

По оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, ежегодный объем отмываемых денежных средств составляет от 2 до 5% мирового ВВП, что эквивалентно от 715 млрд до 1,87 трлн евро [1]. Эти цифры демонстрируют масштаб проблемы, который не может быть решён в рамках отдельных государств. Транснациональный характер финансовых преступлений требует координирован-

ных международных усилий, так как слабости в одной юрисдикции становятся «дырами» в глобальной системе, используемыми преступными группами. [2]

Проведенное исследование показало, что формирование глобальной архитектуры противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма происходило в три взаимосвязанных этапа:

1. **Универсализация стандартов (1989-2001 гг.).** Создание Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) в качестве основного международного актора по ПОД/ФТ и утверждение 40 Рекомендаций заложили основу «мягкого права», которое быстро приобрело фактическую обязательность благодаря резолюциям СБ ООН [3];

2. **Регионализация и институциональное усложнение (2001-2015 гг.).** Появление региональных групп по типу ФАТФ (РГТФ), включая Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (МАНИВЭЛ/MONEYVAL) и Евразийскую группу по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), обеспечило адаптацию глобальных стандартов к правовым и экономическим особенностям стран-участниц.

3. **Цифровой вызов антиотмывочным системам (с 2015 г.).** Расширение трансграничных финтех-сервисов и использование криптоактивов потребовало постоянного обновления рекомендаций ФАТФ и ускоренной унификации терминологии. Так в 2019 году Рекомендация 15 ФАТФ (Новые технологии) была дополнена такими понятиями как «виртуальные активы», «провайдеры услуг в сфере виртуальных активов (ПУВА)», тем самым распространив регулирование ПОД/ФТ на сделки по обмену виртуальными активами, на широкий круг провайдеров криптоуслуг и продуктов, включая хранителей (кастодианов) и биржи. [4]

Европейский союз: эволюция регулятивной модели ПОД/ФТ

Учредительные договоры ЕС (в частности, статья 325 ДФЕС) закрепляют обязанность Союза и государств-членов защищать финансовые интересы ЕС от преступных действий. [5] Поскольку ПОД/ФТ не является исключительной компетенцией Союза, соответствующее регулирование подчиняется принципам субсидиарности и пропорциональности (статья 5 ДЕС). [6]

Правовое регулирование в области ПОД/ФТ в ЕС построено на трех уровнях. Первый — международный, включает стандарты ФАТФ и других организаций (МАНИВЭЛ, Группа Эгмонт). Второй — европейский уровень, включающий акты первичного права, директивы и регламенты ЕС, а также деятельность таких органов, как Европейская комиссия, Европейский орган банковского надзора (ЕВА) и Европол. Третий уровень составляют национальные законодательства государств-членов, которые обязаны имплементировать директивы ЕС. [7]

Основным инструментом регулирования ПОД/ФТ в ЕС являются директивы, так называемые Anti Money Laundering Directives (AMLD), направленные на гармонизацию (но не унификацию) подходов стран-членов. С 1991 года было принято пять директив (AMLD1–AMLD5), причем AMLD4 и AMLD5 стали наиболее значимыми.

Особенностью директивного подхода является предоставление странам-членам свободы выбора формы имплементации, что приводит к вариативности национальных режимов. Например, в Бельгии под регулирование ПОД/ФТ подпадают даже футбольные клубы — реакция на высокий уровень прибыли в этом секторе и выявленные коррупционные скандалы.

Важно обратить внимание на институциональный механизм ПОД/ФТ в ЕС. Центральную роль в формировании и мониторинге политики ПОД/ФТ играет Европейская комиссия. Она обладает полномочиями проверять соответствие национального законодательства директивам; составлять перечни стран с недостатками в системах ПОД/ФТ; публиковать доклады о рисках для внутреннего рынка ЕС; координировать деятельность национальных подразделений финансовой разведки (ПФР); участвовать в международном сотрудничестве (включая ФАТФ и Группу Эгмонт).

ЕС идет дальше рекомендаций ФАТФ, включая в число подотчетных субъектов, например участников рынка искусств, NFT, провайдеров виртуальных кошельков. Риск-ориентированный подход ЕС требует индивидуальной оценки клиентов и секторов, а также документирования всех процессов. Также ЕС создает централизованные системы, такие как BORIS (единая система реестров бенефициарных владельцев), обеспечивая прозрачность и обмен информацией между органами разных стран.

Вместе с тем **директивный формат** вызывает явление forum shopping — выбор юрисдикции с более слабыми требованиями для ведения деятельности, связанной с высоким риском ПОД/ФТ. [8] На практике это выражается в миграции капитала в те юрисдикции ЕС, где контроль за ПОД/ФТ осуществляется формально или слабо.

Существующие вызовы привели к подготовке масштабной реформы и анонсированию в 2021 году Плана действий по реформированию ПОД/ФТ законодательства, охватывающий как правовую, так и институциональную модернизацию.

Анализ актов вторичного права ЕС, которые легли в основу реформу, продемонстрировал последовательный **переход ЕС от фрагментарной директивной гармонизации к прямому регулированию**:

- принят Регламент ЕС о предотвращении использования финансовой системы ЕС в целях ОД/ФТ с едиными лимитами наличных операций (10 тысяч евро) и расширенным перечнем поднадзорных субъектов; [9]
- учрежден **Anti-Money Laundering Authority (AMLA)** с координационными и квазисанкционными полномочиями, позволяющими компенсировать недостатки национальных подразделений финансовых разведок (ПФР) и повысить качество обмена информацией; [10]

• Регламенты **2023/1113 и 2023/1114** образуют нормативный каркас, в рамках которого регулирование ПОД/ФТ распространяется на крипторынок. [11-12]

Итогом всей реформы становится создание единого, прямоприменимого свода правил на уровне ЕС, способного устранить различия в правоприменении, укрепить надзор, унифицировать оценку рисков и обеспечить согласованную борьбу с ОД/ФТ по всем направлениям, включая традиционные финансы и цифровую экономику. Новый подход Союза — это не просто техническая адаптация к требованиям времени, но выражение политической воли к построению устойчивой, прозрачной и эффективно функционирующей системы ПОД/ФТ.

ЕАЭС и участие его государств-членов в глобальной системе ПОД/ФТ

Сравнительный анализ взаимных оценок ФАТФ/ЕАГ показал **гетерогенность национальных режимов:**

• Россия демонстрирует «значительное соответствие» по 33 из 40 рекомендаций ФАТФ, однако техническая приостановка членства в ФАТФ в 2023 году ограничила прямой доступ к механизмам FATF Global Network, поэтому Россия продолжает участвовать в работе площадки через ЕАГ.

• Беларусь, Казахстан и Киргизия сохраняют пробелы в регулировании виртуальных активов и практике риск-оценки;

• Армения (единственный из государств-членов ЕАЭС участник MONEYVAL) достигла полного технического соответствия по Рекомендации 15 (Новые технологии), тогда как остальные государства-члены имеют рейтинг частичное соответствие.

Дисбаланс ярче всего проявляется при сравнении рейтингов по новым технологиям, прозрачности бенефициарной собственности и эффективности финансовых разведок. Тем не менее по блоку «Международное сотрудничество» (Рекомендации 36-40) страны ЕАЭС демонстрируют близкие показатели, что создаёт базу для дальнейшей координации.

Отсутствие в Договоре ЕАЭС прямого мандата в сфере ПОД/ФТ приводит к **фрагментарности наднационального регулирования**. Попытка создать специализированную подгруппу ПОД/ФТ в 2022 году не увенчалась успехом; сегодня координация сосредоточена в Департаменте финансовой политики ЕЭК, обладающем лишь статусом наблюдателя в ЕАГ. [13]

Среди ключевых вех развития регулирования необходимо упомянуть Соглашение о гармонизации законодательства в сфере финансового рынка 2018 года. Оно впервые закрепило необходимость унифицировать требования к банковскому, страховому и фондовому секторам, включая внутренние процедуры ПОД/ФТ. В частности, предусмотрены действия по унификации требований к системе управления рисками, а также по разработке единых стандартов на основе анализа рекомендаций ФАТФ. [14]

Пока наиболее оформленной областью остаётся контроль наличности на границе Союза: Таможенный кодекс ЕАЭС (ст. 260, 351) вводит обязательное письменное декларирование сумм свыше 10 000 долларов США — жёстче, чем рекомендуемые ФАТФ 15 000 долларов США. [15] Решение Коллегии ЕЭК № 130/2019 требует подтверждать происхождение наличных при суммах свыше 100 000 США. [16] Соглашение 2021 г. об обмене информацией обеспечивает передачу данных таможенных деклараций между таможенными органами. [17]

Эти меры уже формируют единое «первое кольцо» защиты, хотя распространяются лишь на наличность, оставляя безналичные и криптоопераций вне наднационального контроля.

Сравнительный синтез и потенциал рецепции европейского опыта

Сопоставление показало, что **ЕС опережает ЕАЭС в области ПОД/ФТ** сразу по трём направлениям:

1. *Институциональная вертикаль:* широкие полномочия Европейской комиссии в области ПОД/ФТ, функционирование AMLA и единых методологий надзора;

2. *Транспарентность бенефициарной собственности:* централизованные реестры, доступные национальным ПФР;

3. *Крипторегулирование:* прямое включение криптоактивов в ПОД/ФТ-режим.

На этой основе сформулированы следующие практические меры для ЕАЭС:

1. Для обеспечения гармонизации законодательства ЕАЭС в области ПОД/ФТ, целесообразно разработать дорожную карту, где будут обозначены конкретные шаги: анализ законодательства, выявление расхождений, разработка модельного закона в сфере ПОД/ФТ, формирование единой информационной базы, а также подготовка кадров и информационно-просветительская работа, в том числе с частным сектором. Особенно актуально уделить внимание таким направлениям, как регулирование криптоактивов, деятельность ПУВА и контроль за безналичными транзакциями;

2. Предоставить ЕЭК функции координации в сфере ПОД/ФТ с полномочиями по разработке модельных актов и стандартов, ведению диалога с международными организациями. Это направление не требует создания новой структуры и не окажет чрезмерной нагрузки на бюджет организации, но при этом откроет путь к более скоординированной политике и международному признанию — например, получению статуса наблюдателя в ФАТФ;

3. В области надзора предлагается создание Координационного центра ПФР при ЕЭК с функциями обмена данными. Потенциальный эффект может проявиться в виде сокращения разрывов в трансграничных расследованиях;

4. Для обеспечения прозрачности предлагается внедрение единого реестра бенефициарных вла-

дельцев на базе уже функционирующих национальных систем, что приведет к снижению рисков анонимных структур и коррупционных схем;

5. В целях обеспечения регулирования криптоактивов предлагается разработать Модельный закон ЕАЭС в области криптоактивов, ввести лицензирование поставщиков услуг и обмен данными между странами ЕАЭС по операциям с криптоактивами;

6. С точки зрения общего риск-ориентированного подхода предлагается разработка единой методологии оценки рисков по секторам и продуктам, имеющим важное значение для ЕАЭС, публикация национальных и союзных отчётов о рисках по примеру ЕАГ;

7. Другим важным направлением может стать внедрение внутреннего перечня лиц, связанных с террористической деятельностью, аналогичного тому, который используется в ЕС. В отличие от списка ООН, включение в этот перечень в ЕС происходит быстрее, что особенно важно в условиях оперативного реагирования на угрозы безопасности. Реализация аналогичной процедуры на уровне ЕАЭС повысила бы эффективность превентивных мер, включая блокировку активов, ограничение перемещений и пресечение финансирования террористических организаций.

Представленные результаты демонстрируют, что **частичная рецепция** (отдельных институтов и цифровых решений) возможна без пересмотра учредительных договоров ЕАЭС, но требует политической воли и дополнительного финансирования.

Выводы

Глобальная система ПОД/ФТ эволюционировала от рекомендаций «мягкого права» к многоуровневому механизму взаимных оценок и санкций, что усилило роль интеграционных объединений как проводников стандартов ФАТФ.

Европейский союз сформировал **результативную, но ещё не полностью эффективную** модель, сочетающую наднациональный надзор, единые реестры бенефициаров и комплексное крипторегулирование. Проблемы директивной имплементации и низкой конфискации криминальных активов остаются нерешёнными.

В ЕАЭС наблюдается **асимметрия национальных режимов** ПОД/ФТ и ограниченный мандат ЕЭК. Это создаёт «регулятивные лакуны», повышающие уязвимость общего финансового рынка.

Сопоставление практик ЕС и ЕАЭС показывает, что **рецепция европейского опыта возможна по линии «точечных» наднациональных механизмов** (Координационный центр ПФР, единый реестр бенефициаров, Модельный закон по криптоактивам) без необходимости полной унификации правового регулирования.

Реализация указанных мер позволит выстроить **прозрачную, согласованную и технологически адаптированную** систему ПОД/ФТ в ЕАЭС, повысить доверие международных партнёров и укрепить финансовую стабильность регионального рынка.

Литература

1. Управление ООН по наркотикам и преступности [официальный сайт] – URL: https://dataunodc.un.org/dp-crime-corruption-offences (дата обращения: 15.07.2025)

2. Левакин И.В. Международное сотрудничество в области противодействия легализации доходов от преступной деятельности / И.В. Левакин, Н.В. Морозов // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 13-18. – Текст: электронный // МГИМО [сайт] – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/be6/levakin.pdf (дата обращения: 15.07.2025)

3. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1617 (2005). – Текст: электронный // ООН [официальный сайт] – URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1617-%282005%29 (дата обращения: 15.07.2025)

4. Пузырев С.А. Тенденции деятельности ФАТФ по противодействию угрозам глобальной финансовой системе // Вестник экономической безопасности. – 2020. – №3. – С. 302-306. – Текст: электронный // Киберленинка [сайт] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-deyatelnosti-fatf-po-protivodeystviyu-ugrozam-globalnoy-finansovoy-sisteme (дата обращения: 15.07.2025)

5. Договор о функционировании Европейского союза (ДФЕС), 2008. – Текст: электронный // Eur-Lex [сайт] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT (дата обращения: 15.07.2025)

6. Договор о Европейском союзе (ДЕС), 1992. – Текст: электронный// Eur-Lex [сайт] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT (дата обращения: 15.07.2025)

7. Касьянов Р.А. Региональные механизмы противодействия правонарушениям в финансовой сфере: учебник в 2 частях / Р. А. Касьянов, А. К. Макаренко; под научной редакцией А. Г. Волеводза. — Москва: Прометей, 2022 — Часть 1: Европейский союз и противодействие правонарушениям в финансовой сфере — 2022. — 1088 с. — Текст: электронный // Лань [электронно-библиотечная система] — URL: https://e.lanbook.com/book/290495 (дата обращения: 15.07.2025)

8. Bergström M. The Global AML Regime and the EU AML Directives: Prevention and Control, in The Palgrave Handbook of Criminal and Terrorism Financing Law, Palgrave, Macmillan, Cham, Switzerland, 2018. – Текст: электронный // Researchgate [сайт] – URL: https://www.researchgate.net/publication/324969911_The_Global_AML_Regime_and_the_EU_AML_Directives_Prevention_and_Control (дата обращения: 15.07.2025)

9. Регламент (ЕС) 2024/1624 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2024 года о предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма – Текст: электронный // Eur-Lex [сайт] – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1624/oj/eng (дата обращения: 15.07.2025)

10.Регламент (ЕС) 2024/1620 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2024 года о создании Агентства по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма и внесении изменений в Регламенты (ЕС) № 1093/2010, (ЕС) № 1094/2010 и (ЕС) № 1095/2010 – Текст: электронный // Eur-Lex [веб-сайт] – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1620/oj/eng (дата обращения: 15.07.2025)

11.Регламент (ЕС) 2023/1113 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года об информации, сопровождающей переводы средств и определенных криптоактивов, и о внесении изменений в Директиву (ЕС) 2015/849 – Текст: электронный // Eur-Lex [сайт] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1113 (дата обращения: 15.07.2025)

12.Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптоактивов и внесении изменений в Регламенты (ЕС) № 1093/2010 и (ЕС) № 1095/2010 и директивы 2013/36/ЕС и (ЕС) 2019/1937. – Текст: электронный // Eur-Lex [сайт] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32023R1114 (дата обращения: 15.07.2025)

13.Шохин С.О. Проблемы правового обеспечения борьбы с легализацией незаконно полученных доходов в Евразийском экономическом союзе «Юрист» – №1, – 2018 г., стр. 52-57. – Текст: электронный // МГИМО [сайт] – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/e06/problemy-pravovogo-obespecheniya-borby-s-legalizaciej-nezakonno-poluchennyh-dohodov-v-evrazijskom-ehkonomicheskom-soyuze.pdf3 (дата обращения: 15.07.2025)

14.Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка, 2018 – Текст: электронный // Консультант-Плюс [сайт] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310465/ (дата обращения: 15.07.2025)

15.Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – Текст: электронный // Консультант-Плюс [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 15.07.2025)

16.Решение Коллегии ЕЭК от 06.08.2019 № 130 О представлении документов для подтверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов – Текст: электронный // Консультант-Плюс [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331278/ (дата обращения: 15.07.2025)

17.Соглашение об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза от 20 июля 2021 года – Текст: электронный // Консультант-Плюс [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391080/ (дата обращения: 15.07.2025)

Legal Frameworks of AML/CFT in Integration Unions: the EU experience and the development path for the EAEU

Bagdadyan L.O.
Federal Tax Service of Russia

In the context of deepening digitalization and the intensification of cross-border financial flows, the development of an effective system to counter money laundering and terrorist financing (AML/CFT) is becoming critically important for ensuring economic security. This article examines the legal framework for AML/CFT in the European Union, focusing on the evolution of directives, institutional reforms, and the establishment of supranational supervisory mechanisms. It also provides a comprehensive analysis of the current state of AML/CFT systems within the Eurasian Economic Union (EAEU). The main objective of the study is to identify regulatory tools and mechanisms applied in the EU that may be effectively adapted to the EAEU, considering regional specificities. Based on the findings, the paper outlines practical recommendations for developing a supranational AML/CFT strategy in the EAEU, harmonizing national legislation, implementing a risk-based approach, and establishing regulation of crypto-assets. The practical significance of the study lies in its applicability for policymakers and regulatory bodies seeking to build a coherent and resilient AML/CFT framework in the EAEU. The proposed measures aim to enhance financial transparency, foster trust among international partners, and ensure the sustainable development of the common financial market.

Keywords**:** money laundering, terrorist financing, AML/CFT, FATF, European law, law of the EAEU, European union, Eurasian economic union.

References

1. United Nations Office on Drugs and Crime преступности [official website] – URL: https://dataunodc.un.org/dp-crime-corruption-offences (date of access: 15.07.2025)
2. Levakin I.V. International cooperation in countering the legalization of proceeds from crime / I.V. Levakin, N.V. Morozov // Law and modern states. – 2016. – No. 3. – pp. 13-18. – Text: electronic // MGIMO [website] – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/be6/levakin.pdf (date of access: 15.07.2025)
3. UN Security Council Resolution № 1617 (2005). – Text: electronic // UN [official website] – URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1617-%282005%29 (date of access: 15.07.2025)
4. Puzyrev S.A. Trends in the FATF's activities to counter threats to the global financial system // Bulletin of Economic Security. – 2020. – No. 3. – pp. 302-306. – Text: electronic // Cyberleninka [website] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-deyatelnosti-fatf-poprotivodeystviyu ugrozam-globalnoy-finansovoy-sisteme (date of access: 15.07.2025)
5. Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU), 2008. – Text: electronic // Eur-Lex [website] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT (date of access: 15.07.2025)
6. Treaty on European Union (TEU), 1992. – Text: electronic // Eur-Lex [website] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT (date of access: 15.07.2025)
7. Kasyanov R.A. Regional mechanisms for countering offenses in the financial sector: a textbook in 2 parts / R. A. Kasyanov, A. K. Makarenko; edited by A. G. Volevodz. — Moscow: Prometheus, 2022 — Part 1: The European Union and countering financial crimes — 2022. — 1088 p. — Text: electronic // Lan [electronic library system] — URL: https://e.lanbook.com/book/290495 (date of access: 15.07.2025)
8. Bergström M. The Global AML Regime and the EU AML Directives: Prevention and Control, in The Palgrave Handbook of Criminal and Terrorism Financing Law, Palgrave, Macmillan, Cham, Switzerland, 2018. – Text: electronic // Researchgate [website] – URL: https://www.researchgate.net/publication/324969911_The_Global_AML_Regime_and_the_EU_AML_Directives_Prevention_and_Control (date of access: 15.07.2025)
9. Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing – Text: electronic // Eur-Lex [website] – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1624/oj/eng (date of access: 15.07.2025)
10. Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism and amending Regulations (EU) No 1093/2010, (EU) No 1094/2010 and (EU) No 1095/2010 – Text: electronic // Eur-Lex [website] – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1620/oj/eng (date of access: 15.07.2025)
11. Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets and amending Directive (EU) 2015/849 – Text: electronic // Eur-Lex [website] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1113 (date of access: 15.07.2025)
12. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets and amending Regulations

(EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. – Text: electronic // Eur-Lex [website] – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32023R1114 (date of access: 15.07.2025)
13. Shokhin S.O. Problems of legal support for combating the legalization of illegally obtained income in the Eurasian Economic Union "Lawyer" – No. 1, 2018, pp. 52-57. – Text: electronic // MGIMO [website] – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/e06/problemy-pravovogo-obespecheniya-borby-s-legalizaciej-nezakonno-poluchennyh-dohodov-v-evrazijskom-ehkonomicheskom-soyuze.pdf3 (date of access: 15.07.2025)
14. Agreement on the Harmonization of Legislation of the Member States of the Eurasian Economic Union in the field of financial market, 2018 – Text: electronic // Consultant-Plus [website] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310465 / (date of access: 15.07.2025)
15. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 05/29/2019, as amended dated 03/18/2023) (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union). – Text: electronic // Consultant-Plus [website] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 / (date of access: 15.07.2025)
16. Decision of the Board of the EEC dated 08/06/2019 No. 130 On the submission of Documents to Confirm the Origin of Cash and (or) Monetary Instruments – Text: electronic // Consultant-Plus [website] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331278 / (date of access: 15.07.2025)
17. Agreement on the Exchange of information in the field of countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism when Moving Cash and (or) Monetary Instruments across the Customs Border of the Eurasian Economic Union dated July 20, 2021 – Text: electronic // Consultant-Plus [website] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391080 / (date of access: 15.07.2025)

Запрет производства экстремистских материалов и их распространения, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»

Залиханова Лейла Ибрагимовна
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ИПЭиФ, КБГУ, zalihanowa@yandex.ru

Шогенова Фатима Олеговна
канд. экон. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ИПЭиФ, КБГУ, shogenova75@mail.ru

В статье рассматриваются правовые механизмы запрета производства и распространения экстремистских материалов в российском уголовном законодательстве. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с использованием электронных носителей информации и сети «Интернет» для распространения экстремистского контента. Автор анализирует существующую нормативно-правовую базу, правоприменительную практику и проблемы квалификации подобных деяний. В работе исследуются особенности выявления, пресечения и расследования указанных преступлений, а также предлагаются пути совершенствования уголовно-правовых мер противодействия экстремизму в цифровой среде с учетом баланса между обеспечением безопасности и соблюдением конституционных прав граждан.
Ключевые слова: экстремизм, экстремистские материалы, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, уголовная ответственность, информационная безопасность, противодействие экстремизму, цифровая среда.

В современном российском обществе проблема распространения экстремистских материалов приобрела особую актуальность в связи с развитием цифровых технологий и расширением информационного пространства. Правовое регулирование данной сферы представляет собой сложный комплекс норм, центральное место в котором занимают положения уголовного законодательства. Настоящее исследование посвящено анализу правового режима запрета производства и распространения экстремистских материалов, особенно в контексте использования электронных носителей информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Концепция экстремистских материалов в российском законодательстве получила свое нормативное закрепление в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Согласно данному акту, экстремистские материалы представляют собой документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности или обосновывающие необходимость такой деятельности. Примечательно, что законодатель не ограничивает понятие экстремистских материалов исключительно печатными изданиями, распространяя его действие на аудио- и видеозаписи, изображения и иные формы представления информации [2].

Уголовно-правовое регулирование вопросов противодействия экстремистским материалам основывается на системе норм, предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации. Центральное место занимает статья 282 УК РФ, устанавливающая ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Квалифицирующим признаком данного состава преступления является использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», что свидетельствует об осознании законодателем повышенной общественной опасности распространения экстремистских материалов посредством современных технологий.

Особое внимание следует уделить статье 282.1 УК РФ, которая криминализирует организацию экстремистского сообщества. В контексте распространения экстремистских материалов данная норма приобретает значение в случаях, когда производство и распространение таких материалов осуществляется организованной группой лиц. Примечательно, что законодатель включил в диспозицию данной статьи указание на цель подготовки или со-

вершения преступлений экстремистской направленности, что позволяет привлекать к ответственности лиц, занимающихся производством экстремистских материалов с целью их последующего распространения [4].

Статья 282.2 УК РФ устанавливает ответственность за организацию деятельности экстремистской организации. В контексте исследуемой проблематики данная норма применима к случаям, когда производство и распространение экстремистских материалов осуществляется в рамках организации, ранее признанной экстремистской и запрещенной по решению суда. Практика показывает, что деятельность таких организаций часто связана с масштабным производством и распространением экстремистских материалов с использованием информационных технологий.

Заслуживает внимания и статья 282.3 УК РФ, устанавливающая ответственность за финансирование экстремистской деятельности. Поскольку производство качественных экстремистских материалов, особенно с использованием современных технологий, требует финансовых вложений, данная норма позволяет привлекать к ответственности лиц, спонсирующих такую деятельность.

Российское уголовное законодательство также содержит норму, непосредственно направленную на противодействие распространению экстремистских материалов – статью 20.29 КоАП РФ. Хотя данная норма относится к административному праву, она тесно связана с уголовно-правовыми механизмами и предусматривает ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения [5].

Практика применения указанных норм свидетельствует о наличии ряда проблем. Прежде всего, это касается определения границ между законной реализацией права на свободу слова и распространением экстремистских материалов. Судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода к оценке материалов, содержащих критику определенных социальных групп или религиозных воззрений, что создает риск необоснованного привлечения к ответственности.

Особую сложность представляет противодействие распространению экстремистских материалов в сети «Интернет». Анонимность пользователей, трансграничный характер сети, использование шифрования и других технологий затрудняют выявление и привлечение к ответственности лиц, занимающихся производством и распространением экстремистских материалов. В этой связи законодателем были внесены изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предусматривающие механизмы блокировки доступа к информационным ресурсам, содержащим экстремистские материалы [3].

Значимым аспектом проблемы является международное сотрудничество в сфере противодействия распространению экстремистских материалов. Учитывая глобальный характер сети «Интернет», эффективное противодействие требует координации усилий различных государств. Российская Федерация является участником ряда международных соглашений в данной сфере, однако различия в национальных подходах к определению экстремистских материалов создают препятствия для эффективного сотрудничества.

Заслуживает внимания и проблема профилактики распространения экстремистских материалов. Уголовно-правовые механизмы, будучи мерами реагирования на уже совершенные деяния, не могут полностью предотвратить производство и распространение экстремистских материалов. В этой связи особое значение приобретают меры профилактического характера, включая информационно-просветительскую работу, формирование культуры толерантности и правовой культуры.

Технологический аспект проблемы связан с постоянным совершенствованием средств производства и распространения информации. Появление новых форматов представления информации, развитие технологий шифрования, использование децентрализованных сетей создают новые вызовы для правоохранительных органов. В этой связи законодательство должно своевременно адаптироваться к технологическим изменениям, что требует постоянного мониторинга ситуации и оперативного реагирования на возникающие угрозы [1].

Особого внимания заслуживает вопрос о соразмерности уголовно-правовых санкций характеру и степени общественной опасности деяний, связанных с производством и распространением экстремистских материалов. Анализ судебной практики свидетельствует о наличии случаев назначения чрезмерно строгих наказаний за деяния, объективная общественная опасность которых вызывает сомнения. Это актуализирует проблему дифференциации ответственности в зависимости от характера материалов, масштаба их распространения, мотивов действий виновного и иных обстоятельств.

Значимым аспектом проблемы является экспертная оценка материалов на предмет наличия в них признаков экстремизма. Практика показывает, что качество таких экспертиз не всегда соответствует требованиям объективности и научной обоснованности. Это создает риски как необоснованного привлечения к ответственности невиновных лиц, так и освобождения от ответственности лиц, действительно виновных в производстве и распространении экстремистских материалов [2].

Анализ правоприменительной практики также свидетельствует о проблеме недостаточной эффективности механизмов блокировки доступа к информационным ресурсам, содержащим экстремистские материалы. Блокировка зачастую осуществляется со значительной задержкой, а информационные ресурсы легко меняют доменные имена или используют технологии обхода блокировок. Это снижает эффективность предусмотренных законодательством мер реагирования и требует совершенствования технических аспектов противодействия.

Таким образом, исследование правового режима запрета производства и распространения экстремистских материалов, особенно в контексте использования электронных носителей информации и информационно-телекоммуникационных сетей, выявляет ряд проблем, требующих комплексного решения. К ключевым проблемам следует отнести:

1. Недостаточную определенность критериев отнесения материалов к экстремистским, что создает риски необоснованного привлечения к ответственности.

2. Сложности в выявлении и документировании фактов производства и распространения экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях.

3. Проблемы международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональному распространению экстремистских материалов.

Для решения указанных проблем представляется целесообразным:

1. Конкретизировать законодательные критерии отнесения материалов к экстремистским, разработав методические рекомендации для правоприменителей.

2. Совершенствовать механизмы международного сотрудничества в сфере противодействия распространению экстремистских материалов, включая гармонизацию национальных законодательств.

3. Развивать технические средства мониторинга информационного пространства и блокировки доступа к экстремистским материалам.

4. Повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов и судей в сфере противодействия экстремизму в информационной среде.

Реализация указанных рекомендаций позволит повысить эффективность противодействия производству и распространению экстремистских материалов при одновременном обеспечении баланса между интересами безопасности общества и реализацией конституционных прав граждан на свободу слова и информации.

Литература

1. Документоведческие экспертизы в расследовании проявлений экстремизма / А. М. Моисеев, С. В. Кондратюк, И. А. Побережная [и др.] // Социальное управление. – 2024. – Т. 6, № 4. – С. 140-154.

2. Закирова, О. Н. Процессуальные проблемы участия прокурора при производстве административных дело признании информационных материалов экстремистскими / О. Н. Закирова // Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. – С. 53-60.

3. Канунникова, Н. Г. Административная ответственность за производство и распространение экстремистских материалов: значение экспертного исследования / Н. Г. Канунникова // Административное право и процесс. – 2022. – № 9. – С. 47-49.

4. Мокрушина, Ю. А. Судебные экспертизы экстремистских материалов: теоретические и практические проблемы, пути их решения / Ю. А. Мокрушина, Н. А. Костикова // Эксперт-криминалист. – 2024. – № 4. – С. 15-18.

5. Николаева, Е. А. Оценка роли статьи 20.29 КОАП РФ в системе административного законодательства о противодействии экстремизму / Е. А. Николаева, И. А. Ардамин // Абакан: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2023. – С. 138-141.

Prohibition of the production of extremist materials and their distribution, including on electronic media, as well as in information and telecommunications networks, including the Internet

Zalikhanova L.I., Shogenova F.O.
KBSU

The article examines the legal mechanisms for prohibiting the production and distribution of extremist materials in Russian criminal legislation. Particular attention is paid to modern challenges associated with the use of electronic media and the Internet to distribute extremist content. The author analyzes the existing legal framework, law enforcement practice and problems of qualifying such acts. The work examines the features of identifying, suppressing and investigating these crimes, and suggests ways to improve criminal law measures to counter extremism in the digital environment, taking into account the balance between ensuring security and respecting the constitutional rights of citizens.

Keywords: extremism, extremist materials, information and telecommunication networks, Internet, criminal liability, information security, countering extremism, digital environment.

References

1. Documentation examinations in the investigation of manifestations of extremism / A. M. Moiseev, S. V. Kondratyuk, I. A. Poberezhnaya [et al.] // Social management. - 2024. - Vol. 6, No. 4. - P. 140-154.
2. Zakirova, O. N. Procedural problems of the prosecutor's participation in the production of administrative cases recognizing information materials as extremist / O. N. Zakirova // Moscow: Russian State University of Justice, 2022. - P. 53-60.
3. Kanunnikova, N. G. Administrative liability for the production and distribution of extremist materials: the importance of expert research / N. G. Kanunnikova // Administrative law and process. - 2022. - No. 9. - P. 47-49.
4. Mokrushina, Yu. A. Forensic examinations of extremist materials: theoretical and practical problems, ways to solve them / Yu. A. Mokrushina, N. A. Kostikova // Forensic expert. - 2024. - No. 4. - P. 15-18.
5. Nikolaeva, E. A. Assessment of the role of Article 20.29 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the system of administrative legislation on counteracting extremism / E. A. Nikolaeva, I. A. Ardamin // Abakan: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Khakass State University named after N. F. Katanov", 2023. - P. 138-141.

Преступник и его правовые характеристики в русском праве (XV-XVII вв.)

Повалий Светлана Ивановна
старший преподаватель кафедры государственно- правовых дисциплин, Мелитопольский государственный университет

В статье рассматриваются особенности правового статуса преступника в русской уголовно-правовой системе XV–XVII вв. Установлено, что уголовное право данного периода формировалось под влиянием религиозных представлений. Особое внимание уделено возрасту наступления ответственности, сословной дифференциации наказаний и институционализации деления преступников на «лихих» и исправляемых. Анализируется эволюция понятий вины, умысла и посягательства, а также формирование категории «ведомых лихих людей» как правового инструмента идентификации рецидивистов. Показывается, что практика «лихования» сочетала правовые и общественные основания признания виновности. Делается вывод о постепенном усилении репрессивного характера законодательства с одновременным развитием дифференцированного подхода к оценке личности преступника и характера содеянного.
Ключевые слова: преступник, преступление, «лихие люди», «добрые люди», «лихование», вина, умысел

Интерес к изучению личности преступника, к вопросам классификации лиц, склонных к преступлениям и совершающих их, к правовым характеристикам личности правонарушителя возник в российской правовой науке уже достаточно давно. Более того, определенное представление о том, кто и по какой причине является преступником, имелось уже в античные времена. Анализ эволюции представлений о личности преступника и его правовых характеристиках позволяет понять, что эти представления на протяжении истории существенно изменялись, трансформировались с учетом динамики правовой науки, законотворчества и правоприменения.

К началу рассматриваемого нами периода (XV в.) уголовное право и уголовный процесс формировались и развивались под влиянием религиозного фактора. В подобном контексте основной причиной преступности является бездуховность человека, а всякое преступление являет собой грех [9, с. 64].

Как и в западноевропейском средневековом праве, в центре русской правовой доктрины находилась личность, рассматриваемая как творение Бога. С одной стороны, действия властей в отношении преступника ограничивались пределами, установленными христианскими канонами. С другой стороны, изучение нормативно-правового массива данного периода позволяет понять, что нередко правовая регламентация положения преступника выходила за пределы религиозной православно-идеологической системы отношения к человеку [5].

Если же обратиться непосредственно к представлениям о преступнике и его правовым характеристикам в период с XV по XVII вв., можно отметить, что ответственность за уголовные деяния начиналась с 7 лет, поскольку считалось, что именно с этого возраста человек мог грешить. Тем не менее, с 7 до 11 лет мера ответственности за преступления не была полной – малолетний возраст существенно ограничивал правоспособность личности. С 12-14 лет наступала полная уголовная ответственность. Способность нести уголовную ответственность в XV-XVII вв. связывали с категорией эмансипации: так, ее несли женщины, достигшие 12-летнего возраста, и мужчины, достигшие с 14 лет. Именно в этом возрасте лицо могло вступить в брак и приобрести соответствующие имущественные и семейные права. В Уложении 1649 г. и в последующем данный возрастной порог был поднят до 15 лет [4, с. 219]. Несмотря на то, что грех мог быть совершен лишь с семилетнего возраста, в исторических источниках имеются упоминания об отдельных случаях

казней малолетних, которые, тем не менее, являлись актами произвола и противоречили положениям законодательства [4, с. 219].

Социальный статус лица, как правило, учитывался при классификации преступлений, преступников и видов наказаний. Тем не менее, в XV в. и до середины XVI в. русское уголовное право в вопросе привлечения к ответственности стремилась к обеспечению равенства перед законом для представителей всех сословий. Нормативные акты, принимаемые до Уложения 1649 г., декларировали принцип равной расправы «от большего чину до меньшего». Предполагалось, что преступником может выступать представитель любого сословия, хотя на практике уголовные наказания применялись с разной степенью тяжести. Таким образом, четкая социальная стратификация в практике правоприменения отчасти делала принцип равенства перед законом фиктивным. Тем не менее, многие аспекты равноправия все еще были реализованы: так, любой преступник имел право пользоваться христианской обрядностью, обладал правом на исповедь, погребение, отпущение грехов.

С середины XVI в. в русском обществе стала выкристаллизовываться социальная прослойка, обладающая экономическим и политическим весом – дворянство. Эта тенденция привела к тому, что одни сословия получили право вершить правосудие над другими и, соответственно, принцип равной уголовной ответственности практически утратил фактическую силу. На протяжении последующего столетия сословное неравенство расширялось, хотя все еще преступником мог быть представитель любой социальной страты.

В текстах Судебников XV–XVII вв., таким образом, наблюдалась некая двойственность: с одной стороны, сословная принадлежность субъекта преступления не должна была влиять на наступление самого факта ответственности. Тем не менее, критерий сословия определял меру ответственности: лица высших сословий могли быть помилованы государем, феодалы имели преимущества над представителями низших сословий. Следует отметить, что некоторые преступления могли быть совершены лишь представителем конкретного сословия и были «недоступны» для других, с чем, собственно, и связана вариативность наказаний. Так, к примеру, феодал едва ли мог совершить обычную кражу, а крестьянин не мог совершить должностного преступления, так как не мог быть должностным лицом.

Также в пример приведем такое наказание, как «быти от государя в опале» (ст. 2, 7 Судебника 1550 г.). Опала обозначала запрет общаться с царем, посещать его, отказывать в просьбах, милостях и наградах, в отстранении от должности, в тюремном заключении, ссылки в монастырь или в отдаленные города. Безусловно, такое наказание могло быть исполнено лишь в отношении представителей высших классов [2, с. 31]

С середины XV в. на Руси сформировалось особое отношение к преступникам и их дифференциации. Нормативную фиксацию подобный подход получил в положениях земско-губного законодательства 30-50-х годов XVI в. Речь идет о том, что преступники резко разделялись на две крупные категории. «лихие» преступники представляли собой рецидивистов, профессиональных преступников, которые в большинстве случаев рассматривались как бесперспективные для «исправления», что, в свою очередь, отражалось на характере применяемых к ним наказаний (казнь и т.п.). Те правонарушители, которые не считались «лихими», подвергались последовательному и системному воздействию принудительных мер с возможностью последующего исправления. Можно сказать, что подобный подход к карательной доктрине был ориентирован не столько на превентивный террор, сколько на формирование условий, при которых преступник «возвращался» под общественным надзором в социальную жизнь. Ситуация несколько изменилась после принятия Уложения от 1649 г., благодаря которому был реализован пересмотр традиционных воззрений в сторону превентивного террора [5].

Следует отметить такую характерную черту русской правовой доктрины, как синкретизм уголовно наказуемых деяний, гражданско-правовой сферы и процессуальной деятельности. К XVI в. постепенно стала прослеживаться дифференциация уголовного права на два направления по критерию типа преступной личности и ее предыдущего опыта правонарушений. Так, одни законы затрагивали преступников, совершивших обычные правонарушения, тогда как другие касались т.н. «лихого дела» (рецидива, профессиональной преступной деятельности). Категория «лихое дело» определялась как тяжелое преступное деяние с ущербом для интересов государства. К концу XVII в. данный был заменен на «воровство», впервые закрепленный в Судебнике 1589 г. Воровство предполагало нанесение двойного вреда государству: политического и имущественного [5, с. 218].

Анализ законодательных актов рассматриваемого периода позволяет получить представление о сосуществовании условной классификации преступников по критериям вины, ее осознания и воли. Особенно четко понятие вины и ее взаимосвязь с личностью преступника детализировано в тексте Уложения 1649 г. Положения четко разграничивают преступления умышленные и совершенные по неосторожности. Мера вины зависела от внутренней воли лица («злая воля») и определяла тип наказания. Данное положение существенно отличает русское законодательство от западноевропейского, где казни применялись и в отношении животных, которые, согласно отечественной доктрине априори не могли обладать «злой волей». В Судебниках и в Уложении «виноватость» (вина, ее осознание, иногда – умысел) являлась условием совершения преступления, и без нее осудить человека было невозможно [6]. Вышеотмеченные земско-губные преобразования XVI в. окончательно связали личность преступника с его психическим отношением к содеянному. Полное осознание содеянного обозначало умысел и предусматривало более жесткую меру

наказания (появились понятия «хитростных» преступлений, «умышлений») [4, с. 229]. В положениях Уложения от 1649 г. «умышление» представлено в трех формах: «умышление» на государственные интересы, «умышление» воровское и «умышление» на убийство [6]. Таким образом, впервые в истории отечественного права была введена категория посягательства – преступником мог считаться и тот, кто не успел совершить преступное деяние, но запланировал его.

В связи с вышеизложенным представляется вполне логичным тот факт, что «бесные» (психически больные) лица не могли считаться преступниками и, соответственно, освобождались от наказаний [4, с. 229]. Статус «бесных» как правонарушителей рассматривался не с позиций законодательства, а, скорее, сквозь призму религиозной парадигмы, в рамках которой понятие вины и ответственности трактовалось несколько иначе. Одержимость трактовалась не как преступление, а как болезнь – духовная и телесная одновременно. Бесноватый воспринимался как жертва потусторонних сил, а не как сознательный нарушитель закона. Поскольку поведение бесноватого объяснялось воздействием внешней силы, а не волей самого человека, его поступки не воспринимались как проявление сознательного злонамеренного действия. Это положение соответствует логике правовых кодексов того времени, в которых действовал принцип личной вины и сознательного умысла.

Таким образом, ключевой правовой характеристикой преступника выступает вина. По мере эволюции законодательства положения нормативных актов стали дополняться перечнями обстоятельств, усиливающих или уменьшающих ответственность лица, совершившего преступление. Отягчающими вины обстоятельствами во всех документах рассматриваемого нами периода выступали рецидив и совершение преступления с особой жестокостью. Злоумышленник, как считал русский законодатель, является особенно злостным при совершении ночной кражи, кражи в церкви или на государевом дворе. Отягчающими обстоятельствами выступал предварительный сговор, злоупотребление служебным положением. Эти и другие обстоятельства позволяли считать преступника профессиональным, склонным к рецидиву.

Некоторые личностные характеристики преступников учитывались в качестве смягчающих вину обстоятельств – малый или старческий возраст, крайняя нужда, скудоумие, крайняя необходимость.

Интересно, что умственные и психоэмоциональные характеристик также учитывались при рассмотрении личности правонарушителя: в Русской Правде, составленной *в начале и середине XI в.* и применяемой до 1497 г., состояние опьянения считалось смягчающим обстоятельством [7]. Соборное Уложение от 1649 г. меняет отношения законодателя к этому обстоятельству: причинение тяжких телесных повреждений или убийство, совершенное «с пьянства», относятся к числу хитростных (умышленных, злонамеренных), так как человек мог выпить для смелости с целью совершения преступления [3, с. 22].

Преступникам – «лихим людям» – были противопоставлены «добрые люди». В результате проведения земско-губных и судебных реформ (первые из которых произошли в 30-х гг. XVI в.) судебное разбирательство и вынесение приговоров проходили при участии лиц, избираемых населением. Для того, чтобы попасть в разряд «добрых», лицо должно было обладать устойчивым материальным положением, «неопороченностью по суду», доверием свободного населения. «Добрые люди» определяли, к какому классу следует отнести подсудимого – профессиональных преступников («лихих») или обычных [4, с. 36].

Отнесение преступника к «лихим» имело важное значение для хода и результата судебного разбирательства. «Лихие», как правило, повергались смертной казни, причем в ряде случаев важную роль играл не столько состав и характер совершения преступления, а криминальный бэкграунд правонарушителя и его личностные характеристики. Положения Судебников, в частности, указывали: смертной казни подлежали следующие преступники: «государьский убойца», «коромолник», «подымщик», «зажигалник», «церковный тать», «головной тать», тать, пойманный «вьдругые», тать, впервые пойманный с поличным, но признанный «татем ведомым»; «ведомой лихой», совершивший «татбу», «разбой», «душегубство», «ябедничество» или «иное какое лихое дело» [2, с. 30].

Особую группу правонарушителей составляли «ведомые лихие люди» – преступники, совершившие наиболее опасные деяния. «Ведомо лихой человек», виновный в краже, разбое или душегубстве, приговаривался к смертной казни, а его имущество конфисковывалось в пользу потерпевшего и судей («шло только то, что останется») [2, с. 31].

Термин «ведомый лихой человек» был впервые зафиксирован в тексте Судебника от 1497 г. и обозначал фактически профессионального преступника-рецидивиста, общественно опасного правонарушителя [7]. Понятие укореняется в процедуре т.н. «облихования», или «лихованного обыска»: в ходе опроса властями населения той местности, где жил подозреваемый, устанавливалась виновность или невиновность и в том числе присваивался статус «ведомого лихого человека». Данная категория встречалась в законодательстве вплоть до конца XVII века.

«Лихование» тесно связано с целями наказаний: наказывая преступника, власти преследовали цель по устрашению и предупреждению новых преступлений. В частности, смертную казнь для разбойников через повешение требовалось проводить в тех местах, где они «разбой творяху» «да видения ради убоятся начинающии таковая». В тексте губного наказа селам Кириллова монастыря от 1549 г. предписывается вешать воров и разбойников «в тех местех, где которого татя поймают с татьбою» [1, с. 8].

Для «нелихих» были предусмотрены наказания в виде тюремного заключения, ссылки, уголовного по-

ручительства и проч., которые можно рассматривать как средство исправления самого преступника. «Лихой» же, в свою очередь, считался неисправимым, поэтому наказание, применяемое к нему, не ставило своей целью достижение социальной справедливости и носило «бесповоротный» характер.

С одной стороны, лицо, впервые совершившее преступление, не считалось лихим, но при вторичной краже, при разбое и грабеже расследовалась связь подозреваемого с «лихими людьми» и, при ее обнаружении, могло следовать причисление правонарушителя к «лихим» и назначение смертной казни [4, с. 221]. С другой стороны, при первом совершении тяжких преступлений – разбой, душегубство, татьба – правонарушитель априорно считался «лихим». Так, в данную категорию, согласно ст. 9 Судебника 1497 г. [7] и ст. 61 Судебника 1550 г. [8], попадали антигосударственные деяния, политические и должностные преступления. Лицо, совершившее крамолу (госизмену), «государский убойца», «церковный тать», «головник», «подымщик и зажигальщик» – все они подлежали смертной казни.

В нормативных актах рассматриваемого периода можно, помимо прочего, столкнуться с классификацией преступников по типу совершенного преступления. К примеру, в тексте Судебника от 1497 г. описан перечень общественно опасных деяний, среди которых наибольшее значение имели разбой, *татьба* (воровство) и убийство [7]. Применялись, таким образом, специальные термины: «тать», «зажигальник», «душегубец», «крамольник», «вор» и т.д.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Уголовное право и уголовно-процессуальные нормы на Руси формировались под значительным влиянием религиозного мировоззрения, в основе которого лежала христианская оценка человеческих поступков. Преступление в данной правовой парадигме рассматривалось не только как деяние, нарушающее общественный порядок, но прежде всего как грех.

– В период XV–XVII вв. частичная уголовная ответственность в России наступала с 7 лет, но полной становилась лишь с 12–14 лет, что связывалось с эмансипацией и возможностью вступления в брак и обретения имущественных прав. Несмотря на провозглашённое равенство перед законом, социальный статус нередко определял меру наказания. С XVI века усилилось сословное неравенство: дворяне получили судебные привилегии, а наказания стали зависеть от сословной принадлежности преступника.

– С середины XV в. в русском уголовном праве оформилось деление преступников на «лихих» и подлежащих исправлению. Преступление связывалось с личной виной и умыслом. Уложение 1649 г. ввело категории посягательства и умышленности, усилив роль внутренней воли. Психически больные лица исключались из числа преступников как невиновные.

– В русской правовой системе XV–XVII вв. категория «лихих людей» обозначала рецидивистов и лиц, представлявших общественную опасность. Судебники фиксировали перечень тяжких преступлений, совершение которых, особенно при повторности, автоматически влекло смертную казнь. Практика «лихования» позволяла, кроме того, квалифицировать преступника как «ведомого лихого» (особо злостного преступника). В отличие от «нелихих», которым предоставлялась возможность исправления, «лихие» рассматривались как неисправимые.

Литература

1. Алимова, Э. Р. Уголовно-правовые воззрения на наказание в русском праве XV–XVI вв. / Э. Р. Алимова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2010. – №38 (214). – С. 6–8.
2. Лоба, В. Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV–XVI веков / В. Е. Лоба // Философия права. – 2015. – №5 (72). – С. 28–33.
3. Мотревич, В. П. Уголовное право Московского государства: основные направления развития / В. П. Мотревич // История науки и техники в современной системе знаний: четвертая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники, 8 февраля 2014 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – С. 22–34.
4. Рогов, В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. : учебник / В. А. Рогов. – М. : МГИУ, 2000. – 256 с.
5. Рогов, В. А. Проблемы истории русского уголовного права, XV – середина XVII вв. : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Рогов. – 1999. – 373 с.
6. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий / Г. В. Абрамович, Л. И. Ивина, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов [и др.] ; редкол.: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях. – Л. : Наука, 1987. – 448 с.
7. Судебник 1497. – М. : Госюриздат, 1955. – 111 с.
8. Судебник 1550 года / пер. В. Б. Цыганова. – М. : Госюриздат, 1960. – 100 с.
9. Яковчик, Д. В. К вопросу о понятии «личность преступника»: история, подходы к изучению / Д. В. Яковчик // Вестник Могилевского института МВД. – 2024. – №2 (10). – С. 64–69.

A criminal and their legal characteristics in Russian law (15th -17th centuries)

Povaliy S.I.

Melitopol State University

The article analyses the features of the legal status of a criminal in the Russian criminal-legal system of the 15th-17th centuries. It is established that the criminal law of this period was formed under the influence of religious beliefs. Particular attention is paid to the age of responsibility, class differentiation of punishments and the institutionalization of the division of criminals into "dashing" and correctable. The evolution of the concepts of guilt, intent and encroachment is analyzed, as well as the formation of the category of "led dashing people" as a legal instrument for identifying repeat offenders. It is shown that the practice of “likhovanie” combined legal and social grounds for recognizing guilt. The conclusion is made about the gradual strengthening of the repressive nature of legislation with the simultaneous development of a differentiated approach to assessing the personality of the criminal and the nature of the act.

Keywords: criminal, crime, “likhiye” (dangerous criminals), “kind people”, “likhovanie”, guilt, intent

References

1. Alimova, E. R. Criminal-legal views on punishment in Russian law of the 15th-16th centuries / E. R. Alimova // Bulletin of SUSU. Series: Law. - 2010. - No. 38 (214). - P. 6-8.
2. Loba, V. E. Understanding of crime and punishment according to the Codes of Law of the 15th-16th centuries / V. E. Loba // Philosophy of Law. - 2015. - No. 5 (72). - P. 28-33. 3. Motrevich, V. P. Criminal law of the Moscow state: the main directions of development / V. P. Motrevich // History of

science and technology in the modern system of knowledge: the fourth annual conference of the Department of History of Science and Technology, February 8, 2014 - Ekaterinburg: Publishing house of the UPI UMC, 2014. - P. 22-34.
4. Rogov, V. A. History of the state and law of Russia in the 9th - early 20th centuries: textbook / V. A. Rogov. - Moscow: MGIMO, 2000. - 256 p.
5. Rogov, V. A. Problems of the history of Russian criminal law, 15th - mid-17th centuries: dis. ... Doctor of Law: 12.00.08 / V. A. Rogov. - 1999. - 373 p.
6. Cathedral Code of 1649. Text. Commentary / G.V. Abramovich, L.I. Ivina, A.G. Mankov, B.N. Mironov [etc.]; Editorial Board: V. I. Buganov, M. P. Iroshnikov, A. G. Mankov, V. M. Paneyakh. – L.: Nauka, 1987. – 448 p.
7. Code of Law 1497. – M.: Gosyurizdat, 1955. – 111 p.
8. Code of Law of 1550 / trans. V. B. Tsyganova. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 100 p.
9. Yakovchik, D. V. On the concept of "personality of a criminal": history, approaches to study / D. V. Yakovchik // Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. - 2024. - No. 2 (10). - P. 64-69.

Проблемы оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения

Малютин Егор Андреевич
независимый исследователь, theforrtshok@mail.ru

Автор анализирует проблемы оборота огнестрельного оружия ограниченного поражения (ОООП) в России. В статье рассматриваются правовые аспекты приобретения, хранения и использования гражданского оружия самообороны. Анализируется судебная практика и статистика, показывающая опасность неправомерного использования ОООП. Отмечается несоответствие классификации ОООП как «безопасного» средства самообороны его реальному вреду. Предлагаются изменения в законодательстве, связанные с отсутствием уголовной ответственности за незаконное ношение и хранение ОООП, что контрастирует с более строгими нормами зарубежных стран, например, Казахстана.
Ключевые слова: огнестрельное оружие ограниченного поражения, ОООП, гражданское оружие, незаконный оборот оружия, административная преюдиция, правовое регулирование.

В последнее время статистики возрастает количество разновидностей гражданского оружия, а как следствие в средствах массовой информации все чаще появляются сообщения о фактах противоправных деяний, совершенных с использованием огнестрельного оружия ограниченного поражения (далее – ОООП, травматическое оружие). Такие преступления охватывают различные сферы общественных отношений, включая жизнь и здоровье граждан, свободу, честь и достоинство личности, а также имущественные интересы.

Для определения понятия гражданского оружия необходимо обратиться к Федеральному закону № 150-ФЗ «Об оружии». В соответствии со статьей 3, к гражданскому оружию относится оружие, предназначенное для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны (в том числе ОООП), для занятий спортом и охоты, а также в культурных и образовательных целях. [1].

В отличие от других типов гражданского оружия – холодного, охотничьего сигнального и т.д., ОООП предназначено только для целей самообороны, поскольку его применение не предполагает использования твёрдых поражающих элементов. Дульная энергия данного вида оружия не превышает 91 Дж, что значительно ниже показателя в 300 Дж, характерного для большинства пистолетов, в частности пистолета Макарова (ПМ). Несмотря на то, что ОООП разработано для стрельбы эластичными резиновыми пулями, а также, газовыми, светозвуковыми или сигнальными боеприпасами, при неправильном его применении может быть причинен существенный вред здоровью человека.

При рассмотрении вопроса о праве гражданина на приобретение и ношение оружия следует отметить, что для реализации указанного права необходимо оформление ряда правовых документов, которые отдельно регламентируют права на покупку оружия, а также на его хранение и ношение.

Для получение данных документов, гражданину необходимо обратится в орган исполнительной власти, имеющий полномочия в области оборота оружия, например в Москве таковым будет Отдел лицензионно-разрешительной работы по определённому административному округу Главного управления Росгвардии по городу Москве. После получения разрешение на приобретение, в течение двух недель гражданин обязан зарегистрировать оружие, поставив его на учет в аналогичном органе власти. После этого разрешение на хранение и ношение действует 5 лет, а обновлять не позднее месяца после истечения данного срока.

Согласно статистике от 2020 года у населения России зарегистрировано более 6,6 млн единиц оружия, им владеют около 3,9 млн граждан РФ. [2].

Несмотря на это в целом статистическая информация показывает о уменьшении количества регистрируемого оружия гражданами РФ, что вероятно напрямую коррелирует с усложнением процесса получения лицензии и регистрации и повышением контроля за его оборотом.

Данный факт, на наш взгляд, может приводить быть как причиной, так и следствием распространения «черных» рынков ОООП. Так, все чаще в различных новостных блогах, группах мессенджера «Telegram» можно заметить рекламу нелегального ОООП. Продавцы обещают покупателю максимально упрощенный процесс регистрации за относительно небольшие суммы или же просто предлагают приобрести у них вышеуказанное оружие без процесса получения разрешения.

В контексте совершения противоправных действий, огнестрельное оружие ограниченного поражения (ОООП) и пневматическое оружие нередко используются преступниками. 5 марта 2025 года в торговом центре «Красный кит», расположенном в городе Мытищи, был зафиксирован случай применения огнестрельного оружия. Инцидент попал в поле зрения камер видеонаблюдения, и соответствующее видео было обнародовано в сети Интернет. На видеозаписи видно, как мужчина извлекает оружие и направляет его на сотрудников службы охраны.

В ходе инцидента злоумышленник произвел семь выстрелов из травматического пистолета, что привело к ранениям нескольких охранников. Пострадавшие были доставлены в медицинское учреждение для оказания необходимой помощи. [3].

19 мая 2023 года в центре Москвы два человека пострадали во время стрельбы из травматического оружия. [4] 4 августа 2023 на Моховой улице в ходе конфликта между участниками дорожного движения водитель применил травматическое оружие, произведя несколько выстрелов в сторону оппонента и транспортного средства последнего. В результате инцидента стрелявший был задержан, а пострадавший госпитализирован. [5]. В западном районе Москвы 4 февраля 2025 года произошла стрельба из травматического оружия. Конфликт между двумя группами людей, находившимися в автомобилях Hyundai и Mercedes, перерос в стрельбу. Водитель и пассажиры Mercedes скрылись с места происшествия. [6]. 29 июля 2025 года на Камчатке сотрудник агентства по рыболовству расстрелял мужчину из травмата. [7]. 27 июля 2025 года Березниках парень стрелял по знакомым. Двух человек увезли в больницу. [8].

На основании вышеизложенного следует отметить, что в значительной части приведённых случаев травматическое оружие используется его владельцами не по целевому назначению, а в качестве средства совершения различных преступлений. Данный факт, по нашему мнению, обусловливает существенную проблему, связанную с распространением нелегального ОООП, а также с его незаконным ношением без соответствующей регистрации.

За ношение травматического оружия без надлежащего разрешения в соответствии со ст. 4 статьи 20.8 КоАП Российской Федерации устанавливается наказание в виде штрафа от 500 до 2 000 рублей. Однако за незаконный сбыт такого оружия ответственность наступает в порядке ч. 7, ст. 222 УК РФ. Такая дифференциация ответственности представляется нам несколько противоречивой.

Сбыт – неотъемлемая часть оборота, а как следствие его продолжение. Под незаконным сбытом чаще всего, к примеру в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5, понимается безвозвратное отчуждения предмета другому лицу – дарение, обмен т.д. (любая противоправная сделка). Для совершения сделки, предметом которой выступают физические объекты, такие как единицы травматического оружия, включая незарегистрированное, необходимо фактическое владение данными объектами. При этом само по себе обладание такими объектами не является уголовно наказуемым деянием, поскольку ответственность за незаконное владение травматическим оружием регулируется нормами КоАП, что указывает на формальность состава.

Исходя из вышеуказанного обладание значительным количеством единиц нелегального ОООП не повлечет за собой уголовной ответственности, если только преступник не станет реализовывать его посредствам совершения сделок, связанных с его отчуждением.

В этаже время положения статьи 222 УК РФ одновременно устанавливают незаконность действий, связанных с приобретением, передачей, хранением, перевозкой, пересылкой или ношением огнестрельного оружия. Эти действия образуют самостоятельный состав преступления, отличный от сбыта огнестрельного оружия, который предусмотрен частью 2 статьи 222 УК РФ.

Проводя сравнительный анализ огнестрельного оружия и ОООП, следует отметить, что последнее конструктивно не предназначено для причинения смерти и может быть использовано исключительно для целей самообороны. Тем не менее, анализ медицинской статистики применения ОООП выявляет случаи причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, что ставит под сомнение его безопасность в контексте использования по назначению.

В научном труде А.С. Емельяновой, К.А. Бабушкиной и Д.В. Пономарева отмечается, что не регламентируемое использование травматического, огнестрельного и сигнального оружия может привести к причинению значительного ущерба здоровью человека или даже стать причиной летального исхода. [9, ст. 82]

Преступник, обладающий «травматическим оружием» и имеющий преступные намерения, не будет использовать его в соответствии с законом. Напротив, он постарается применить оружие таким образом, чтобы его преступный умысел был реализован, а преступные последствия наступили как можно скорее, что подтверждается многочисленной судебной практикой. [10, 11].

В контексте анализа данной позиции с точки зрения международного права, необходимо отметить,

что в некоторых государствах, относящихся к романо-германской правовой системе и имеющих схожие черты с Российской Федерацией, законодательство в отношении оборота оружия самообороны (ООП) характеризуется более строгим подходом. В частности, ч. 2 ст. 287 Уголовного кодекса Республики Казахстан закрепляет уголовную ответственность за незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозку оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия [12].

Исходя из этого, на наш взгляд, по аналогии с нормой ч. 2 ст. 287 УК Республики Казахстан целесообразно ввести в статью 222 УК РФ изменения, дополнив статью 222 частью 7 следующего содержания:

7. Незаконные приобретение, передача, хранение, перевозка, пересылка или ношение гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения (ООП), его основных частей и патронов к нему, если это действие совершено неоднократно – наказывается обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок от одного до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев или без такового.

Существующую часть 7 статьи 222 УК РФ изложить в редакции части 8 с сохранением её текста в неизменном виде.

Под неоднократностью в данном контексте следует понимать совершение указанных действий лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за аналогичные нарушения, предусмотренные частью 4, 4.1, 4.2, 4.3 и 6 статьи 20.8 КоАП РФ, в период, когда постановление о назначении административного наказания вступило в законную силу, а срок давности привлечения к ответственности по данным правонарушениям не истёк.

Установление административной преюдиции является важнейшим элементом предлагаемой нормы, поскольку исключает избыточную карательность и обеспечивает соразмерность уголовной ответственности. Такой подход соответствует принципам законности и справедливости, закреплённым в статье 3 и 6 Уголовного кодекса РФ, и способствует более эффективному противодействию незаконному обороту ООП при сохранении баланса между правом на самооборону и общественной безопасностью.

В случае введения предлагаемых мер владельцы легального оружия будут тщательнее подходить к вопросу продления разрешений. По нашему мнению, это приведет к снижению случаев необоснованного применения оружия, не связанного с необходимой обороной.

Введение предложенных мер, предусматривающих установление уголовной ответственности за незаконный оборот ООП при наличии административной преюдиции, неизбежно повлияет на правосознание владельцев легального оружия. Ожидается, что осознание возможности привлечения к уголовной ответственности за несвоевременное продление разрешений или нарушение порядка хранения и ношения оружия будет стимулировать граждан к более ответственному отношению к соблюдению установленных правовых требований. Такой подход способствует усилению профилактического эффекта уголовного закона и снижению рисков необоснованного применения ООП в ситуациях, не связанных с необходимой обороной. В конечном итоге это позволит повысить уровень общественной безопасности и обеспечить более строгий контроль за оборотом оружия самообороны в Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.
2. Названо число зарегистрированного оружия у россиян [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2020. – 7 января. – URL: https://rg.ru/2020/01/07/nazvano-chislo-zaregistrirovannogo-oruzhiia-u-rossiian.html (дата обращения: 29.07.2025). - 2
3. РБК: свежие новости [Электронный ресурс] / РБК. — URL:https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67c4846e9a7947 3cdb85104c, (дата обращения: 30.07.2025).
4. РБК: свежие новости [Электронный ресурс] / РБК. — URL:https://www.rbc.ru/society/19/05/2023/646722179 a79470afe3ac42a, (дата обращения: 30.07.2025).
5. РБК: свежие новости [Электронный ресурс] / РБК. — URL:https://www.rbc.ru/society/04/08/2023/64cd2f0e9 a7947458338c7e8 , (дата обращения: 30.07.2025).
6. Вести.ру: свежие новости [Электронный ресурс] / Вести. — URL: https://www.vesti.ru/article/4617106, (дата обращения: 30.07.2025).
7. 59.ру: новости [Электронный ресурс] / 59.ру — URL: https://59.ru/text/incidents/2025/07/27/75776081/, (дата обращения: 30.07.2025).
8. Емельянова, А. С. Дифференциальная диагностика повреждений, причиненных нелетальным оружием с патронами травматического действия и повреждений сигнальным стартовым оружием / А. С. Емельянова, К. А. Бабушкина, Д. В. Пономарев // Декабрьские чтения по судебной медицине в РУДН: актуальные вопросы судебной медицины и медицинской криминалистики : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 24 декабря 2021 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 81-85. – EDN DFCDDB.
9. Судебные и нормативные акты Российской Федерации: официальный источник / Информационная система «СудАкт» // Приговор № 1-1/2021 1-39/2020 от 3 марта 2021 г. по делу № 1-1/2021

10. Судебные и нормативные акты Российской Федерации: официальный источник / Информационная система «СудАкт» // Кассационное определение от 8 июля 2024 г. Верховный Суд РФ по делу № 4-УД24-25-А1

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13. Ст. 83.

Problems of circulation of firearms of limited destruction

Malyutin E.A.

The author analyzes the problems of the circulation of firearms of limited destruction in Russia. The article discusses the legal aspects of the acquisition, storage and use of civilian self-defense weapons. The article analyzes judicial practice and statistics showing the danger of misuse of OOP. There is a discrepancy between the classification of OOP as a "safe" means of self-defense and its real harm. Legislative changes are proposed related to the absence of criminal liability for the illegal carrying and possession of OOP, which contrasts with the stricter standards of foreign countries, for example, Kazakhstan.

Keywords: Firearms of limited destruction, OOP, civilian weapons, illegal arms trafficking, administrative prejudice, legal regulation.

References

1. Federal Law No. 150-FZ dated December 13, 1996 "On Weapons" (as amended on December 25, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 51. – Art. 5681.
2. The number of registered weapons among Russians has been named [Electronic resource] // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – January 7. – URL: https://rg.ru/2020/01/07/nazvano-chislo-zaregistrirovannogo-oruzhiia-u-rossiian.html (date of request: 07/29/2025). - 2
3. RBC: latest news [Electronic resource] / RBC. — URL:https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67c4846e9a79473cdb85104c , (date of access: 07/30/2025).
4. RBC: latest news [Electronic resource] / RBC. — URL:https://www.rbc.ru/society/19/05/2023/646722179a79470afe3ac42a , (date of access: 07/30/2025).
5. RBC: latest news [Electronic resource] / RBC. — URL:https://www.rbc.ru/society/04/08/2023/64cd2f0e9a7947458338c7e8 , (date of access: 07/30/2025).
6. Вести.ру: latest news [Electronic resource] / Vesti. — URL: https://www.vesti.ru/article/4617106 , (date of access: 07/30/2025).
7. 59.ru: news [Electronic resource] / <url> — URL: https://59.ru/text/incidents/2025/07/27/75776081 /, (date of access: 07/30/2025).
8. Yemelyanova A. S., Babushkina K. A., Ponomarev D. V. Differential diagnosis of damage caused by non-lethal weapons with traumatic cartridges and damage by signal starting weapons // December readings on forensic medicine at RUDN University: current issues of forensic medicine and medical criminology : proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Moscow, December 24, 2021. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2021. – pp. 81-85. – EDN DFCDDB.
9. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: official source / SudAkt Information System // Verdict no. 1-1/2021 1-39/2020 dated March 3, 2021 in case No. 1-1/2021
10. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: official source / SudAct Information System // Cassation Ruling of July 8, 2024 by the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 4-UD24-25-A1
11. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 2014. No. 13. Art. 83.

Правовое регулирование подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям

Куровский Станислав Валерьевич
руководитель научно-исследовательского подразделения, ООО «Высшая Школа Образования», 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович
Руководитель редакционно-издательского отдела, ООО «Высшая Школа Образования», 9651530@gmail.com

Осипов Кирилл Валерьевич
Независимый исследователь, osipovkirikovo@icloud.com

Актуальность данного исследования связана с возрастающей ролью специфики правового регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям как элемента публично-правовых наук. При этом направление исследования междисциплинарное, поскольку одновременно охватывает вопросы антимонопольного, градостроительного, административного, жилищного, экологического права. **Цель работы** – представить особенности современного правового регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям. **Методы исследования**: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, концептуализация данных, графическая и табличная визуализация данных, абстрактно-логический метод, догматический анализ, формально-юридический метод. **Основные результаты научного исследования:** отражены теоретико-правовые основы регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям; обозначены результаты анализа правовых проблем в области подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям; представлены направления совершенствования правового регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям в РФ. **Практическая значимость исследования** заключается в том, что полученные в исследовании результаты могут быть использованы государственным сектором для совершенствования действующей законодательной базы в сфере подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям; улучшения правоприменительной практики в рамках судебных споров с ресурсообеспечивающими организациями; естественными монополиями в ходе разработки цифровых платформ подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям.

Ключевые слова: инженерное дело; правовое регулирование; подключение объектов капитального строительства; инженерно-технические коммуникации; правоприменительная практика; направления совершенствования законодательной базы; ресурсообеспечивающие организации.

Введение. В современных условиях ужесточения экологических требований, расширения урбанистических территорий в РФ, стремительного проникновения цифровых технологий вопросы подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям представляются весьма актуальными (таблица 1). Стоит отметить имеющиеся временные задержки введения объектов капитального строительства в эксплуатацию, а также нарушения действующих прав коммерческих организаций и российских граждан, что сопряжено с коррупционными рисками и несовершенством правовых механизмов регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям в РФ.

Таблица 1
Проблемы и юридические последствия регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям

Детерминанта	Проблема	Юридические последствия
Ускорение темпов жилищного, капитального строительства	Повышение количества объектов капитального строительства предполагает существование чёткой правовой регламентации их подключения к инженерно-техническим коммуникациям с алгоритмом расчёта характеристик прочностной безопасности объектов капитального строительства (например, трубопроводных систем)	Судебные конфликты и разбирательства между ресурсообеспечивающими организациями и компаниями-застройщиками
Цифровизация процессов предоставления государственных услуг	Интеграция цифровых платформ Единого портала строительного комплекса	Несоответствие действующих законодательных норм современным технологическим трендам в отраслях инженерного дела
Экологические требования к строящимся объектам капитального строительства	Ужесточение экологических норм для обеспечения экологической безопасности и энергоэффективности объектов капитального строительства	Потребность в адаптации правовых механизмов подключения объектов капитального строительства
Монополизация сегмента инженерно-технических коммуникаций	Среди ресурсоснабжающих организаций практически отсутствует внутриотраслевая конкуренция	Завышение тарифов на энергоснабжение, водоснабжение, нарушения норм антимонопольного законодательства
Коррупционные риски	Весьма длительный процесс реализации административных процедур подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям	Административные злоупотребления ресурсообеспечивающими организациями, ответственными публичными ведомствами

Источник: составлено авторами на основе [1-7].

В настоящее время можно наблюдать возрастание в российской экономике роли строительного сектора, соответственно, усиливается необходимость совершенствования публично-правовых ме-

ханизмов в области подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям.

Осуществление в РФ градостроительной деятельности представляет собой перспективное направление национального развития государственности, значимый мультипликатор функционирования российской экономики на современном этапе [8].

Актуальность выбранной темы обусловлена комплексом обстоятельств, содержание которых раскрыто ниже:

1) повышение к 2024 году совокупного объёма жилищного строительства на минимум 120 млн. квадратных метров является целевым ориентиром и результатом практической реализации программы «Жилье и городская среда» [9]. К 2030 году обеспечение российских граждан жильём на одного человека минимальной площадью в 33 квадратных метра, а к 2036 году – в 38 квадратных метров также утверждено в государственной программе «Комфортная и безопасная среда для жизни» [10].

Соответственно, в последнее время на публично-правовом и экспертном уровнях обсуждаются проблемы по уменьшению цикла разработки и практической реализации инвестиционно-строительных проектов [6].

Осуществление обозначенных задач не представляется возможным без своевременного подключения объектов капитального, жилищного строительства к инженерно-техническим коммуникациям водоотведения, теплоснабжения, энергоснабжения, водоснабжения, газоснабжения. Например, в контексте уменьшения цикла разработки и практической реализации инвестиционно-строительных проектов в содержании Стратегии развития строительной отрасли в РФ [11] принято сокращение на организации строительного сектора административной нагрузки путём улучшения условий и минимизации временного периода подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям.

Вместе с тем отсутствие технических возможностей или крайне высокая рыночная стоимость процесса подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям выступают значимыми и актуальными вызовами в современном развитии различных сегментов жилищного строительства в национальной экономике [11].

2) переустройство либо реконструкция существующих инженерно-технических коммуникаций при осуществлении комплекса мер, направленных на подключение строящегося капитального объекта, тесно взаимосвязаны с направлениями модернизации инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства. Подобная программа переустройства инженерно-технических коммуникаций является элементом целевого результата по обеспечению комфортной и безопасной среды для повседневной жизни российских граждан [10].

В содержании Стратегии развития строительной отрасли в РФ [11] отмечено, что целесообразно обеспечить практическую реализацию комплекса мер, ориентированных на замену во всех российских регионах ветхих инженерно-технических коммуникаций за счёт механизмов бюджетного финансирования, государственно-частного партнёрства.

В области обеспечения теплоснабжением основополагающей задачей выступает формирование концептуальных моделей долгосрочного планирования издержек компаний-застройщиков в формы отдельной платы за подключение строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, являющейся дополнительным источником финансирования направлений перспективного развития энергообеспечения и теплоснабжения. Для того чтобы обновить (модернизировать) объекты инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства, на протяжении временного периода до 2030 года планируется выделить почти 5 трлн. руб. средств [12]. Это предполагает практическое использование эффективных правовых инструментов комплексной модернизации инфраструктурных объектов.

3) по причине утверждения изменений на законодательном уровне [13], [14] была предпринята попытка формализации процесса подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, которая подразумевает создание ключевых теоретико-правовых положений подключения капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям.

4) текущее правовое регулирование процессов подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям не является целостной системой, поскольку рассматриваемые процедуры регламентируются разрозненными положениями разных нормативно-правовых актов, нет на данный момент единой концепции правовой природы взаимоотношений, возникающих при подключении строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, не выявлено место в отечественном праве вопросов правового регулирования процесса подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям.

Теоретико-правовые основы регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям. Инженерно-технические коммуникации представляют собой инфраструктурные системы инженерно-технического обеспечения повседневной жизни граждан, которые предназначены для передачи электроэнергии, газа, тепла, воды, отведения отходов (канализации и водоотведения).

Исходя из действующей базы нормативно-правовых актов, инженерно-технические коммуникации можно классифицировать по типу ресурса и уровню публично-правового регулирования (таблица 2).

Процесс подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям представляет собой административную процедуру, которая предполагает совершение следующего алгоритма действий:

- подача заявки на подключение строительного объекта к инженерно-техническим коммуникациям;

- получение технических условий на подключение строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям;

- выполнение компаниями-застройщиками технических требований для подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям;

- заключение договора с ресурсообеспечивающей организацией.

Таблица 2
Классификация инженерно-технических коммуникаций в соответствии с российской спецификой

Критерий классификации	Виды инженерно-технических коммуникаций
Тип ресурса	Теплоснабжение
	Газоснабжение
	Водоснабжение
	Водоотведение
	Электроснабжение
Уровень публично-правового регулирования	Федеральные
	Региональные
	Местные (муниципальные)

Источник: составлено авторами на основе [13-17].

В процессе подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям происходит столкновение интересов нескольких групп участников:

- российских граждан, поскольку они стремятся получить доступ к инженерно-техническим коммуникациям;

- государственного сектора по причине того, что он выполняет функции, направленные на обеспечение высокой степени надежности инженерно-технических коммуникаций;

- предпринимательства, функционирование которого ориентировано на минимизацию временного периода подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям и, соответственно, совокупного объёма издержек.

В таблице 3 приведены источники правового регулирования подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям.

Таблица 3

Систематизация источников правового регулирования подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям

Уровень публично-правового регулирования	Основные акты действующего законодательства	Ключевые вопросы правовой регламентации
Федеральный	Конституция РФ	Обеспечение прав российских граждан на благоприятную и комфортную среду
	Градостроительный кодекс РФ	Порядок подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям
	Федеральный закон «О теплоснабжении»	Технические требования подключения к инженерно-техническим коммуникациям теплоснабжения
	Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении»	Технические требования подключения к инженерно-техническим коммуникациям водоснабжения и канализации
Региональный	Законы субъектов РФ, регламентирующие тарифную политику ресурсообеспечивающих организаций	Установление платы пользователей ресурсов за подключение к инженерно-техническим коммуникациям
Уровень местного самоуправления	Правила землепользования и застройки земельных участков в городской среде	Локальные требования к подключению объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям

Источник: составлено авторами на основе актов действующего российского законодательства.

Правовое регулирование подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям базируется на принципах экономической обоснованности тарифной политики ресурсообеспечивающих организаций, доступности инженерно-технических коммуникаций для пользователей ресурсов, обеспечения экологической безопасности, технологического единства действующих стандартов.

Результаты анализа правовых проблем в области подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям. Анализ существующей правоприменительной практики показал, что имеются публично-правовые проблемы в области подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям:

1. Злоупотребление ресурсообеспечивающих организаций в вопросах подключения капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям.

Так, в судебном разбирательстве между компанией-застройщиком и ресурсообеспечивающей организацией Арбитражный суд г. Москвы (дело № А40-123456/2022) установил, что ресурсообеспечивающая организация необоснованно отказала компании-застройщику в подключении строительного объекта к сетям теплоснабжения, несмотря на то, что представители ответчика ссылались на отсутствие технических возможностей осуществления процесса подключения. Исходя из принципа подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям на условиях присоединения согласно ст. 48 Градостроительного кодекса РФ [13], Арбитражный суд г. Москвы обязал ресурсообеспечивающую организацию заключить с компанией-застройщиком договор на подключение строительного объекта к сетям теплоснабжения.

В 2021 году Арбитражный суд Северо-Западного округа рассматривал судебный спор (дело № А56-78901/2021) между компанией-застройщиком и ресурсообеспечивающей организацией в части установления размера платы за подключение строительного объекта к инженерно-техническим коммуникациям водоснабжения и водоотведения. В процессе судебного разбирательства судом была

назначена экспертиза экономической обоснованности затрат на подключение строительного объекта к инженерно-техническим коммуникациям, по результатам которой было установлено завышение стоимости подключения на 37%. Применив нормативные положения Федерального закона «О защите конкуренции» № 135-ФЗ [17], Арбитражный суд принял решение о пересчете ресурсообеспечивающей организацией платы за подключение строительного объекта к сетям водоснабжения, а также перечислении ею излишне уплаченных истцом денежных средств за подключение.

2. Пробелы в содержании актов действующего российского законодательства.

В соответствии с Постановлением Арбитражного суда Московского округа присутствует противоречие в положениях Градостроительного кодекса РФ [13] и Федерального закона «О теплоснабжении» № 190-ФЗ [15]. В контексте рассматриваемого документа правоприменительной практики приоритет в судебном решении был отдан положениям Федерального закона «О теплоснабжении» № 190-ФЗ, однако с оговоркой, что целесообразно придерживаться принципа пропорциональности ограничений в части подключения строительных объектов к инженерно-техническим коммуникациям.

3. Проявление административных барьеров в деятельности организаций строительного сектора.

В Арбитражном суде г. Москвы рассматривалось исковое заявление, поданное компанией-застройщиком в связи с получением формального отказа от ресурсообеспечивающей организации в приеме пакета документов на подключение строительного объекта к инженерно-техническим коммуникациям через цифровой портал ГИС ЖКХ (дело № А40-98765/2023). По завершении изучения доказательной базы данного судебного спора Арбитражный суд г. Москвы признал, что действия ресурсообеспечивающей организации противоречат действующим актам российского законодательства, поэтому все нарушения ответчиком должны быть устранены в течение 10 календарных дней. При этом суд указал на то, что при подключении объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям необходимо обязательно вести электронный документооборот, в том числе при помощи цифрового портала ГИС ЖКХ.

Направления совершенствования правового регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям в РФ. Совершенствование правового регулирования подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям подразумевает практическое использование системного подхода, поскольку целесообразно минимизировать:

- количество пробелов в содержании актов действующего российского законодательства;
- проявление административных барьеров в деятельности организаций строительного сектора;
- вероятность потенциальных злоупотреблений ресурсообеспечивающих организаций.

Для того чтобы минимизировать проявление административных барьеров в деятельности российских организаций строительного сектора, способствующие замедлению процесса подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, предлагается комплекс изменений в содержании действующих законодательных актов:

1) в ст. 48 Градостроительного кодекса РФ [13] установить чёткий временной срок подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям – 6 месяцев (максимальный временной период);

2) в ст. 8 Федерального закона «О теплоснабжении» № 190-ФЗ [15] ввести автоматическое согласование технических условий подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям через цифровой сервис ГИС ЖКХ при отсутствии ответа на запрос от ресурсообеспечивающей организации в течение 14 календарных дней.

В целях минимизации вероятности потенциальных злоупотреблений ресурсообеспечивающих организаций, включая низкий уровень информационной прозрачности расчёта платы за подключение строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, завышение тарифов ресурсообеспечивающими организациями, злоупотребление ими своим доминирующим положением в рыночном сегменте, рекомендуется внести перечисленные ниже изменения в содержание действующих законодательных актов:

1) в ст. 15 Федерального закона «О теплоснабжении» № 190-ФЗ [15] ввести новое нормативное положение о порядке и алгоритме проведения ФАС РФ обязательной экспертизы тарифов ресурсообеспечивающих организаций;

2) в ст. 12 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении» № 416-ФЗ [16] установить дифференцированные тарифы на потребление воды физическими и юридическими лицами, исходя из удаленности объекта капитального строительства.

3) в ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» № 135-ФЗ [17] изменить размер штрафа при злоупотреблении своим доминирующим положением в рамках подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям на 15% от значения годового оборота;

4) в ст. 48.1 Градостроительного кодекса РФ [13] целесообразно ввести новый абзац, на основе которого будет разрешено провести конкурсный отбор ресурсообеспечивающих организаций в городах, численность населения которых превышает 500 тыс. человек.

Значительное количество пробелов в содержании актов действующего российского законодательства предполагает гармонизацию различных нормативных актов действующего российского законодательства, например:

1) гармонизацию содержания Градостроительного кодекса РФ [13] и Федерального закона «О теп-

лоснабжении» № 190-ФЗ [15] в части временного периода подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям. Предлагается унифицировать срок подключения строящихся капитальных объектов ко всем типам инженерно-технических коммуникаций – 180 дней (6 месяцев);

2) гармонизацию содержания Градостроительного кодекса РФ [13] и комплекса действующих нормативно-правовых актов [14-16] в части нормативных требований к техническим условиям подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям. Предлагается сформировать единый реестр технических условий подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям на цифровом портале ГИС ЖКХ.

Приведенные направления совершенствования правового регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям в РФ позволят снизить временной период подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, посредством стимулирования цифровых инструментов в реализации правовых механизмов минимизировать проявление коррупционных рисков, гармонизировать содержание различных актов действующего российского законодательства для исключения правовых коллизий.

Выводы.

В настоящем исследовании были предложены направления совершенствования правового регулирования подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим коммуникациям в РФ, способствующие снижению временного периода подключения строящихся капитальных объектов к инженерно-техническим коммуникациям, посредством стимулирования цифровых инструментов в реализации правовых механизмов минимизации проявления коррупционных рисков, гармонизации содержания различных актов действующего российского законодательства для исключения правовых коллизий.

Литература

1. Мишин Д. А., Куровский С. В., Халафян А. А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. - 2024. - № 5 (80). - С. 77-81.
2. Харисов Р. А. Разработка научных основ экспресс-методов расчета характеристик прочностной безопасности оболочковых элементов трубопроводных систем в водородсодержащих рабочих средах: специальность 05.26.03 «Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)»: диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук / Харисов Рустам Ахматнурович. - Институт проблем транспорта энергоресурсов, 2015. - 228 с.
3. Харисов Р. А. Разработка научных основ экспресс-методов расчета характеристик прочностной безопасности оболочковых элементов трубопроводных систем в водородсодержащих рабочих средах: специальность 05.26.03 «Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук / Харисов Рустам Ахматнурович. - Уфа, 2015. - 22 с.
4. Луговой Е. А., Куровский С. В. Процедура взыскания неосновательного обогащения с субъектов электроэнергетики в результате незаконного применения тарифов // Юридическая наука. – 2025. - № 5. – С. 224-228.
5. Куровский С. В., Мишин Д. А., Лебедев С. Г. Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах // Закон и власть. – 2025. - № 5. – С. 24-30.
6. Куровский С. В., Мишин Д. А., Лебедев С. Г. Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования // Закон и власть. – 2025. - № 5. – С. 31-37.
7. Луговой Е. А., Куровский С. В. Совершенствование механизма правового регулирования договора энергоснабжения // Закон и власть. – 2025. - № 6. – С. 88-91.
8. Заседание Президиума Госсовета по вопросу развития инфраструктуры для жизни от 15.04.2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76685 (дата обращения: 06.08.2025).
9. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319211/ (дата обращения: 06.08.2025).
10. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 06.08.2025).
11. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 N 3268-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430333/082f7da9658f094f4d3e65bedfddfdc3f59f4aff/ (дата обращения: 06.08.2025).
12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 06.08.2025).
13. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 06.08.2025).

14. Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.08.2023 N 438-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453899/ (дата обращения: 06.08.2025).

15. Федеральный закон «О теплоснабжении» от 27.07.2010 N 190-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102975/ (дата обращения: 06.08.2025).

16. Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении» от 07.12.2011 N 416-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122867/ (дата обращения: 06.08.2025).

17. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 06.08.2025).

Legal regulation of connection of capital construction projects to engineering and technical communications

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Osipov K.V.
LLC "Higher School of Education"

The relevance of this study is associated with the increasing role of the specifics of legal regulation of connection of capital construction projects to engineering and technical communications as an element of public law. At the same time, the direction of the research is interdisciplinary, since it simultaneously covers issues of antitrust, urban planning, administrative, housing, and environmental law. The purpose of the work is to present the features of modern legal regulation of connection of capital construction projects to engineering and technical communications. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, systems approach, data conceptualization, graphical and tabular visualization of data, abstract logical method, dogmatic analysis, formal legal method. The main results of the scientific research: the theoretical and legal foundations of regulating the connection of capital construction projects to engineering and technical communications are reflected; the results of the analysis of legal problems in the field of connection of capital construction projects to engineering and technical communications are outlined; directions for improving the legal regulation of connection of capital construction projects to engineering and technical communications in the Russian Federation are presented. The practical significance of the study lies in the fact that the results obtained in the study can be used by the public sector to improve the current legislative framework in the field of connecting capital construction projects to utility lines; improve law enforcement practices in litigation with resource-providing organizations; and natural monopolies in the course of developing digital platforms for connecting capital construction projects to utility lines.

Keywords: engineering; legal regulation; connection of capital construction projects; engineering and technical communications; law enforcement practice; directions for improving the legislative framework; resource-providing organizations.

References

1. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Khalafyan A. A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. - 2024. - No. 5 (80). - P. 77-81.
2. Kharisov R. A. Development of scientific foundations of express methods for calculating the characteristics of strength safety of shell elements of pipeline systems in hydrogen-containing working environments: specialty 05.26.03 "Fire and industrial safety (by industry)": dissertation for the degree of Doctor of Technical Sciences / Kharisov Rustam Akhmatnurovich. - Institute of Energy Resources Transport Problems, 2015. - 228 p.
3. Kharisov R. A. Development of scientific foundations of express methods for calculating the characteristics of strength safety of shell elements of pipeline systems in hydrogen-containing working environments: specialty 05.26.03 "Fire and industrial safety (by industry)": abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Technical Sciences / Kharisov Rustam Akhmatnurovich. - Ufa, 2015. - 22 p.
4. Lugovoy E. A., Kurovsky S. V. The procedure for collecting unjust enrichment from entities in the electric power industry as a result of the illegal application of tariffs // Legal science. - 2025. - No. 5. - P. 224-228.
5. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Lebedev S. G. Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions // Law and power. – 2025. - No. 5. – P. 24-30.
6. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Lebedev S. G. Digital technologies in the public administration system as a reform tool // Law and power. – 2025. - No. 5. – P. 31-37.
7. Lugovoy E. A., Kurovsky S. V. Improving the mechanism of legal regulation of the energy supply agreement // Law and power. – 2025. - No. 6. – P. 88-91.
8. Meeting of the Presidium of the State Council on the issue of developing infrastructure for life dated 15.04.2025 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76685 (date of access: 06.08.2025).
9. Passport of the national project "Housing and Urban Environment" (approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, minutes of 24.12.2018 No. 16) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319211/ (accessed: 06.08.2025).
10. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 N 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (accessed: 06.08.2025).
11. Order of the Government of the Russian Federation of 31.10.2022 N 3268-r (as amended on 21.10.2024) "On approval of the Strategy for the development of the construction industry and housing and communal services of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2035" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430333/082f7da9658f094f4d3e65bedfdd-fdc3f59f4aff/ (date of access: 06.08.2025).
12. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024 "Message of the President to the Federal Assembly" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (date of access: 06.08.2025).
13. Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 24.06.2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (date of access: 06.08.2025).
14. Federal Law “On Amendments to the Urban Development Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 04.08.2023 N 438-FZ (latest revision) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453899/ (date of access: 06.08.2025).
15. Federal Law "On Heat Supply" dated 27.07.2010 N 190-FZ (latest revision) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102975/ (date of access: 06.08.2025).
16. Federal Law "On Water Supply and Sanitation" dated 07.12.2011 N 416-FZ (latest revision) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122867/ (date of access: 06.08.2025).
17. Federal Law "On Protection of Competition" dated 26.07.2006 N 135-FZ (latest revision) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (date of access: 06.08.2025).

Правовые аспекты финансового права в условиях цифровизации экономики

Сорокин Никита Александрович
младший налоговый юрист, ООО «ЦИС «Сколково»

Статья посвящена правовым аспектам финансового права в условиях цифровизации экономики. В условиях стремительного развития цифровой экономики возникает необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям. Основное внимание уделяется трансформации отрасли финансового права на фоне внедрения цифровых инструментов и расширения предмета регулирования, связанного с новыми общественными отношениями, а также иллюстрируется их влиянию на подотрасли права.
Ключевые слова: финансовое право, цифровизация, финансовый контроль, налоговое право, бюджетное право, публичные финансы, цифровой рубль.

Современная экономика представляет собой сложную и многогранную систему, которая постоянно эволюционирует под воздействием различных факторов, включая технологические. Ключевым элементом этой эволюции является трансформация экономических систем, которая определяет изменения во всех сферах общественных отношений, включая правовые. В последние годы особое внимание уделяется формированию и развитию нового типа экономического уклада — цифровой экономики. Это явление вызывает значительный интерес, особенно в свете его воздействия на финансовые правоотношения.

Изменениям экономических отношений преследует важное изменения в общественной жизни, так в первой промышленной революции был разработан поровой двигатель изменивший все промышленность и связанные с ней отношения, вторая связана с развитием энергетики и химической промышленностью, третья с появлением компьютера и автоматизация производства.

Цифровая экономика, рассматриваемая экономистами как результат четвертой промышленной революции, подразумевает активное внедрение инновационных технологий в повседневную жизнь, что способствует ускорению обмена информацией. В этом контексте информация становится основным товаром в экономические отношения.

Цифровизация — это процесс внедрения и интеграции новых цифровых технологий в различные сферы общественной жизни и экономики, который приводит к ускорению обмена информацией и трансформации экономических отношений. Этот процесс охватывает использование таких технологий, как большие данные, блокчейн и роботизация, и направлен на создание более эффективных и доступных механизмов взаимодействия между участниками экономики. Цифровизация также требует адаптации правовых норм и активного участия государства для обеспечения защиты интересов граждан и эффективного регулирования новых общественных отношений, возникающих в условиях цифровой экономики.

Ключевые характеристики цифровой экономики включают информатизацию, которая предполагает интеграцию информационных технологий в производственные и управленческие процессы; автоматизацию, основанную на применении алгоритмов и машинного обучения для оптимизации бизнес-процессов; глобализацию, которая облегчает доступ к международным рынкам и ресурсам через цифровые платформы; а также изменение форм собственности, что приводит к возникновению новых моделей владения и общественных отношений, таких как совместное потребление и краудфандинг.

Как справедливо указывает Ю. И. Грибанов, «цифровая экономика невозможна без участия государства [1, с 35]. Место государства в новой экономической реальности во многом будет определяться способностью качественно и оперативно влиться в глобальные процессы, связанные с созданием нового технологического уклада. Цифровизация дает большие преимущества, выступая драйвером экономического роста. Однако на этом пути необходимо в первую очередь защитить интересы граждан»

Финансовая деятельность как разновидность экономической деятельности государства также подвержено влиянию цифровизации. Через финансовую деятельность, как указывал Е. А. Ровинский, отражается взаимосвязь государства и экономики общества [1, с 36]. В этой связи цифровые технологии, воздействуя на экономику, оказывают влияние и на финансовое право.

Цифровизация экономики требует адаптации правовых систем к новым реалиям. Это включает в себя разработку новых норм, регулирующих электронные сделки, защиту данных, интеллектуальную собственность и другие аспекты, связанные с цифровыми технологиями как подчеркивает Г.Т. Папскую [2 с. 104]. Важно отметить, что переход к цифровой экономике возможен только при наличии определенных условий, таких как развитие инфраструктуры и правовой базы, а также готовность общества к изменениям.

Таким образом, цифровая экономика не только трансформирует экономические отношения, но и создает новые вызовы для правовой системы, требуя от нее гибкости и способности к быстрой адаптации. Изменение в экономики имеет влияние на все сферы общественной жизни общества и человека, еще большее влияние экономики можно увидеть в разрезе финансового права.

Применительно к финансовому праву внедрение информационно технологий требует изучения влияния цифровизации на финансовую политику государства, содержание финансовой деятельности государства и муниципальных образований, правовой статус субъектов финансовых правоотношений, практику осуществления финансового контроля и т. д. Характеризуя закономерности такого явления, как «цифровая трансформация права», А. В. Минбалеев отмечает несколько ключевых аспектов [3. с. 13].

Во-первых, это проявление закономерности учета цифровизации при определении предмета отношений, подвергающихся правовому регулированию. Важно, чтобы правовая система адекватно реагировала на новые вызовы и возможности, которые предоставляет цифровая экономика.

Во-вторых, наблюдается слабый учет технического регулирования и недостаточная его интеграция с механизмом правового регулирования. Это может привести к правовым пробелам и неопределенности, что затрудняет применение новых технологий в рамках существующих правовых норм.

Третьим аспектом является бессистемность правового регулирования, формирование норм права без опоры на положения теории государства и права. Это создает риск появления противоречивых норм и затрудняет правоприменение, что может негативно сказаться на доверии к правовой системе.

Наконец, трансформация правовых ценностей в условиях цифровизации требует переосмысления традиционных подходов к праву и его функциям. Необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям становится все более актуальной, что подчеркивает важность комплексного подхода к правовому регулированию в эпоху цифровых технологий.

Таким образом, финансы в современной экономике требуют комплексного подхода к правовому регулированию, учитывающего как традиционные аспекты финансового права, так и новые вызовы, связанные с цифровизацией и внедрением инновационных технологий. Это создает необходимость постоянного обновления правовых норм и стандартов, что, в свою очередь, способствует более эффективному управлению государственными финансовыми ресурсами и повышению уровня доверия к финансовой системе в целом.

Публичные финансы, в свою очередь, представляют собой важный аспект финансовой системы, охватывающий отношения, связанные с формированием, распределением и использованием государственных финансовых ресурсов. Эти отношения возникают в процессе распределения и перераспределения национального дохода с целью создания необходимых обществу фондов потребления и накопления. Публичные финансы включают в себя бюджетные, налоговые и кредитные отношения, которые регулируются нормами финансового права.

Публичные финансы в современной экономике представляют собой важный аспект финансовой системы, требующий особого внимания к правовым аспектам их регулирования и контроля. Авторы учебника «Финтех-право» под редакцией Е.Ю. Грачёвой подчеркивают, что традиционно финансы понимаются как совокупность экономических отношений, связанных с аккумулированием, распределением и использованием денежных средств, а также контролем за их использованием. Финансовые отношения являются неотъемлемой частью экономических отношений. Таким образом, цифровые технологии, воздействуя на экономику, влияют и на финансовое право: цифровые технологии — экономика — финансовое право [1, с. 26].

Кроме того, применение цифровых технологий не ограничивается только общими осетровыми финансового права. В области налогового контроля активно используются различные цифровые сервисы, такие как личный кабинет налогоплательщика и автоматизированные системы контроля, что свидетельствует о широком применении технологий в публичных финансах. Информационные системы управления общественными финансами, такие как «Электронный бюджет» и государственная автоматизированная информационная система «Управление», также играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и эффективности бюджетных правоотношений.

Таким образом, публичные финансы в современной экономике требуют комплексного подхода к правовому регулированию, учитывающего как традиционные аспекты финансового права, так и новые вызовы, связанные с цифровизацией и внедрением инновационных технологий их влияния на подотрасли, институты финансового права.

Активное внедрение информационных технологий в бюджетную и налоговую сферы направлено на повышение эффективности финансирования и налогообложения, а также на обеспечение их прозрачности для контроля. Это требует уточнения правовых норм, регулирующих возникающие отношения в рамках действующих финансовых отношений, что свидетельствует о углублении предмета финансового права.

Для более глубокого изучения необходимо провести анализ нормативного регулирования конкретных отношений. В рамках тематики финансов могут быть исследованы актуальные вопросы, такие как «цифровой бюджет» в бюджетном праве, «налоговый мониторинг» в рамках финансового контроля, правовое положение «цифрового рубля» в валютном праве и другие аспекты.

Так можно рассматривать влияние на подотрасли права. Например, в валютном праве можно исследовать вопросы регулирования блокчейн-технологий и правового статуса цифрового рубля. В бюджетном праве актуальными являются вопросы, связанные с исследованием содержания понятия «цифровой бюджет», а также практики использования «электронного бюджета» на различных уровнях бюджетной системы Российской Федерации [4, с. 31].

Новые технологии, с одной стороны, расширяют предмет правового регулирования, охватывая общественные отношения, возникающие в процессе обращения электронных денег. С другой стороны, они служат инструментом для регулирования, администрирования, финансового контроля и надзора [1, с. 26].

В области налогового контроля активно используются различные цифровые сервисы, такие как личный кабинет налогоплательщика и автоматизированные системы контроля, что свидетельствует о широком применении технологий в публичных финансах. Информационные системы управления общественными финансами, такие как «Электронный бюджет» и государственная автоматизированная информационная система «Управление», также играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и эффективности бюджетных правоотношений.

Налоговое право предлагает новые походы к решению вопросу цифровизации как инструмента регулирования, так Федеральный Закон от 27.11.2018 № 422 вводит льготный режим самозанятого в которым отношения по использованию режима полностью переведены на сайт/приложение в сети «интернет». В рамках налогового контроля можно видеть влияние цифровых технологий и рассматривать регулирование отношений, связанных с администрированием и мерами контроля. Например, введение в 2015 году налогового мониторинга. Он заменяет традиционные проверки на онлайн-взаимодействие на основе удаленного доступа к информационным системам налогоплательщика и его бухгалтерской и налоговой отчетности.

Банковское право в значительной мере опережает другие отрасли в процессе цифровизации. В условиях стремительного внедрения цифровых технологий в банковскую сферу финансовые учреждения активно адаптируют свои процессы, что требует соответствующих изменений в правовом регулировании. Цифровизация включает в себя внедрение онлайн-банкинга, мобильных приложений и новых платежных систем, таких как система быстрых платежей. Скорость цифровизации банковской отрасли во многом обусловлена традиционным большим влиянием рыночных отношений на общественные отношения. Так, например, развитие института цифрового кредитования обусловлено спросом на простоту оформления, что повлекло дальнейшую разработку внутреннего регулирования, а впоследствии — регулирования новых отношений в законодательстве. При этом процесс цифровизации банковской отрасли также имеет актуальные вопросы и проблемы. Например, в связи с распространением виртуальных магазинов и популярностью оплаты через интернет появились услуги «сплит», «долями» и другие, рекламируемые как рассрочка, но оформляющиеся в большинстве случаев как кредитный договор. Вследствие этого возникает вопрос, какие правила какого договора должны применяться или как прийти к новой договорной конструкции. Другим актуальным фактором является – цифровой рубль цифровая валюта на базе блок-чейн технологий.

В статье А.Г. Гузий и Т. Э. Рождественская отмечают, что в последние годы многие страны столкнулись с необходимостью трансформации существующих расчетных механизмов [5, с 1]. Снижение объемов наличных расчетов и рост интереса к электронным денежным средствам, особенно со стороны финтех- и бигтех-компаний, способствовали внедрению криптовалют в некоторых секторах экономики, что является одним из ключевых примеров цифровизации. Эти валюты стали популярными не только в теневой экономике, но и начали использоваться в рамках смарт-контрактов.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что цифровизация уже оказала значимое влияние на финансовые отношения, но еще находиться на этапе становления нормативного регулирования и интеграции цифрового инструментария.

В условиях цифровизации перед финансовым правом возникают важные вопросы, касающиеся регулирования новых общественных отношений и внедрения цифровых технологий, которые способствуют администрированию, финансовому контролю и надзору.

В контексте реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был разработан План мероприятий, включающий разделы, связанные с обеспечением правовых условий для внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке. Основное положение этого

направления связано с разработкой правовых инициатив, определяющих статус цифровых технологий в финансовой сфере и трактовку используемых понятий.

Необходимость формирования регуляторной среды в условиях цифровой экономики обусловлена появлением новых элементов, требующих финансового правового регулирования, а также трансформацией существующих объектов финансово-правовых отношений. В частности, появились термины, такие как «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт», которые требуют определения и регулирования.

При анализе влияния цифровизации на правовые формы важный вывод делает Н. Н. Черногор. Он указывает на то, что у традиционных формально-юридических источников права, таких как нормативные правовые акты и договоры, возникает «виртуальный дублер» или «цифровой двойник» [8, с. 97]. Этот двойник может полностью совпадать с официальным текстом, изданным в соответствии с установленными правилами, однако он может отличаться от оригинала. Это подчеркивает необходимость адаптации правовых норм к новым условиям, возникающим в результате цифровизации.

Отношения, связанные с блокчейн-технологиями, так как они имеют значительно больший охват общественных отношений в финансовом праве.

И.В. Лагкуева указывает, что блокчейн-технологии представляют собой цифровую базу данных, которая содержит записи о финансовых операциях и может быть одновременно использована и передана в рамках большой децентрализованной, общедоступной сети. Эта технология обеспечивает создание непрерывной цепочки блоков, где каждый блок содержит информацию о транзакциях и связан с предыдущим блоком с помощью криптографических хешей. В отличие от традиционных баз данных, записи в блокчейне нельзя изменить или удалить, что обеспечивает высокую степень прозрачности и надежности.

В контексте финансов блокчейн-технология может значительно изменить подходы к управлению государственными финансами. Применение децентрализации и криптографического хеширования позволяет создать неизменяемую и прозрачную историю всех финансовых операций, что способствует повышению уровня доверия к финансовой системе. Блокчейн также может использоваться для автоматизации процессов, таких как выполнение смарт-контрактов, что позволяет снизить издержки и повысить эффективность финансовых операций.

Кроме того, блокчейн-технология может быть полезна для улучшения финансового контроля и надзора, так как все транзакции фиксируются в реестре, доступном для проверки. Это создает возможности для более эффективного мониторинга использования государственных финансовых ресурсов и предотвращения коррупции, но одновременно потребует жесткого регулирования и изучени.

По мнению А. Г. Гузнова и Т. Э. Рождественской, признание цифрового рубля третьей формой денег потребует значительных изменений в правовом регулировании [5 с 3]. Цифровой рубль может рассматриваться как вид безналичных денежных средств, принимая во внимание, что он не имеет материального выражения и существует как обособленная информация. В этом контексте цифровой рубль будет рассматриваться как имущественное право и объект денежных обязательств, что подтверждает его статус законного средства платежа. Следовательно, отказ кредитора принять цифровой рубль в качестве средства платежа может привести к правовым последствиям, требующим дальнейшего анализа и уточнения норм гражданского законодательства.

Таким образом, блокчейн-технология представляет собой важный инструмент для трансформации публичных финансов в условиях цифровизации экономики, обеспечивая более высокий уровень прозрачности, безопасности и эффективности. Вместе с всеми преимуществами использования современных технологий, связано с значительными трудностями в правовом регулировании.

С точки зрения финансов возникает ряд вопросов, например, вопрос определения налогообложения при майнинге цифровой валюты. Одной из ключевых проблем является определение юрисдикции. Ввиду рассредоточения блоков во время проведения транзакций с использованием технологии блокчейн возможно пересечение правовых границ разных стран. Высока вероятность того, что транзакция попадет в сферу юрисдикции региона, в котором расположен хотя бы один узел блокчейна. Это создает сложности в правоприменении, так как разные юрисдикции могут иметь различные подходы к регулированию блокчейн-технологий и криптовалют, ее налогообложению. В РФ деятельность по майнингу криптовалюты являться налогооблагаемой деятельностью, при этом вопрос определения налоговой базы на текущей момент находиться в стадии формирования.

М. С. Волков анализирует расширение предметов регулирования, связанных с появлением новых объектов, таких как серверы и криптофермы [7. с. 27]. Он приводит примеры международного регулирования спорных вопросов и соотношение этих подходов с национальным законодательством. Волков приходит к выводу, что новые отношения имеют ряд факторов, требующих изучения и анализа при установлении наличия или отсутствия образования постоянного представительства. Однако, по сути, эти отношения могут быть урегулированы уже существующими нормами права.

Справедливо отмечают, что законодательный орган должен определить, является ли цифровизация фактором, изменяющим общественные отношения, или вносит лишь некоторые особенности в уже существующие отношения. В случае с образованием постоянных представительств серверы и криптофермы не имеют принципиальных отличий от других видов предпринимательской деятельности и могут быть урегулированы действующими правилами, например, ст. 306 НК РФ.

Разработка законопроектов, регулирующих данную сферу, вызвала дискуссии относительно определения понятий и применения правовых норм к ним. Основной спор развернулся вокруг терминов «криптовалюта» и «цифровые финансовые активы», «цифровая валяю», что подчеркивает сложность выработки понятийного аппарата для новых финансовых терминов.

Таким образом, необходимо дальнейшего изучения и анализа правовых норм в условиях цифровизации, что является актуальной проблемой для современного правоведения.

Как ранее указано, что помимо трансформации предмета финансового права, цифровизация является важным инструментом, способствующий регулированию, администрированию, финансового контроля.

Финансовый контроль - это регламентированная нормами права деятельность уполномоченных государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования в целях достижения стоящих перед обществом задач.

Классическая классификация финансового контроля выделяет внешний и внутренний финансовый контроль.

В контексте цифровых финансов финансовый контроль приобретает особую значимость, так как внедрение новых технологий требует постоянного мониторинга и оценки финансовых операций, что позволяет обеспечить законность и эффективность использования финансовых ресурсов. Как отмечает Е. Ю. Грачева, финансовый контроль прошел длительный период становления и развития, и его функции становятся особенно актуальными в условиях цифровизации, когда контроль за деятельностью государственных и муниципальных органов власти в рамках реализации финансовой политики требует адаптации к новым условиям.

В условиях цифровизации финансовый контроль претерпевает значительные изменения, обусловленные внедрением новых технологий и методов работы. Цифровизация позволяет автоматизировать процессы контроля, что повышает их эффективность и точность. В частности, использование аналитических инструментов и систем искусственного интеллекта способствует более глубокому анализу финансовых данных, что позволяет выявлять отклонения и нарушения в реальном времени. Как отмечает Л.Л. Арзуманова, автоматизация процессов финансового контроля не только ускоряет их выполнение, но и снижает вероятность человеческой ошибки, что является важным аспектом в условиях растущей сложности финансовых операций [1, с. 109].

Кроме того, цифровизация открывает новые возможности для внешнего и внутреннего контроля. Внешний контроль, осуществляемый государственными органами, может быть усилен за счет использования цифровых платформ для мониторинга исполнения бюджетов и отчетности. Это позволяет обеспечить большую прозрачность и доступность информации для всех заинтересованных сторон. Внутренний контроль в организациях также получает новые инструменты, такие как системы управления рисками и электронные базы данных, что способствует более эффективному управлению финансовыми потоками.

Важным аспектом цифровизации является развитие методов анализа больших данных, что позволяет контролирующим органам более эффективно выявлять аномалии и риски. Как подчеркивает Р. Е. Артюхин, использование технологий анализа данных в финансовом контроле способствует не только выявлению нарушений, но и прогнозированию потенциальных рисков, что позволяет принимать превентивные меры [1. с 110].

Цифровизация финансового контроля представляет собой важный этап в развитии системы управления финансовыми потоками и соблюдения законодательства. В условиях цифровизации необходимо адаптировать существующие методы и подходы, а также внедрять новые технологии, что способствует повышению эффективности и законности финансовых операций. Успешная реализация этих изменений зависит от готовности как контролирующих органов, так и экономических субъектов к внедрению инновационных решений и соблюдению новых стандартов финансового контроля.

На сегодняшний день подавляющее большинство хозяйствующих субъектов формирует информацию о своей хозяйственной деятельности, включая бухгалтерский и налоговый учет, в электронной форме. Эта информация служит основой для оценки соответствия деятельности действующему законодательству и иным нормативным правовым актам в процессе финансового контроля. Перевод финансовой информации в цифровой вид сокращает сроки ее представления по требованию проверяющих органов, ускоряет обработку данных как со стороны контролирующих лиц, так и подконтрольных субъектов, а также автоматизирует анализ с применением искусственного интеллекта.

Цифровизация также затронула процесс взаимодействия субъектов финансового контроля. Подконтрольные субъекты вправе передавать отчетность в контролирующие органы в электронной форме, а в некоторых случаях обязаны делать это исключительно в таком формате. Контролирующие органы могут направлять требования о представлении необходимых документов в электронной форме, что также ускоряет процесс взаимодействия.

Внедрение цифровых инструментов обратной связи, таких как личный кабинет налогоплательщика и кабинет контрольно-кассовой техники (ККТ), способствует не только ускорению коммуникации, но и изменению парадигмы общения между контролирующими и подконтрольными субъектами, создавая «среду доверия». Электронное взаимодействие осуществляется и между контролирующими орга-

нами, что позволяет формировать базы данных, информация из которых может потребоваться другим органам в процессе выполнения возложенных на них функций. Эта информация, как правило, передается в электронной форме, что дополнительно повышает эффективность финансового контроля.

В связи со всем вышесказанным, можно сделать вывод, что в современных условиях финансы играют ключевую роль в экономике, проходящей процесс цифровизации, и их правовые аспекты требуют особого внимания.

Трансформация экономических систем, особенно в условиях цифровизации, требует адаптации правовых норм к новым реалиям. Появление цифровой экономики, характеризующейся информатизацией и автоматизацией, создает новые вызовы для правовой системы, что требует пересмотра существующих норм, что проиллюстрирована в нормах бюджетного контроля.

В условиях цифровизации возникает потребность в разработке новых правовых норм, которые будут регулировать новые формы финансовых отношений, такие как электронные деньги и краудфандинг.

Правовые аспекты финансового права в современной экономике требуют постоянного обновления и адаптации к новым условиям. Это не только способствует более эффективному управлению государственными финансовыми ресурсами, но и повышает уровень доверия к финансовой системе в целом. Адаптация правовых норм к вызовам цифровой экономики становится необходимостью, что подчеркивает важность комплексного подхода к правовому регулированию в эпоху цифровых технологий.

Литература

1. Финтех-право: учебник / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. - М. : Издатель- ский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — 438 с. ISBN 978-5-907670-01-3.
2. Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования. Переработанное и дополненное издание. 6-е изд. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2023. 256 с. (Ab ovo). DOI 10.12737/2066409. ISBN 978-5-00156-319-8.
3. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография/ под общ. Ред. А. В. Минбалеева – М.: Проспект 2021 – 264
4. Актуальные проблемы блокчейн-технологий в финансовом праве : учебное пособие для магистратуры / под ред. Е. Ю. Грачевой, Л. Л. Арзумановой. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. - 96 с. ISBN 978-5-00156-108-8 (Норма).
5. Реализация проектов по ЦВЦБ идет полным ходом // Банкноты стран мира. — 2022. — № 8.
6. Рождественская Татьяна Эдуардовна Гузнов Алексей Геннадьевич Статья Правовое регулирование цифрового рубля Электронный ресурс. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovogo-rublya (дата обращения: 26.05.2025).
7. Волков М. С. Установление деятельности иностранной организации через зависимого агента на примере судебного дела ООО «КЭФ». Налоговая политика и практика. Учредители: Федеральная налоговая служба, Московский налоговый институт, ООО "Издательство экономико-правовой литературы", Главный научно-исследовательский вычислительный центр Федеральной налоговой службы. ISSN: 2071-5250. С. 26-29.
8. Хабриева Т.Я. Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018 № 1. С. 96-99

Legal aspects of financial law in the context of digitalization of the economy

Sorokin N.A.

LLC "CIS "Skolkovo"

The article is devoted to the legal aspects of financial law in the context of digitalization of the economy. In the context of the rapid development of the digital economy, there is a need to adapt legal norms to new realities. The main attention is paid to the transformation of the financial law sector against the background of the introduction of digital tools and the expansion of the subject of regulation associated with new social relations, and their impact on sub-sectors of law is also illustrated.

Keywords: financial law, digitalization, financial control, tax law, budget law, public finance, digital ruble.

References

1. Fintech Law: textbook / edited by E. Yu. Gracheva, A. A. Sitnik. - M.: Publishing Center of the O.E. Kutafin University (MSAL), 2023. - 438 p. ISBN 978-5-907670-01-3.
2. Gracheva E. Yu., Sokolova E. D. Financial Law: textbook for secondary vocational education. Revised and supplemented edition. 6th ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2023. 256 p. (Ab ovo). DOI 10.12737/2066409. ISBN 978-5-00156-319-8.
3. Mechanisms and models of regulation of digital technologies: monograph / edited by. A. V. Minbaleeva - M .: Prospect 2021 - 264
4. Actual problems of blockchain technologies in financial law: a textbook for the master's degree / edited by E. Yu. Gracheva, L. L. Arzumanova. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. - 96 p. ISBN 978-5-00156-108-8 (Norma).
5. The implementation of projects on the CBDC is in full swing // Banknotes of the countries of the world. - 2022. - No. 8.
6. Rozhdestvenskaya Tatyana Eduardovna Guznov Aleksey Gennadievich Article Legal regulation of the digital ruble Electronic resource. // Scientific electronic library "CyberLeninka". URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovogo-rublya (date of access: 26.05.2025).
7. Volkov M. S. Establishing the activities of a foreign organization through a dependent agent on the example of the court case of KEF LLC. Tax policy and practice. Founders: Federal Tax Service, Moscow Tax Institute, LLC "Publishing House of Economic and Legal Literature", Main Research Computing Center of the Federal Tax Service. ISSN: 2071-5250. P. 26-29.
8. Khabrieva T.Ya. Chernogor N.N. Law in the context of digital reality // Journal of Russian Law. 2018 No. 1. P. 96-99

Корпоративный договор как форма корпоративного контроля

Семкина Анна Сергеевна
главный юрисконсульт отдела международной работы Дирекции по правовому сопровождению бизнеса, АО «Почта России», semkinaas@bk.ru

Целью настоящего исследования является комплексный анализ корпоративного договора как правового института с акцентом на его функциональную роль в качестве договорной формы корпоративного контроля. Методология исследования включает догматический анализ норм гражданского законодательства, сравнительно-правовой метод, а также анализ судебной практики. В результате исследования автором установлено, что корпоративный договор представляет собой гибкий инструмент, позволяющий участникам хозяйственного общества (акционерам), а с 2014 года также кредиторам и иным третьим лицам («квазикорпоративный договор»), устанавливать согласованные механизмы воздействия на формирование воли корпорации и осуществление корпоративного управления. К таким механизмам относятся: согласованное голосование, опционные конструкции (опционы колл и пут) как санкции за нарушения, различные формы преимущественных прав. Доказано, что корпоративный договор является эффективной формой корпоративного контроля, способствующей распределению рисков, предотвращению корпоративных конфликтов и установлению баланса интересов. Результаты подтверждают возможность превалирования условий корпоративного договора над положениями устава в отношениях между его сторонами и обосновывают допустимость использования предусмотренных в нем конструкций в рамках диспозитивности гражданско-правового регулирования при соблюдении императивных норм закона.
Ключевые слова: корпоративный контроль, корпоративный договор, формы корпоративного контроля, корпоративное управление, опционы.

Введение

Корпоративный договор - очень гибкий инструмент, часто используемый в процессе создания и ведения совместной деятельности. В частности, распределение рисков между партнерами в связи с реализацией нового проекта, поэтапное приобретение стратегическим партнером полного контроля и единоличного участия в корпорации и т.д.

Материалы и методы

Методология исследования включает догматический анализ норм гражданского законодательства, сравнительно-правовой метод, а также анализ судебной практики. Автором использованы различные учебные пособия, учебники, научные статьи в области корпоративного права таких ученых как: Андреев В.К., Глухов Е.В., Лаптев В.А., Шиткина И.С., Шиткин А.О., и др., а также материалы релевантной судебной практики, в там числе Верховного суда Российской Федерации.

Результаты и обсуждения

До 2009 года в Российской Федерации не существовал такой правовой институт как корпоративный договор, при этом совместная деятельность и крупные проекты присутствовали. В связи с этим использовались механизмы конструирования совместной деятельности, а также и сделок с долями/акциями, выработанные в английском праве и подчинявшиеся ему: порядок проведения общих собраний, голосования по различным вопросам, выдвижение кандидатов в коллегиальные органы управления, в целях устранения тупиковых ситуаций предусматривались опционы на заключение договора купли-продажи долей/акций, ограничение отчуждения долей/акций, а также порядок реализации преимущественных прав и многое другое заимствовались в иных правовых системах [4].

Как указывали Андреев В.К., Лаптев В.А. «согласно статистическим данным на 2010 г. корпоративное управление в 31% публичных компаниях Бельгии было структурировано с помощью корпоративных договоров, в Италии таких компаний 23%, во Франции - 18%, в Испании - 13%, в Греции - 6%. В Литве по состоянию на 2012 г. таких компаний 21%, в Великобритании - 5%, в Бразилии в 2011 г. - 25%», то есть использование корпоративного договора как инструмента регулирования корпоративных правоотношений в иностранных юрисдикциях осуществляется давно [1].

Однако в Российской Федерации судебная практика того времени считала использование подобных конструкций противоречащими российскому национальному законодательству, в связи с чем корпоративные договоры, сконструированные в соответ-

ствии с английским законодательством, признавались недействительными [1]. Но потребность в реформировании гражданского законодательства уже начала формироваться. По итогу ответом на это стало введение сначала в специальное законодательство о хозяйственных обществах, а позднее в Гражданской кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), такого правового института как корпоративный договор. На сегодняшний день многие механизмы уже получили законодательное закрепление и широко применяются на практике, как и корпоративный договор.

Востребованность корпоративного договора, в том числе, обусловлена тем, что корпоративный договор, помимо средства корпоративного управления, представляет собой форму корпоративного контроля, то есть правовое средство (инструмент) [3], при помощи которого участник (акционер) хозяйственного общества или его кредитор получает возможность оказывать влияние на его волю при принятии корпоративных решений органами управления.

В силу положений статьи 67.2 ГК РФ участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

Из этого следует, что участники корпорации посредством заключения корпоративного договора могут закрепить определенное распределение их прав при принятии определенных решений, то есть формировании воли корпорации. Это позволяет нам сделать вывод о том, что корпоративный договор является одной из форм корпоративного контроля, в частности договорной, поскольку в основе возникновения или распределения контроля лежит соглашение.

Корпоративный договор также позволяет его сторонам перераспределять корпоративный контроль между собой. В результате чего может обеспечиваться согласованная позиция при принятии решений, т.е. формировании воли корпорации [6, с. 29]. В качестве примера можно привести установление обязанности голосовать определенным образом, поскольку именно права голоса имеют значение для определения волеизъявления общего собрания корпорации. При этом необеспеченная никакими санкциями обязанность не эффективна, что также не позволит должным образом защитить права и законные интересы иных сторон соглашения.

С целью предотвращения нарушений обязанностей по голосованию на общем собрании участников (акционеров) определенным образом, обязанности согласовывать вариант голосования с другими партнерами и проч. (например, один из участников (акционеров) нарушает свое обязательство в рамках корпоративного договора проголосовать за реализацию инвестиционного проекта или одобрение совершаемой сделки и т.д.) стороны корпоративного договора при согласовании его условий могут предусмотреть в нем опционные конструкции в качестве своеобразных санкций. То есть, в случае нарушения обязательства по голосованию или согласованию позиции по голосованию одной из сторон корпоративного договора, ненарушившая сторона получает право по своему выбору:

1) использовать свое право на опцион колл и потребовать, чтобы нарушившая сторона продала принадлежащие ей доли (акции);

2) воспользоваться опционом пут и таким образом продать принадлежащие ненарушившей стороне доли (акции) [4].

В рамках корпоративного договора «включение» опционов пут и колл также может быть обусловлено наступлением определенных обстоятельств (как правило негативных), что положительно воспринимается судами, так как суды идут по пути удовлетворения требований об обязании заключить договор на основании опциона. Данные выводы находят подтверждение в следующих судебных делах:

- Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 № Ф01-2352/2017 по делу № А11-3028/2016. Примечательно, что в указанном деле не заключение договора в случае наступления условия для заключения опциона – колл – «…если совокупная EBITDA общества за период с 01.01.2013 по 31.12.2014 не достигнет показателей, указанных в пункте 6.5.2…» обеспечено дополнительной санкцией – «…твердую денежную сумму в размере 100 000 руб. за каждый день просрочки заключения договора купли-продажи по вине заявителей»;
- А также Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.03.2025 № Ф05-1676/2025 по делу № А40-90431/2024.

Дефиниция корпоративного договора сформулирована открыто в отношении осуществления прав участников (акционеров), что позволяет им также устанавливать дополнительные права, в том числе преимущественные права участников (акционеров) в случае отчуждения доли/акций одним их них. Так, в настоящее время в корпоративном договоре может быть закреплен реализации преимущественного права, который может состоять из нескольких элементов:

1) право первого предложения (right of first offer);

2) право первого отказа (right of first refusal);

3) право совместной продажы долей/акций третьим лицам принадлежащих миноритарным участникам (акционерам) долей/акций с мажоритарными участниками (tag along);

4) понуждение миноритарных участников (акционеров) к продаже принадлежащих им долей/акций в пользу третьего лица совместно с мажоритарным участником (drag along) [4].

Возникает вопрос возможности использование указанных механизмов. На наш взгляд при ответе на поставленный вопрос необходимо исходить из общих положений гражданского права. А именно, согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ корпоративные правоотношения регулируются гражданским законодательством Российской Федерации, которое имеет дозволительный метод правового регулирования, то есть субъектам предоставлены широкие возможности в отношении регламентации их правоотношений, разумеется, в пределах, установленных императивными нормами. В отношении хозяйственных обществ такая свобода усмотрения обеспечивается посредством использования устава, внутренних документов, корпоративного договора. Законодательство в свою очередь допускает установление иных (дополнительных) прав участников (п. 12 ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

В отношении непубличных акционерных обществ закон также предусматривает «включения» права преимущественной покупки акция, то есть акционеры могут установить обязанность его соблюдения по своей воле (п. 3 ст. 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). При этом в отношении обществ с ограниченной ответственностью исключение права преимущественной покупки не допустимо.

С 2014 года, посредством Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», законодатель ввел возможность заключения корпоративного договора не только между участниками корпорации, но и третьими лицами, в том числе кредиторами корпорации. Указанная договорная конструкция не является в чистом виде корпоративным договором, в теории его называют «квазикорпоративный» договор [7]. Тем не менее, это позволяет говорить о том, что корпоративный контроль может быть установлен третьим лицом, и, следовательно, оно может оказывать влияние на формирование воли корпорации и ее деятельность в целом (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ). Это позволяет сделать вывод о том, что корпоративный договор является формой корпоративного контроля не только со стороны участников корпорации, но и третьих лиц, как правило, кредиторов.

Важно отметить, что пункт 6 статьи 67.2 ГК РФ предусматривает механизм защиты прав и законных интересов сторон корпоративного договора в случае его нарушения, а именно, путем признания недействительным решения органа хозяйственного общества по иску стороны этого договора при условии, что на момент принятия органом хозяйственного общества соответствующего решения сторонами корпоративного договора являлись все участники хозяйственного общества. При помощи указанного механизма участник корпоративного договора может оспорить решение общего собрания тем самым повлияв на корпорацию.

При этом законодателем также установлен механизм защиты прав стороны корпоративного соглашения на случай, если одна из его сторон совершит сделку, которая нарушает его условия. Такая сделка, может быть признана судом недействительной по иску участника корпоративного договора только в случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, предусмотренных корпоративным договором.

Положения корпоративного договора могут, в том числе, превалировать над уставом корпорации. Данный вывод следует из пункта 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которым установлено правило об отсутствии у стороны корпоративного договора права ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. Такая сторона в данном случае может предъявить своему оппоненту требование, основанное на корпоративном договоре. Однако, на наш взгляд, примат корпоративного договора над уставом допустим только в отношениях между сторонами первого.

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что корпоративный договор является законодательно закрепленной договорной формой корпоративного контроля. Он позволяет участникам корпорации, ее кредиторам и иным третьим лицам влиять на ее деятельность, формирование воли и волеизъявление определенным образом, который будет закреплен в соглашении между ними.

В целом, на данном этапе в науке корпоративного права постепенно появляются исследования корпоративного и квазикорпоративного договоров как форм корпоративного контроля. Например, Д.Р. Арнаутов, О.В. Осипенко, выделили акционерное соглашение и соглашение об осуществлении прав участников ООО, квазикорпоративные соглашения в качестве договорных форм корпоративного контроля[2;5].

Данная форма корпоративного контроля является наиболее популярной и действенной, и широко применима на практике. Это обусловлено тем, что она предполагает установление разумного баланса интересов участников корпорации. Более того, с помощью корпоративного договора возможно, в том числе, минимизировать риски корпоративного конфликта, что благоприятно скажется на функционировании бизнес-процессов корпорации. А также в силу диспозитивности правового регулирования корпоративных отношений и корпоративного договора, допустимо применение различных правовых конструкций и преимущественных прав, направленных на эффективное взаимодействие сторон и достижение цели регулирования совместной деятельности.

Литература

1. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография (3-е издание, переработанное и дополненное)/Андреев В.К., Лаптев В.А. Проспект, 2023. - Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Арнаутов Д.Р. Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. Москва: Статут, 2022. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]/Глухов Е.В. М-Логос, 2017. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Осипенко О.В. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Установление корпоративного контроля (книга 1) // Статут. 2013. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Шиткин А.О. Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения // дис. …канд. юрид. наук. М. 2020. 245с.
6. Шиткина И.С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». - Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Corporate agreement as a form of corporate control

Semkina A.S.
JSC «Russian Post»

This study aims to conduct a comprehensive analysis of the corporate agreement as a legal institution, focusing on its functional role as a contractual form of corporate control. The research methodology encompasses dogmatic analysis of civil law provisions, comparative legal method, and analysis of judicial practice. The author establishes that the corporate agreement serves as a flexible instrument enabling participants (shareholders) of a business entity, and since 2014 also creditors and other third parties («quasi-corporate agreement»), to establish coordinated mechanisms for influencing corporate decision-making and corporate governance. These mechanisms include coordinated voting, option structures (call and put options) as sanctions for breaches, and various forms of pre-emptive rights. It is proven that the corporate agreement constitutes an effective form of corporate control, facilitating risk allocation, prevention of corporate conflicts, and balancing of interests. The results confirm the potential supremacy of corporate agreement terms over charter provisions in relations between its parties and substantiate the admissibility of employing the contractual structures it provides within the dispositive framework of civil law regulation, subject to compliance with mandatory statutory norms.

Keywords: corporate agreement, corporate control, forms of corporate control, corporate governance, options.

References

1. Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia: monograph (3rd edition, revised and supplemented) / Andreev V.K., Laptev V.A. Prospect, 2023. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus"; Arnautov D.R. Forms of creditor participation in corporate management of a debtor corporation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 7. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
2. Gentovt O.I. Limitation of corporate rights as a means of ensuring the interests of participants in business entities: monograph. Moscow: Statut, 2022. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
3. Glukhov E.V. Corporate Agreement: Preparation and Coordination When Establishing a Joint Venture [Electronic publication] / Glukhov E.V. M-Logos, 2017. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
4. Osipenko O.V. Corporate Control: Expert Problems of Effective Management of Subsidiaries. Establishment of Corporate Control (Book 1) // Statut. 2013. - Access from the reference legal system "Consultant-Plus".
5. Shitkin A.O. Corporate Control under the Law of Russia and the USA: Concept, Grounds and Legal Consequences of Emergence // Dis. ... Cand. of Law. M. 2020. 245 p.
6. Shitkina I.S. Scientific and Practical Commentary on the Federal Law "On Limited Liability Companies". - Access from the legal reference system "ConsultantPlus".